

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE



2 (16)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
А. В. МИШУЛИН



ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В НОВОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Принятый Верховным Советом СССР Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. — документ громадного значения. «Пятилетний план, обеспечивая восстановление и развитие народного хозяйства СССР, в то же время возобновляет тот путь развития советского общества, который был намечен XVIII съездом ВКП(б), но временно прерван вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Этот путь предусматривает завершение строительства бесклассового социалистического общества и постепенный переход от социализма к коммунизму. Он предусматривает решение основной экономической задачи СССР — догнать и перегнать главные капиталистические страны в экономическом отношении, т. е. в смысле размеров промышленного производства на душу населения» (из доклада тов. Вознесенского на первой сессии Верховного Совета СССР).

Новый пятилетний план являет всему миру силу и мощь Советского государства, советского общественного строя, социалистической системы хозяйства; он демонстрирует великую, непобедимую силу марксистско-ленинской теории, воплощенной в генеральной линии партии, ведущей советский народ к новым победам. Пятилетний план — новое яркое свидетельство могучего гения товарища Сталина, который вывел народы Советского Союза в ореоле славы из тягчайших испытаний и ведет их к великой цели — к победе коммунизма.

Сила и жизненность пятилетнего плана в том, что весь советский народ, миллионы трудящихся нашей страны видят в нем свое кровное дело, свою боевую программу труда для дальнейшего роста благосостояния и культуры трудящихся, на благо будущим поколениям, во имя достижения великих общественных идеалов. Реальность пятилетнего плана определяется также тем, что в основе его лежит марксистско-ленинская наука и для осуществления его мобилизуются, выращиваются и используются научные силы. Достаточно указать, что пятилетний план предусматривает «выпуск оканчивающих высшие учебные заведения молодых специалистов в количестве 602 тысяч человек».

В основе пятилетнего плана развития советской науки лежат указания товарища Сталина о значении науки, о направлении и темпах ее роста.

В своем выступлении перед избирателями 9 февраля 1946 г. товарищ Сталин особо отметил роль и значение науки. «Я не сомневаюсь, — сказал товарищ Сталин, — что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Окрыленные этим высоким доверием, ученые всех специальностей с воодушевлением и энергией взялись за развертывание научных исследований по всем отраслям знания, чтобы

проявить в условиях мирного строительства ту же оперативность и действенность, благодаря которым советская наука внесла столь важный вклад в дело разгрома германского фашизма.

Ответственные задачи стоят также перед исторической наукой. Советская историческая наука, имеющая под собой прочную базу марксистско-ленинской теории, может и должна «превзойти достижения ученых за пределами нашей страны». Путь указан товарищем Сталиным. История должна стать «такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»¹. Основоположники марксизма-ленинизма дали непревзойденные образцы исследования и познания законов истории. Сто лет назад Маркс и Энгельс научно обосновали и доказали историческую необходимость конечной победы коммунизма. Руководимая Лениным и Сталиным, поднявшими на новый этап марксистскую теорию, распознавшими, изучившими и применившими на практике новые исторические закономерности, партия большевиков повела массы на штурм капитализма и построила бесклассовое социалистическое общество на шестой части земной суши. Глубокое проникновение в движущие силы и законы истории позволило товарищу Сталину в минуту грозной опасности уверенной рукой вести советский народ к блистательной победе над гитлеровской Германией и империалистической Японией. В гениальных трудах классиков марксизма-ленинизма советская история получает руководящие указания о том, куда должны быть направлены ее творческие усилия.

Конечно, исторические закономерности познаются не абстрактно, а в анализе конкретной исторической действительности. Товарищ Сталин учит нас, что «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества»². Только на этой базе возможно построение правильной истории народов, эпох, отдельных событий во всем их конкретном своеобразии. Только марксистско-ленинская методология делает историю подлинной наукой.

В изучении истории, в познании исторических закономерностей немалое значение имеют и древняя история и ее родная сестра—археология.

Исследование древней истории необходимо не только для знания прошлого, но и для понимания настоящего и прогноза будущего. Известно, какое место занимало исследование общественных отношений в древности в трудах Маркса и Энгельса. Чтобы уяснить происхождение производственных отношений капиталистического общества, Маркс подвергает анализу предшествующие социально-экономические формации и специально исследует «формы, предшествующие капиталистическому производству». Происхождение семьи, частной собственности и государства в далекой древности Энгельс считает вопросом, затрагивающим непосредственно интересы рабочего класса. Лекцию о государстве Ленин начинает с анализа древних форм государства, указывая, что при научном подходе к вопросу надо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³.

В этом аспекте проблемы древней истории и археологии продолжают оставаться актуальными. Возьмем, например, национальный вопрос. «На-

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544.

² Там же, стр. 552.

³ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 364.

ция,—указывает товарищ Сталин,—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹. Очевидно, в определении и самоопределении наций необходимо исследовать исторически сложившуюся общность, исторические условия, создавшие психический склад, общую культуру данного народа, а это уводит подчас в глубокую древность.

Весьма актуален вопрос об истории демократии, ее прогрессивной роли в истории, о ее борьбе против режима насилия и угнетения народных масс. С этим связан вопрос и о государстве, истории которого основоположники марксизма-ленинизма уделяют много внимания. Изучение генезиса государства и его исторических форм необходимо для понимания сущности нового, невиданного в истории Советского государства. Энгельс в «Анти-Дюринге» отмечает (изд. 1938 г., стр. 190), что «всюду, где внутренняя государственная власть какой-либо страны вступала в антагонизм с ее экономическим развитием, как это на известной ступени развития бывало до сих пор почти со всякой политической властью,—там борьба всякий раз оканчивалась низвержением политической власти. Всегда, без исключения экономическое развитие беспощадно пролагало себе путь». Несокрушимая мощь Советского государства определяется тем, что это государство, представляющее и защищающее интересы всего народа, не может вступить в антагонизм с экономическим развитием; оно своей хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работой производит мощное воздействие на постоянный беспредельный подъем производительных сил, на неуклонный рост благосостояния масс и расцвет их культуры.

В настоящее время представляет особый интерес изучение истории международных норм права, идей гуманности и справедливости в отношениях между государствами и народами. Древняя история может дать интересный и поучительный материал по этому вопросу.

Большое теоретическое значение имеет исследование процесса разложения рабовладельческой социально-экономической формы и ее революционной смены более прогрессивной формой общества. Это необходимо для углубленного познания основных закономерностей прогрессивного движения человеческого общества. Эта тема в целом еще у нас не изучена, хотя многое сделано в исследовании частных вопросов социальной борьбы в древнем мире. В частности, мало сделано в изучении социальных идей древности и их исторической роли.

История древности помогает установить роль отдельных народов в истории человеческой культуры, оценить их вклад в общее дело культурного развития.

Особенной важности проблемы древней истории и археологии связаны с историей нашей родины: происхождение восточных славян и их государственности, преемственность между цивилизацией и культурой восточных славян, с одной стороны, и культурой сармат и скифов, с другой, что может быть прослежено археологически до неолита; древняя история народов Средней Азии, Кавказа и Закавказья составляет нераздельную часть древней истории средиземноморского бассейна, а Северное Причерноморье изучается в системе истории античности.

Помещенный в настоящем номере нашего журнала проект перспективного плана научно-исследовательской работы сектора древней истории Института истории АН СССР охватывает интересный круг вопросов: 1) международные связи в древности; 2) формы рабства и роль общины в стра-

¹ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос. Партиздат, 1938, стр. 6.

нах классического Востока; 3) проблемы социально-экономической истории стран эллинистического Востока; 4) проблема древневосточного и античного государства; 5) социальное движение и классовая борьба в период кризиса рабовладельческой системы; 6) разложение рабовладельческого общества и возникновение форм колонатной зависимости; 7) идеологический кризис античного мира; 8) скифская и греческая культура в Причерноморье.

К сожалению, история древнего Востока, неразрывно связанная и тесно переплетающаяся с античной историей, особенно после открытий последних десятилетий, не входит в программу Института Истории АН СССР. Возможно, этим объясняется, что в проект сводного плана Академии Наук включена по существу лишь одна работа по истории древнего Востока — «История державы Ахеменидов» акад. В. В. Струве (срок 1950 г.). В проекте не отражены узловые проблемы истории древнего Востока — история непосредственных производителей, история общины, возникновение и формы государства, генезис феодализма; между тем, без решения этих проблем нельзя понять до конца ни средневековой ни новой истории стран Ближнего и Среднего Востока.

Круг проблем, изучение которых предусматривается проектом плана сектора древней истории, интересен и достаточно обширен. Однако при конкретизации отдельных подлежащих исследованию тем по каждой проблеме называется 3—5 тем, — всего 31 тема, — что представляется явно недостаточным. Фактическая же реализация такого плана силами сотрудников сектора древней истории сводится всего к пяти работам. Таким образом, проект, включающий и монументальные работы (например, издание «Свода литературных и эпиграфических памятников о Скифии»), остается в значительной части декларативным. Конечно, сектор древней истории Института Истории АН СССР может рассчитывать только на свои силы. Но Академия Наук в целом, в перспективный план которой включается и план работ по древней истории, может и должна учесть также научные силы, имеющиеся в других институтах и учреждениях АН, и в этом случае в реализации широко задуманного плана могут быть достигнуты гораздо большие успехи. Мало того, Академия Наук СССР, как ведущий научный центр в нашей стране, могла бы взять на себя координацию научной работы по древней истории работников вузов, Академий Наук союзных республик и таких научных учреждений мирового значения, как Государственный Эрмитаж, Музей изобразительных искусств и др.

Но и проект сводного плана Академии Наук СССР включает всего пять работ по античной истории, в том числе труд акад. Р. Ю. Виппера — «Просветительный век Римской империи». Конечно, сводный план Академии Наук не является простой суммой планов отдельных институтов и учреждений Академии Наук; в него включаются лишь основные работы, издание которых должно быть осуществлено в течение пятилетки. Все же необходимо отметить, что в плане отражены работы только небольшой группы московских ученых.

Во всяком случае очевидно, что реализация интересного пятилетнего плана связана с проблемой кадров, которая должна быть разрешена в соответствии с намеченным планом научно-исследовательских работ, без чего план повисает в воздухе. Отсутствие в Академии учета кадров по древней истории, правильной их организации, несомненно, может помешать выполнению планов.

Пятилетний план Института Истории Материальной Культуры АН СССР (ИИМК), помещаемый в сокращенном виде в нашем журнале, охватывает большую программу полевых исследований и печатных трудов. В ближайшее пятилетие задачи ИИМК согласно плану заключаются:

«в расширении знания истории народов СССР путем изучения разделов ее, не освещаемых письменными источниками, причем точное хронологическое соотношение археологических фактов приобретает решающее значение;

в решении вопросов происхождения этнических групп и современных народов Советского Союза и их культуры, обращая особое внимание на проблему восточного славянства в исследовании условий сложения и истории древнейших государств на территории СССР;

в выяснении роли древнейших обитателей СССР в культурно-историческом развитии древнего мира и Средневековья».

Содержание этого плана археологических исследований раскрывается в перечислении проблем, подлежащих изучению. Проблемы эти многочисленны, разнообразны и интересны, поскольку они связаны с исследованием и решением важных исторических вопросов. Таковы проблемы «состава населения Восточной Европы и его культурно-исторических различий», «становления скифского государства», проблемы «хорезмской, согдийской и парфянской культуры на различных ступенях их развития», «этногенеза и древнейшей истории славянства», «древнерусского города».

Для разработки намеченных в плане проблем предусмотрено организовать в течение в 1946—1950 гг. в общей сложности 47 экспедиций и написать больше 60 исследований, не считая завершения уже начатых капитальных работ по археологии Москвы, по изданию сводного курса русских древностей (VI—XIII вв); третьего тома *IOSPE* и переизданию *Scythica et Caucasica* В. В. Латышева. Для работы по истории культуры древнего Востока предусмотрено использовать и музейный материал.

Реализация общих задач, намеченных ИИМКом, не может быть завершена в короткий срок; кроме того, хотя ИИМК обладает значительным числом высококвалифицированных работников, он не может взять на себя решение всех стоящих перед советской археологией задач. Поэтому конкретный план полевых исследований и научных работ, значительная часть которых включена в сводный план Академии Наук СССР, лишь в небольшой степени обеспечивает разрешение перечисленных в плане проблем. Очень жаль, что указанная во введении к плану задача—«исследование условий сложения и истории древнейших государств на территории СССР» не нашла отражения в конкретных разделах и пунктах как раз по важнейшей проблеме—возникновения русской государственности. Между тем именно сюда прежде всего должно быть направлено внимание наших археологов, исследования которых уже дали немало материалов и плодотворных идей для научной постановки и изучения этой важнейшей проблемы. «Работа по скифско-сарматской археологии» представлена в плане всего четырьмя темами, из коих две, как оказывается, не будут выполнены в текущей пятилетке и переходят на следующее пятилетие. В части, где намечены исследования истоков русского государства, план требует определенной перестройки.

В последние годы советские археологи добились выдающихся успехов благодаря тому, что сумели отрешиться от узости собирательства и поднять археологию на уровень подлинно исторической дисциплины. Работы Б. А. Куфтина, П. П. Пиотровского, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и многих других не только обогатили археологию новыми материалами, но внесли ценный вклад в историческую науку. Именно в этой тесной связи между археологией и историей залог успеха и роста археологической науки, без помощи которой не могут быть удовлетворительно разрешены важнейшие вопросы древней истории нашей родины. Конечно, специальная задача археологии—добывание и исследование вещественных памятников прошлого—не может быть отодвинута на задний план; но

она не должна быть самоцелью. Следует постоянно помнить, что на археологию давно уж перестали смотреть как на вспомогательную дисциплину, поставляющую материал для историков; она достаточно развилась и окрепла, чтобы самой ставить и решать исторические проблемы, пользуясь своим особым материалом, но привлекая и письменные источники, получающие иной раз новое освещение благодаря археологическим материалам.

Поэтому нельзя считать удачным, что подавляющее большинство конкретных тем, представленных в плане ИИМКа, связаны только с экспедициями. Освоение и изучение накопленного громадного старого археологического материала и археологической литературы, новые исследования на основе этих материалов прямо планом не предусмотрены. Между тем это самостоятельная важная задача. Многочисленные памятники, заполняющие архивные фонды музеев и институтов, не подвергшиеся обработке и исследованию, должны быть вовлечены в научный обиход. Да и ценность новых археологических материалов возрастает многократно, когда они включают-ся в большой круг ранее добытых материалов.

ИИМК—ведущий археологический институт в СССР; в его составе имеется большое число крупных ученых, получивших заслуженное признание и за пределами нашей страны. У него обширный диапазон научных интересов и широкий размах исследовательских начинаний. И тем не менее в проекте пятилетнего плана ИИМК дает себя знать известная ограниченность, вызываемая тем обстоятельством, что ИИМК, хотя и самое крупное, но не единственное учреждение в СССР, занимающееся археологическими исследованиями. Институты Академий Наук союзных республик, музеев, университеты, краеведческие организации ведут археологические работы на свой риск и страх, их планы составляются без достаточного учета работ, предпринимаемых другими археологическими учреждениями, без отчетливой перспективы, без четкой координации и разделения труда.

В тезисах к докладу акад. И. И. Мещанинова на Всесоюзном археологическом совещании в феврале—марте 1945 г. отмечается, что «первая реальная попытка такого планирования в пределах РСФСР была выполнена на музейном совещании, созванном в Москве в 1939 г. Музейным отделом Наркомпроса РСФСР. Однако работа по этому плану фактически осуществлена не была». Представленные Всесоюзному археологическому совещанию перспективные планы на 1945—1949 гг. крупнейших археологических научно-исследовательских институтов и музеев «имеют ряд крупных недостатков, проистекающих от отсутствия единого общесоюзного плана археологических работ». «В представленных планах не отражены общность археологии СССР и сознание необходимости изучить прошлое нашей родины не краеведчески, не замыкаясь в узких административных границах, а во всей широте общих научных интересов народов Союза ССР». В резолюциях Совещания по всем докладам отмечалась необходимость единого планирования археологических исследований. В частности, по докладу акад. И. И. Мещанинова Совещание признало необходимым «в дальнейшем археологические исследования в СССР проводить по заранее составленному общесоюзному перспективному плану, который мог бы служить основой для составления пятилетних и годовых планов археологических учреждений СССР и союзных республик».

Понятно, что для такого общесоюзного планирования должны быть созданы соответствующие организационные формы; Совещание разработало проект организационных мероприятий в этом направлении и представило их в Президиум Академии Наук СССР.

С тех пор прошло больше года, но решения Всесоюзного археологического совещания, направленные к улучшению и подъему археологической

работы в СССР, не реализованы. В результате, пороки планирования, мешавшие успешной работе археологических учреждений, не устранены. Это будет досадной помехой при выполнении пятилетнего плана по археологии.

Проекты пятилетнего плана исторических и археологических исследований в их конкретном выражении не отражают в достаточной мере тех широких задач, которые стоят перед нашей исторической наукой. В них не учтены также важные проблемы организации научных исследований, а без разрешения этих проблем реализация планов не может быть успешно завершена. Эти планы кладутся в основу общего пятилетнего плана АН СССР, мощного руководящего научного центра и организатора научно-исследовательской мысли в СССР. Это ко многому обязывает. Пятилетний план народнохозяйственного развития в СССР в 1946—1950 гг. — прекрасный образец мудрого планирования, научно обоснованного и отражающего возросшую силу нашего социалистического государства, нашей советской системы. По этому плану должны равняться и планы отдельных научных учреждений: в четкости поставленных задач, в единстве цели, в отчетливости общей перспективы, в систематической подготовке условий для успешной реализации плана.

В приказе 1 мая 1946 г. товарищ Сталин говорит: «Можно надеяться, что советские люди, во главе с коммунистической партией, не пожалеют сил и труда для того, чтобы не только выполнить, но и перевыполнить новую пятилетку». Советские ученые, воодушевленные грандиозной программой роста и расцвета социалистической родины, с радостью отдадут свои силы на выполнение стоящих перед ними задач. Ясность и четкость плана — одно из необходимых условий успеха.





О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «KAL» В ДРЕВНЕШУМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Акад. А. И. Тюменев

Для решения проблемы способа эксплуатации непосредственного производителя в Двуречье в шумерскую эпоху вопрос о значении термина «каль» имеет самое существенное значение. Этим термином в документах третьей династии Ура, дающих наиболее полное представление о хозяйственной системе древнего Шумера, обозначаются люди, работавшие в царском и храмовом хозяйствах, а также привлекавшиеся на строительные и другие работы общегосударственного значения; таким образом, правильное понимание этого термина очень важно для установления способа эксплуатации в эту эпоху в истории древнего Двуречья. Достаточно указать, что отчасти на основании именно этого термина академик В. В. Струве считал возможным писать о «рабовладельческой латифундии» в Шумере¹.

Толкование термина «каль», как «раб», далеко не является общепринятым. Можно сослаться только на мнение Бартона, Деймеля и Гоммеля, причем в отношении Деймеля ссылка, во всяком случае, является не совсем точной². Характерно, что все издатели текстов, в которых идет речь

¹ Названные документы времени третьей династии Ура прежде всего документы, изданные Женульком (*Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our*, Paris, 1922, №№ 5675, также 5674, 5676 и др.), широко были использованы акад. Струве уже в его первой работе, посвященной вопросу о рабовладении на древнем Востоке («Проблема возрождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока» — в «Известиях ГАИМК», выпуск 77, 1934 г.), затем в специальных статьях: «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура» в «Сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга», 1934 г. и «Еще раз о рабовладельческой латифундии III династии Ура» в «Проблемах истории докапиталистических обществ», 1934 г., № 7—8, стр. 214—222, (возражение на критику акад. Н. М. Никольского).

² В изданном Деймелем словаре шумерского языка более чем на сто примеров различных значений термина «каль» только в одном случае, и притом с ссылкой на один единственный текст, Деймель переводит термин «каль» словом «раб» (*A. Deimel, Sumer. Lexicon, Rom, 1925, стр. 560, № 322, II*). Однако, поскольку и в этом единственном примере «каль» сопоставляется с «гуруш», термином, который еще менее может иметь значение «раб», даваемый Деймелем перевод уже по одному этому представляется сомнительным. Напротив, там же в нескольких случаях Деймель дает перевод термина «каль», как «наемный рабочий», «работник», см. под тем же 57 сл. 90 сл. Наконец, в специальной статье о сельском хозяйстве в Шумере (*RA, I, 1, Berlin—Leipzig, 1928, стр. 18—19*) он дает характеристику этого последнего, совершенно обратную точку зрения акад. Струве. Приведу это характерное место в оригинале: «Das Nig-en-na-Land liess der Tempel nicht durch Sklaven bewirtschaften... Die Bewirtschaftung desselben geschah durch die Tempelangestellten, welche ein Stück Tempelland als arbeitslos erhielten und damit die Verpflichtung übernahmen einen Teil des Nig-en-na-Landes mitzubebauen. Während dieser Arbeit erhielten sie natürlich vom Tempel Beköstigung».

о «каль», приходят к иному выводу в отношении толкования этого термина. Так, М. В. Никольский, издавший особенно значительное число документов, в которых встречается термин «каль», видит в них «группы барщинных людей, призываемых к отбыванию тех или других повинностей, по всем признакам, государственного характера». К такому же, хотя и менее четко выраженному, выводу приходят и издатели других аналогичных текстов из того же архива города Уммы. Контено определяет положение «каль» как положение людей, оплачиваемых за выполняемые работы, или, просто, людей, подлежащих повинности (*contribuables*). Это земледельцы (*апин*) или пастухи быков (*саг-руд*), которые работают небольшими партиями под руководством особых надзирателей (*па*). Даже служанки (*пим*) имеют своих «па»¹. Наконец, и Жёнульяк видит в перечисляемых в этих текстах «каль» и «угиль» не рабов, а работников, привлеченных (*engagés*) на работы².

В дополнение к приведенным толкованиям термина «каль» можно сослаться еще на Легрена, который, говоря о совершенно тождественных хозяйственных порядках Ниппура (Дрехем) той же эпохи, приходит к аналогичному заключению. Он определяет положение сгруппированных в небольшие партии рабочих как положение «барщинников» (*servéables*)³.

И в советской науке толкование акад. Струве термина «каль» встретило серьезные возражения со стороны акад. Н. М. Никольского⁴. Акад. Никольский приходит к выводу, что документы не дают никаких оснований считать «каль» рабами и что в них следует видеть «общинников, привлеченных к работам на дом царя».

Первоначальное значение термина «каль», не вызывающее вообще сомнений⁵, никакого отношения ни к рабству, ни к рабскому положению не имело. Термин «каль» означал вообще «сильного», именно взрослого человека. Поскольку этому термину противостоят, с одной стороны, термин «думу» — «сын», «мальчик», с другой, «абба» — «отец», «старейшина», такое значение всех этих терминов, повидимому, имело непосредственное отношение к первоначальному делению общины на возрастные классы (такое значение, как увидим ниже, сохранили и соответствующие термины семитического языка). В таком случае термин «каль» должен был употребляться для обозначения взрослого члена общины, общинника. И в этом именно значении он и встречается в древнейших текстах из Шуруппака⁶. В этих текстах термин «каль» употребляется одинаково

¹ Contenu, Contributions à l'histoire économique d'Umma (Bibl. de l'école des hautes études. Sciences philologiques et historiques. Fasc. 219. Paris. 1915, стр. XXXVIII).

² H. de Genouillac, Notes sur les textes économiques d'Umma, «Babyloniaca», VIII (1924), стр. 44—45.

³ L. Legrain, Le temps des rois d'Our (Bibl. de l'école des hautes études, fasc. 129, Paris 1912, стр. 38).

⁴ «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934 г., №7—8, стр. 207—210; его же, статья «Рабство в древнем Двуречье», ВДИ, 1941, № 1, со специальным экскурсом, посвященным именно определению значения термина «каль», стр. 52 сл.

⁵ В том числе и со стороны акад. Струве, см. его статью «Рабство в древнейшем Сумире» (Очерки социально-экономической истории древнего Востока, ИГАИМК, 1934, вып. 97, стр. 15).

⁶ Время этих текстов относится, повидимому, к началу третьего тысячелетия. Издатель текстов из Фары (Шуруппака) Деймель относит их ко времени па 100—200 лет ранее Урнны. «Ausgrabungen der deutschen Orientgesellschaft in Fara und Abu-Katab. Die Inschriften», herausgegeben von A. D e i m e l. I. Liste der arch. Keilschriftzeichen, Leipzig, 1922, стр. 3—5, III. Wirtschaftstexte aus Fara; Leipzig, 1924, стр. 1. U n g e r (ZA. 34, Heft 4) находит эту дату слишком ранней и относит тексты из Фары ко времени незадолго до Урукagina.

для обозначения общинников и как воинов и как сельскохозяйственных рабочих¹.

С другой стороны, для выражения понятия «раб» применялся другой специальный изначальный термин, именно слово «арад», причем происхождение идеограммы, передававшей этот термин, не оставляет сомнения в том, что им обозначался именно раб—военнопленный. Идеограмма эта, первоначально писавшаяся (1*)², (2, 3)³ затем (4)⁴ и, наконец, в еще более позднем написании (5)⁴ и (6)⁵, происходит из соединения двух идеограмм: (7) или (8)—uš, kita=«мужчина», «человек» (соответствует семитическому zakaḡu⁶) и (9) идеограммы, семантика которой (этой идеограммой обозначались одновременно слова «страна», «гора», «восход солнца» и глагол «завоевывать»⁷) указывает на завоевание восточной горной страны. Из этого можно заключить, что первоначальное значение слова «арад» было: «человек завоеванной горной восточной страны», что вполне соответствует тому историческому факту, что рабы в древнем Шумере поставлялись преимущественно из горной страны востока—Элама⁸.

Термину «арад» соответствует термин «гим» или «геме»—также «амат»—«рабыня», идеограмма которого (10) также образована из соединения женского детерминатива (11)⁹ и той же идеограммы (9), обозначающей горную страну востока¹⁰.

Рядом с термином «арад» для обозначения понятия раба употреблялся также и другой, менее определенный, термин «уру», иногда в соединении со словом «саг»—«голова»¹¹.

Первоначально, таким образом, термин «каль» не только не служил для выражения рабского положения, для чего существовали другие специальные термины, но имел как раз противоположное значение, именно

* По техническим причинам клинописные знаки даны отдельно на таблице, на стр. 13. Номер в скобках, напечатанный жирным шрифтом, указывает на соотв. номер на таблице.

¹ De i m e l, Wirtschaftstexte aus Fara № 101, «каль» определенно фигурируют в качестве военных (Kal-mo-du). В других списках (№№ 92, 94) положение их менее определено. Согласно № 95, они разделены на партии по 60 человек, возглавляемые лицами различных профессий. Вероятно о них же идет речь и в № 20, но уже определено в качестве земледельцев, сельскохозяйственных рабочих (энгар). В итоге в № 67 насчитывается 4480 каль. Каль получают довольствие мукой, см. №№ 98—99.

² A. De i m e l, Liste der archaischen Keilschr. aus Fara (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der deutsch. Orientgesellschaft. Ausgrabungen der deutsch. Orientgesellschaft in Fara und Abu-katab I, Leipzig, 1922, № 59, стр. 9.

³ см. М. В. П и к о л ь с к и й, Документы хозяйственной отчетности (т. I, № 19, л. с. V, 6, 8; обор. II, 9; III, 5; IV, 14; № 38, л. с. II, 1.

⁴ Там же, т. II, № 1, л. с. 2; № 5, л. с. 2.

⁵ Co n t e n a u, цит. изд. № 54, обор. II, 2 и № 94, л. с. 1, 3.

⁶ B r ü n n o w, A classified List of all simple and compound cuneiform ideographs. №№ 5018 сл., Leyden, 1889, стр. 219; B a r t o n, The origin and development of Babylonian writing, BAS, IX, Leipzig 1, 1913. Part I, Index of pictographs, стр. 175 под № 214 и под тем же № в части II; Deimel, стр. 8, № 58.

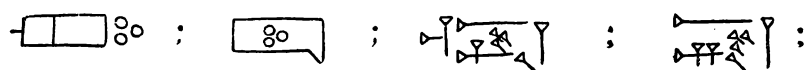
⁷ B r ü n n o w, №№ 7389, 7392—7396 (стр. 309—310); B a r t o n, стр. 179, № 322 и ч. II под тем же №; De i m e l, стр. 48, № 461, стр. № 59 (стр. 9).

⁸ Ср. походы в Элам царя Ура Шульги и его преемников, King, History of Sumer and Akkad, London, 1910, стр. 287 и сл.,

⁹ B r ü n n o w, стр. 443, № 10905 сл.; B a r t o n, назв. соч. I, стр. 175, № 497 и под тем же № во второй части.

¹⁰ B r ü n n o w, стр. 455, № 11131, сл.

¹¹ О значении термина «уру» см. Prince, Materials for a sumerian Lexicon (Assyriologische Bibliothek, herausgegeben von Delitzsch und Haupt, XIX, part III, Leipzig, 1907, стр. 354.); Delitzsch, Sumerisches Glossar, стр. 50, Leipzig, 1914, s. v. «uru»; De i m e l, Sumer. Lexicon, Rom, 1925 под № 211, стр. 437 сл., стр. 168. Термин «уру», рядом с идеограммой (12), имевшей скорее значение «амелу»—«человек», нежели «арду»—«раб», изображается чаще той же идеограммой, как и «арад» (13) в позднейшем вавилонско-ассирийском написании, см. назв. соч., идеограммы под №№ 955—956, ср. De i m e l, цит. место.

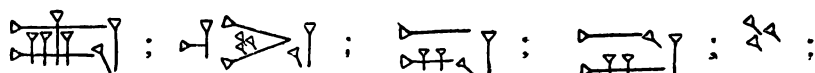


1

2

3

4



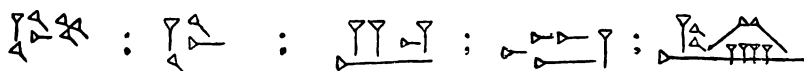
5

6

7

8

9



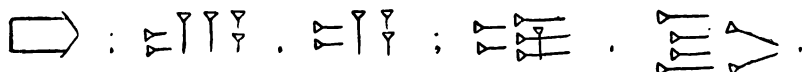
10

11

12

13

14



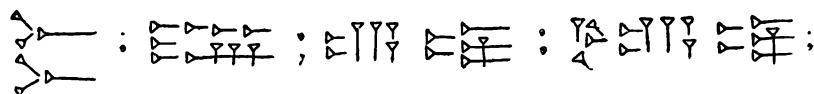
15

16

17

18

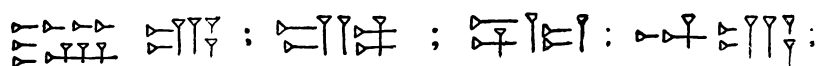
19



20

21

22



23

24

25

26



27

28

29

свободнорожденного и свободного человека. Если эволюция первоначального значения слова «каль» вполне возможна, то эволюция его в прямо противоположном направлении и придание ему совершенно обратного значения представляются уже сами по себе очень сомнительными, в особенности если принять во внимание наличие двух специальных терминов для выражения как понятия раба-военнопленного, так и общественного положения раба. Но, не довольствуясь этими общими соображениями, мы имеем и еще одну возможность путем вполне объективной проверки проследить, изменил ли термин «каль» ко времени Аккада и третьей династии Ура свое первоначальное значение. Известно, что семиты северной Месопотамии усвоили письмо от шумеров, восприняв, в частности, многие шумерские идеограммы. Произношение слов при этом было различно, но выражаемые тождественными или сходными идеограммами понятия по своему содержанию оставались также тождественными. В числе заимствованных идеограмм, рядом с обозначением домашних животных, посевных растений, напитков, орудий труда, были идеограммы, соответствовавшие различным профессиям и общественному положению отдельных лиц¹.

Этот процесс заимствования семитами шумерского письма, повидимому, не закончился еще в эпоху господства династии Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.)² и, во всяком случае, зависимость семитических аккадского письма от шумерского выступает еще вполне отчетливо. Показательными в этом отношении представляются тексты хозяйственных документов города Гасура (позднейшей Нузи). Город этот, как показывает само его название³, несомненно шумерского происхождения. Во время господства династии Аккада первоначальное население было здесь вытеснено или ассимилировано семитами⁴. Хозяйственные документы писаны уже на семитическом (аккадском) языке; но термины, обозначающие различные хозяйственные предметы, продукты и профессии, как сказано, передаются шумерскими идеограммами. В числе табличек есть несколько содержащих упоминания учащихся в шумерском письме⁵. Особый интерес в этом отношении представляет табличка, составленная, очевидно, каким-то ученым писцом и представляющая своего рода справочник-указатель шумерских обозначений различных профессий и занятий⁶.

¹ T h. J. M e e k, Excavations at Nuzi, vol. III: Old Akkadian, Sumerian and Cap-padocian Texts from Nuzi, Cambr. 1935. Intr. стр. XIII.

² Согласно новым данным установленные ранее датировки должны быть снижены, по крайней мере, на два столетия, см. U n g n a d, Eine neue Grundlage für die altorientalische Chronologie, AOF XIII (1940), стр. 146.

³ Там же, ср. A. D e i m e l, Sumer. Lexicon, стр. 555, 68.

⁴ M e e k, стр. XIII.

⁵ Там же, №№ 216—221.

⁶ M e e k, № 222. Правда, в числе заимствованных шумерских идеограмм собственным термин «каль» не встречается. Но на это следует заметить, что термин «каль» не был общераспространенным и в городах Шумера. Мы встречаем его в древнейших текстах Шуруппака и затем, по преимуществу, в текстах Уммы времени династии Аккада и третьей династии Ура. В Лагаше времени Урукагины его заменяет другой термин — «гу» с иной идеограммой (14) (ср. B a r t o n, I, стр. 174, № 289 и тот же № во второй части, B r ü n n o w, № 6394 сл.). в более поздних документах времени той же династии термин «каль» широко применяется и в Лагаше, см. G. R e i s n e r, Tempelurkunden aus Telloh, 1901, passim. В Гасуре также вместо термина «каль» употребляется другой, также шумерский, термин «гуруш», причем этим термином обозначаются работники, положение которых представляется совершенно тождественным с положением «каль» современных текстам Гасура документов Уммы, см. M e e k, № 188 сл. Относительно тождественности терминов «каль» и «гуруш» а также, частично, и выражавших эти термины идеограмм (слово «гуруш» имело и другое написание), см. B r ü n n o w, № 5020, также стр. 266 под №№ 6178 и 6182; P r i n c e, стр. 168 и 198; D e i m e l, Sumer. Lexicon, стр. 560 под № 322, 3 («каль» тождественно «гуруш»). Термин «гуруш» со значением «житель

Два-три столетия спустя семитические племена амореев положили конец господству третьей династии Ура и основали новые династии в Исине, Ларсе и затем в Вавилоне, объединившем всю область. Вавилонские семиты, не только подчинившие, но в конце концов ассимилировавшие себе древнее население всей области Шумера, в то же время, как ранее аккадские семиты, переняли шумерское письмо и, в частности, большую часть шумерских идеограмм¹. Между прочим в вавилонском семитическом письме, в отличие от Гасура, была перенята и получила довольно широкое распространение идеограмма слова «каль». При таком заимствовании естественно, что и в данном случае значение шумерских и семитических слов, передаваемых этой идеограммой, должно было совпадать и быть тождественным, и, если бы, например, термин «каль» изменил свое первоначальное значение и связывался теперь с понятием рабства, как это предполагает акад. Струве, его идеограмма соответственно—так же именно с этим значением—должна была бы перейти и в семитический язык.

Ввиду этого то значение, с каким идеограмма «каль»² была воспринята в вавилонском семитическом письме, приобретает для решения поставленного нами вопроса первенствующее значение. И вот оказывается, что идеограмма перешла и в вавилонское письмо со своим первоначальным, несколько не измененным значением. В вавилонско-ассирийском языке этой идеограмме соответствует слово «данну»—«сильный», «мужественный», т. е. человек, достигший зрелости и полного развития сил³; при этом шумерским «думу» и «абба» соответствуют в семитическом языке термины «мару» и «аплу» (идеограмма эта соответствует также и понятию «маленький»—«сихру»⁴ и «абу»—«отец»⁵). В надписи на известном обелиске Маништусу, составленной на смешанном шумерско-семитическом языке, термином «каль» обозначаются продавцы-владельцы покупаемых Маништусу земель.

Мало того, мы имеем полную возможность убедиться в том, что идеограмма «данну»—«каль» употреблялась прежде всего именно для обозначения возрастного различия, т. е. в своем первоначальном значении. Об этом свидетельствует характерная двойная идеограмма, служившая

города». т. е. общинник, встречается между прочим в религиозных текстах священного для всей области Двуречья города Ниппура: см. происходящий из Ниппура шумерский гимн, изданный V. Scheil'ем в *RA.*, 1911, стр. 161 сл. лиц. стор. 1, 16: *guruš uṣupaka* «человек из его (Тамуса) города».

¹ Известно, что идеограммы, употреблявшиеся в письме времени первой вавилонской династии, стояли еще гораздо ближе к шумерским, нежели идеограммы позднейшего ассирийского письма, и в большинстве случаев были тождественны с ними, см. индексы клинописных знаков, начиная со времени Урны и до системы ассирийского и нововавилонского письма у Barton'a, *Index of Signs of the first Dynasty of Babylon*, стр. 237—250.

² Первоначальное написание (15) см. Deimel, *Liste der arch. Keilschriftzeichen aus Fara*, № 709 (стр. 64). Позднейшая шумерская идеограмма (16) или в сокращенном написании (17) вполне совпадает с семитической вавилонско-ассирийской идеограммой.

³ Deimel, *Sum. Lexicon*, стр. 560, под № 322: «Die Grundbedeutung ist «stark», «mächtig», «fest»; F. Delitzsch, *Sum. Glossar*, стр. 113; ср. Prince, II, стр. 198.

⁴ Brünnow, № 4067 сл.; Prince, стр. 337; Deimel, *Sum. Lexicon*, стр. 351 сл. под № 144, ср. Contenau, *Contribution...*, в приложении: *signes d'un emploi fréquent*, под № 153. Впоследствии в ассирийском письме идеограмма слова «мару»—«сихру» получает несколько видоизмененную форму (18). Однако, не только в древнеавилонскую, но и в касситскую эпоху эта идеограмма была еще довольно близка к шумерской и писалась еще в касситскую эпоху (19) в форме, близко напоминающей шумерскую идеограмму (20), см. Barton, I, стр. 258.

⁵ Термин «абу» выражался той же идеограммой, как и шумерское «адда», см. Brünnow, № 4156 сл. Иногда эта идеограмма могла означать и «чать семейства» («умму»), что, по любопытному замечанию Prince, стр. 17 s. v., свидетельствует о восхождении этого термина еще ко времени матриархата.

вплоть до ассирийского времени для выражения понятия юншеского возраста. Двойная идеограмма эта образуется из соединения идеограммы (18), соответствующей слову «сын», «маленький», и идеограммы «каль» — «взрослый»; с прибавлением мужского или женского детерминативов она означает «юнша» или «девушка» (21) — «батулу» и (22) «батульту»¹. Буквальное значение этой двойной идеограммы, таким образом, «маленький взрослый», т. е. человек, вышедший из детского возраста, но еще не достигший полной зрелости.

Первоначальное значение идеограммы и термина «каль» — «взрослый, зрелый человек» выступает здесь, как видим, с полной определенностью. И если значение идеограммы «каль», насколько можно судить по ее употреблению в семитическом письме, и эволюционировало, то, во всяком случае, отнюдь не в направлении придания ему значения рабства и рабской зависимости, но как раз в обратном направлении. Термин этот, первоначально применявшийся для обозначения физической силы и зрелости, употребляется теперь также для выражения высокого общественного положения и политической силы и могущества. Так, в соединении с детерминативом «человек» (23) идеограмма «каль» соответствует слову «едлу» или «идлу» со значением «господин»²; в связи с идеограммой (24) — «решу» — «голова», «глава» в шумерском написании (25) идеограмма «каль» получила значение «ашареду» — «высший начальник»³. Посредством той же идеограммы «каль» с добавлением детерминатива «бог» (26) писалось имя божества — покровителя дома — Ламассу, изображавшегося обычно в виде сильного быка⁴. Термин и идеограмма «каль» — «данну» нередко встречается также в качестве эпитета царя в значении «великий», «могущественный»⁵. Еще во введении к кодексу Хаммураби термин «данну» («каль») употреблен в специальном значении «сильного человека» (по своему общественному положению) в противоположность слабому, бедняку. Хаммураби указывает как на цель своего законодательства, между прочим, и на то, чтобы сильный «данну» не обижал слабого⁶.

Если, таким образом, идеограмма «каль» перешла в семитическое письмо, не изменив своего первоначального значения, то, с другой стороны, и для обозначения специально рабского положения и рабства военнопленных служили точно так же те же два термина, какие употреблялись еще во времена Лагаша и Уммы, именно «арад» и «уру». Идеограммы,

¹ Br ü n n o w, №№ 6216, 10948; De i m e l, Sum. Lexicon, №№ 322, 61; W. M u s s - A r n o l t, Assyrisch-englisch-deutsches Handwörterbuch, Berlin, 1894, s. v. batûlu, batûltu = KAL—TUR; SAL—KAL—TUR; SAL—KAL—TUR meš.

² Br ü n n o w, № 6225; De i m e l, Sum. Lexicon, № 322, 3; Del i t z s c h, Assy. Wörterbuch, Berlin, 1887, стр. 150—152; ср. также Br ü n n o w, № 6219 (alik-panu).

³ Br ü n n o w, № 6149; De i m e l, Sum. Lexicon, № 332, 14; Del i t z s c h Assy. Wörterbuch, s. v.; W. M u s s - A r n o l t, s. v.

⁴ Del i t z s c h, Assyrische Grammatik (Porta linguarum orientalium, X) Berlin, 1906, стр. 26.

⁵ Такое сочетание идеограмм «царь» и «каль» встречается еще в шумерских и аккадских текстах, между прочим и в отношении царей той самой династии Ура, датами царствования которых помечены хозяйственные документы г. Уммы. На печати одной из каппадокийских табличек упоминается имя царя Иби-Сина, последнего царя этой династии, с добавлением эпитета «каль» (Ibi-Sin lu-gal kal-ga, см. Th u r e a u - D a n g i n, Notes assyriologiques, XIV, 1, стр. 144). С тем же значением употреблен термин «каль» и в надписи царя Киша Ашдуни Эрима, относящейся ко времени, непосредственно предшествовавшему установлению гегемонии Вавилона, т. е. на полтора-два столетия позже времени, к которому относятся документы из Уммы. Здесь в победной песне царь называет себя «эитарум даннум», что соответствует шумерским терминам «нитах каль» — «сильный, brave мун», (см. Th u r e a u - D a n g i n, Aš-duni-erim, roi de Kiš, RAs, VIII (1911), стр. 65, столбец I, строка 2, стр. 66).

⁶ Кодекс Хаммураби, Введение, столбец I, строка 37.

соответствовавшие обоим этим терминам (одна, соответствовавшая термину «арад» — «уру»¹, другая — термину «зикару» — «уру»²), были с тем же значением восприняты в вавилонском и позднее в ассирийском письме (в семитических языках им соответствовали термины — «арду» и «амелу»).

Мы имеем и непосредственные указания на то, что и в шумерскую эпоху термин «арад» специально употреблялся для обозначения рабства в собственном смысле. Именно в судебных делах этого времени домашние частные рабы, часто являвшиеся предметом споров и судебного разбирательства, всегда обозначаются только этим термином и никаким другим³.

Мало того, от эпохи династии Аккада из той же Уммы сохранился ряд документов, в которых «каль» специально противопоставляется рабам «арад». В этих документах отмечаются факты выдачи продовольствия рабочим, занятым в течение длительного времени на каких-то срочных (вероятно, строительных) работах. В этих работах наряду с «каль» участвуют иногда, обычно в крайне незначительном количестве (20—30 на сотни и даже свыше тысячи рабочих-«каль»), также «рабы патеси» («арад патеси-ка») ⁴. Каль здесь не только обособляются и противопоставляются рабам — «арад», но и специально отмечается тот факт, что они работают «ерин-аду» в порядке трудовой государственной повинности⁵.

В одном случае мы имеем оригинальное сочетание обоих терминов «каль-арад». Именно: этим термином обозначены в данном тексте люди, назначенные помощниками при писцах⁶. Такое сопоставление, однако, отнюдь не означает тождества или параллелизма значения обоих терминов.

¹ Contenu, цит. соч., под № 7. Идеограмма «арад» («арду») в ассирийском письме была несколько видоизменена, но в вавилонском письме времени первой вавилонской династии удерживалась еще прежняя шумерская форма написания этой идеограммы, см. Barton, стр. 238 под № 49.

² Contenu, под № 230.

³ Pélagaud, *Babyloniaca*, III, стр. 190 сл., Genouillac, *Textes juridiques de l'époque d'Our*, RAS, VIII (1911), №№ II, III, IV, VI, XIV.

⁴ М. В. Никольский, *Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи*, часть II, №№ 1, 5, 9.

⁵ Там же, №№ 1—9. Тот же термин «ерин» встречается в связи с выдачей довольствия рабочим в документах времени третьей династии Ура, там же, №№ 91, 92, 96, 209, 237, 238, 239. Термином «ерин» (идеограмма (28)) еще и в древнем Лагаше времени Урукagina обозначались люди, которые не «получали одежду и пищу», т. е. не были привлечены к постоянному участию в царском и храмовом хозяйствах и призывались лишь по мере необходимости на срочные работы, выполняемые, как и при третьей династии Ура, в порядке государственной повинности, — см. М. В. Никольский, там же, I, № 3, оборот, столб. 1 слева, строка 2. Работники, предоставленные патеси Лагаша во временное распоряжение храмовой администрации для обработки храмовых полей, также обозначаются и как «каль» и как «ерин»; см. H. de Genouillac, *Textes juridiques*, № 15, стр. 17—19; одни и те же рабочие, которые в строках л. ст. 19 и обор. 14 называются «каль», в том же документе (оборот, строка 9) обозначаются как «ерин». То обстоятельство, что патеси распоряжается этими работниками, отдавая их в пользование храма и затем, за невыполнением обязательств, берет их обратно, отнюдь не говорит за то, что они были рабами. Патеси в данном случае выступает как верховный распорядитель рабочей силы населения, привлекаемого к труду в порядке повинности, притом одинаково как в царском, так и в храмовом хозяйствах. В данном документе, между прочим, идет речь о выдаче довольствия рабочим за проработанное время. Показательным для положения «ерин» представляется и то обстоятельство, что и идеограмма, соответствующая этому термину (28), перешла в вавилонское письмо почти в неизменном виде (29) и применялась чаще всего для обозначения термина «сабе», который точно так же, в свою очередь, обычно применялся в отношении партий общинников, привлекавшихся на общественные работы. См. Barton, *Origin...* I, стр. 191, № 347; толкование этого термина, которое дается во второй части под тем же номером, можно принять лишь в той мере, поскольку оно имеет в виду зависимое положение (по толкованию Бартон, идеограмма должна представлять собою согнутые колени), но вовсе не рабство в собственном, узком значении этого слова. Характерно, что тем же термином, как и термином «каль» в документах Шуруппака, обозначались одинаково как партии рабочих, так и отряды воинов.

⁶ Contenu, *Contributions*, № 54, обор. столб. I слева, строки 1—2.

Совершенно напротив, ибо в таком случае мы имели бы непонятную тавтологию. В данном случае, повидимому, речь идет либо о «взрослых» рабах, либо, что по контексту представляется более вероятным, термин «арад» употреблен в позднейшем, более широком значении «слуга», «помощник»¹. По аналогии можно указать на сочетание термина «каль» с другими терминами, обозначающими ту профессию, на выполнение которой данный общинник был призван. Подобные сочетания встречаются уже в древнейших текстах Шуруппака, например «каль-ме-ду», «каль-ки» для обозначения воинов², так же как и в документах времени третьей династии Ура, например «каль алаг» — «пахарь»³, «каль саг-гуд» — «пастух рабочих быков»⁴ и др.⁵ Другие сочетания, в которые входит термин «каль», указывали срок или способ эксплуатации труда общинников. Таковы «каль уд» — «взятый на один день»⁶, «каль саг-дуб» — взятые на более длительные сроки⁷, наконец, уже известные нам «каль ерин-аду», вызывавшиеся на определенные работы независимо от срока. Различались далее рабочие с полной оплатой (названные уже «каль саг-дуб») от рабочих, получавших плату из расчета $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$ («каль ид $\frac{2}{3}$ » и т. д.)⁸. Наконец, в тех случаях, когда общинники привлекались к тем или иным работам не в порядке повинности, а по найму, они обозначались в документах как «каль шу-га»⁹ или в более сложных сочетаниях: «каль шу-га алаг» — нанятые на пахотные работы¹⁰, «каль шу-га... уд» — нанятые на... дней¹¹.

Чаще, впрочем, в случаях найма наемные рабочие называются «лу шу-га» — «наемный человек». Употребление этого последнего выражения для обозначения наемного рабочего служит для акад. Струве основанием противопоставлять «каль», как зависимых рабочих — рабов, людям свободным, нанимаемым по вольному найму. «Отличие между наймитом и рабом,¹² — замечает он, — сводилось в основном к тому, что раб получал довольствие..., а наемный рабочий получал зарплату». Уточнение этого положения дается в примечании: «Раб получал «зерновую выдачу» в противоположность наемному рабочему, который получал «а», т. е. заработную плату за его рабочую силу...» «Зерновая выдача» рабам иной раз называлась даже просто «корм» (шаггаль), т. е. питание скота¹³. Ввиду столь исключительного значения, какое придается в данном случае различию терминов «каль шу-га» и «лу шу-га», и категоричности делаемых отсюда выводов придется на этом различии терминологии специально остановиться. Если до известной степени и можно признать фактом, что «каль», привлекаемые на работы, получали продовольствие (иногда действительно обозначаемое термином «шаггаль», тем же самым, каким обозначался и корм животным), а «лу шу-га» получали наемную

¹ И в шумерскую и в вавилонскую эпохи обычно было, например, при обращении к лицу вышестоящему называть себя «арад».

² Deimel, Wirtschaftstexte aus Fara, стр. 6 под словом «kal».

³ Contenau, № 80, строка 3.

⁴ Там же, № 29, строка 2 и др., М. В. Никольский, т. II, №№ 134, 142 и др.

⁵ Deimel, Sum. Lexicon, № 322, 58, 90. В таком же сочетании применялся и термин «лу» — «человек», см. примеры у Deimel, Wirtschaftstexte aus Fara, стр. 6; Contenau, № 1, строки — 1, 23 и др.

⁶ Genouillac, Textes économiques d'Oulima, № 5675, ст. I, стр. 14, ст. II, стр. 21; М. В. Никольский, т. II, №№ 98 сл.

⁷ Legrain, Le temps des rois d'Our, № 379; ср. стр. 27; Deimel, 322, 57.

⁸ Deimel, там же, 322, 85.

⁹ Contenau, 88, 61, 1; 81, 1; М. В. Никольский, II, № 108, 1; 109, 1, 3; 143, 1, 1.

¹⁰ Никольский, т. II, № 143, 1, 4.

¹¹ Там же, № 143, ст. 1, стр. 1—2.

¹² Под «рабами» в данном случае акад. Струве подразумевает именно «каль».

¹³ В. В. Струве, «Проблема зарождения...», стр. 57 и примечание 136 на стр. 101.

плату, то видеть в этом факте какое-то принципиальное различие и, тем более, делать отсюда столь далеко идущие выводы было бы совершенно неправильно. Начать с того, что данные документов совершенно не знают того резкого и принципиального противопоставления терминов «каль» и «шаггаль», с одной стороны, и «лу шу-га» и «а», с другой. Как мы видели, наемные рабочие называются одинаково и «каль шу-га» и только несколько чаще «лу шу-га». Мало того, в одном и том же документе одни и те же рабочие обозначаются одновременно и как «каль шу-га» и как «лу шу-га»¹. С другой стороны, не существует никакого принципиального различия и в обозначении вознаграждения, получаемого теми и другими. В документах Лагаша времени Лугальанды и Урукагины при подведении общих итогов месячных выдач термином «шаггаль» обычно обозначается довольствие, получаемое лицами самых различных профессий и социального положения, вплоть до царских чиновников—«суккаль»². В то же время и плата «а» вовсе не обязательно означает только плату наемным рабочим. Имеется ряд документов, в которых этот термин применяется также и в отношении вознаграждения, получаемого «каль»³. Из всех этих данных можно видеть, что терминологические различия, из которых исходит акад. Струве, вовсе не имели того принципиального значения, какое он им приписывает, и что в основе этих различий, во всяком случае, не лежало никакого социального и, тем более, классового деления.

Термин «каль» обозначал прежде всего рядовых общинников, и именно, поскольку общинники подлежали принудительному труду «на дом царя», естественно, этот термин и применялся в связи с привлечением общинников на постоянные или временные срочные обязательные работы⁴. Наемные же рабочие (в большинстве случаев те же самые общинники, но работавшие не в порядке повинности, а на основе свободного найма) именно потому и не назывались «каль», но чаще просто «людьми» («лу») вне зависимости от их принадлежности к общине. Но самое характерное и любопытное обстоятельство—это то, что все эти «лу шу-га» нанимаются и работают не в одиночку, а партиями, возглавляемыми каждая своим надзирателем—«па»⁵ и что эти надзиратели оказываются в то же время тожде-

¹ Вот этот текст: «Три паемных рабочих («каль шу-га») на один день убирать траву по 20 сар; 35 паемных рабочих («каль шу-га») для земляных работ по 5 сар на поле U-shah (и) в доме Ур Иднена. Плата («а») наемным рабочим—земледельцам (лу шу-га апин) по 5 ка. Дата см. М. В. Никольский, т. II, № 143.

² М. В. Никольский, т. I, №№ 13, 16, 18, 20, 22.

³ Пример выдачи «а» каль, работающим партиями с обычными надзирателями—на во главе, см. G e n o u i l l a s, *Choix des textes économiques de la collection Pupil, «Babyloniaca», VIII (1924), табл. VII, № 27, л. ст., строки 1, 3, 5, 7; выдача «а» ерин, т. е. тем же каль, см. М. В. Никольский, т. II, № 91, л. ст., строка 2; № 92, л. ст., строка 2; № 96, л. ст., строка 3; № 209, л. ст., строка 2. «А» получают каль, работающие по найму («каль шу-га» = «лу»), см. М. В. Никольский, т. II, № 143, обор., строка 3.*

⁴ Постоянными рабочими были, например, «апин»—земледельцы тех же документов из Уммы. Временные же рабочие и в этих документах обычно обозначаются термином «каль».

⁵ М. В. Никольский, т. II, №№ 207, 208, 210, 211. В том, что при этом имеются в виду не распорядители полей, на которых производятся работы, а именно надзиратели партий наемных рабочих (лу шу-га), не трудно убедиться, сопоставляя данные самих этих документов. В №№ 207 и 209 работы производятся на одном и том же поле (а-шаг Уг-га-а-гештин), но надзиратели при этом названы разные (Идпаэ и Лудупа). Притом же работы производятся не только в один и тот же год (6-й год Гимиль Сина), но и в один и тот же сезон. В обоих случаях рабочие лу шу-га заняты на тождественной работе по резке тростника. В одном документе (№ 210) определенно указывается лицо, заведывавшее полем, именно Лугаль-Итуда, а надзирателем лу шу-га является совсем другое лицо—Лугаль-Азаггу. Тот же Лугаль-Итуда в другом документе фигурирует в качестве надзирателя, возглавляющего партию рабочих лу шу-га на поле Дууга (№ 208).

ственными с надзирателями, которые, согласно другим документам, возглавляли партии «каль» и «ерин»¹. Есть, таким образом, основание предполагать, что «лу шу-га» этих документов тождественны с «каль», возглавляемыми теми же надзирателями и упоминаемыми в других документах, где они фигурируют уже не в качестве наемных рабочих, а в качестве работающих «на дом царя».

Что касается, далее, употребления различных терминов в отношении оплаты труда «шагаль» в отношении «каль» и «а» в отношении наемных рабочих, то, поскольку такое различие в употреблении этих терминов действительно существовало (а мы видели, что оно, во всяком случае, не проводилось строго и последовательно), вполне естественным представляется, что общинники, привлекавшиеся на работы в принудительном порядке, получали не заработную плату, но довольствие за проработанное время; наемные же рабочие (хотя бы это были в большинстве случаев, как мы видели, те же «каль») — зарплату².

Заканчивая на этом наш обзор документальных данных относительно употребления термина «каль», мы в итоге имеем полную возможность констатировать, что для обозначения собственно рабства, положения рабов-военнопленных, термин этот никогда не применялся. Как в древнейшие времена шумерской культуры (в документах Шуруппака), так и в позднейшую шумерскую эпоху, при третьей династии Ура, термин этот означал прежде всего взрослого члена общины, общинника. Наконец, с тем же значением идеограмма «каль» перешла, как мы видели, и в вавилонское семитическое письмо. Это, конечно, не значит, что самое содержание термина «каль» — «общинник» во все указанные эпохи оставалось неизменным. Значение этого термина эволюционировало лишь постольку, поскольку изменялось положение самих общинников. По мере того как расширялось принудительное использование труда общинников, и самый термин «каль» мог приобрести новое значение, значение зависимого работника. Но повторяем — и показать это было прежде всего целью настоящей статьи, — для обозначения собственно рабства, рабства военнопленных, термин этот никогда не употреблялся.



¹ Идпаз, надзиратель лу шу-га, фигурирует в то же время в качестве надзирателя каль. Лугаль-Итуду в № 208 выступает в качестве надзирателя лу шу-га, в №№ же 102, 112, 170 — в качестве надзирателя каль; относительно Лудуга (№ 209) см. № 96; относительно Лугаль-Азаггу см. №№ 210 и 101, 125, 127, 134.

² Акад. Струве находит, что вознаграждение рабов было в 3—4 раза меньше, чем вознаграждение наемных рабочих (Проблема зарождения... стр. 57). Поскольку под «рабами» акад. Струве имеет в виду при этом каль, этот его вывод о размере вознаграждения вряд ли может быть оправдан фактическими данными. Достаточно указать хотя бы на то, что каль, согласно так широко используемым самим акад. Струве документам из Уммы, получают по 6 и 7 мер (ка) зерна, а наемные рабочие по 8 мер (М. В. Н и к о л ь с к и й, т. II, №№ 207 сл.). Сверх того, необходимо еще иметь в виду, что каль сверх зерна получали обычно и другие виды довольствия.



ФИНИКИЙСКАЯ ЖАТВЕННАЯ МИФОЛОГИЯ И ОБРЯДНОСТЬ

Акад. Н. М. Никольский

В народных религиозно-обрядовых циклах, связанных с земледельческим производством, особенным богатством и красочностью мифологического и обрядового материала отличается период жатвы злаков и уборки плодов. В обрядности и мифологии периода жатвы и уборки плодов переплетаются в один пестрый, противоречивый, но вместе с тем живописный и красочный клубок церемонии и поверья, отражающие крестьянские печали и радости, желания и надежды, думы и мечты, неразрывно связанные со всеми хозяйственными, семейными, общинными и бытовыми заботами и работами, со всей жизнью как истекающего, так и начинающегося года. Как показывают тексты Рас-Шамра, в этом отношении и финикийские общинно-земледельческие верования и культы не отличаются от верований и культов любого другого земледельческого народа.

С финикийской жатвенной мифологией и обрядностью связаны тексты Рас-Шамра Danel и Nikal-Koşaroth (условно НК), целиком посвящен ей текст Anat II, а также имеются отзвуки этой мифологии и обрядности в эпосе о борьбе Алейан-Баала¹ с Мотом (условно АВ). Все эти тексты, как и другие тексты Рас-Шамра, издал Виролло со своими переводами и комментариями. Но специальному изучению и сопоставлению они еще не подвергались. В настоящей статье я не могу поставить проблему в целом, так как для ее разрешения необходимо прежде всего изучение текстов не только с узко лингвистической, но и с религиозно-исторической стороны, а эта работа потребует специальной монографии для каждого текста. Однако в процессе своей работы над текстом Eqrēnu («Закливание богов благостных и прекрасных») я встретился с этой проблемой и произвел по ее линии несколько разведок, необходимых для разрешения некоторых вопросов, связанных с исследованием текста Eqrēnu². Мне пришлось коснуться текстов Danel и НК и проработать целиком небольшой, но чрезвычайно интересный и важный текст Anat II. Таким путем я пришел к некоторым, конечно предварительным, заключениям и выводам и считаю своим долгом ознакомить с ними историков, ориенталистов и этнографов.

В эпосе АВ (АВ III² = I АВ, кол. II, 30—37) имеется место, описывающее один из обрядов, сопровождающих жатву. Я начну свое изложение с этого обряда, ибо он является одним из важнейших составных элементов

¹ Чтение «Алейан» принято западными семитологами, но возможно и, по нашему мнению, более вероятно чтение «Алейон» (обосновано в моей монографии, — см. след. прим.).

² Изложение моей обширной монографии, связанной с исследованием текста Eqrēnu, см. ВДИ № 4(15), 1946 г.

жатвенной обрядности и опирается на важнейший момент жатвенной мифологии. В указанном месте описывается умерщвление Мота богиней Анат¹: «(Анат) схватывает Мота, сына богов; мечом она рассекает его, веялкой она развеивает его, в огне она сжигает его, в мельнице она размалывает его, в поле она сеет его, чтобы есть его плоть, чтобы поклевали птицы долю свою». Совершенно бесспорно, что здесь описывается символический обряд уничтожения последнего снопа, духом которого считается Мот, и магических манипуляций, постулирующих благополучный, сытый год и будущий успешный посев; вполне ясно, что под «мечом» Анат надо разумеать серп, а под сожжением Мота—сожжение вымолоченной соломы. Подобные обряды совершались и совершаются еще теперь в той или иной форме у целого ряда земледельческих народов. Особенно интересен аналогичный древневавилонский обряд, сохранившийся у месопотамских арабов до конца X в. н. э. и описанный арабским писателем Ан-Надимом: «В месяце Таузе (Тамузе) совершается праздник плача—*al bugat*, на котором женщины оплакивают Тауза (Тамуза), потому что господин Тауза убил его и размолот кости его на мельнице и развеял их потом по ветру»². Не менее любопытно указание Порфирия, что у финикиян Адонис был символом срезания созревших плодов. Как мы увидим ниже, именно этот обряд и связанная с ним мифология лежат в основе главного текста Рас-Шамра, посвященного жатвенному периоду, текста Anat II.

Если совершенно ясно и бесспорно ритуальное содержание обряда, описываемого в АВ III², то неясно и спорно его мифологическое содержание. Если судить по приведенной выше цитате, то надо считать Мота земледельческим богом, духом созревания хлеба и жатвы, который погибает вместе с последними сжатými колосьями хлеба и возрождается во всходах посева его «плоти». Исходя из такого понимания функций Мота, Дюссо попытался даже дать новое этимологическое толкование имени «Мот», не от *Mwt* = *Maweth*—«смерть»,—как толковали это имя сначала, и как следует его толковать и теперь,—а по связи с еврейским *methim*—«люди», «мужи», «воины», в смысле «герой»³.

Однако концепцию Мота в качестве земледельческого бога, выступающую из описанного выше обряда, никоим образом нельзя считать древнейшей, первичной концепцией этого бога. Ни Дюссо, ни его многочисленные сторонники не обратили внимания на два чрезвычайно важных обстоятельства, опрокидывающих такую характеристику Мота.

Во-первых, в той же самой части эпоса АВ, в которой приводится вышеприведенное описание уничтожения богиней Анат бога Мота во время жатвы вместе с последними снопами, имеется место, в котором Мот предвещает точь в точь такую же гибель своему врагу Алейану (АВ III² = I АВ, кол. V, 9—19). Отсюда ясно, что обряд, описанный во II колонке, привязывался также и к Алейану, который, несомненно, был связан с земледелием, но не как бог урожая и жатвы, а как бог-дождевик; другими словами, на Алейана в данном случае переносился миф, связанный первоначально с каким-то другим богом.

Во-вторых, функции Мота, как они выступают из описанного выше обряда, коренным образом противоречат основным функциям Мота, как они рисуются на основании всех других многочисленных данных источников об этом боге. В эпизоде умерщвления Мота богиней Анат Мот

¹ В текстах Рас-Шамра богиня Анат выступает как сестра-супруга бога Алейана. Кроме того упоминание о ней, как богине «силы жизни», имеется в финикийской надписи из Ланета (совр. Ларнака), *Corpus inscript. semitic.*, I, № 95, стр. 114—115.

² Текст АВ III col. II, 30—37 см. «Syria» 1931, III, стр. 207—208. Об аналогичных восточных обрядах см. В а u e r, *Die Gottheiten von Ras-Schamra*, ZAW 1933, № 2, 96.

³ С p. D u s s a u d, *Les découvertes de R. S. et l'Ancien Testament*, стр. 70.

выступает как бог созревшего зерна и жатвы, т. е. урожая, и как бог, обсеменяющий землю, т. е. в целом как земледельческий бог плодородия и богатства. Между тем в тексте Egrēnu Мот выступает как бог бесплодия земли, людей и животных, как бог, иссушающий поля и сады, как бог голода и смерти. Далее, и в цитированной нами части эпоса АВ, притом в одном контексте с эпизодом Анат—Мот, мы находим декларацию самого Мота, в которой последний без всяких оговорок характеризует себя в том же самом смысле, как его характеризует текст Egrēnu. В тексте АВ говорится: «Хватает она Мота зубами в ярости, приковывает его на конец цепи, возвышает она голос свой и кричит: ты, Мот, отдай брата моего! Мот, сын богов, отвечает: чего хочешь ты? Разве у девы Анат власть? Я пошел и согнал все источники к сердцу земли, все вместилища вод к сердцу полей. Душа (жизнь) становищ сынов человеческих и душа (жизнь) засыхающей земли истреблена. По вешнему слову моему земля стала обителью Ишмота, в поле стал господином смертельный лев»¹. Далее из общего смысла содержания текста АВ III (I АВ) совершенно ясно, что борьба Алейан-Баала с Мотом является борьбой бога плодородия с богом бесплодия; иначе и не могло быть, так как борьба двух богов плодородия была бы явно бессмысленной. Это коренное противоречие данных о функциях Мота нельзя устранить никаким согласованием; не спасает положение и попытка характеризовать Мота как бога жаркого времени года, когда земля сохнет и от этого грозит неурожай. В Израиле в это время молились о «позднем дожде», ибо без последнего посевы могли погибнуть; бог, который создавал засуху, мог быть только богом бесплодия и неурожая.

Отсюда напрашивается предположение, что в эпизоде умерщвления Мота богиней Анат и в соответствующем обряде мы встречаемся с позднейшим искусственным видоизменением древнего магического обряда, который первоначально связывался с другим богом, богом плодородия, и к которому в эпоху II тысячелетия до н. э. был по каким-то соображениям привязан Мот. Это предположение находит для себя полное подтверждение в связанном с жатвенной мифологией и обрядностью тексте Danel.

Текст Danel дошел до нас в четырех фрагментах от четырех табличек; считается, что в общем дошла только третья часть текста. В тексте имеется очень много темных и неясных мест, и над ним предстоит еще большая работа—«на много лет», как выражается один из его комментаторов. Попытки его перевода и толкования, сделанные Виролло, Дюссо и Дормом (Dhorme), надо считать лишь весьма приблизительными и предварительными². Текст далеко не ясен в самом главном, в характеристике бога Данела. Этот бог, являющийся в тексте главным действующим персонажем, как бы двойся. У него два имени: «Данел, муж-целитель (mt gr')» и «Гозер, муж харнамит» (mt hrnm), и он изображается то богом—'uz 'elm, «визирем богов», имеющим свой храм на земле, то человеком—старшиною или главою своего рода и племени, сидящим у ворот своего города и творящим там суд и расправу. Однако божественные черты Данела решительно преобладают в его характеристике. Данел-Гозер выступает с рядом функций земледельческого божества. С этой стороны, он является одним из главнейших, если не самым главным, среди божеств летнего периода созревания злаков и плодов и осеннего периода их урожая, жатвы, уборки и обеспечения урожая будущего года. Данел-Гозер, как бог лета и летнего солнца, обеспечивает созревание злаков и плодов, предотвращает возможную гибель урожая от дождей во время жатвы; его сын Акхат «пожи-

¹ «Syria», 1931, стр. 207.

² Основное издание—V i r o l l e a u d, La légende phénicienne de Danel. 1936.

нает» созревший урожай, его дочь Пагат собирает плоды и имеет ближайшее отношение к изготовлению нового вина. Кроме того, Данел-Гозер имеет отношение также и к урожаю будущего года, ибо его сын Акхат «умерщвляется» посланцем богини Анат Иатпаном, с тем, чтобы он возродился в посевах будущего года. Этот миф соответствует упомянутому выше эпизоду из АВ III² (I АВ II 30—35), изображающему «умерщвление» богиней Анат Мота в образе последнего снопа, который вымолачивается, солома сжигается, а зерна, «плоть Мота», разбрасываются по полю.

Напрашивается заключение, что в первоначальном древнейшем мифе о боге созревшего хлеба, умерщвляемом в образе последнего снопа и затем оживающем во всходах посева следующего года, должен фигурировать Акхат, а Алеян и Мот были подставлены вместо Акхата в историческую эпоху в связи с жреческими богословскими спекуляциями. Это заключение подтверждается некоторыми специфическими деталями рассказа о новом рождении Акхата в тексте Danel. Акхат рождается вновь от жены бога Данела, названной Mšt Dnty, но отцом его на этот раз является не Данел: он рождается от соития бога Эла с Mšt Dnty. Таким образом миф твердо устанавливает только мать Акхата, но варьирует представление о его отце, которым является то Данел, то Эл. Отсюда следует, что первоначальный миф знал только мать Акхата. Это обстоятельство дает нам ключ к реконструкции первоначального мифа об Акхате.

Имя матери Акхата сложное; его вторую часть, Dnty-Danaty, как нам кажется, надо сопоставлять с аккадийским danninu — «земля», редким священным словом, встречающимся в вавилонских мифах о творении и происходящим от корня dananu, «быть твердым», в противоположность воде, земной и небесной¹. Тогда жена Данела, Dnty-Danaty, будет богиней-землей, подобно греческой Γῆ-μήτηρ, русской Матери-сырой-земле, германской Mutter-Erde и ряду аналогичных богинь других народов. Первую половину имени жены Данела следует толковать в качестве причастия hiph. от глагола šata «пить», в форме mašte — «дающая пить», «поилица» — «сырая земля», которая в пустыне и полупустынных областях поит людей своими источниками и повсюду питает влагой корни растений.

Наше толкование подкрепляется свидетельством Филона, которое надо считать решающим. В числе божеств, родившихся от Элиуна и Берут, Филон называет Урана (Небо) и Гею (Землю), но прибавляет, что первоначально Уран назывался Ἐπίγειος, т. е. «Наземный», или Ἀὐτοχθών — «он-земля». Уран-Эпигей был, по Филону, отцом Крона-Эла, который вступил с Эпигеем в борьбу, овладел им и ослепил его «у рек и источников»; дух Эпигея «рассеялся», а кровь ушла в реки и источники². Как всегда, у Филона здесь перемешаны разнородные мифы; однако совершенно ясно, что в числе древнейших божеств финикийского пантеона были хтонические божества: «Наземный» — Ἐπίγειος-Danel и «Земля» — Гея-Danaty, но брат и сестра, а не муж и жена. Из них Маште-Данати надо считать более древним божеством в сравнении с Данелом; она, безусловно, восходит к эпохе материнского рода, а Данел, вероятнее всего, является модификацией, возникшей в эпоху родоплеменного быта на патриархальной основе; это предположение подкрепляется указанным выше мифом о новом рождении сына Данела, Акхата, не от Данела, а от Эла. Дешифрирование значения имен Danaty и Danel раскрывает нам также и содержание первоначального мифа, связанного с обрядом умерщвления последнего снопа. Это миф о «живом жите», «умерщвляемом», т. е. срезаемом, и потом оживающем и вырастающем. На последующей стадии развития

¹ О danninu см. J e n s e n, Kosmologie der Babylonier, стр. 8, 161, 265.

² E u s e b., Praepar. evang. I, 40, стр. 36, 37.

этого мифа «живое жито» было заменено «духом жита», или «духом хлеба», который получил имя Акхата, «сына земли»—*Mašte Danaty*. Дальнейшее развитие мифа, происходившее уже в жреческой среде, выразилось в превращении Акхата в сына Данела, а затем в замене Акхата сперва Алейаном в АВ III² (I АВ V, 9—19) и потом Мотом, быть может, в связи с согласительным жреческим мифом о примирении Алейана с Мотом по приказу Эла в АВ I (II АВ) VII 43—49¹. Но в наиболее яркой и полной форме первобытный миф об умерщвлении «живого жита» выступает в тексте *Anat II*. На этом тексте я считаю необходимым остановиться подробно, ибо этот текст является основным источником для характеристики финикийской жатвенной мифологии и обрядности.

Текст этот был издан Виролло под заглавием «*La déesse 'Anat II*» («*Syria*» 1937, I, стр. 85 сл.). Виролло совершенно не понял этого текста, ошибочно считает его фрагментом эпоса АВ и дает ему условное обозначение V АВ В; вследствие этого перевод Виролло не дает никакого ясного представления о содержании, характере и цели этого текста. По мнению Виролло, в тексте описываются «бои Анат» (*les combats d' 'Anat*),—именно поголовное истребление людей, производимое Анат, которая упивается потоками пролитой ею крови; однако цель этого истребления остается совершенно непонятной, и совершенно неясно, какой смысл имеет заключительная часть текста, противоречащая его содержанию в толковании Виролло. Это заключение (строки 38—41), выделяемое Виролло как бы в качестве отдельного отрывка, по толкованию Виролло, говорит, что Анат, «насытившись» своей добычей, дает земле небесную росу и приказывает Алейану умножить эту росу, «как звезды небесные». Однако если все человечество истреблено, то роса никому не нужна, и этот благоприятный дар со стороны Анат не имеет никакого смысла.

На самом деле в основе текста лежат элементы наиболее древнего финикийского мифа, связанного с жатвой и уборкой плодов. Это становится совершенно ясным, если перевести текст точно, не в обезличенной форме, и раскрыть значение целого ряда слов, которые Виролло не понял и оставил без перевода. Я даю здесь перевод текста, сделанный мною, а затем для его пояснения и оправдания останавлиюсь особо на некоторых его местах. Начало текста (I столбец) утрачено; во II столбце не хватает первых пяти строк. Далее текст гласит: «(5) И тогда Анат (6) сокрушает: в долине она подсекает сынов (7) селений, раздавливает народ берега моря (8), уничтожает людей восхода солнца (9). Под ней, как снопы, головы, (10), над ней, как саранча, кисти; как бесконечные (11) груды зерна (и) кисти винограда—добыча ее. Навалила она (12) головы на высоту свою (гумно, ток), связала (заключила) (13) кисти в крепко замкнутую темницу свою. Она погружает колени свои (14) в кровь-вино, свои бедра—в зерна (15) добычи своей, в тайное хранилище стоняет она (16) вино (пиво?), толстым суком (стоняет) в сосуд земли. (17) И тогда Анат в свой дом уходит, (18), направляется богиня в свой чертог (19). Так досыта накрушила она, в долине (20) подсекала сынов селений. Считает она пищу, добычу свою, делает подсчет столов (21) для людей, подисжий (т. е. пастбищ) для стад (23). Много-много накрушила она и пела она, (24) подсекая и ликуя, она—Анат. (25) Облечена печень ее смехом, наполнено (26) сердце ее радостью; печень Анат (27) была в упоении, когда погружала она колени свои в кровь (28)-вино, свои бедра—в зерна добычи своей. (29) Досыта накрушила она. В доме (своем) (30) она рубит, сооружает столы. Вытирается (31) с бедер ее кровь-вино, проливается масло (32) благоденствия на место опустошения. Она моет руки свои,

¹ «*Syria*», 1932, II, стр. 156—157.

дева (33) Анат, пальцы свои—сестра народов (34), моет руки свои в крови-вине, (35) пальцы свои в зернах добычи своей (36). Заботится она сосчитать (меры зерна) для пищи, столы (37) за столами, оросить подножия (пастбища) за подножиями». Далее в тексте идут четыре строки другого содержания, в которых описывается обряд призвания росы.

Подлинное содержание и значение текста обнаруживаются уже из описания действий Анат в первых сохранившихся строках текста, если перевести их точно, а не в обезличенной форме, как делает Виролло. Повторяем текст этих строк: «(5)^b) и тогда Анат (6) сокрушает: в долине она подсекает (или «рубит головы») сынов (7) селений, раздавливает народ берега моря, (8) уничтожает людей восхода солнца. (9) Под ней как снопы головы, (10) над ней как саранча кисти—добыча ее». Символический характер этого «избиения» ясно выступает уже из параллелей со снопами, грудями зерна и кистей, т. е. гроздьев винограда. Символика раскрывается полностью, когда мы анализируем чрезвычайно характерное словоупотребление, фигурирующее в этом описании.

Виролло везде переводит «убивает», «умерщвляет», как будто в тексте стоят глагол *ḥarag* и глагол *mwt* в форме *hph*. Однако в тексте эти глаголы совсем не употребляются, но употребляются другие глаголы, из которых только один имеет переносное значение «убивать». В первых 5—11 и везде в последующих строках употребляются глаголы *ḥs*—акк. *ḥašaṣu*, *ḥšb*—евр. *ḥašab* и *smt*—евр. *samath*. Глагол—*ḥs-ḥašaṣu* имеет значение «раздавливать», «переламывать», «сокрушать», глагол *ḥšb ḥašab* имеет значение «раскалывать (дерево)» «рубить, подрубать, подсекать, срубать» и только в переносном смысле «убивать»; глагол *smt-samath*—в форме *pi'el* значит «уничтожать». Объекты, к которым прилагаются эти глагольные речения, изображены двояко: с одной стороны,—как люди, с другой—как злаки и виноград. Этот момент у Виролло совсем упущен, ибо он перевел только слова, обозначающие людей, и оставил без перевода все прочие термины, кроме *kr-karh*, который он переводит—«ладонь», «длань руки». Однако не переведенные у Виролло термины вполне ясны, и затруднения Виролло объясняются только тем, что он истолковал текст в буквальном смысле. У него был ключ ко всей символике, слово *kdrt* в строке 9, к которому он нашел арабскую параллель в значении «снопы», но остановился перед ней в недоумении и оставил слово без перевода (стр. 90). Если взять слово *kdrt* в качестве исходного пункта, то сейчас же уясняется значение и всех прочих терминов, оставленных Виролло без всякого толкования. Слова *qsm*, *ghrmm* и *mhr* в строках 10—11 Виролло оставил без перевода. Но *ghrmm*—это множ. число от *ghrm* с древней флексией *n*; слово сопоставляется с араб. *ʿarimatha*—«грудь зерна» и с еврейским *ʿarima*—«крупно смолотая мука»; слово *qsm* от *qs*—«край, конец», «край земли», «край неба», употребляется для обозначения бесконечности. Слово *mhr* проще всего сопоставляется с еврейским *moḥar* «выкуп за невесту»; но в данном случае, конечно, фигурирует другое существительное от того же корня, которое надо сопоставлять с аккадийским *maḥiṣu*—«получать, принимать» и с сабейским *mhr*—«достояние», «владение»; в тексте строки 11 разумеется достояние, полученное в качестве добычи. После этих разъяснений становится понятным также и значение *kr*; оно употреблено в переносном значении, аналогично еврейскому выражению *kerphoth themarim* «ветви пальм»,—именно, здесь разумеются «кисти» виноградных лоз, виноградные гроздья. Правильность этих толкований подтверждается, с одной стороны, одним характерным моментом в цитированных выше строках, и с другой стороны всем последующим текстом. В строках 6—8 говорится, что Анат «в долине подсекает сынов селений», «раздавливает народ берега моря» и «уничтожает

людей восхода солнца». Но в Финикии в речных долинах на склонах гор были расположены главным образом поля и общинные селения, а на каменистом берегу моря и на восточных склонах гор—главным образом виноградники; отсюда понятно применение терминов в первом случае «подсекает», т. е. сжинает серпом колосья, во втором случае—«раздавливает», «уничтожает»—виноградные гроздья в точилах.

В последующем тексте все непонятные и оставленные без перевода у Виролло слова и выражения также получают простое и легкое объяснение, если исходить из нашего толкования строк 5—11. В строках 11—13 говорится, что Анат навалила «головы» на высоту свою и связанные «кисти» в «крепко замкнутую темницу свою»; далее текст гласит: «(13) она погружает колена свои (14) в кровь-вино, свои бедра в зерна (15) добычи своей». Здесь ключом является слово *šmr* в строке 14, оставленное у Виролло без перевода; но *šmr* = еврейскому *šemer*—«винные дрожжи»; «вино в периоде брожения»; этому речению в строке 16 соответствует аналогичное слово *šbm*, которое Виролло переводит «старики» («умерщвляет стариков»), но которое надо сопоставлять с евр. *sobe'*—«благородное вино», и аккадийским *saḫa*—«вино из сезама». Чрезвычайно характерно также словоупотребление в строках 15—16, где Виролло не понял слова *ksl*. Его надо производить от *kasal*—«быть толстым, плотным»; отсюда имеется аккадийское слово *kaslu*, обозначающее фаллос. Я даю перевод «толстым суком» условно, сообразно с еврейской параллелью *zemoḡ*; речь идет об оплодотворении через «сосуд земли» матери земли. Возможно, что здесь имеется намек на *ἱερός γάμος*.

Наконец, решающее значение имеют характернейшие строки 19—21 и 23—29. В них описывается ликующая радость Анат после завершения ее подвига: (19) «Так досыта накрушила она, в долине (20) подсекала сынов селений. Считает она пищу—добычу свою, делает подсчет (расчет) столов (21) для людей, подножий (пастбищ) для стад... (23) много много накрушила она и пела она, (24) подсекая и ликуя, Анат. (25) Облечена печень ее смехом, наполнено (26) сердце ее радостью; печень Анат (27) была в упоении, когда погружала она колени свои в кровь—(28) вино бедра свои в зерна добычи своей». Здесь в строке 26 Виролло не понял слова *ḫm'*, встречающееся также в строке 14: но оно легко сопоставляется с позднееврейским *ma'a*—«зернышко»; в строках 20 и 21 он оставляет без перевода слова *tš'r* и *š'r*, замечая только, что этот глагол должен обозначать «ранить», «убить» (стр. 95); между тем *š'r* = еврейскому *ša'ar*—«исчислить», «вычислить», «оценивать». Особенно важное значение в этом отрывке имеет указание, что Анат делает подсчет столов для людей, очевидно для общинного жертвенного пира. Но отсюда вытекает, что люди не истреблены, а живы, и что в описании избиения в строках 5—8 мы имеем дело с символикой; мало этого, из строк 20 и 23—29 ясно, что радость Анат объясняется ее богатой добычей—пищей, состоящей из груд зерна и винограда.

В итоге становится ясным, что текст 'Anat II, повидимому, был магическим, сопровождал драматическое действие, изображавшее, как Анат «подсекает» необозримую жатву, «наламывает» бесконечные, как саранча, груды виноградных кистей, вымолачивает горы зерна и выдавливает море виноградного сока. Обряд этот постулировал богатый урожай злаков и винограда. Тогда понятно и заключение текста (строки 38—41): для обеспечения урожая необходима обильная летняя роса, и поэтому обряд, постулирующий урожай, дополняется обрядом вызывания обильной росы (строки 38—41). Текст гласит: (38) «Черпай воду свою и разбрызгивай ее! (39) Роса небес—тук земли. Умножай ее, (40) о Летающий на облаках, росу небес изливай! (41) Небо да изливает ее (столько), сколько,

звезд!» Этот обряд, вопреки ошибочному толкованию Виролло, не имеет никакого отношения к Анат. Начальное слово *thsrp* относится не к Анат («она—Анат черпает»), а является, конечно, *imperf. iussiv.* «черпай», обращенным к совершителю или совершителем обряда из числа членов общины. Строка 41 также переведена у Виролло неверно. Виролло и эту строку связывает с Анат: второе, дефектное слово строки он реконструирует в двух вариантах и в обоих случаях считает субъектом Анат (*tskh*—повеление Анат Алейану «изливай ее», *skh*—действие самой Анат: «она изливает ее»), а первое утраченное слово перед дефектным *skh* восстанавливает из текста строки 39^b в виде *rb* и переводит также в смысле или повеления Анат Алейану—«умножай», или действия самой Анат—«она умножает» росу. Однако реконструкция в форме *rb* невозможна, так как на небольшом стертом месте перед словом *skh* сложные знаки слова *rb* и начальный знак слова *skh* уместиться не могли; там могло уместиться только слово с более короткими знаками, вернее всего *smm*—«небеса». Тогда мы получаем текст [*smm n*]*skh*... «небеса да изливают ее»..., составляющий основную часть древнейшей заклинательной формулы вызывания росы.

Правильность толкования текста 'Anat II как обрядового ритуала, связанного с культовым циклом периода жатвы и уборки, можно подтвердить целым рядом религиозно-исторических сопоставлений и параллелей. Прежде всего необходимо отметить, что текст 'Anat II с лексической стороны содержит несколько специфических параллелей с текстом Danel, который, бесспорно, связан с периодом жатвы и уборки плодов. Из них в особенности важно наличие в Danel выражения *mhr* для обозначения урожая, термина *hbš* (темница, место заключения)—для обозначения склада для хранения урожая и термина *bmt*—для обозначения гумна или тока.

Далее в известной мере параллелью к тексту 'Anat II является египетский миф об истреблении людей богиней Хатор, имеющий с текстом 'Anat II некоторое стилистическое сходство. В дошедшем до нас виде египетский миф гласит, что люди замыслили злые дела и за это Ра решил истребить их. Он послал для исполнения этого приговора богиню Хатор-Сохмет; она так усердно занялась истреблением людей, что Ра был вынужден остановить ее. Он приказал сварить ячменное пиво и окрасить его под кровь минералом диди; 7000 сосудов с этим подкрашенным пивом были вылиты ночью на поля. Хатор, придя на поля утром, приняла пиво за кровь, напилась его, опьянела, а опьянев, не узнала людей; таким образом, истребление людей не было закончено. Полагают, что этот миф первоначально был связан с разливом Нила, когда земля покрывалась красной от ила водой, оплодотворявшей нивы, и с земледельческим мифом о явлении богини плодородия после засухи вместе с водами разлива Нила¹. Однако в египетском мифе сходными моментами с текстом 'Anat II являются только некоторые отдельные детали, и остается совершенно неясным, имел ли этот миф какое-либо отношение к жатвенной обрядности. Прямые, совершенно недвусмысленные параллели мы встречаем в мифологии и обрядности разных, как древних, так и современных народов, в мифологии которых жатва уподоблялась бою, войне, избиению, умерщвлению, а в обрядности сопровождалась человеческими жертвами.

На первом месте можно привести белорусскую параллель. В жатвенных песнях поется: «ой, мы поля зваявалі, пану жыта дажалі»; или: «цяпер у нас вайна была—ой, мы поля зваявалі, панам жыта дажалі»².

¹ С р. М а т ь е Мифы древнего Египта, стр. 74—78 и 43—50.

² С р. Ш е й н. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, т. I, ч. I, стр. 276, № 313; стр. 275, № 312.

Смысл этого выражения, соответствующего выражениям текста о богине Анат, вскрывается из западноевропейских народных терминов. Так, в Германии последний сноп называется «стариком», «старухой»; крестьянин, срезающий последний сноп, «убивает старика», «убивает старуху», иногда точнее — «пшеничную», «ржаную старуху»¹. Другими словами, с последним снопом отождествляется дух жита, «житный дед» или «мать хлеба». Этот дух, как известно, нередко представляется в виде животного — козла в русской, белорусской и германской мифологии, лисицы — во французской мифологии и т. п. Но первоначально сами колосья считались живыми, а их срезание — жатва — считалось умерщвлением живых колосьев. Встречаются обозначения последнего снопа «шеей», «горлом», «шеей козы, лисицы»². Эти названия показывают, что колос первоначально уподоблялся человеку: стебель — туловище колоса, а головка с зерном — голова. Отождествление последнего снопа с духом хлеба объясняется, по всей вероятности, представлением, что живущий на ниве дух хлеба во время жатвы якобы бежит от жнецов все дальше к краю поля и таким образом загоняется в последние колосья, в последний сноп. «Умерщвленные» колосья вновь возрождаются от взятых от них и посеянных зерен; в анимистическом выражении это будет посев «плоти» духа хлеба, а в доанимистическом — «плоти» самого хлеба. В несомненной связи с подобными представлениями находится обычай, существовавший в древности и сохранявшийся в модернизированном виде также у многих современных народов, — обычай принесения во время жатвы человеческих жертв. Как в древности, так и у современных народов жертвами являются обычно случайные прохожие. Так, в фригийской жатвенной песне о герое Литиерсисе говорится, что Литиерсис во время жатвы ловил чужого прохожего, кормил и поил его, заставлял жать, после жатвы закутывал в сноп, отрезал ему голову и уносил к себе³. Остатки подобного обычая сохранялись в XIX в. в Германии, где жнецы во время жатвы зазывали прохожих, причем точили косы и пели: «мы поразим господина нашими обнаженными мечами, которыми стрижем поля и луга», и завертывали прохожего в последний сноп⁴.

В финикийской жатвенной мифологии и обрядности, как она изображена в тексте о богине Анат, аналогичные представления выступают весьма ярко и красочно, и в форме, наиболее приближающейся к первоначальным доанимистическим антропоморфным представлениям. Колосья, покрывающие поля, это — «люди», «народ», т. е. живые существа. Им рубятся «головы», из которых Анат получает свою добычу — «груды зерна». В тексте Danel тот же миф получил новую форму, в новом развитии: умерщвляется уже не «народ», а его представитель или властитель Акхат, бог хлеба, и умерщвляет его уже не сама Анат, а ее посланец или воин, Иотпан. Простые, примитивные олицетворения обрастают новыми дифференцированными олицетворениями анимистического происхождения, как об этом свидетельствуют текст НК и эпос АВ. Появляется Ара — «Жатва», от еврейского *ʾara* — «собирать плоды, пожинать», со своей дочерью Пидри — «Жирухой», появляется бог созревшего зерна Дагон или Даган с подчиненными ему богами Кошарот, подательницами достатка, богатства и счастья (их имя надо связывать с глаголом *kaṣar* «удаваться» и существительными *kiṣaron* «успех, прибыль» и *koṣaga* — «счастье, преуспевание»). Появляется еще одна богиня, совершающая жатву, Никаль, символизи-

¹ Ф р э з е р. Золотая ветвь, т. III, стр. 144—145.

² Там же, стр. 159—161.

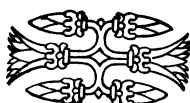
³ Там же, стр. 140—141.

⁴ J a h n, Die deutschen Opferbräuche bei Ackerbau und Viehzucht. 187; Ф р э з е р. Золотая ветвь, т. III, стр. 146.

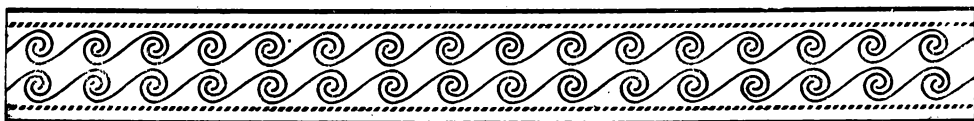
рующая серп молодой луны и серп, которым производится жатва. Появляется специальный бог лета Хархаб, бог-отец хлеба Данел и другие, пока еще не вполне ясные персонажи. Из всех этих божеств создается специальная группа 'elm n'mm, благостных богов жаркого лета и плодотворной осени¹.

Столь же разнообразна и красочна обрядность этого периода, выступающая в тех же текстах. Кроме магическо-драматической обрядности, описанной в тексте 'Anat II, и упоминающейся там же магической церемонии вызывания росы, в этом тексте выступает общинный пир по случаю окончания жатвы и сбора плодов. В тексте Danel фигурирует обряд принесения жертвы рефайм, т. е. богам-предкам, сопровождающий окончание жатвы, а также магический обряд «согревания облаков» перед началом жатвы, постулирующий необходимость для жатвы сухую погоду. В тексте НК упоминается обряд летнего *īērbōz ūārmōz* и имеется гимн в честь богинь Кошарот, несомненно связывавшийся с обрядом их призывания. Все перечисленные обряды выступают совершенно четко и ясно; но, конечно, ими не исчерпывается обрядность жатвенного периода.

И текст Danel, и текст НК еще ждут своего детального исследования, которое должно расшифровать все их темные и дефектные места, термины и имена и полностью выяснить содержание этих интереснейших памятников. Тогда создастся надежная база для полной реконструкции финикийской жатвенной мифологии и обрядности и для окончательного выяснения ее происхождения и истории. Разрешение этой задачи будет иметь первостепенное значение и величайшую ценность для истории первобытной религии и для разрешения многих весьма важных этнографических проблем.



¹ Богини Кошарот и Никаль, бог лета Хархаб и 'elm n'mm лета и осени выступают в тексте Nikal-Koşaroth, изданном Virolleaud. «Syria», 1936, III, стр. 217.



К ПОХОДАМ УРАРТИЙЦЕВ В ЗАКАВКАЗЬЕ В IX и VIII вв. ДО Н. Э.

П. Н. Ушаков

I

Урартские клинообразные надписи, относящиеся к IX—VIII вв. до н. э., в своей совокупности представляют довольно обильный материал, внимательное изучение и правильное использование которого проливают свет и на древнейшую историю территории Закавказья, т. е. Грузии, Армении и Азербайджана¹.

Они вместе с хеттскими эпиграфическими материалами удачно дополняют довольно скудные и отрывистые сообщения о древних народах Кавказа, сохранившиеся в уцелевших трудах древнегреческих авторов².

Хеттские клинописные таблички Богазкейского архива для XIII—XIV вв. до н. э. дали сведения о стране Хайяса в верхней Армении и о народе кашках (гасгейцах) на черноморском побережье средней части Малой Азии, которые имеют отношение к далекому прошлому Кавказа.

Сверх того, в «Хронике» последнего хеттского царя Тутхалия IV³, датированной приблизительно 1220 г. до н. э., упоминается страна Luusa, или Luisa, название которой совпадает со страной Луша, встречающейся в надписях урартского властителя Менуа, воцарившегося над Биайной за 810 лет до н. э.

Данные, извлекаемые из урартских надписей, надо территориально разделить на две части: одни касаются западного Закавказья, т. е. в основном древнейших народов Грузии, другие относятся к походам правителей Биайны от их центра—области вокруг озера Ван—к озеру Севан и в примыкающие к нему районы, т. е. касаются центрального и восточного

¹ Основные публикации урартских текстов: A. H. S a y c e, The cuneiform inscriptions of Van. (JRAS, 1882—1929; C. F. Lehmann-Haupt, Corpus inscriptionum chaldicarum, Berl. — Leipz., Erste Lieferung, 1928; zweite Lieferung, 1935; M. T s e r e t h e l i, Die neuen chaldischen Inschriften König Sardurs von Urartu (NH1), Heidelberg, 1928; М. В. Н и к о л ь с к и й, Клинообразные надписи Закавказья. МАК, V, М., 1896; е г о ж е. Клинообразные надписи ванских царей, открытые в пределах России. М., 1893; Н. М а р р и И. О р б е л и. Археологическая экспедиция в Ван. СПб., 1922; «Урартские памятники Музея Грузии». Издал Г. В. Церетели, Тбилиси, 1939.

² Устаревший, но довольно полный обзор этих сведений см. у П. К. У с л а р а, Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881. Основная сводка греческих и латинских текстов с русским переводом—труд акад. В. В. Л а т ы ш е в а, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I—II, СПб., 1890—1904.

³ См. R. R a n o s z e k, Kronika króla hetyskiego Tuthaliasa IV, RO, t. IX (1933); стр. 55.

Закавказья. При этом прежде всего заслуживают внимания сообщения этих надписей о народах и странах: для западных областей—Диаухи, Вицерухи, Луша, Катарза, Кулха, Игани, Хахаве, а для среднего и восточного Закавказья предметом изучения должны явиться 23 племенных названия, упоминаемых в Кологранской урартской надписи на скале у берега озера Севан.

II

О народе страны Диаухи, тесно связанном с Кавказом и известном грекам под именем таохов, говорят надписи трех правителей Биайны: Менуа (810—785), Аргишти (785—760) и Сардура, сына Аргишти (760—733). Надписи этих трех царей повествуют о войнах, которые в течение 80 лет урартийцы вели против диаухов-таохов. От Менуа сохранились об этой борьбе две надписи: одна, так называемая Язлуташская (CIC^h, № 24), сообщает о подчинении царю Менуа царя диаухов (т. е. правителя таохов) Уцупурси. Эта надпись в 36 строк вырезана среди скал в местности между турецким городом Гассан-кале и Делибаба.

Другая надпись Менуа, ныне хранящаяся в Музее Грузии¹, извлечена из стены одного из домов селения Зивин, расположенного по дороге в Эрзерум. Начало ее отломано, и только одна фраза имеет значение: «Менуа говорит: я завоевал город Шашилуну». Этот город упомянут и в Язлуташской надписи, где он обозначен как столица диауховой страны. Из местонахождения этих двух надписей можно сделать вывод, что страна Диаухи простиралась в своей восточной части от Эрзерума до Гассан-кале, а на западе она могла доходить до Черного моря.

Судя по крупной дани, взысканной царем Менуа с царя диаухов Уцупурси, а также по тому, что в покоренной стране Менуа упоминает три города—Шашилу, Зуа и Уцуха, надо полагать, что диаухи за 800 лет до н. э. являлись богатым и культурным народом, тогда как их потомки—таохи—в эпоху Ксенофонта представляли картину обнищания и запустения.

Язлуташская надпись содержит 28 строк исторического повествования, за которыми следует еще 8 строк, содержащих шаблонную формулу проклятья по адресу того, кто испортит надпись, разрушит или исказит ее текст. Она гласит:

1. Бога Халди выступило собственное воинство
2. в страну диаухов—в страну многолюдную.
3. Бог Халди могуч; халдово воинство
4. могуче. Благоустроением бога Халди
5. выступил Менуа, сын Ишпуини;
6. вместе (с ним) выступил бог Халди. Менуа
7. говорит: я завоевал страну диаухов;
8. город Шашилу—город царский—я штурмом взял;
9. страну я сжег, дворцы (укрепления)
10. разорил до страны Шешети
11. и городу Зуа подвластного города Уцуха.
12. Менуа говорит: Уцупурси, царь
13. диаухов, явился ко мне;
14. он доставил заложников (kurieli), склонился ниц.
15. Я смилостивился (siluadi), он был прощен (makuri), я подчинил его подушной (piei)² подати;
16. он дал золото, серебро, дал дань.

¹ Г. В. Церетели, цит. соч., стр. 43—44.

² Буквально: «поименный».

Далее Менуа говорит об освобождении томившихся у диаухов в плену урартийцев и о захвате им коней и колесниц у неприятеля, об ограблении дворцов в стране Балтулхи и в «стране города Халдириулхи».

Надпись дает нам имя царя диаухов-таохов, которому можно найти этимологию на базе картвельских языков. В самом деле, уцу-пурси поддается истолкованию в смысле «черный овод»,—именование это подходит для вождя древнего времени. На чанском языке уса (уча)—«черный», *purzi*—«овод».

О Балтулхи, область которого была смежной со страной Диаухи и который, по всей вероятности, являлся вассалом царей диаухов, сообщает некоторые сведения надпись сына Менуа, царя Аргишти, говорящая о войне, которую против диаухов снова вели урартийцы. Эта надпись открыта еще А. Лейярдом на камне под алтарем церкви Сурб Сахак в гор. Ване, впервые опубликована Сэйсом под № 45 (JRS, XXVI (1894), стр. 623—628). Начало и конец надписи исчезли, в ряде строк не хватает первых знаков. Сохранилось 40 строк. Так как рассматриваемая надпись дает подробные сведения о районах, примыкавших к Закавказью и частью входивших в его пределы (причем эти данные на 400 лет древнее тех, что историки черпают у древнегреческих авторов), то она заслуживает рассмотрения во всех своих частях. Текст ее со строки 2 гласит:

2. Я захватил страну Хуша и направился в страну Диди (Didinie);
 3. город Зуа, столицу
 4. диаухов, я сжег;
 5. поставил стелу в городе Зуа, в стране
 6. Аскалас я 105 дворцов (укреплений)
 7. разгромил, 453 местечка сжег;
 8. из трех стран оторвал я
 9. знать (AMELU taršua) от народа (naraani); присоединил
 10. к моей стране страну Када (Qadaini).
 11. Страну Аскалас (и) город Шашилу я объезд;
 12. 15 180 дней, 2 734 мужчин,
 13. 10 604 женщин сверх того, 4 426 коней (я угнал)
 14. (и) 10 478 быков, 73 700 овец.
 15. Двух царей я удалил¹: Шашки,
 16. сына Ардараки, (и) Балтулхи, сына Кабилу.
 17. Правителей на (их) место поставил; царя Диауха
 18. я вассалом² сделал, подчинил (aaldubi) подушной (piei) подати.
 19. Вот какую дань (ali mese) Аргиштию диауховец (Diauhinise)
 20. дал: 41 мину золота чистого (tuaie), 37 мин серебра,
 21. (2)0 тысяч мин меди, 900 верховых коней, 300 быков,
 22. 10 000 овец, какую дань он на место (esi) и пригнал (aguni).
 23. В стране диаухов я установил (terubi) годовые налоги (muni) в виде дани (ardišee),
 24. а именно: (10) мин чистого золота, 10 000 мин меди,
 25. (100) быков, 100 коров, 500 овец, 300 верховых коней
 26. (его) гвардии собственных я добился доставления³.
- После упоминания о победе над странами Этиуни надпись продолжает:
33. Аргишти говорит: вот какие (alieli) цари
 34. (были) союзники (arnuiali) у Диауха, я их одолел,
 35. я захватил страну Луша, страну Катарза,
 36. страну Эриахи, страну Гулутахи,
 37. страну Вицерухи.

¹ edia dubi—буквально: «прочь сделал».

² bura—буквально: «рабом».

³ ašgubi, т. е. получил обещание ежегодной дани в таком размере.

38. Я отправил (kutabi) добычу (pari) страны Апууни. Царя страны Луша

39. из (этих) стран я удалил (ediadubi), а (царя) страны Игани вассалом

40. сделал и на месте (esi) (Луши) поселил, и он (иганиец) дань Аргишти доставил...

Перед нами живая картина бесконечных поборов, вытягиваемых властителями Биайны у побежденных племен Закавказья и примыкавших к нему областей.

Страна диаухов-таохов рисуется богатой золотом, медью, скотом и лошадьми. Вследствие порчи надписи после строки 40 утратились сведения о контрибуции, взысканной Аргишти со страны Ига, или Игани. Интересно отметить, что Аргишти называет союзниками царя диаухов страны Луша и Катарза, которые позднее объединялись под названием страны Кулха, т. е. Колхида.

В самом деле, в «Хронике» царя Сардура, сына Аргишти, мы уже не встречаем названий стран Луша и Катарза: у него с областью Вице-рухи вместо них соседит страна Кулха. Таблица вторая¹ этой огромной надписи начинается словами Сардура: «я выступил в страну колхов» (uštadi MATU Quulhaidi).

Строки 49—53 этой таблицы, повидимому, содержат упоминание о стране диаухов. Текст гласит:

49. бога Халди выступило собственное воинство

50. (и) осилило Рашу, царя страны Рушиани,

51. одолело страну Диуцина,

52. иганийца (iganiehi), царя страны (Диа)ухи,

53. повергло ниц перед Сардуром, сыном Аргишти.

Если царь Диуцин, родом из страны Игани, начинавшейся от озера Чалдыр² и простиравшейся оттуда к северу (по крайней мере—позднее) до нынешней Абхазии, назван здесь царем диаухов, то это можно толковать в том смысле, что в эпоху царя Сардура иганийцы подчинили себе всю страну ослабевших диаухов-таохов или часть ее. Следует отметить, что упоминаемый одновременно с Диуцином царь Рашу правил страной, имя которой в форме Рушуани приводится в Колагранской надписи. Эта страна лежала к северу от Севанского озера, и ее западная окраина могла приближаться к той части страны диаухов, что находилась во власти Диуцина.

Сопоставляя все сведения о диаухах, извлекаемые из урартских надписей, находим, что царями у них были: в эпоху Менуа—Уцупурси, занимавший в качестве столицы («города царского») город Шашилу; Аргишти имеет дело уже с другим царем—Диди³, столицей которого был город Зуа. Наконец, при Сардуре царем диаухов является Диуцин, происходящий из страны Игани.

Древним грекам диаухи⁴ были известны уже под именем племени таохов. Последние представляли остатки огромного племени, часть которого отодвинулась к северу. О них Ксенофонт («Анабасис», гл. 7, § 1—4) говорит:

«Таохи жили в укрепленных местах, где и хранили собранные запасы всякого провианта ... Здесь взято было ... много быков, ослов и овец».

¹ «Археологическая экспедиция в Ван 1916 г.»; у М. Церетели—столбец С.

² В «Летописи» Аргишти (Сэйс, № 37) назван город «Макалтуни, страны Игани». Надпись в деревне Даш-Керпи у Чалдырского озера также называет этот город.

³ Ср. грузинское didi—«великий», «большой».

⁴ Ср. И. И. Мещанинов, Надпись Менуа из сел. Зивин, ДАН, В, 1931, № 5, стр. 69.

Так как за землею таохов лежала земля халибов, пройдя которую эллины пришли к реке Арпасу, то можно локализовать племя таохов в верхнем течении реки Чороха, которая тогда называлась *Az-pasos*, т. е. «бычачья река», если допустим этимологию на базе картвельских языков¹.

Позднее греки, переводя это наименование на свой язык, называли эту реку *Bóas*².

Из описания Ксенофонта видно, что таохи, как и диаухи, с успехом занимались скотоводством: и у тех и у других победители (урартийцы, греки) забирали множество быков и овец. Но таохи, оттесненные в глухие горы к побережью, обеднели, и их культурный уровень к 400 г. до н. э. значительно снизился, так же как и их численность.

В надписи Аргишти в Сурб Сахак после описания поражения Диауха и взятия с него огромной дани говорится о победе урартийцев над союзниками Диауха и захвате стран Луша, Катарза, Эриахи, Гулутахи и страны Вицерухи. Затем Аргишти указывает на то, что царя страны Луша он удалил из его страны, а царя страны Игани обратил в вассала и взыскал с него дань. В других урартских надписях постоянно из перечисляемых у Аргишти стран вместе повторяются и рядом упоминаются три: Луша, Катарза и Вицерухи. Так, в надписи из Сурб Погос (СІСh, № 13) цари Ишпуини и Менуа говорят о войне против этих стран и о получении с них дани. В строках 12—16 передней стороны этой стелы и 3—4 оборотной читаем:

«Вицерухи, Луша, Катарза—владельцы замков, царей Этиунских союзники, выступили» (против урартийцев).

Повидимому, страна Этиуни была названием области, простиравшейся между Диаухи, с одной стороны, и Вицерухи, Луша, Катарза, Игани—с другой.

Надпись тех же царей, найденная в селении в 30 км к северу от Вана (СІСh, № 14)³, говорит кратко о победе над Вицерухи, Луша и Катарза.

В столбце VII «Хроники» Аргишти (Сэйс, № 43, Шульц, VI) упоминаются: страна Этиуни, далее Эриахи, Катарза и, наконец, Вицерухи. Строки 47—50 гласят:

«Я выступил в страну Этиуни, забрал я Эриахову (^mEriahi) страну, страну, принадлежащую Катарза (Katarzaae), продвинулся за добычей до страны ишкигулуев (MATU Išqiguluue); мужчин и женщин погнал я (šiubi) в страну Биайну».

Далее (строки 52—56): «Я выступил в Вицерухову страну (^mUite-ruhinie), страну я объел, города пожег... я захватил город Амегу... и столицу Вицерухи (^mUiteruhi), бывшие укрепленными».

¹ Ср. грузинское «хари» (древнегрузинское «кари» — «бык» и «пша» (пас) — «родник у берега реки» («География Грузии царевича Вахушти», перевод и примечания М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904, стр. 183). Рачины в Грузии истоки реки Риона и теперь называют пасис-цхали, т. е. «родниковой рекой» (водой).

² Конечно, *Bóas* надо связывать с *boas* «бык», а не с *boas* — «реву, как бык», «вызываю шум», как это обычно делается. Как пример перевода туземных названий на греческий язык можно привести имя народа лимнеев («приозерных») у Азовского моря в «Землеописании» Скимна Хиосского (В. В. Латышев, цит. соч., стр. 89: *λίμναιον ἔθνος*), что является вариантом имени народа синдов (*σίνδοι*, там же, стр. 279); хеттское *suanta* — «поток», «река».

³ См. также И. И. Мещанинов, Халдская надпись из сел. Гюсненц, ДАН, В, 1930, № 2; Эта надпись указывает на то, что эти три племенных образования Закавказья представляли собою значительную боевую силу, так как, говоря о борьбе с ними, Ишпуини и Менуа нашли нужным перечислить состав собственной армии, которая состояла из 4 430 кавалеристов, 15 760 пехотинцев и включала сверх того 66 военных колесниц (строки 13—14).

Замечательно, что везде перед «Луша», «Вицерухи» и «Катарза» в клинописи мы находим детерминатив лица, а не страны¹.

В этих трех именах следует видеть фамилии династий, управлявших племенами, или, вероятнее всего,—просто титулы царьков—вождей племен. Последнее понимание, во всяком случае, применимо к именам Luša и Katarza: «Луша» созвучно с урартским a-lusi—«князь», «Катарза» содержит в себе, повидимому, протохеттский термин katte—«царь». Как назывались племена, которые в период раздробленности упоминаются в урартских надписях как «Луша» и «Катарза»? Повидимому, позднее эти две области в урартской клинописи появляются в виде «страны Кулха», т. е. с названием, в котором узнаем Колхиду древнегреческих писателей.

В «Хронике» Сардура² описывается сперва поход в страну Кулха, а затем в страну Вицерухи. Итак, для Сардура уже не существует всегда до него неразрывно упоминавшихся стран Луша и Катарза: они у него объединены в названии Кулха; только Вицерухи, всегда связанная с первыми двумя, и у него следует за новым названием Кулха. В строках 2—15 «Хроники» Сардура о Кулха и Вицерухи дает подробные сведения. «Сардур говорит: я направился в страну Кулха (Колхиду); город Илдамуса (ALU Ildamusani), город царский царя (Луша) 𐎶. šai), бывший укрепленным, я штурмом (gunusaa) взял; народ пожег; старшин, которые находились в стране Кулха (MATU Qulhai), я перебил; железную доску я соорудил (и) надпись в городе Илдамуса поставил. Дворцы (и) города я пожег, разгромил; страну я объел; мужчин, женщин я угнал (ragubi)».

Далее (строки 18—44) рисуется разорение области Вицерухи. «Сардур говорит: вот сколько для государства (AMELU tatuhi-hutatuhi—«царство») я сделал: 8 100 детей я добыл, 9 100 женщин угнал, всего 17 200 народу; одних я убил, других живыми забрал; 1 500 коней я угнал, 17 300 быков, 31 600 овец. С помощью бога Халди эти прекрасные деяния я в один год совершил». Как мы видим, страна колхов, распадавшаяся при родоплеменном строе на независимые области под управлением вождей и старшин, а частью объединяемая в руках царя («Луша»), имела достаточное население и много скота, там уже процветало коневодство. В эпоху Сардура области Луша и Катарза объединились под главенством царя Луша (если восстановление стершейся части имени правильно), а область Вицерухи, наоборот, успела раздробиться, и Сардур подчинил в ней своей власти «трех старшин». После «Летописи» Сардура в исторических сведениях о колхах у нас имеется перерыв более чем в два века, т. е. до той эпохи, когда логографы, затем Геродот и, наконец, Ксенофонт закрепили сообщения о народах Кавказа и смежных областей. Гекатей Милетский за 500 лет до н. э. писал (фрагмент 190³), как передает Стефан Византийский:

«Рядом с землей вехиров живут хои, с хоями соседят с востока дизирь».

В имени племени хои⁴ можно видеть последний пережиток именования древнейшего народа, жившего за 1300 лет до н. э. в Армении: хайаса. О государстве Хайаса, войнах против его царей и договорах с ними много говорят хеттские летописи⁵.

Имя дизиров (δίζηρες) решительно нигде более не встречается. Вероятнее всего, начальная δ—описка переписчика: вместо β. Допуская чтение

¹ Единственные исключения: для Луша—ŠARRU MATU Lušae в строке 38 надписи Сурб Сахак (Сэйс, № 45), а для Вицерухи—«Хроника» Сардура, III, 18.

² Археологическая экспедиция в Ван, ст. III. M. Tseretheli, Die neuen chaldischen Inschriften König Sardurs von Urartu (NH I), Heidelberg, 1928, столбец D; C э й с, № 96.

³ В. В. Л а т ы ш е в, цит. соч., т. I, выпуск 1, стр. 3.

⁴ хoi—дательный падеж хoiu.

⁵ См. E. F o r g e r, H aj a s a - A z z i («Caucasica», 1931, № 9, стр. 1—24).

«визирь», мы узнаем в этом этническом именовании народ вицирухи¹ урартских надписей: Тот же Стефан Византийский в своем географическом словаре² сообщает: «визирь—народ в Понте, есть и визирская гавань». Дионисий (современник императора Адриана) в своем «Землеописании» говорит³: «обрати внимание на Понтийские народы, скученные к западу от колхов и реки Фазиса, вдоль берега Эвксина до Фракийского устья, где Халкидская земля: сначала визирь и вблизи их племена вехиров, макроны, филиры и те, которые имеют деревянные башни-моссинь; вблизи их—богатые стадами тибарень».

Что касается колхской страны Катарза, покоренной царем Аргишти вместе с Луша, то ее имя сохранилось в названии области Котарзены. В «Географии» Клавдия Птолемея⁴ (книга V, глава XII) читаем: «область Армении у Мосхийских гор Котарзена». Позднее это—известная область Грузии Кларджи, у арабов—Каларджет, у армян—Кларджа.

Племена диаухи-таохи и катарза отразились в форме географического названия древней Грузии—Тао-Кларджетия⁵.

Какой народ жил в эпоху урартийцев к северу от колхов, т. е. в глубине Кавказа, далее стран Диаухи и Кулха? На этот вопрос из военных хроник царей Биайны получаем ясный ответ: к северу за вицирухами и диаухами расположена была страна Ига, или Игани. Жители этой страны по-урартски именовались иганиехи.

-*hi*- широко распространенный в урартском языке суффикс, служивший и для образования этнических имен. Вариант его, по всей вероятности, диалектальный: -*ki*-. Не приходится в настоящее время удивляться тому, что большое число племен восточной части Малой Азии и Кавказа у греческих авторов носят именованья, оканчивающиеся на -*χοι*, -*χοι* (кардухи, мосхи, гениохи, колхи, таохи и т. д.).

Об иганиехах и стране Игани урартские надписи дают следующие сведения: в надписи Сурб Сахак, как выше уже сказано, Аргишти говорит о том, что он сделал своим вассалом царя страны, Ига, и тот принес ему дань. В своей «Хронике» (I, 11) этот же царь Биайны сообщает: «город Макалтуни, страны Игани (MATU Iganini), я подчинил». Эта фраза дает возможность точно определить, по крайней мере, южные пределы расселения иганиехов в VIII в. до н. э. Семистрочная надпись Сардура, сына Аргишти, обнаруженная в бывшей Карсской области, у деревни Даш-Керпи⁶, близ Чалдырского озера, говорит о захвате города Макалтуни. Следовательно, страна Игани, находившаяся в западной части Закавказья, простиралась до Чалдырского озера. В той же своей «Хронике» (III, 47 и 56) Аргишти еще два раза упоминает о победе над страной Игани, ее захвате и разорении ее дворцов, разгроме (*ḥarḥaršubi*) и сожжении (*amaaš-tubi*) ее городов. Сын Аргишти, Сардур, сперва в своей «Хронике» (II, 51—52) упоминает о победе над царем Диуцином, иганийцем (*Iganieḥi*), царем страны (Диа)ухи, а далее (столбец V, 6—10) описывает войну против самой страны Игани: «я выступил в страну Игани (MATU

¹ Основа «вицир»; «хи»—суффикс. В клинописи встречаются два написания: Uiteruḥi u Uitiruhī.

² В. В. Латышев, цит. соч., стр. 257.

³ Там же, стр. 186. О визирах упоминает также Аполлоний Родосский в своей поэме «Поход аргонавтов»: «с сапирами соседят визирь, за которыми следуют уже сами воинственные колхи».

⁴ В. В. Латышев, цит. соч., стр. 244. О визирах см. еще Страбон, XII, 3, 18; Помпоний Мела, I, гл. 19.

⁵ Н. Я. Марр, Георгий Мерчул. Житие Григория Хандатийского, СПб., 1911, стр. I—II, VI, XV, XVI, XIX, XXII.

⁶ Н. Я. Марр. Надпись Сардура II, сына Аргиштия, в Даш-Керпи на Чалдырском озере. Пгр. 1919.

Iganiehi), выступило и бога Халди собственное воинство. Оно одолело Капури (Qarurini), царя страны Игани (MATU Iganii); бог Халди могуч, могуче халдово воинство». Дальше мы читаем: «Сардур говорит: 35 дворцов (укреплений), 200 местечек в один день я забрал, дворцы (укрепления) я разгромил, города сжег, страну объез, мужчин и их (ištini) жен угнал в страну Биайну».

Этот текст рисует страну Игани как богатую, густо населенную область. Перед ее упоминанием Сардур ведет речь о странах Этиуни и Эриахи, а о покорении стран Вицерухи и Кулха рассказывает уже в третьем столбце. Поэтому локализация иганиехов к северу от колхов-луша-катарзавицирухов и, тем более, севернее диауфов оправдывается. Можно допустить, что такая обширная и многолюдная страна, как Игани, простиралась от Чалдырского озера к северу на большое пространство, уже при Сардуре достигая территории нынешней Абхазии. В какой же форме название этой страны было воспринято греками?

Все говорит за то, что греки—отчасти под влиянием народной этимологии—превратили иганиехов в гениохов. Так как это имя в последней форме по-гречески означает «возницы», то у древних греков возникла легенда о происхождении из Греции от пеласгов как этой кавказской народности, так и соседивших с ними ахеев, название которых созвучно с именованием ахейцев древней Греции. В хеттских клинописных надписях в одних и тех же собственных именах и названиях стран и городов давно отмечено чередование k, g, h¹; исчезновение начального i имеет для древнегреческого пример в соответствии греческого именования скифов ассирийскому iškuza. Таким образом, имя (и)-ганиехи унаследовано греками в форме гениохи с осмыслением на почве греческого языка. Гениохов упоминают Скилак Кариандский и «Перипл» безыменного автора, приписываемый Арриану. Страбон дает ряд интересных сведений о них. «За гениохами,—говорит он,—находится Колхида, лежащая под Кавказскими и Мосхскими горами» (кн. XI, гл. II, 1). Ахеи и гениохи, как он сообщает, живут морским разбоем, находятся под властью так называемых скиптродержцев, которые, в свою очередь, подчинены тиранам или царям. У гениохов было 4 царя, когда Митридат Евпатор во время бегства на Босфор из своей земли проходил через их страну (гл. II, 12—13).

В «Перипле» безыменного автора упоминается, что за колхами живут махелоны и гениохи; царем у них (в эпоху императора Адриана) Анихал; «народ гениохов разноплеменный». Последнее указание вполне приемлемо, так как иганиехи еще в VIII в. до н. э. захватывали территории, лежавшие далеко от их основных районов. Это можно сказать о городе Макалтунни у Чалдырского озера и об управлении диаухами иганиеха (иганийца) Диудина. Собственных имен гениохов-иганийцев мы имеем три: Диудин, Капурини, Анхиал. Все они имеют своеобразный, не индоевропейский вид и указывают на связи иганийцев с народами Малой Азии хеттского корня.

Соседями гениохов, по греческим источникам, являлись ахеи (Ἀχαιοί), или ахейцы. До последнего времени можно было думать, что в этом этническом имени мы имеем только случайное созвучие с ахейцами древней Греции. Однако в хеттских клинописных надписях исторического содержания, как оказалось, упоминается страна Ахиява (Aḫḫiḫaḫa, Aḫḫiḫa), которую большинство хеттологов локализует в Малой Азии². Имена

¹ A. G ö t z e, Kleinasien zur Hethiterzeit, Heidelberg, 1924.

² F. S o m m e r, Aḫḫiḫaḫafrage und Sprachwissenschaft, München, 1934, стр. 93; F. S c h a c h e r m e y e r, Hethiter und Achäer, Leipzig, 1935. Имена людей страны Ахиява приведены на стр. 90.

жителей и правителей Ахиявы, т. е. имена соприкасавшихся с хеттами ахейцев, носят чисто малоазиатский, а вовсе не индоевропейский или греческий облик (Tavakalava, Atpa, Lahurzi, Avaiana). Таким образом, где-то в Киликии уже в XII в. до н. э. сидело племя ахейцев. Можно допустить, что позднее эти ахеи, подчинив себе эгейскую Грецию, образовали то ахейское царство, о котором говорит эпос Гомера. Допустимо, что часть малоазиатов-ахейцев распространилась к северу и кавказские ахейцы являлись их потомками.

С ассирийцами соседнили Хаабхи (ранее имя этой области читали неправильно: Kilhi, Kir-hi), а в «Хронике» царя Аргишти (Сэйс, № 38, 43) упоминается страна Хахаве (MATU Nahave). Урартское Хахаве, Хахава только изменение ассирийского названия Хаабхи. Правильное чтение последнего дано только недавно Э. Форрером и в 1935 г. — Вейднером¹. О северном местоположении страны Хаабхи можно судить по надписи Тиглатпаласара², который говорит: «Я — завоеватель 4 стран света, стран Наири от Тумми до Дайани (=диаухи, таохи), завоеватель страны Хаабхи³ до Великого моря».

Что касается южных ахеев, то их имя можно усмотреть в названии страны Куэ (Que) — Киликии в надписях более поздних царей Ассирии, к чему имеют отношение и гипахеи у древнегреческих авторов. Во всяком случае, как гениохи, так и ахеи Кавказа связаны с более древними народностями Малой Азии.

III

Наиболее обильные сведения по географии древнего восточного Закавказья дает нам Колагранская надпись Русы I (733—714 гг. до н. э.), вырубленная на скале над Севанским озером и значительно поврежденная рукою времени. У М. В. Никольского⁴ она издана под № XVIII, у А. Г. Сэйса — под № 55. В SICH ее издание намечено под № 147. Снимок копии этой надписи, снятый А. А. Ивановским в 1893 г., вызывал сомнения, и по этой причине за последние 15 лет произведены попытки проверить на месте эту клинописную надпись. В 1927 г., преодолевая трудности природных условий, копию с надписи снял С. Бархударян, однако и его эстампаж вызвал разночтения у интерпретаторов. В 1931 г., учитывая работу Бархударяна, Гр. Капанцян предложил чтение и перевод этой надписи⁵, но в статье акад. И. И. Мещанинова «Колагранская надпись», вышедшей в следующем году⁶, некоторые места в чтении отличны от предлагаемых Капанцяном и перевод иной.

Базируясь на этих двух свежих работах, а также на публикации снимка надписи по эстампажу Бархударяна в ереванском журнале «Орагир» (1927, № 3, стр. 39—57), лейпцигский хеттолог И. Фридрих в 1937 г. предложил свой перевод надписи с указанием разночтений в названиях стран. Его статья «Die Urartäische Inschrift von Kolagran» опубликована в томе IX датского журнала «Acta Jutlandica»⁷ и является ценным вкладом в интерпретацию текста надписи. Таким образом, имеются уже три работы, где учтена копия, снятая в 1927 г. Но обследование

¹ AOf, 1935, В. X, Н. 4—2, стр. 20.

² С. F. L e h m a n n - H a u p t, Armenien einst und jetzt, В. II, стр. 115—116, Berlin — Leipzig, 1926.

³ У Леманна по-старому «Кирхи».

⁴ МАР, М., 1896, т. V, стр. 120—131 и табл. XXXI.

⁵ Гр. К а п а н ц я н, Халдская надпись Русы I из Колаграна. Ереван, 1931, Арм. гос. издат.

⁶ ИАН, 1932, № 1.

⁷ В первой части этого тома, озаглавленной «Mélanges linguistiques offerts à M. Holger Pedersen», стр. 518—536.

надписи на месте этим не закончилось. Большую энергию в проверке клинописного текста *in situ* проявил Б. Б. Пиотровский. В 1932 г. он на лодке подъехал к надписи и сверил эстампаж с подлинником, отметив разночтения. В 1934 г. он спустился по веревке на доску, подвешенную на канате, и, стоя на качающейся доске, снова проверил текст. В письме от 11 января 1936 г. он любезно сообщил автору настоящей статьи о своих наблюдениях.

Выяснилось, что сохранность самой надписи лучше, чем можно было предполагать по эстампажу. Сбита средняя часть двух верхних строк и нижняя часть правой стороны текста. Остатки нижних строк во многих местах покрыты известковым налетом, закрывающим знаки.

Чтения Б. Б. Пиотровского в сравнении с публикациями акад. И. И. Мещанинова и Гр. Капанцяна весьма ценны, так как вносят окончательный свет в целый ряд неясных мест. Несомненно, что в строке 3 надо читать *maguuli*, а не *teguulini*, в строке 5—*irani*, а не *inani*; в строке 6 имеется название страны *Gurqumeli*. В строке 7 чтению *Ahuaini* (И. И. Мещанинов) следует предпочесть *Ariaini*. Чтение Капанцяна *Amaani* неверно: стоит, как показано и у И. И. Мещанинова, *Zamaani*. Не оправдываются в оригинале чтения Капанцяна в строке 8, где ясно написаны названия стран *Irkimatarni* и *Elaini*. Далее надо читать *Turuaini*, а не *Piruaini*; *Melaaini*, а не *Silaaaini*.

Название страны *U(-)duaini* остается спорным по отношению ко второму клинописному знаку: этот знак или *i*, или *še*. Чтение *Ušeduaini* допустимо, если при нынешней неясности знака придавать значение более старому чтению Никольского. В тринадцатой строке идеограмма года, отмеченная Капанцяном, совершенно ясна. В начале строки 15 перед знаком *na* был какой-то знак, ныне разрушенный. Имеются все основания полагать, что это был знак *ni*, и, следовательно, надо читать первое слово строки 15 как *nunaadi*, что значит «я прибыл».

Очень важно решение Б. Б. Пиотровским вопроса о первом знаке в строке 17: здесь стоит *'a*, и, хотя Фридрих в своей работе настаивает на другом чтении, так как «*'a* не дает никакого смысла», следует принять имеющееся ясное в оригинале чтение и предложить соответственный перевод.

Таким образом, окончательный текст Колагранской надписи в восстанавливаемом виде гласит:

1. Благоустройением (*ušmašini*) бога Халди владыки, Руса,
2. сын Сардура, говорит: я эти страны
3. единому (*šusinie*) закону (*ušti iptini*)¹ подчинил² и вассалами³ сделал:
4. страны Адаху, страны Великухи, страны Луеруху,
5. страны Аргухи—четыре царей, живущих (*aptini*) к югу (*išani*) от озера;
6. страны Гуркумели, страны Шанату, страны Териуш,
7. страны Рушу, страны ... зуа, страны Ари, страны Замани,
8. страны Иркиматарни, страны Элаини, страны Эриелту,
9. страны Адаманиу, страны Гури, страны Альзира,
10. страны Туру, страны Мела, страны Ушеду (Уиду),

¹ Буквально: надписи (*ipte*, *ibte*) об устройстве (*ušti*).

² *maguuli* вместо *maguubi li* «я их подчинил, смирил»; ср. *makuri*—«были усмирены, смирились».

³ Буквально: «рабами (*bura*) сделал».

⁴ У названия этой и многих из далее перечисляемых стран окончание *-aini* надо признавать за суффикс и потому в переводе опускать; ср. местоимение *aini* «весь», «вся».

11. Страны Ацаза, страны Эриа..., страны Азамеруни—
12. девятнадцать царей, живущих (artini) к северу (iřani) от озера в горах (babania)
13. высоких¹—всего 23 царей в один год я полонил (ařgubi);
14. мужчин, женщин в страну Биаину я угнал; за годовой (řaali) податью (meřini)
15. я явился (nunaadi); я построил эти крепости.
16. Эти мои (inuki) пограничные² области я привел в порядок³.
17. здесь ('а) эту крепость для (своего) жительства (badusie) я построил; положил (terrubi) (ей) имя (tini).
18. Тешуба-град—для благоустройства (uřmaře) странам Биаины и (для) устрашения вражеским странам⁴.

Строки 19—20 сильно повреждены.

Колагранскую надпись дополняет и правильность ее перевода подкрепляет найденная в июле 1927 г. в Армянской ССР, на армянском кладбище у города Нор-Баязета, урартская клинописная надпись, содержащая восемь строк⁴. Замечательно, что эта надпись, говорящая о покорении страны Великухи, упоминаемой и в Колагранской надписи, включает в себе ту же формулу, какая входила в состав строки 18 Колагранской надписи, но плохо сохранилась, и какая в полной сохранности читается в «Хронике» Сардура⁵. Это фраза, объясняющая цели постройки крепости.

Нор-Баязетская надпись содержит следующий текст:

1. Благоустроением бога Халди, Руса,
2. сын Сардура, говорит: царя страны Великухи
3. я победил, рабом (его) я сделал; из страны прочь удалил;
4. правителя там поставил; Халдовы врата
5. и дворец для жительства (badusie) (своего) я построил, нарек⁶ имя
6. «бога Халди город»,—странам Биаинам для благоустройства(uřmaře),
7. вражеским странам на устрашение (parahiaidi), Руса, сын Сардура,
8. царь могучий, который страны Биаины победоносными сделал (nuulduali).

Сопоставление текстов Нор-Баязетской и Колагранской надписей ставит вне сомнений то положение, что страна Великухи находилась на месте нынешнего города Нор-Баязета, т. е. у юго-западного побережья озера Севан. В ближайших районах надо локализовать и три страны, упоминаемые совместно с Великухи, а именно: Адаху, Луеху и Аркуки. Наоборот, 19 княжеств «в высоких горах к северу (iřani)⁷ от озера», перечисляемых далее в Колагранской надписи, следует размещать к северу и северо-востоку от озера Севан, в сторону Азербайджана, вплоть до

¹ kuruni—буквально: «могучих».

² ediani—буквально «внешние», edi—«из», «сверх», «кроме», iřruubi—буквально «я украсил».

³ Совершенно смытые водою озера за 2 400 лет слова надписи: MATU luluinaui parahiaidi. Фраза строк 17—18 целиком повторена в «Хронике» Сардура (см. М. Т s e t h e l i, NH, 9, 15—18=у М а р р а, столбец IV).

⁴ См. И. И. Мещанинов, Халдская надпись из Нор-Баязета (ДАН, В, 1928, № 8, стр. 168—174). Первый по времени перевод дан Ашхарбек Калантаром в ереванском журнале «Ораг»р № 3, стр. 33—34 (1927). Этой же надписи посвящена работа И. Ф р и д р и х а, Die Inschrift Königs Rusas I aus Nor-Bajazet (АО, (1931), № 2, стр. 257—271).

⁵ В Нор-баязетской надписи текст отличается от текста этой же формулы в «Хронике» Сардура только тем, что слово «вражеские» (страны) обозначено в ней идеограммой.

⁶ Буквально: «положил».

⁷ Третьим из числа терминов, определяющих части света, в урартских надписях является (сверх iřani и iřani) ařtani (С э й с, № 32) = «к востоку».

бассейна р. Куры. Отнесение 19 названий стран к Закавказью отстаивает в своей работе и И. Фридрих¹. Но верно то, что в сравнении с материалом, имеющимся у нас о районах западного Закавказья и прилежащих к ним областях Малой Азии, данные Колагранской надписи представляют меньшую ценность, так как трудно решить, относятся ли приводимые в ней названия племен к крупным единицам, игравшим впоследствии значительную историческую роль, или урартский правитель привел именованья маленьких групп, с которыми сталкивались отряды его войска и которые быстро исчезли из памяти последующих поколений в связи со слиянием мелких этнических единиц в более широкие племенные образования. Несколько предположений можно высказать только по отношению к названиям стран Ари и Териуш, далее, страны Ацаза и, наконец, страны Ушеду.

Время составления Колагранской надписи, отстоящее всего на семь веков от начала нашей эры, заставляет допустить наличие в районах восточного Закавказья скифских племен, вскоре вторгшихся в Переднюю Азию и начавших там производить жестокие опустошения². Были уже попытки признать скифским племя ишки-гулу³, обитавшее, повидимому, где-то к юго-западу от среднего течения реки Куры. Если принять во внимание то, как близко упоминаются в рассматриваемой надписи страны Ари и Териуш (строки 7 и 6), можно допустить, что населявшие эти два района родоплеменные образования позднее слились и образовали крупное племя, именовавшееся «аритери», «аротери».

Такая догадка могла бы объяснить в новом свете происхождение у Геродота (IV, 17—18) названий племен скифов—земледельцев (γεωργοί) и пахарей (ἀροτῆρες). Скифы «аротерес», может быть, получили у отца истории свое именование от осмысления близкого к греческому слову туземного названия. Во всяком случае, наличие в Скифии двух видов скифов—земледельцев и пахарей—прямо непонятно, ведь оба названия означают одно и то же. Та мысль, что именование у Геродота скифов γεωργοί (georg-i) «земледельцами» на самом деле является осмыслением на почве греческого языка бытовавшего в Скифии племенного названия gorg-gurg, находит себе подтверждение у географа Помпония Мелы. Этот римский писатель I в. н. э. базировался, конечно, на более древних источниках. Во второй книге он, повторяя Геродота, упоминает georgi (II, 5, 11), народ Скифии, но в первой (I, 13) он, перечисляя народы Кавказа в направлении с севера на юг, приводит их в таком порядке: achaei, georgili, moschi, sercetae, phoristae, rimphases и далее—matiani, tibarani. Здесь обращает на себя внимание племенное название georgili, стоящее вместо ожидаемых колхов. Возможно, что горгилами (георгилами) скифы называли колхов. Во всяком случае, на Кавказе, оказывается, известен был народ, от имени которого греки легко могли произвести своих γεωργοί—«земледельцев», базируясь на созвучии. Колагранская надпись дает названия двух стран, подтверждающих существование на Кавказе этнического корня -гург-: это страны Гури (строка 9) и Гурку-мели (строка 6).

В стране Ацаза или Атаза (строка 11) можно видеть отзвук позднее ставшего известным древним грекам весьма древнего именованья реки Алазани—Алазонии и поставить в связь с этим названием упоминаемое

¹ «Acta Jutlandica», стр. 532—535.

² В. Ф. С м о л и н, О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии, Казань, 1915, стр. 21—25.

³ И. И. М е щ а н и н о в, Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкознания, Л., 1932, стр. 69.

Геродотом скифское племя алазонов¹. Согласно после начального *a* в данном названии страны представляет собою специфический латеральный кавказский звук—один из тех, которыми богат, например, аварский язык². И этот звук выливался для чужого, иноплеменного уха то в *m*, как это отмечено для анцухского наречия аварского языка, то в *l*³.

Наиболее интересные выводы можно построить на имени страны Ушеду-аини (строка 10), если признать это чтение установленным и допустить, что под именем этой страны скрывается крупная область, о которой урартские властители мало слышали и с которой не имели сношений, кроме случайного и легкого единичного столкновения.

В этом названии района, лежавшего далеко к северо-востоку от Севанского озера—за рекою Араксом, можно усмотреть имя племени исседонов, крупной народности, о которой немало говорят древнегреческие источники. Геродот не имел ясных представлений о географии восточного Закавказья, Средней Азии и Поволжья. В одном месте своей «Истории» (I, 20) он говорит: «массагеты живут на востоке за рекою Араксом, насупротив исседонов; река Аракс течет из земли матиенов». Но в книге IV, в главе XII, отец истории сообщает драгоценные сведения, взятые им у более древнего автора:

«Аристей из Проконнеса в своей поэме рассказывает, что выше исседонов живут аримаспы; аримаспами вытеснены из своей земли исседоны, исседонами—скифы, а киммерийцы, жившие у южного моря, покинули свою страну под натиском скифов».

Если возьмем Колагранскую надпись, то при близости обитания, согласно ее тексту, двух народностей—ари-аини и ушеду-аини—является мысль, что первые в союзе с другими племенами могли потеснить вторых, и предание об этом и последующих этнических передвижках вошло в поэму Аристея.

Обычная локализация исседонов и неясности географии Геродота осложняют, конечно, всю эту проблему. Но, прежде чем помещать исседонов на Урале и отождествлять реку Аракс, через которую теснимые ими скифы перешли, направляясь в киммерийскую землю, с Яксартом, надо вспомнить ясное указание Плиния о том, что исседоны—соседи колхов⁴. Перед этим Плиний перечисляет 12 народов и среди них турков (*turcae*).

Это последнее имя напоминает название страны в десятой строке Колагранской надписи *Turu*, как и называемые Плинием (VI, 19) рядом с исседонами ариаки—*ariacae*—напоминают страну Ариани той же надписи. По-урартски жители страны Туру должны были называться турухи, а обитатели области Ариа ариахи. Все эти совпадения говорят за то, что скифские племена, позднее отмечаемые на юге России и в Украине, в VIII в. до н. э., повидимому, находились в пределах восточного Закавказья.

Подводя итоги всему рассмотренному материалу, следует, конечно, признать, что степень достоверности для устанавливаемых связей между

¹ Геродот, кн. IV, 17: «Выше каллипидов живет другой народ, именуемый алазонами».

² П. К. Услар, Аварский язык, стр. 14, Тифлис, 1889.

³ О роли кавказских латеральных звуков в истории и этногенезе языков см. труд J. G i n n e s k e n, Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase, Amsterdam, 1938.

⁴ «Historia Naturalis», VI, 7: ...supraque essedones—colchis juncti. Историю вопроса и противоречивые теории приводит Hermann в статье «Issedoi, Issedones» (RE IX, 1916, столбцы 2235—2246). Валерий Флакк (VI, 750) упоминает исседонов вслед за иберами—восточными соседями колхов. Ряду современных авторов показалось интересным связать исседонов с рекою Исети. Одни поселяют их в Киргизии, другие (Миннс)—даже в Тибете.

племенами урартской эпохи и народами, упоминаемыми греческими авторами, далеко не одинакова. Однако ряд построений имеет за собой серьезный фундамент, проливая свет на очень темные проблемы древней истории Кавказа. Это прежде всего: позднее появление у урартийцев названия страны Кулха; факт существования у колхов (т. е. в стране Кулха) города Ильдамуша, имя которого в первой половине содержит тот же элемент, что и название реки, читаемое в найденной в Армянской ССР урартской надписи¹, — Ильд-аруна. Далее, отождествление диаухов и таохов, иганиехов и гениохов вполне укладывается в соответствующие географические и исторические рамки. Относительно экономики и социального уклада Закавказья в первую половину I тысячелетия до н. э. урартские надписи рисуют картину богатой скотоводческой жизни и родоплеменной раздробленности населения, что облегчало хищнические набеги восточной деспотии, какою являлась Биайна. Замечателен тот факт, что урартские правители, подводя итоги своих грабительских нашествий и подсчетов добычи, постоянно говорят в надписях: «вот что я для своего государства сделал», «вот какие прекрасные деяния в один год я совершил»². Встречается также фраза, подчеркивающая значение работоторговли как для царя, так и для воинов: «(захваченных) женщин и мужчин я гвардии своей подарил»³ («Хроника» Сардура).

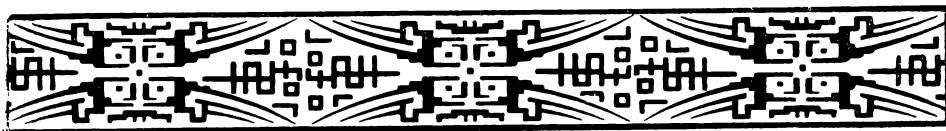
Постоянные вторжения и разорительные для местного населения набеги урартийцев на Закавказье усиливали, естественно, стремление к объединению, к образованию федераций и выдвижению наиболее удачливых племенных вождей на роль царей крупных союзов, вводивших у себя такие порядки, пример которых подавали современные им Ассирия и Биайна. С этим связаны были окончательное разложение родового быта и образование сильных военных единиц, которые должны были, в конце концов, обрушиться на «государства» Передней Азии, что позднее и осуществилось в форме нашествия скифов и киммерийцев, с которым в значительной степени связаны падение Ассирии, Биайны и ослабление Лидии. Какую роль играли в скифо-киммерийском вторжении в эти страны племена Закавказья — сказать трудно ввиду отсутствия источников и каких бы то ни было сведений у древних греческих авторов и в ассирийских клинописных документах. Однако можно предполагать, что роль эта не была незначительной.



¹ Надпись из Звартноца, вблизи Эчмиадзина. См. ВДИ, № 4, стр. 59 (1939).

² «Хроника» Сардура — NH1, столбец В, 38—40: «вот сколько для царства этого я сделал»; NH1, А, 20: «эти прекрасные дела в один год Сардур, сын Аргишти, совершил». Те же фразы: столбец А, 25—26; столбец С, 18; С, 48; D, 43—46; E, 35; F, 32. В «Хронике» Аргишти соответствующие заявления: С э й с, № 37, 16; № 38, 3 и 49—50; № 39, 18, 19, 45; № 40, 10—13 и 41; 65—66; № 41, 10—11; № 43, 9—10 и 31—22.

³ M. Tseretheli, NH1, столбец F, 28.



ВОЕННОЕ СОПРИКОСНОВЕНИЕ МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ И КИТАЙЦАМИ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ ¹

Гомер Г. Дебс

Рим и Китай были двумя величайшими военными державами древнего мира. Римляне завоевали все Средиземноморье, и точно так же китайцы при династии Хань (200 до н. э.—200 н. э.) завоевали все лучшие земли окружавшего их мира. Если армии этих двух держав имели соприкосновение, то это могло произойти только в Центральной Азии, потому что римляне отходили на дальнейшее расстояние к востоку от Средиземного моря, а китайцы редко продвигались к западу от Памира. Возможность такой встречи не была установлена до настоящего времени, потому что наше единственное свидетельство заключается в одной странной фразе в китайском историческом произведении I в.

Эта встреча произошла в связи с тем, что в 36 г. до н. э. наместник западных пограничных районов (Китайский Туркестан) совершил, под свою собственную ответственность, экспедицию в Согдиану против гунна Шаньюй Шиши. Гунны (по-китайски Сюнну) оккупировали в то время современную Монголию. Претендент на гуннский престол (владыка гуннов назывался Шаньюй), носил родовое имя Люаньди, собственное имя Хутууцзы, а императорский титул Шишигудуху, так что обычно его называли Шаньюй Шиши. Он убил китайского посланного и бежал на запад, куда его пригласил царь Согдианы прогнать вторгавшиеся кочующие племена. Вдохновленный своими феноменальными успехами, Шаньюй Шиши возмечтал основать империю в Центральной Азии и выстроил себе столицу на реке Таласс (около 71° восточной долготы и 43° северной широты)², взыскивая дань с окружающих племен, включая и некоторые из находившихся под покровительством Китая. Помощник китайского наместника Чань Тан увидел в этой новой державе возможную опасность для интересов Китая. Он сформировал войско из китайской армии, находившейся в западных пограничных районах, и вспомогательных войск из местных государств, убедил своего начальника сопровождать экспедицию и выступил в поход.

Войска успешно совершили длительный поход в несколько тысяч миль к столице Шиши, которую они немедленно взяли приступом. Об этом

¹ H o m e r H. D u b s, An ancient military contact between Roman and Chinese, *AJPh.*, v. LXII, 3, 1941.

² Так было установлено Гротом (d e G r o o t, *Die Hunnen*, стр. 229). А. Н e r r m a n n, *Die alten Seidenstrassen zwischen China and Syrien*, стр. 91, определяет местонахождение столицы Шиши на реке Чжу.

блестящем подвиге сообщалось неоднократно; последняя работа на эту тему написана д-ром Дайвендек¹. Он указал, что китайская «История раннего Хань», единственный наш источник, использовала в значительной мере сведения из некоторых рисунков, изображавших сражение, посланных Чань Таном императорскому двору². В этом отчете есть необычайное замечание о том, что при начале штурма около города Шиши было «более ста пехотинцев, выстроенных в линию с каждой стороны ворот и построенных в виде рыбьей чешуи»³. То обстоятельство, что это странное замечание было сделано на основании описания рисунка, придает ему исключительную убедительность.

«Построение в виде рыбьей чешуи» представляет собою маневр, отнюдь не легко выполнимый. Эти солдаты должны были сгруппироваться вместе и накрыться своими щитами. Этот маневр, требующий одновременности действия со стороны всей группы, особенно если он выполнялся перед самым нападением, требовал высокой дисциплинированности, какая возможна только в профессиональной армии. Единственными профессиональными, организованными в регулярные части солдатами того времени, о которых имеются данные, были греки и римляне,—кочующие и варварские племена бросались в бой беспорядочными толпами.

Щиты воинов македонской фаланги были маленькие и круглые (только 1½ фута в диаметре)⁴, так что накрывание ими не могло дать значительных результатов, тогда как у римских легионеров были большие четырехугольные щиты, которые легко можно было соединить вместе и создать таким образом защиту от снарядов. Следовательно, чтобы объяснить построение «в виде рыбьей чешуи» при выстраивании передовых частей в боевой порядок, мы должны предположить здесь подобие римской тактики и римских легионеров в глубине Центральной Азии.

В 54 г. до н. э. Красс отправился в поход на парфянскую территорию с войском из семи легионов, четыремя тысячами кавалерии и таким же числом легковооруженных людей (P l u t., Crass. 20). Парфяне встретили его в Каррах. Их армия состояла главным образом из всадников—стрелков из лука, которые окружили карре римлян и в течение целого дня непрерывно пускали потоки смертельно ранящих стрел. Римские легионеры оказались беспомощными, потому что парфянские всадники уклонялись от их атак, так что римляне не могли схватиться со своими противниками. Атака, предпринятая вспомогательной кавалерией и некоторыми легионерами под командою сына Красса, Публия, повела только к разединению этих войск от главной части армии. Для того чтобы защитить себя от стрел парфян, легионеры могли только образовать карре и сомкнуться вокруг себя щиты⁵. Наиболее известное построение римлян, при котором

¹ См. T'oung Pao, XXXIV, стр. 249—264. См. также мои замечания там же, XXXV, стр. 211—214. Отчет об этой экспедиции можно найти в введении к главе IX, т. II моего перевода History of the former Han Dynasty.

² В то время китайские полководцы обычно составляли карты новых районов, в которые они приходили, и посылали эти карты императорскому двору для ссылок на будущее время. На полях шелкового свитка Чань Тан, дающего очертание дороги длиною в тысячу миль, были, повидимому, цветные рисунки, изображавшие штурм города Шиши. Чань Тан при формировании своих войск подделал императорский эдикт (тяжкое преступление), и для него важно было возбудить внимание императора в свою пользу. Эти рисунки вызвали значительный интерес при дворе и были выставлены на императорском банкете даже членам императорского гарема (History of the former Han Dynasty, глава IX, лист II в; переведено в томе II). Эти рисунки сохранялись в императорском архиве и были использованы историком I века н. э. Бань Гу при его описании этой экспедиции.

³ D-r D u y e n d a k ввел это исправление к своему первоначальному переводу, см. T'oung Pao, XXXV, стр. 214.

⁴ K r o m a y e r-V e i t h, Heerwesen und Kriegsführung, стр. 108.

⁵ P l u t., Crass., 24, 3.

щиты сомкнуты, это—*testudo* (черепаха), когда солдаты смыкают щиты над головами для защиты при маневрировании под городскими стенами. Кажется, не отмечалось, что при этом построении римские солдаты смыкали щиты также и с боков. В изображении *testudo* на Траяновой колонне¹ римские legionеры показаны с сомкнутыми щитами не только над головами, но также и с левой стороны их (показана только одна сторона). При передвижении, вероятно, трудно было сомкнуть щиты справа и сзади, но, стоя на месте, легко можно было сомкнуть щиты вокруг всего карре. Таким образом, смыкание щитов legionеров Красса было частью маневра *testudo*. Мы знаем, что в этом случае они не сомкнули щитов над своими головами, так как источник Плутарха свидетельствует, что, когда воины Публия Красса были отрезаны от основной части войск, они удалились на песчаные холмы и сомкнули щиты, но эти воины, поднявшиеся на холмы, выделялись над уровнем щитов, и таким образом были убиты парфянами². Через 18 лет воины Антония усовершенствовали тактику: когда на них было также сделано нападение парфянскими всадниками—стрелками из лука, первый ряд воинов опустился на колени, поставив щиты на землю, для того чтобы защитить ноги воинов, находившихся сзади; следующий ряд держал щиты на уровне головы, а остальные воины держали их над головами, образуя таким образом *testudo* (Plut., Ant. 42, 2). Благодаря этому все войско было защищено от стрел парфян, и воины Антония вышли невредимыми. А воины Красса образовали только одну линию с сомкнутыми щитами, и парфяне пускали стрелы по высокой траектории над головами наружного ряда солдат, отеснив войска римлян с незначительными для себя потерями.

Для защиты от стрел смыкание щитов круглых или овальных, которые применялись греками или другими народами, не могло бы дать значительной пользы; только римский *scutum*, который был прямоугольный и с полуцилиндрической поверхностью, мог дать эффективный результат. Линия римских *scuta*, простирающихся один за другим без промежутков вдоль фронтовой линии пехотинцев, представлялась тем, кто впервые видел такое построение, действительно «в виде рыбьей чешуи», в особенности благодаря их округлой поверхности. Трудно было бы описать их по-другому.

Битва при Каррах была большой катастрофой для римлян. Из 42 000 воинов, выступивших в поход вместе с Крассом, уцелело менее одной четверти. Двадцать тысяч было убито и десять тысяч взято в плен. Парфяне отправили этих пленных римлян в Маргиану (район в Центральной Азии, где находится современный Мерв) для защиты своих восточных границ (Plin., NH VI, 47). Нам неизвестно, сколько из этих 10 тысяч человек достигли этого места. Расстояние от Карр до Антиохии в Маргиане составляет около 1500 миль, и вряд ли при этом переходе с пленными хорошо обращались. В римских и греческих сообщениях об их судьбе больше нет никаких указаний. По предположению Горация, эти римляне женились на женщинах из варварских племен и служили в парфянском войске³.

¹ Можно найти у C. Cichorius, Die Reliefs der Traianssäule, табл. II, рис. LXXI, разд. 181. Хуже *testudo* на монументе М. Аврелия; нет изображения смыкания щитов с боков. Оно воспроизведено у Kromayer-Veith, Heerwesen, табл. 51, рис. 144.

² Plut., Crass.,—25, 9. Данные о походе Красса суммированы у N. C. Debevoise, Political History of Parthia, стр. 78—92.

³ Оды, III, 5, 5. Есть рассказ о том, что в 36 году до н. э. Антонию после его отступления служил проводником, уцелевший из армии Красса воин, который служил у парфян (Vell. Pat. 11, 82 и Flor. II, 20, 4). Рассказ вымышлен, но источники, на основании которых воин называется мардийцем, почти без сомнения правы (Plut., Anton. 41, 1; Тагн в САН, X, стр. 74 и прим.); но то, что Веллей Патеркул и Флор считают рассказ достоверным, быть может, имеет значение.

Китайцы увидели воинов, выстроенных в линию перед городом Шиши «в виде рыбьей чешуи», на расстоянии около 500 миль от парфянской границы Маргианы на реке Окс до столицы Шиши на реке Таласс и спустя 18 лет после поражения Красса. Эти римские legionеры привыкли вести жизнь профессиональных солдат и, быть может, охотно воспользовались случаем служить в наемных войсках. Когда Шиши прибыл в Согдиану на призыв царя, в сопровождении согдийской знати и нескольких тысяч вьючных животных, караван застиг жестокий мороз, так что спаслись только три тысячи человек из всей экспедиции. Шиши впоследствии, воодушевленный своими военными успехами, порвал с царем Согдианы, убил одну из своих жен, дочь царя, и построил свою собственную столицу. Он не мог ожидать поддержки от гуннов—они уходили под управление законного Шаньюя, его соперника и сводного брата, которого поддерживали китайцы. Шиши возбудил также многих согдиан против себя своим надменным поведением. Поэтому, естественно, он хотел привлечь наемных солдат не с согдианской и гуннской территории. Римляне были самыми лучшими во всем мире воинами в рукопашном бою; они могли быть привлечены на сторону знаменитого воина, обещавшего стать соперником ненавистных парфян. «Шелковая дорога» от китайских пограничных западных территорий вела через столицу Шиши к Антиохии в Маргиане (Мерв), и вести о возвращении Шиши и наборе им войск могли совершенно естественно дойти до этих римских изгнанников.

Гунны в Монголии были всадниками-стрелками из лука, как и парфяне, но китайцы ввели усовершенствования в луках и применяли самострел¹. Некоторые древние китайские самострелы были настолько тугие, что, для того чтобы их натянуть, сильный мужчина должен был лечь на спину, упереться ногами в лук и натягивать тетиву руками, используя таким образом мускулы ног, спины, рук². Для управления этими самострелами китайцы изобрели исключительно удобный спусковой механизм³. Эти самострелы представляли собой точное оружие и били на более дальнее расстояние, чем различные метательные снаряды всех других войск. Они, несомненно, могли пробивать любые щиты и доспехи. При нападении на город Шиши китайцы, естественно, начали свое нападение градом копий из самострелов, а сами удерживались на расстоянии, куда не достигали стрелы гуннов. И таким образом китайцы ранили в нос, даже самого Шиши, когда он стрелял в нападающих с городской башни⁴.

«Более сотни пехотинцев, выстроенных в линию «в виде рыбьей чешуи», почти несомненно и были некоторыми из легионеров Красса, служившими в качестве наемных солдат у Шаньюя Шиши. Когда китайцы направили на них копья из самострелов, они, конечно, повторили маневр, выполненный в армии Красса в Каррах,—подняли свои *scuta*, сомкнув их перед собою. Из всех известных солдат и оружия лишь только римские легионеры со своими *scuta* могли иметь вид построения «в виде рыбьей чешуи»⁵.

¹ Возможно, что китайцы изобрели самострел. См. M. Wilbur, Smithsonian Institut, Annual Reports, 1936, стр. 427—338.

² E. Chavannes, Mission archéol. I, стр. 179, рис. 109, 1207; Mémoires historiques, II, стр. 469, прим. 4.

³ Экземпляры спусковых механизмов эпохи Хань можно найти в наших наиболее крупных музеях. Этот механизм представляет собою тройной сложный рычаг, прочный, легко приводимый в действие; его легко можно было разобрать, так что он не мог попасть в руки врагов. Секрет его употребления сохранялся в Китае вплоть до нового времени. Некоторые из этих механизмов имели приспособления для того, чтобы устанавливая стрелу под разными углами для стрельбы на разные дистанции.

⁴ См. перевод Du yue n d a k, T'oung Pao, XXXIV, стр. 260.

⁵ Мало вероятно, чтобы эти войны были туземцами, обученными по римскому образцу. Бывали случаи, когда местные жители обучались сражаться по иностранным образцам, но не по собственной инициативе. Александр обучал персидских юношей

Присутствие римлян в этом месте подтверждается наличием двойного деревянного частокола, который китайцы обнаружили вокруг городских стен. Д-р В. В. Тарн заявляет: «Я не могу припомнить, чтобы где-нибудь можно было встретить, в литературе или археологии, греческий город с частоколом вокруг стен. Существует, повидимому, как несомненное правило, одна стена со рвом вокруг (или при значительных укреплениях даже с тремя рвами)»¹. Римляне, однако, постоянно применяли частокол для укрепления рвов, особенно перед воротами. Если был при этом мост над водою, то устраивались частоколы с обеих сторон на насыпях над и под мостами². Двойной частокол, который китайцы сожгли при штурме города, быть может, защищал мост над рвом вокруг стен города Шиши. Палисад представлял собою стандартный вид римских укреплений, и возможно, что при постройке города Шиши ему помогали римские инженеры. Гунны были кочующими племенами, у которых не было городов, за исключением очень немногих, выстроенных китайскими ренегатами в Северной Монголии; в Согдиане Шиши, конечно, старался получить самую лучшую техническую помощь, и римские легионеры могли предоставить исключительную помощь при фортификации.

македонским приемам сражений; когда он вернулся из Индии, его правители привели к нему 20 000 таких солдат (W. W. T a r n, САН., VI, p. 418). Эллинистические цари также нередко вооружали своих подданных по македонскому образцу. Характерным примером этого является сражение при Рафии между Антиохом III и Птолемеем IV (Полиб. V, 63—65, 79—86), при котором основная часть фаланги Птолемея была составлена из 20 000 уроженцев Египта, вооруженных, как воины фаланги (V, 56, 9). Кроме того, у Антиоха было 10 000 отборных войск из всего царства, вооруженных по македонскому образцу, главным образом, как гипасписты (V, 79, 4), а у Птолемея было 3000 ливийцев, вооруженных так же (V, 65, 8). Военачальники Птолемея вооружали своих людей, как им было удобно, не считаясь с тем, какое они раньше имели вооружение (V, 64, 1). Этими сведениями я обязан д-ру Тарну.

И Александр и эти эллинистические цари пользовались престижем, которого не было у легионеров Красса. Победитель мог, естественно, вооружать своих подданных по принятым у него образцам, но народы-завоеватели не применяют добровольно вооружения и тактики побежденных изгнанников. Если престиж Рима сколько-нибудь и был известен в Согдиане, то во всяком случае и он должен был в значительной мере подвергаться сомнению в местности, настолько отдаленной от Римской империи.

Д-р Тарн обратил мое внимание также на то, что Курциус, позднеримский историк походов Александра, писавший приблизительно в середине первого века н. э., применял слово *testudo* к грекам. При переправе Александра через Яксарт (Сыр-Дарья), согласно утверждению Курциуса, вооруженные воины зашили гребцов против мечетельных снарядов с противоположного берега *scutorum testudine*, держа свои щиты перед гребцами (VII, IX, 3); войска защищают Александра *testudine obiecta* (текст неполный; V, III, 21); и воины защищают себя при помощи *testudo* от камней, сбрасываемых сверху, и это называется в V, III, 23: *scutis super capita consertis*. Македонские маленькие круглые щиты нельзя было соединить вместе так, чтобы составить настоящее *testudo*. Курциус, очевидно, применяет слово, принятое в его время, к понятиям, существовавшим во времена Александра. И это он делает неоднократно. Воины, построенные в ряд с маленькими круглыми македонскими щитами, едва ли могли иметь сходство с рыбой чешуею.

Греческое слово *τεσθυνη* (однозначно с латинским *testudo*) означает только искусственное построение, навес или большой подвижной щит, подобные тем, которые применялись для укрытия саперов. Lidell a. Scott не приводят примеров употребления действительно соединенных вместе щитов, а K r o m a y e r—V e i t h (Heerwesen, стр. 218 сл., стр. 235) описывают *τεσθυνη* только как механизм. Таким образом, является несомненным, что греки периода эллинизма не соединяли щитов при военных построениях. Действительно, это было бы невозможно вследствие размеров и формы их щитов. О всем вышеизложенном большинство сведений сообщил д-р Тарн.

¹ Взято из частного письма. Я должен поблагодарить д-ра Тарна, который высказал мне предположение, что эти воины могли быть легионерами Красса.

² Lieut.—Colon. L. C. J a c k s o n под словом Fortification в Encycl. Brit. XI изд., v. X стр. 681; повторено в XIV изд., IX, стр. 524, под именем Bt. Col. E. N. K e l l e y. Я должен поблагодарить профессора R. S. R o g e r s из университета Дике, который указал мне эти сведения, а также и за другую помощь.

Что случилось с этими римлянами? Китайские источники утверждают, что когда на город было сделано нападение, эти пехотинцы удалились за стены города. Несомненно, на них были направлены копья китайских самострелов еще с большею опустошающей силой, чем парфянские стрелы в Каррах. В китайских источниках нет о них никаких специальных указаний.

Китайские самострелы были достаточно эффективными для того, чтобы отогнать защитников от стен, и в результате китайцы смогли без затруднений взять приступом город. Они сожгли дворец Шиши и захватили его голову, отобрав назад верительные грамоты мертвого китайского посла. Чэнь Тан сообщает, что он казнил всего 1518 человек. Это были, быть может, гунны, потому что Чэнь Тан был озабочен тем, чтобы сохранить хорошие отношения с согдианцами и обеспечить себе безопасное возвращение из экспедиции. Он утверждает, что, кроме того, 145 врагов были захвачены живыми и более тысячи сдались¹. Эти воины были поделены (как рабы) между пятнадцатью правительствами государств западных пограничных районов, которые следовали с экспедицией как вспомогательные отряды китайцев.

Странное число—145—захваченных живыми соответствует числу («более ста») римлян, выстроенных вне городских стен. Напрашивается их отождествление с римлянами. Наемные солдаты неоднократно доказывали, что в случае необходимости они могут за себя постоять. Можно, следовательно, сделать заключение, что римские легионеры могли продвинуться еще дальше на восток, в какое-нибудь из государств в Восточном Туркестане. Мы не имеем о них никаких дальнейших сведений. Интересно было бы знать, добрался ли кто-нибудь из них когда-либо до Китая; это, правда, представляется маловероятным.

Таким образом, в столице гуннов Шаньюй Шиши на реке Таласе в Центральной Азии китайцы, быть может, встретили нескольких римских легионеров из армии Красса. Эти легионеры, повидимому, бежали от парфян и охотно пошли на службу под начало знаменитого воина, который мог бы бросить вызов парфянам. Эти римляне помогали при постройке укреплений его столицы. Вследствие своей малочисленности и превосходства китайского оружия римляне, повидимому, не смогли принимать активного участия в сражении, были захвачены в плен и перевезены в Китайский Туркестан. Тот факт, что в I в. до н. э. группа римлян могла совершить переход в 3 тысячи миль от территории Рима, позволяет сделать заключение, что в то время существовали развитые способы передвижения по Евразийскому континенту и что трудно установить предел влияния одних народов на другие.



¹ Han-shu, 70, 10a; de Groot, Die Hunnen, стр. 236.



ИДЕИ ПРАВА В МЕЖДУЭЛЛИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Проф. А. В. Мишулин

I. Гражданин и иностранец в греческом государстве

Уже на заре гражданского общества, наиболее развитые примеры которого дали нам рабовладельческие государства Греции и Рима, стали возникать идеи и складываться обычаи, противостоявшие неорганизованным отношениям между племенами в первобытных условиях. Геродот и Фукидид имели полное право для своей эпохи говорить о возникавших, постоянно складывавшихся и позднее все более и более развивавшихся нормах международной жизни, приходивших на смену первобытным условиям. Фукидид считал пережитками для своего времени факты грабежа, вероломных нападений одного народа на другой. «Еще до сих пор во многих частях Эллады,—говорит Фукидид,—живут по-старому, именно локры озольские, этолийцы, акарнанцы и жители соседних областей материка. Самый обычай постоянного ношения оружия остался у этих материковых народов от древнего занятия разбойничеством. Дело в том, что некогда все эллины носили оружие вследствие беззащитности жилищ и небезопасных сношений друг с другом и ввели в обычай жизнь с оружием, как у варваров» (Фукид., I, 6—7). Несмотря на эти пережитки, развитие гражданской жизни, внешних связей греческих общин, торговли и колонизации порождало идеи международного права, создавало обычаи международной жизни, которые хотя и не формулировались письменно (как это было у римлян в виде соответствующих институций)¹, но признавались всеми, ибо были освящены религией и обычаем древних эллинов. Упорядочение внешних сношений сочеталось с устроением внутренней жизни греческих городов-государств. Это лучше всего удается проследить на примере развития идеи гражданства у греков и на противопоставлении гражданина республики всякому не-гражданину, выходцу из другого государства или варвару.

Каждая греческая республика представляла собою тесно сплоченную общину граждан, которые, имея соответствующие права и привилегии среди других слоев населения, не хотели их кому-либо уступать, защищали свою гражданскую общину, как и свои собственные права, с оружием в руках. Поэтому гражданин греческой республики—это вооруженный

¹ См. статью проф. А. В. Мишулина «Объявление войны и заключение мира у древних римлян». «ИЖ», № 10—11 за 1944 г.

воин, стоящий на страже своего государства. Греки трактовали лишь членов своей родовой общины как полноправных граждан, как граждан по рождению (Aristot., Oecon. II, 3; также Plu t., Pericl., 37), с этой точки зрения, только родившийся в данном государстве от туземных полноправных граждан мог рассматриваться в качестве гражданина, полноправного представителя родины, которая являлась страной, где он родился, где проживали его отец и мать и где он имел земельный надел. В Афинах человек, происходивший от афинянина и не-афинянки, не был членом семьи отца и не мог иметь политических прав гражданства. Перикл подтвердил этот солоновский закон особым постановлением в 445 г. (Plu t., Pericl., 37), хотя этот закон не всегда точно исполнялся. Самому Периклу, в обход этого закона, пришлось просить народное собрание предоставить гражданские права его незаконнорожденному сыну. Народное собрание уважило просьбу своего вождя и сделало исключение из общего закона, после того как убедилось, что моровая язва лишила Перикла всех его родственников (Plu t., Pericl., 36—37). Однако в 403 г. по предложению Аристофонта закон был возобновлен, но без обратного действия, т. е. касался только лиц, родившихся после вступления его в силу¹.

За правильностью внесения лиц в число афинских граждан следили особые должностные лица, вносившие совершеннолетнего члена общины в списки фил и демов, к которым, как правило, приписаны были все афинские граждане. По достижении 18-летнего возраста молодой гражданин вносился в общинную книгу того дема, к которому принадлежал его отец. Демоты (члены дема—сельской общины) обсуждали данные будущего гражданина, говорили о его правах и осуществляли, таким образом, акт принятия молодого человека в число граждан Афинского государства. Всякий принятый в число граждан должен был в святилище Аглавры близ акрополя дать клятву и принять гражданскую присягу. При этом он произносил следующие слова: «Я не посрамлю священного оружия и не оставлю товарища в битве, буду защищать и один и со многими все священное и заветное, не уменьшу силы и славы отечества, но увеличу их, буду разумно повиноваться существующему правительству и законам, установленным и имеющим быть принятыми, а если кто будет стараться уничтожить законы или не повиноваться им, я не допущу этого и буду бороться против него и один и со всеми; буду также чтить отечественные святыни. В этом да будут мне свидетелями боги» (Stob., Flor., XLIII, 48). После этого молодой афинянин получал полное гражданство, которое он постепенно и начинал осуществлять в общественной и государственной жизни своего отечества².

Древние греки право гражданства считали священным, старательно оберегали его, ибо оно почиталось за «честь» (τιμή) всякого эллина-гражданина. Поступки и действия, порочившие «честь» (τιμή) гражданина, влекли за собою частичное или полное лишение прав гражданства (ἀτιμία). Древние писатели приводят немало фактов «атимии», т. е. лишения прав гражданства, а также данные о порядке восстановления в гражданстве³. Греки проверяли списки граждан по отдельным общинам

¹ Athen. XIII; См. Л а т ы ш е в. Очерки греческих древностей, ч. I. СПб, 1888.

² Молодой афинский гражданин обязан был прежде всего отбыть военную службу с 18-до 20-летнего возраста. После этого его вносили вновь в вечевой список, затем молодой гражданин мог уже практически пользоваться гражданскими правами. Однако доступ к должностям и в совет 500 он получал лишь спустя 10 лет (т. е. когда ему исполнилось 30 лет).

³ О разных видах «атимии»—лишении гражданства—см. у Andokyd, 73 сл.; также Demosth., I, 30; Л и к у р г, Против Леокр. 41; см. также Л а т ы ш е в. Указ. соч., стр. 258—259.

систематически. Кроме того, периодически они организовывали «чистки» граждан в главных греческих городах. В истории Афин две такие «чистки» явились важными государственными мероприятиями. Первая имела место в 445 г., при Перикле, когда при проверке было выявлено 4 тыс. неправильно получивших права гражданства. Они были исключены из списков и лишены прав гражданства со всеми вытекавшими отсюда последствиями (P l u t., Pericl., 37). Другая «чистка» имела место в 345 г. при архонте Архии. Все лишённые прав гражданства подвергались, как правило, конфискации имущества и продаже в рабство. Материал греческих надписей даёт в руки историка прекрасные данные о том, как проводились эти «чистки» в отдельных фратриях (см. например, C I A II, 841 b). Гражданских прав лишены были рабы и метеки. Метеки в Аттике не были членами аттических общин. Это были иностранцы, и, как иностранцы, они не имели права приобретать недвижимую собственность (землю) и не имели гражданства, которое в древности было связано с владением земельным наделом внутри общины¹. Будучи свободными, метеки эту свободу реализовали лишь в занятиях торговлей и ремеслом и эту свободу покупали у государства путем выплаты ему больших податей и налогов. Другая категория иностранцев—рабы—лишены были гражданства не только как иностранцы, но и как «вещь» («одушевленное орудие», по Аристотелю), и не могли на этом основании чем-либо владеть: ни имуществом, ни свободой, тем более правами гражданства. Так как рабы в Аттике представляли собою порабощенное население других стран, т. е. иностранцев, то даже освобождение раба не давало ему никаких гражданских прав. При освобождении он оставался иностранцем. Фактически он оказывался в положении, несравненно худшем, чем метеки. Рабы и метеки образовывали в каждой общине тот чуждый ей мир, который существовал наряду с тесно сплоченной общиной полноправных граждан. Рабовладельческое общество базировалось на взаимоотношениях этих двух основных слоев населения в каждой греческой общине. Подобное положение не могло не найти своего отражения в установлении обычаев, политических законов, форм связей, регламентировавших отношения гражданина с не-гражданином, члена общины с иностранцем, одного государства с другим. В исторической литературе были попытки изучить все своеобразие этих отношений в древней Греции².

«В нескольких милях от своих городских стен афинянин,—говорит Грот,—находился на территории другого государства, где его уже считали иностранцем»³. Это меткое замечание старого английского ученого раскры-

¹ Метеки приписывались к общинам, но в имени гражданина общины и метека, приписанного к ней, всегда делалось различие. См. об этом статью W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o r f, Die Demotika der Metöken в журнале «Hermes». т. XXI.

² См. общую литературу по международному праву в древности в статье А. В. М и ш у л и н, Объявление войны и заключение мира у древних римлян («ИЖ», № 10—11 за 1944 г.); в «Истории дипломатии» под ред. акад. В. А. П о т е м к и н а (библиографический указатель). Специально по международному праву греков см. «Пропилеи», кн. V; П. Б и б и к о в, Очерк международного права в Греции. М. 1852; И в а н о в, Международные отношения в их историческом развитии. М. 1867; Rudolf von Scala, Die Staatsverträge des Altertums, 1898; H i t z i g, Altgriechische Staatsverträge über Rechtshilfe. П. Г. Виноградов дал обзор греческого права в Encycl. of Religion and Ethics, а в „Гермесе“ (1909) специальную статью „Аристотель о восстановлении права“. Вместе с английским ученым Shorey Виноградовым были написана статья „Учение о всеобщем праве в Аристотелевой этике“ (Class. Philology, Chicago, 1924), см. специальную работу по внешней политике Афин C l o c h é P., La politique étrangère d'Athènes, 404—338 a. Chr., 1934; A y m a r d A., Les assemblées de la confédération Achaïenne, Bordeaux, 1938.

³ History of Greece II, 544 (éd. 1849). См. статью Каченовского в «Пропилеях». V, стр. 228.

вает крайнюю обособленность греческих государств. Эта обособленность рождалась из самостоятельности и независимости греческих общин. Этими качествами строя их республик греки всегда гордились. Название «иностранец» было суровым именем в политическом обиходе греков. Иностранца, как правило, не принимают в туземную общину, он является не сочленом ее, а неприятелем. Геродот (IX, 11) и Гезихий¹ говорят, что термины «ἐχθρὸς» и «ξένος», означающие «иностранец», имели также и значение «враг». Иностранец в любом греческом государстве не имел гражданских прав и не мог приобрести их посредством натурализации, что обычно в современном праве европейских народов. Он не мог заключать законного брака с женщиной-туземкой². В Афинах существовала система наказаний, охранявших чистоту гражданства³. У Ксенофонта мы узнаем о законе, запрещавшем иностранцу владеть землею, хотя бы такой иностранец жил в Афинах давно и играл не последнюю роль в экономике этого города. Не могли иностранцы и завещать собственность и получать по завещанию, свидетельствовать в суде или выступать в каком-либо ином качестве полноправного юридического лица.

Подобное строгое исключение иностранцев из гражданства в чужом государстве не проводилось, однако, с той юридической последовательностью, которая создавала бы определенные институты, как это было у римлян. Поэтому у греков не складывалось ни сводов законов, ни развитых теорий права, ни произведений, посвященных специальному изложению греческого права. У греков мы можем фиксировать лишь обычаи, отдельные идеи у писателей и законы, которые раскрывают нам эту своеобразную область гражданских и государственных отношений. Развитие гражданской и международной жизни древних греков создавало постепенно определенные институты, которым надлежало регулировать отношения между иногородними греками. Каковы эти институты? В какой мере раскрывают они обычаи международного права? Как на смену обычаям приходят новые идеи о праве народов в древней Греции? Обратимся к конкретным примерам.

II. Развитие новых идей в отношениях государств

Спарта отличалась от других греческих государств тем, что она во всей своей внутренней политике более, чем какая-либо другая страна, поддерживала обособленность, замкнутость и желание сохранить чистоту своих порядков при сношениях с иностранцами. Неудивительно, что именно в Спарте мог создаться такой институт, как «к с е н е л а с и я»⁴. Все древние писатели, которые только касались этого института, приписывают его создание Ликургу⁵. Плутарх говорит, что «целью Ликурга было воспитать граждан в доблести» и что поэтому он не позволял им выезжать из своей страны и проводить время в других краях, для того чтобы они не приучались к чужим нравам, не переняли беспорядочного образа жизни и не заимствовали у иностранцев политических мнений, несогласных с устройством Спарты. Поэтому он запретил и приезд ино-

¹ H e s y c h i u s; s. v. ξένος. См. также ξένος у A e s c h., c. Ctesiph., p. 394 sq.

² Известно, например, что афинянину запрещалось жениться на фивянке. Жители разных городов на острове Крите не могли вступать в брак между собой. См. Eurip., Ion, v. 290, 94.

³ См. D e m o s t h., c. Neaer, 52, p. 136; 363; § 16, p. 1350.

⁴ «Ксенеласия» буквально значит «изгнание чужих», т. е. иностранцев.

⁵ Например, см. П л у т а р х, Ликург, 27; Ins. Lascop. 20; К с е н о ф о н т. Лакедемонское государство, XIV, 4.

иностранцам без важной причины, не из опасения, как полагает Фукидид, что иностранцы станут подражать спартанскому устройству и научатся у спартанцев доблести, но для того, чтобы они не сделались учителями зла (Plut., Luc., 27). В числе своих функций эфорат имел и задачу наблюдения за этим законом, за осуществлением ксенеласии в гражданской жизни спартанцев. Геродот (III, 148) красноречиво рассказывает нам о применении санкций в соответствии с законом (ксенеласией) по отношению к некоему Меандру, бежавшему с о. Самоса. Меандр после неудач на политическом поприще бежал в Спарту и стал искать приюта у царя Клеомена, который отверг все подарки Меандра и приказал эфорам удалить его из пределов страны, как опасного иностранца. По сообщению Плутарха (Agesyl., 10), ксенеласия своим политическим острием была направлена против ионийцев, которые придерживались противоположных дорянам обычаев и политических взглядов. Известно из Плутарха (там же; см. также Plut., Luc., 27) изгнание по закону о ксенеласии одного тирана, приехавшего в Спарту и раздававшего там золотые и серебряные вазы, или софиста, хваставшего, что по любому вопросу он может рассуждать целый день, или повара, умевшего соблазнять спартанцев самыми изысканными блюдами. Все это для стремившихся к воздержности спартанцев казалось весьма опасным, и по отношению к этим иностранцам не было другого выбора, как применить ксенеласию.

Однако развитие греческой жизни, особенно международных связей и общения между городами, становилось в противоречие с автаркией греческого полиса. Строгое проведение в жизнь этого жесткого закона против иностранцев уже в древности вызывало резкую критику. Многие греческие поэты и философы порицали ксенеласию. Аристофан высмеивал ее в двух своих произведениях (Aristoph., Av., 1013; Pax, 623). Платон характеризовал этот спартанский закон, как выражение варварства и бесчеловечности (Platon, Legg., XII, 950 B). Выступление Платона и обоснование им положения об общности эллинов и равенстве их прав свидетельствовало о зарождении идеи общеэллинского единства народов древней Греции.

Развитие внешних связей греческих государств, в том числе Спарты, должно было со временем смягчить ксенеласию и ее применение. Плутарх рассказывает, что некоторые иностранцы, если только они получали спартанское воспитание, допускались в число граждан Спарты (Plut., Inst. Lac., 22). Иногда Спарта прибегала к помощи иностранцев. Сам Ликург, введший ксенеласию, пользовался услугами поэта Фалета, ибо последний своим поэтическим искусством сумел подготовить спартанцев к принятию Ликургова законодательства. Поэт Терпандр был приглашен эфорами, ибо муза этого поэта могла восстанавливать согласие между гражданами. Поэты Ферекид и Тиртей получили права гражданства. Однако подобные исключения из ксенеласии были вначале весьма редки. Геродот (IX, 33—35), перебирая в своей памяти и в имевшихся у него материалах все случаи предоставления гражданства в Спарте иностранцу, мог остановиться только еще на одном случае с неким Тиссаменом. Другие случаи до Геродота, повидимому, не имели места. Только в более поздние времена в Спарте стали чаще практиковать принятие в гражданство некоторых иностранцев (см. об этом Plut., Agis, 5; Thuc., I, 132).

Несколько в ином положении иностранцы находились в Афинах. Это объясняется рядом причин. Главная из них—это уровень политической и социальной жизни, значительно более высокий, чем в Спарте. Морская торговля, связь с другими греческими государствами, осуществляемая путем заключения договоров о торговле и союзе,—все это приводило к более тесному общению афинян с иностранцами. Выше же было отме-

чено, что, в противоположность Спарте, в Афинах разрешалось жить большому количеству иностранцев-метеков, хотя бы и на ограничительных условиях. Лишенные гражданских прав, обязанные выполнять государственные повинности, поставленные по своему положению на грань рабства, метеки возбуждали интерес у многих деятелей и писателей. Ксенофонт (О доходах, II, 7) высказывал пожелание об организации должности «метекофилаков», т. е. защитников метеков от произвола. По изданному впоследствии закону, тем метекам, которые имели особые заслуги перед государством, предоставлялись права «одинаковые с гражданами, кроме управления государством». По этому закону об «исотеллии», метек получал даже некоторые гражданские права в Афинском государстве. В противоположность Спарте, в Афинах полисная ограниченность преодолевалась в большей мере, что подготавливало идею общегреческого гражданства.

В дальнейшем ходе развития греческих государств появилась необходимость обеспечить прием иностранцев (купцов и послов), юридически оформить их пребывание в чужом государстве (например, на время религиозных торжеств, игр и т. д.), создать условия для более нормализованных отношений между городами Греции. В этой связи и создается «проксения» как древнейшая форма международных связей и международного права в древней Греции¹. Из древнего обычая проксения постепенно превращалась в институт, функционировавший в соответствии с теми идеями права, которые формировались в период расцвета древней Греции. Проксению, как институт гостеприимства, регулировавший отношения граждан к иностранцам на принципе взаимности, определяли различным образом. В равной мере и вопрос, что собою представляет проксен в отношении своих прав и обязанностей, также определялся по-разному. Мы полагаем, что в определении существа этого института следует исходить из представлений самих греков.

В этом отношении нам кажется весьма интересным определение Поллукса, поскольку последний полагался в этом на данные древних авторов. «Проксенос,—говорит Поллукс,—есть тот, который оказывает общие услуги целому городу (чужому.—А. М.), живя в другом (своем.—А. М.) городе, как, например, берет на себя обязанность по помещению приезжих, в случае надобности исходатайствует им доступ к народному собранию и места в театрах (Р о l l., III, 5)». Услуги проксена были добровольными и вместе с тем авторитетными и благородными. Проксения осуществлялась между отдельными лицами, племенами, а впоследствии между целыми государствами². В дальнейшем важно было обеспечить, чтобы добровольные услуги продолжались и на будущее время. Это повело уже к заключению формальных договоров и утверждению проксенов путем постановлений. Таким образом, правительство поручало иностранцев и заботу о них особым уполномоченным—проксенам, которые добровольно выполняли услуги по гостеприимству. Проксенами, как правило, являлись граждане своего города, в котором они жили и где они осуществляли проксению по отношению к иностранцам города, для которого данный проксен почитался как священное и официальное лицо. Через проксенов велись и дипломатические переговоры; приезжавшие в город посольства прежде всего обращались к покровителю граждан их государства — к проксену³. Проксены были учреждены в Спарте (H e r o d., VI, 57), в Дельфах (E u r i p., Andr. 1105; Ion, 565, 1056) и во всех других городах-государствах, куда, в силу развивавшихся внешних связей, или для торжественных

¹ «История дипломатии», т. I, стр. 35, под ред. акад. В. П. Потемкина.

² Там же.

³ Там же.

праздников и игр съезжалось много народа из разных государств. Так постепенно из обычая частного гостеприимства создавался институт международного права, весьма близкий по своим функциям к современным посольствам и консульствам.

Следует, однако, помнить, как это в свое время правильно подметил Лоран¹, что проксения сохраняла на протяжении всего своего развития колорит частного гостеприимства, характер акции частного лица, бравшего на себя обязанности проксена при согласии своего государства. От современных посольств и консульств проксения отличается еще тем, что она осуществляется гражданином своего города и в своем городе по отношению к иностранцам—гражданам чужого города, тогда как послы и консулы в современной дипломатии берут на себя защиту не чужих, а своих граждан, и не в своем государстве, а в чужом, куда для своих функций они выезжают. Как ни была несовершенна проксения в древней Греции, она, однако, свидетельствовала о великом начале, положенном греками в деле развития международного права.

Практиковавшаяся система гостеприимства давала иностранцу некую защиту и тем самым уничтожала преграды, созданные обособленностью греческих республик, разделением на граждан и иностранцев. Проксения делала иностранца гостем, хотя гость всегда оставался иностранцем. Он не мог пользоваться правами гражданина в городе, куда он прибыл. Ему не дозволялось вступать в семейные и имущественные отношения. Подобные отношения являлись иногда препятствиями в взаимных отношениях городов, связанных друг с другом экономическими, военно-политическими интересами, а также общностью происхождения, языка и религии. Под давлением этих интересов строгость закона постепенно стала ограничиваться. Когда два государства-города желали срединиться узами дружбы и взаимного благоприятствования, они заключали соглашения о предоставлении гражданских и политических прав гражданам своих государств взаимно. Такое предоставление прав гражданства иностранцам называлось актом «исополитии»². Греческие государства практиковали исополитию двух родов: первая—когда обе договаривающиеся стороны получали одни и те же права в соответствии с заключаемой конвенцией; другая же форма исополитии предусматривала не взаимное, а одностороннее предоставление прав иностранцам, главным образом за различные заслуги и помощь. До нас дошли надписи критских городов, содержащие интересные «исополитические» конвенции³ о взаимном предоставлении прав гражданства. Однако такие конвенции были немногочисленны⁴, чаще практиковалась другая форма исополитии—одностороннее предоставление прав путем постановлений. Известно, например, что платейцы пользовались исополитией в Афинах⁵; такой

¹ Histoire du droit des relations internationales, vol. II, см. главу о международном праве греков.

² «Исополития»—буквально «равные права граждан». Трактовка прав, предоставляемых исополитией, различна в исторической литературе. Еще Нибуэр высказал предположение, что исополития не простиралась на политические права (Römische Geschichte, т. II, 95). Однако со времен Бека принято считать, что получающие исополитию участвуют «во всем божеском и человеческом», как это и соответствует тексту греческих конвенций. См. CIG, I, № 2254, 26; 2256, 13; 2257, 16.

³ CIG II, № 2554, 2556, 2557; Н о е с к, Kreta, vol. III, стр. 472.

⁴ Кроме критских конвенций нам известен трактат между Афинами и Родосом, заключенный в эпоху упадка Греции. См. о трактате у Полибия XVI, 26, 9; также Тит Ливий, XXXI, 157.

⁵ Однако платейцы, получившие права афинского гражданства, не допускались к исполнению высших должностей (архонтству и жречеству). Только их сыновья могли получить доступ к этим должностям. Об исополитии платейцев см. Фукидид, III, 55; Диодор, XV, 46; Демосфен (против Неэры), 89—91, 104.

ограниченной исополитией пользовались в Афинах эвбейцы; наконец, за особые заслуги перед государством исополитию получали частные лица—Пассион в Афинах, Ферекид (философ) в Спарте, Оронт в Византии, Евтихиан в Херсонесе и один ученик Платона—за убийство фракийского тирана¹.

Исополития явилась весьма серьезным шагом в развитии идей международного права и практики международных соглашений в древности. Исополития должна была неизбежно привести к следующему шагу—приложению политических идей, заключенных в исополитических конвенциях, к области международной торговли, т. е. к коммерческим отношениям граждан и неграждан в древнегреческих городах. Именно отсюда рождаются так называемые «символы», т. е. сделки, договоры о спорах, о суде, о порядке разрешения политико-экономических конфликтов, возникавших между гражданами разных городов. Важнейшим источником о символах служит речь о Галонесе (Демосф., О Галонесе, 9; Полиб., VIII, 88), приписываемая Демосфену. Здесь речь идет об острове, относительно которого заключается «символ». Символы заключались главным образом между союзными или, по крайней мере, дружественно друг к другу относящимися городами. Известен и интересен с этой точки зрения договор Кеоса с Афинами; к договорам подобного рода следует отнести и монетные соглашения, как, например, между Митиленой и Фокеей и пр.² Таким образом, «символы» разрешали спорные вопросы и регулировали отношения между государством и их гражданами при наличии доброй воли или союзных отношений между ними. Недаром Поллукс говорит, что «тяжба по символам—это когда судятся союзники (VIII, 43)». В речи Андокида против Алкивиада имеется такое место: «Мы постановляем в символах, чтобы нельзя было посадить в тюрьму или связать свободного человека³, если бы он и являлся иностранцем. «Если же кто нарушит это, на того налагаем большой штраф»⁴.

Таким образом, «исополитии» и «символы», регулировавшие пока еще только в зачаточной форме гражданские и политико-экономические взаимоотношения между государствами и их гражданским населением, культивировали идеи права, которые из обычаев и частного применения постепенно входили в сферу международных отношений. В непосредственной связи с этим рождается и идея арбитража, нашедшая свое отражение в практике организации третейских судов, о чем мы скажем ниже в другой связи.

Однако все эти институты права рождались медленно, случайно, и применение их протекало в ограниченной степени, в условиях борьбы с правом сильного, с обычаями произвольных действий, с миром анархии. Наряду с нарождавшимися идеями международного права господствовали обычаи, старые установления и даже законы, которые противостояли новым идеям. В качестве примера можно указать на афинский закон об «андролепсии». Сущность его заключалась в том, что если гражданин республики был убит за границей, то родственникам покойного позволялось схватить

¹ См. об исополитии: Диог. Лаэртский IX, 65; Демосфен (Овенке) § 90, 187; Ксенофонт, Греческая история I, 1, 26; Лисий, Речи 34, 3; Исократ (Plat. § 51). Примеры полных исополитий, при которых граждане одного государства получали все гражданские права в другом, мы имеем в договорах между Смирною и Магнесией (SIG, № 171), между фокидскими городами Стиреей и Медеоном (SIG, № 294), между халкидскими городами см. у Ксенофонта. Греческая история V, 2, 19. Исополития за услуги городу см. IOSPE I², 79, 364.

² CIA II, 546. См. также Dareste, Recueil d'inscriptions juridiques grecques, 144, 1907, стр. 46—47; SIG, стр. 218 (возможное соглашение).

³ Андокид, Против Алкивиада. Цит. по указ. работе П. Бибикова, стр. 28.

⁴ См. там же.

трех подданных того государства, которое не дало удовлетворения за обиду, и представить их в суд для наказания (Демосф., Против Аристокр., 82). Это служит примером применения первобытной мести в условиях, когда иностранец не имел в своем распоряжении других способов вознаградить себя за оскорбление. За недостатком виновного обычай разрешал наказывать невинных. Наиболее же характерным примером господства произвола в сфере отношений между гражданами различных государств были «ῥύσια» или «σῦλα».

Еще Дарест в своей обстоятельной работе¹ сумел хорошо подметить, как в обстановке расцвета культуры Греции классического периода сохранялась система самоуправных действий отдельных лиц на основе частного возмездия, причем самые действия эти освящались обычаем (ῥύσια, σῦλα) и рассматривались как вполне законный акт или особый международный прием². Лисий говорит, как беотийцы совершенно открыто пользовались правом частного возмездия по отношению к Афинам за неуплату последними двух талантов (Л и с и й, Против Никоморха, 12). Демосфен указывает на некоторых триерархов, захватывавших все, что попадалось, и причинявших таким образом своим согражданам всякого рода насилия, которые в качестве возмездия исходили от чужестранцев (Демосф., О венке, 13). В судебной речи против Лакрита приводится контракт о ссуде для морского предприятия, данной одним афинянином и одним эвбейцем, жителем Фаселиса. В контракте говорится, что если корабль сделает остановку в Геллеспонте, то товары должны быть свезены на землю в такое место, где они были бы в безопасности от насильственного захвата (Демосф., О венке). Иногда само государство брало на себя осуществление права частного возмездия и выступало в этом случае в качестве экзекутора. Жители Халкедона нуждались в деньгах для уплаты своим наемникам. Они предложили гражданам и даже метекам, имевшим какие-либо претензии против частных лиц за границей (иностранцев) и против чужих городов, сделать о том публичное заявление. Халкедон, как государство-город, взял на себя осуществление этих частных претензий путем захвата тех кораблей, которые направлялись в Понт Эвксинский (Агрист., Оecon. II, 12). Таким образом, в данном случае право частного возмездия, как старый обычай, было использовано не отдельным лицом, а целым государством для покрытия расходов по выплате жалованья наемникам. Насколько прочно укоренилась подобная практика в международных отношениях и насколько обычай частного возмездия использовался в разрешении международных конфликтов, говорит тот факт, что даже в македонский период нередко встречается применение этого «рисия» или «силаи». Когда беотийцы ко времени Полибия отступили от правил контракта и перестали платить долги, Филопэмен разрешил, по просьбе ахейцев, применить право частного возмездия для получения этих долгов. Известно также, что критяне из Элевтерны выдавали особые разрешения на применение этого обычая против родосцев. Упоминается также, что и делосцы, нашедшие себе убежище в Ахайе, пытались применить право частного возмездия против афинян, но ахейцы не дали на то своего разрешения³.

Наряду с применением этого старого обычая заметна, однако, и тенденция вмешаться в осуществление его и ограничить действие его путем различных соглашений. Одним из самых интересных соглашений этого рода является трактат, заключенный еще в V в. до н. э. между двумя

¹ D a r e s t e, Séances et travaux de l'Académie des sciences morales, t. CXXXIII, стр. 358—364.

² Ibid., стр. 364.

³ Ibid., стр. 364.

локридскими городами—Эантом и Халейоном. Эти два города соглашались совершенно отменить право частного возмездия на суше, но сохраняют этот обычай (путем фиксации его в договоре) на море, исключая гавани. Изучение текста этого трактата, дошедшего до нас в надписи¹, свидетельствует о пробуждении у греков чувства гуманности, о зарождении идеи о равных правах народов, наконец, о возможном компромиссе между старым первобытным обычаем и идеей международного права в пользу применения и распространения последнего на отношения между народами. Несмотря на ограниченное воздействие возникавших идей международного права на отношения между народами, самый факт их появления, отражения их в международных договорах свидетельствует о том, что поступательное движение вперед оставляло позади себя первобытные пережитки, старые обычаи и рутину в развитии народов древней Греции.

III. Право войны и мира

Античная политическая философия создала теорию войн, которая раскрывает нам виды этих войн, дает характеристику войн справедливых и законных, с одной стороны, и войн несправедливых и вероломных—с другой. Рабовладельческая теория древности прежде всего утверждала естественное состояние войны между греками и не-греками (т.е. варварами).

«Варвар»—это существо более низкого интеллекта, грубое, признающее только физическую силу. Для грека свобода—органическая потребность; варвару она не свойственна и не нужна; господство эллинов над варварами—закон природы. Равенства между греком и варваром не может быть, как не может его быть между человеком и животным². Великий философ древности Аристотель утверждал, что борьба против варваров, всякие военные действия против них есть вполне законный способ приобретения добычи—рабов и имущества (Aristot., Pol. I, 38). Недаром на этом основании еще Монтескье выставил положение, что греки родились пиратами³. Существует свидетельство, отраженное в «Дигестах» («Дигесты» 47, 22, 5), что один из гуманных законодателей Греции—Солон—разрешил афинянам снаряжать компании для грабежа иностранных купцов. Разбоями занимались фокейцы (Юст., XLIII, 8; Герод., VI, 17; Павс., X, 8, 6); самосцы грабили всех без различия (Герод., III, 39), а жители островов, даже в период борьбы с персами, продолжали заниматься пиратством, в связи с чем они получили заслуженные упреки со стороны Фемистокла (Непото, Фемист., 21). Подобные войны, грабежи и нападения греков на всех иностранцев и главным образом «варваров» не смущали самых глубоких мыслителей Греции. Платон в своей «Республике» (470 с) сокрушался только по поводу того, что иногда войны греков с варварами перерастали в столкновения между самими греками. «Греки,—писал Платон,—братья, и всякие раздоры между ними следует оплакивать, настоящая же война возможна только против варваров».

Однако Платон вынужден был делать исключения для войн и между греками, если только такая война вызывается необходимостью, а именно: «чтобы у нас достаточно было земли пахотной и для пастбищ (Респуб. 475а). Развитие борьбы за рабовладельческую собственность и укрепление рабовладельческих отношений заставили греков пойти на признание возможности и войн между греками.

¹ Издание его с комментариями у R ö h l, Inscript, graecae antiq., 322; D a g e s t e, стр. 364.

² С. Л у р ь е «История античной общественной мысли», 1929, стр. 240—241.

³ М о н т е с к ь е, Дух законов XXI, 7.

Во времена Демосфена сформировалась уже и теория войн между греками. Классификацию таких войн дал Демосфен¹ в своей речи против родосцев. Он утверждает, что существуют два рода войн: войны демократии с олигархией и войны между демократическими государствами. В этом определении войн Демосфен исходил, таким образом, из социальной их характеристики. При этом важно, что автор такой теории считает самыми ожесточенными и непримиримыми войнами те, которые ведутся между демократическими государствами, с одной стороны, и олигархическими—с другой. Война с олигархией, по мысли Демосфена, представляет собой самую ожесточенную и суровую войну, ибо она ведется за свободу и независимость демократического государства. Войны же между демократическими республиками рассматриваются как войны за могущество и славу. Здесь сильная вражда, говорит Фукидид (IV, 19), может окончиться прочным миром, когда одолевшая сторона по великодушию предлагает умеренные условия побежденным. Эти условия не затрагивают основ политического строя в побежденной стране. Совершенно другое при войне демократии с аристократией или олигархией. Если побеждает демократическая страна, то в побежденной аристократической она вводит свои демократические порядки; если же побеждает аристократическая, то в побежденной демократической она вводит свои аристократические порядки. Вряд ли это нужно иллюстрировать примерами. Лучшим примером этого является Пелопонесская война и связанные с нею военные действия в городах Афинского морского союза. Война, ее ход и результаты показали, что Спарта проводила политику группирования вокруг себя аристократических элементов греческих государств, а Афины возглавляли демократию почти всех городов Греции.

Первоначально обычаи греков не создавали еще каких-либо основ международного права в войне и мире. Единственный обычай—установившийся порядок объявления войны—в какой-то мере напоминал о нормализации начала военных действий и закладывал основы права. Так, известно, что государство, по тем или иным причинам решившее воевать с другим, формально объявляло ему войну через герольда или особого посла (хίρς). Этот герольд стоял под защитой божества и считался неприкосновенным². Деятельность герольда заключалась не только в объявлении войны, но и в заключении перемирия, необходимого для погребения павших в битве или для размена пленных (Герод. I, 212). Объявление войны сопровождалось также и другими обычаями. Иногда совершались особые религиозные обряды перед самым началом военных действий. Афиняне, начиная войну с соседями, выгоняли обычно одного ягненка, что имело символическое значение открытия военных действий³. Однако войны велись и без предварительного объявления, как о том свидетельствует Ксенофонт (К с е н о ф., Греч. ист. VI, 4, 20). Дикие нравы, вероломные нападения и уничтожение или порабощение противника долгое время оставались обычаями в возникших рабовладельческих государствах Греции. В доказательство этого можно привести ряд примеров. Ксенофонт (Греч. ист., IV, 6, 13) и Фукидид (I, 8) свидетельствуют, что во время войны опустошение неприятельской земли считалось обычным средством принудить противника к миру. Не ограничиваясь похищением плодов, неприятель нередко вырубал самые деревья, вырывал с корнем виноградную лозу. Жестокость не давала пощады и городам. Разрушение Кирры было произведено по постановлению амфикионов,

¹ Более подробное изложение этой теории см. Демосфен Родос. XVII.

² Геродот I, 212; VII, 9 и 136; Фукидид I, 2, 131; VII, 3; Полиб. VIII, 139; Павсаний I, 36, 3.

³ См. Гезихий, под словом „ἄρνα“.

город Писа был уничтожен в споре элеев и писанцев, причем от города не осталось никаких следов, и во времена Страбона даже сомневались, существовал ли этот город (Страб., VIII; Павс., VI, 22, 2, 3). Известна также и судьба Микен, от разрушения которых соседними народами остались только циклопические стены (Диод., XI, 67; Павс., 11, 16, 5). Также был разрушен город Кадм (Павс. VIII, 32, 2), некоторые города Крита (Полиб., IV 53, 4; IV, 54, 1—5), Сицилии. Все эти разрушения оправдывались обычаями древних греков.

Печальный след для истории и неприятный диссонанс по отношению к последующей культуре самой Греции оставил обычай вероломства. Примитивное понятие о праве в рабовладельческих государствах древности хорошо раскрывается Полиеном¹, собравшим немалое количество сведений о применявшихся греками «военных хитростях». Еще Лоран в этих «хитростях» узрел акты вероломства и поэтому назвал книгу Полиена «самым лучшим обличительным актом против греков»². Полиен сумел собрать все те примеры «военной доблести», которые по существу являются применением вероломства в военных действиях между греческими государствами. Вероломство, именно как «военную хитрость», Полиен превозносил в тактике Алкивиада (Пол., I, 40, 4, 5), Никия (ib., I, 39), спартанских полководцев (II, 9) и др.³ Никий, глава военной партии в Афинах, во время несчастливого сицилийского похода, будучи преследуем Гилиппом, отправил к нему герольда с намерением сдаться и заключить условия капитуляции. Тогда Гилипп приостановил военные действия. Воспользовавшись этим, Никий занял позицию и вероломно возобновил войну (Пол., I, 39). Жители Византии во время осады ее афинянином Фрасиллом решили сдаться и отправили заложников. Фрасилл принял предложение, а ночью напал на город и, пользуясь беспечностью его граждан, овладел им без труда (ib., I, 47, 2). Во время осады в Азии одной крепости спартанский военачальник Тиброн убедил коменданта крепости явиться к нему в лагерь; при этом он обещал провести его обратно в крепость, если не будет достигнуто соглашение о капитуляции. Когда комендант явился на свидание, Тиброн обрушился на город, взял крепость приступом и привел неприятельского начальника обратно для совершения над ним казни: он-де обещал его привести обратно, но ведь не обещал сохранить ему жизнь (ib., II, 19). Применялись нередко искусственные, т. е. сделанные с умыслом, толкования заключаемых соглашений, чтобы нарушить их и вероломно напасть на неприятеля. Так, Тимолеон превратно истолковал соглашение с тираном Мамерком (ib., V, 12; также Плут., Тимол., 10), локры—с неприятелями (ib., VI, 28) и даже Александр Македонский (ib., IV, 3, 20) нарушал данное неприятелю слово.

О суровости обычаев войны мы можем судить и по другим фактам. По общенародным обычаям жители завоеванных городов были изгоняемы и порабощаемы. Полибий говорит, что не только неприятельские воины, но и безоружные женщины и дети теряли свободу (Полиб., II, 58, 10). После взятия Олинфа Филипп роздал пленных своим союзникам. Ксенофонт говорит, что капитуляции, которые оставляли жизнь и свободу побежденным при условии конфискации имущества, были весьма редким явлением (Ксеноф., Греч. ист., II, 3, 6). Историки превозносили в древности Тимофея за похвальное исключение, ибо он при взятии Коркиры не обратил граждан в рабство, не лишил их отечества (ib., V, 4, 64). Варварское отношение к побежденным, обращение населения

¹ Полиен, кн. I, II, IV и V.

² Laurent. Histoire du droit des gens et des relations internationales, III, 3, Bruxelles, 1863. стр. 3.

³ См. также IV, 3, 20; V, 12, 2; VI, 22.

в рабство, захват имущества сочетались с одновременным выведением из строя военнопленных. Об отношении к военнопленным можно судить на частном примере, как поступили афиняне с самосскими пленными. На теле каждого пленного из Самоса выжигалось клеймо (фигура корабля) и на правой руке отрезался большой палец, чтобы ни один из пленных не мог больше владеть копьем. В отместку самосцы стали выжигать клеймо (фигуру совы) на всех пленных из Афин. Подобные нравы древних греков, среди которых афиняне не представляли исключения, смущали уже самих древних. Греческий писатель Элиан (Aelian., II, 9), занимавшийся изучением военного дела, заметил, что военные обычаи греков накладывают темное пятно на историю афинского народа. Но старые обычаи, регулировавшие общение народов, старые нормы ведения войны вставали с течением времени в противоречие с быстро развившимися отношениями народов древности. Этот процесс усиливался в результате колонизации, торговли, войн, договоров и т. п. Старым обычаям противостояли новые идеи международного права, рождавшиеся с развитием жизни. Новые идеи направляют деятельность государственных людей по линии борьбы за мир, за твердые нормы и гуманные способы разрешения конфликтов, поскольку возможно было этого достичь в условиях рабовладельческого мира. На примерах и отдельных фактах международной жизни древних греков можно проследить, как рождавшиеся в новой исторической обстановке чувство гуманности и сознание необходимости ввести твердые нормы в право войны и мира одолевали старые обычаи, пережитки первобытной эпохи. Остановимся на этих примерах и фактах.

Оратор Гераклит в одной своей речи против родосцев говорит, что для предотвращения внезапных и беспорядочных нападений греки предлагали вести открытую войну. «Предки наши,—читаем мы у Полибия,—не считали победы ни славною, ни прочною, как только в том случае, когда неприятель был побежден открыто, мужеством сражавшихся; поэтому у них был уговор не употреблять друг против друга ни скрытых оружий, ни бросаемых издалека. Истинным решением споров считали они только открытый рукопашный бой»¹. Страбон свидетельствует, что между общинами Эвбеи было заключено соглашение не применять скрытно бросаемого оружия².

Самое объявление войны подчинялось постепенно условностям, которые должны были регулировать войну в соответствии с принятыми в отношениях между народами правилами. Идеи международного права облекались в форму соглашений или правил о порядке ведения войны.

Против варварского обычая умерщвлять пленных принималось правило размена военнопленными или право их выкупа (Фукид., II, 103; Герод., V, 77). Утверждалось постепенно и право выдачи победителем трупов убитых для погребения (Фукид., I, 63). Дикие законы первобытных войн отступали перед постепенно вводившимся соглашением между народами о предоставлении победителем перемирия побежденному для совершения обряда погребения павших бойцов. Надругательство над трупом убитого врага, даже варвара, считалось у греков незаконным (Герод., IX, 79).

Дельфийский храм и его оракул вводил еще одно любопытное правило. Он декларировал «священное перемирие» во время всенародных греческих состязаний, как, например, олимпийских игр. Война между греческими государствами с момента открытия этих игр как бы прерывалась «священным перемирием», и всякий, нарушивший это принятое

¹ Полибий XIII, 2. См. также П. Бибилов, Очерк международного права в Греции. М. 1852. стр. 108—118.

² Страбон, География, X, 448. См. П. Бибилов, Указ. соч., стр. 39.

между народами правило, подвергался наказанию, чаще всего большому денежному штрафу. Подобная «правовая норма» входила, таким образом, прочно в международный обиход и являлась значительным завоеванием в развитии права войны и мира в древней Греции. Страх мести богов—покровителей олимпийских игр—давал защиту от бедствий войны многим греческим городам, участвовавшим в международном празднике греков.

Постепенно нормализовалось во время войны и отношение к храмам, к памятникам религиозного культа греков. Древние писатели свидетельствуют, что ко многим зданиям, являвшимся произведениями искусства, воздвигнутым греками в честь общегреческих богов, сохранялось уважение и во время войн, и месь победителя щадила эти здания. В результате подобной практики, имевшей под собою и религиозную основу, создавалась своеобразная догма, ставшая международным правилом и во время войны, что храмы являются неприкосновенными для неприятеля и в то же время служат священным приютом и убежищем¹. Это положение декларировалось греческими оракулами, в частности дельфийскими. Всякий раз во время войны оракулы вновь напоминали грекам об этом законе, в результате чего у греков укоренялось представление, что нарушение неприкосновенности храма и права убежища в нем является величайшим преступлением (Герод., I, 157—169).

Уже в эпоху Геродота и Фукидида подобные международные правила входили широко в практику взаимоотношений народов древней Греции², хотя первобытные обычаи еще продолжали существовать и в некоторых случаях главенствовали.

Борьба за мир была одним из важнейших проявлений роста идей международно-правового порядка. Стремление уладить конфликт мирным путем, т. е. путем соглашения, принятия соответствующего договора с равными обязательствами сторон, подчеркивало значение идеи права в противовес праву силы или господству старого первобытного обычая. После войны греки заключали мир, при этом предусматривали его на определенное количество лет. Мирные договоры на 30, на 50 и более лет не были редкостью в древней Греции³. Для того чтобы внушить уважение к мирному договору и подчеркнуть гражданский долг каждого в выполнении всех его пунктов, текст договора,—т. е. его условия, имена подписавших его и приносивших клятвы верности договору перед лицом богов,—заносился на мраморные плиты и выставлялся на площади города или чаще в каком-либо храме. Важнейшие договоры хранились среди статуй богов в Дельфийском и Олимпийском храмах, овеянных ореолом святости, нерушимости и божественного авторитета. Для закрепления заключенного мирного договора приносились также жертвоприношения и клятвы, при этом клятвы и присяги возобновлялись ежегодно, как бы обновляя договор⁴.

Большим достижением в условиях рабовладельческих государств древности являлось зарождение и развитие идей посредничества и третейского суда при столкновениях или конфликтах государств между собою. В борьбе за мир греки нередко прибегали к третейскому суду или к посреднику, которым выбирался, по взаимному согласию спорящих сторон, какой-либо авторитетный человек или отдельное государство. Так, аргивяне в своем давнишнем споре с Лакедемоном из-за границ порешили это дело передать на суд какому-либо государству или частному

¹ Фукидид, IV, 97; Диодор, XIX, 63; Полибий, V, 9—11.

² П. Б и б н о в, Указ. соч., стр. 115.

³ Так, например, договоры у Фукидида, III, 114; Геродот, IX, 26.

⁴ Геродот, IX, 7; Фукидид, V, 18; V 23; V, 47.

лицу. Из источников нам известно, что посредническую роль выполняли дельфийский оракул (Фукид., I, 28) или амфикионы (Павс., IV, 5, 1).

Постоянные войны, нападения, идеи реванша и мести за несчастные войны у побежденных вынудили греков в борьбе за мир пойти еще на одно любопытное мероприятие. Как известно, греки, руководимые чувством тщеславия, любили увековечивать свои победы трофеями (памятники, надписи, сооружения и т. п.). Для того, чтобы прошедшие войны и междоусобия не оставляли у греков неизгладимых следов, амфикионы издали закон¹, внушенный желанием мирного сожительства греческих народов, по которому было запрещено воздвигать постоянные памятники прошедшим войнам².

Так постепенно оформлялись и проникали в быт новые идеи и законы о совместной жизни народов древней Греции. Идеи права, международные соглашения, новые правила или нормы войны и мира свидетельствовали о том, как постепенно отмирали первобытные обычаи, эти спутники родового строя, пережитки старых времен. Известно, как много древние греки внесли в общую сокровищницу идей. «Это одна из причин, заставляющих нас все снова и снова возвращаться в философии, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого»³ обеспечили ему такое место в истории. Самым значительным результатом развития идей международного права является то, что греки сумели первыми бросить семена великих идей общечеловеческого единства и равенства народов, международного согласия в совместной жизни. Семенам этих идей не суждено было дать сколь-либо заметных произрастаний в неблагоприятной социальной среде классовых обществ, в которых идеи о международном соглашении казались наивными положениями. Но тот факт, что семена эти были брошены, свидетельствовал об актуальности новых идей, о необходимости их дальнейшего развития по мере общественно-политического прогресса человечества. Будучи пронесены через века, эти идеи приобрели огромное общественно-политическое значение сейчас. «Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того, как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед»⁴. Передовые идеи греков в области международной жизни привели к немалым результатам: они отменяли отжившие обычаи, пережитки старых времен, создавали основы для последующих теорий римского права, а отсюда вели к образованию норм международного права современных европейских народов. Поскольку попытки греков добиться установления права в отношениях между народами отражают стремление к международному сотрудничеству, они не теряют своего значения и в настоящее время, когда рождаются новые идеи и новые институты международного права.



¹ Фукидид, III, 59; Диодор, XVI, 25; XIX, 63.

² Cicero, de invent., II, 23: aeternum inimicitiarum monumentum graios de graiis statuere non oportet; Plut., Quaest. rom., 37; Диодор, XIII, 24.

³ Энгельс, «Диалектика природы», стр. 27, изд. 1946 г.

⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 111.



ЭДИКТ КАРАКАЛЛЫ О ДАРОВАНИИ РИМСКОГО ГРАЖДАНСТВА НАСЕЛЕНИЮ ИМПЕРИИ

А. Ранович

Эдикт Каракаллы о даровании прав римского гражданства всему населению империи, изданный в 212 г., был хорошо известен на основании данных литературных источников. Важнейшие из них—свидетельства современников: Диона Кассия и Ульпиана. Дион Кассий сообщает (77,9): «Он сделал римлянами всех своих подданных (πάντας τοὺς ἐν τῇ ἀρχῇ αὐτοῦ)—на словах—чтоб оказать им благодеяние, на деле же, чтобы отсюда к нему притекало больше (налогов), так как peregrini большинства их не платят». По Ульпиану (Dig., 1, 5, 17), «in orbe Romano qui sunt, ex constitutione imperatoris Antonini cives Romani effecti sunt». В позднейшей литературе не раз упоминается об эдикте Каракаллы, как об акте, уравнившем всех. Автор SHA 10, 1, 2 говорит: «civitatem omnibus datam». Августин (Civ. Dei V, 17): «... omnes ad Romanum imperium pertinentes societatem acciperent civitatis et Romani cives essent, ac si esset omnium quod erat antea paucorum». В похвальном слове Оригену Григорий Чудотворец (PG, X, 1052) говорит о мудром законе, которым «ныне уравнено положение всех находящихся под властью римлян». В 78 новелле Юстиниана (529 г.) говорится, что «Антонин Пий»¹ дал римское гражданство всем в империи и тем перевел их из состояния peregrini в ранг римлян. Когда в 1910 г. был найден гиссенский папирус 40, содержащий текст эдикта Каракаллы, он не произвел поэтому сенсации, тем более, что дошел он в плохой сохранности. Единственно новое, что дал папирус, это ограничение категории лиц, облагодетельствованных Каракаллой; в эдикте сделано исключение для dediticii. Только после диссертации Э. Бикермана («Das Edikt des Kaisers Caracalla in Papyrus Gissensis, 40, В. 1926), совершенно по-новому истолковавшего папирус, появилась огромная литература об эдикте, до сих пор привлекающем внимание историков, юристов и папирологов. Выставленные Бикерманом тезисы оказались в большинстве несостоятельными и отвергнуты наукой. Но он поднял ряд вопросов, которые до сих пор не находят удовлетворительного решения.

Оказалось, прежде всего, что первоначальное издание текста с дополнениями П. Мейера далеко не так удачно, как представлялось вначале, что текст нуждается в серьезном пересмотре.

¹ Трудно решить, спутал ли здесь автор Каракаллу с Антонином Пием или он присвоил Каракалле титул Pius, подобно тому как ему дается титул εὐσεβής в Р. Оху, XVII, 2104.

P. Giss. 40 содержит 3, а может быть и 4, эдикта, сохранившихся довольно плохо. В первом эдикте, содержащем *Constitutio Antoniniana*, в левой части недостает около трети каждой строки. Текст имеет следующий вид:

1. [20 букв] ρκος Αυρηλι [10 букв] Αντωνινος Σ.....ς λεγει
2. [19 букв] η μαλλον αν [12 б.] αιτιας και λ...σμου.
3. [16—18 б.] εois τοis α...ατοις ευχαριστησαιμι οτι τη. τοιαυτη.
4. [18—20 б.] ν εμε συν...ρησαν τοιγαρον νομιζω ουτω με
5. [19—21 б.] ως δυνασθαι τη μεγαλειοτητι αυτων το ικανον ποι
6. [»] ακις εαν υπεισελθωσιν εις τους εμεους ανθρωπους
7. [»] ν θεων συνεπενεγκ...μι διδωμι τοινυν απα
8. [»] ν οικουμενην π...τειαν Ρωμαιων γενοντος
9. [19—22 б.] ατων χωρις των διτικιων οφειλει.. το
10. [»] νειν παντα αλλα ηδη και τη νικη ευπεριεi
11. [22—24 б.] αγμα ε...λωσει...μεγαλειοτητα ..ν Ρωμα
12. [23—15 б.] ν περι τους ...υς γεγενησθαι ηπερ διx
13. [25—30 б.] ...ταλειρ.....ων τω...κxστης
14. ητω . . . π.ος
15. θη.
16. ελω. . . .
17.

Восстановление полного текста папируса, очевидно, возможно лишь путем более или менее остроумных и удачных догадок, причем различные строки папируса представляют различные трудности. Первая строка восстанавливается без всяких трудностей, так как она содержит полный титул императора Каракаллы, хорошо известный по другим источникам. Строки 2—6 содержат мотивировку эдикта, смысл которой ясен: по случаю «спасения» от «козней» Геты, коварно убитого Каракаллой, император считает нужным воздать благодарение богам, увеличив число полноценных почитателей их. Только в деталях здесь возможны расхождения, порою весьма существенные, между интерпретаторами, по-разному восстанавливающими стиль эдикта и идеологическую окраску его вводной части. Точно так же ясны по содержанию, но спорны в деталях строки 10—13, содержащие, очевидно, указание на значение эдикта для величия римского народа. Хуже обстоит дело с строками 7—9, где заключено основное содержание эдикта; здесь меньше всего допустимо привнесение тех или иных формулировок интерпретатором по собственным домыслам, а недостающие слова и буквы делают основное содержание эдикта неясным; неизвестно, кому и на каких условиях дано право римского гражданства. Неудивительно, что вокруг этих трех строк возникла огромная литература и оживленная полемика, в которой приняли участие виднейшие папирологи, историки, юристы—Вилькен, П. Мейер. Ад. Вильгельм, Шенбауер, Струкс, Джонс, Белл, Бикерман, Сегре и многие другие.

Что касается строк 14—16, от которых сохранилось от 2 до 6 букв в строке, то их восстановление, очевидно, невозможно, и только Гейхельгейм рискнул предложить примерный текст строк 14—17, не претендуя, конечно, на то, что ему удалось восстановить текст подлинника. Сохранившаяся часть текста также не всюду достаточно ясна. В частности, в строке 2 П. Мейер читал в конце λιβέλλωος; в дальнейшем чтение этого слова уточнено: λ [...] σμύ [ς] и читается λεγισμύς. В одном из самых

ответственных мест эдикта, в строке 9, Бикерман увидел не *ατων*, а *ατως*, что позволило ему делать существенные выводы о содержании эдикта. Однако повторное изучение папируса окончательно подтвердило правильность первоначального чтения—*ατων*.

Для ориентации при дальнейшем анализе текста приводим наиболее полную реставрацию его, предложенную Гейхельгеймом¹.

1. [Αὐτοκράτωρ Καῖσαρ Μᾶ]ρκος Αὐρήλι[ος Σεῦρος] Αντωνῖνος Σ[εβαστὸς] λεγει
2. [πάντως εἰς τὸ θεῖον χρ]ήμαλλον ἀν[αφέρειν καὶ τὰς αἰτίας καὶ τοὺς λ[ογι]σμούς]
3. [δικαίως δ' ἂν καὶ γὰρ τοῖς θε]οῖς τοῖς ἀ[θαν]άτοις εὐχαριστήσαιμι ὅτι τῆς ταιαύτης
4. [ἐπιβολῆς γενόμενης ὧς] ἐμὲ συν[ετέ]ργησαν. τοιγαυῶν νομίζω οὕτω με-
5. [γαλομερῶς καὶ θεοπρεπ]ῶς δύνασθαι τῇ μεγαλειότητι αὐτῶν τὸ ἱκανὸν ποι-
6. [εῖν, εἰ τοσάκις μυρίους, ὅσ]ακις ἂν ὑπερσεέλθωσιν εἰς τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους
7. [ὥς Ῥωμαῖος εἰς τὰ ἱερὰ τῶ]ν θεῶν σονεπενέγκ[οι]μι. δίδωμι τείνου ἀπα-
8. [σι τοῖς κατὰ τὴν Ῥωμαϊκ]ήν οἰκουμένην π[ολε:]τείαν Ῥωμαίων [μ]έροντος
9. [δὲ παντὸς γένους συστημ]άτων χωρὶς τῶν [δε]δικτικίων. Ὁφείλει [γάρ] τὸ
10. [πληθὺς οὐ μόνον ἀλλὰ συνυπ]ομένειν πάντα ἀ[λλ]ὰ ἡδὴ καὶ τῇ νίκῃ ἐμπεριει-
11. [λῆφθαι. Τοῦτο δὲ τὸ ἐμαυτοῦ διὰ τ]αγμα ἐξ[αλ]ώσει τὴν μεγαλειότητα [τοῦ] Ῥωμαῖ-
12. [ων δῆμου. Συμβαίνει γὰρ τὴν αὐτὴν περὶ τοὺς [ἄλλο]υς γεγενῆσθαι ἥπερ δι[α]-
13. [πρέπουσαν ἀνέκαθεν Ῥωμαῖοι τιμῇ κα]ταλειφ[θέντων μηδεν]ῶν τῶν ἐκ[κ]άστης
14. [χώρης ἐν οἰκουμένη ἀπολειπ]εῦτων ἢ ἀτιμ[ή]των. Ἀπὸ δὲ τῶν π[ρ]οσ[έ]δων τῶν νῦν
15. [ὑπαρχουσῶν συντελέζοντων ἅπερ ἐκελεύσ]θη παρὰ Ῥωμαίων ἀπὸ τοῦ χ[ρ]έτους
16. [ὥς δίκαιον] ἐκ τῶν διαταγμάτων καὶ ἐπιστ[ολῶ]ν ἃ ἐξεδέθη ὑφ' ἡμῶν τε
17. [καὶ τῶν κυρίων προγόνων προετέθη]

При восстановлении испорченного текста необходимо исходить прежде всего из состояния самого текста, и лишь там, где никаких следов букв не осталось, приходится дополнять по соображениям грамматического, стилистического, юридического и исторического характера. Здесь возможны неточности даже в мелочах. Например, в строке 8 слово π...τείαν бесспорно должно быть дополнено по смыслу πολιτεία. Однако, по наблюдению Гейхельгейма, здесь место не для 3, а для 4 букв; он поэтому восстанавливает πολειτεία, исходя из орфографии κοινή. Более серьезная деталь—...ακις в строке 6. Это слово может быть дополнено только ὅσακις. Но ὅσακις означает «всякий раз как», и тогда смысл строк 6—7 будет примерно такой: «если я присоединю к ... богов ... всякий раз как они включатся в число моих людей»; в этом случае эдикт получает характер не единовременного дарования гражданства, а периодического приема каких-то категорий: «всякий раз как они включатся». Это и дало повод Бикерману к своеобразному истолкованию всего документа. В своем исследовании *Constitutio Antoniniana* и его реставрации Stroux² предложил, основываясь на литературных аналогиях, читать стр. 6 так: εἰ τοσάκις μυρίους, ὅσάκις ἂν ὑπερσεέλθωσιν, т. е. «мириады людей, сколько бы их ни включилось...» Эта поправка принята большинством последующих исследователей.

Но самая спорная часть текста—это как раз самая важная часть его, строки 6—9. В своей диссертации 1926 г. Бикерман предложил совершенно

¹ F. M. H e i c h e l h e i m, *The Text of the Constitutio Antoniniana and the other three decrees of the Emperor Caracalla in Papyrus Gissensis 40*; JEA, v. 26 (1940), стр. 10 сл.

² S t r o u x, *Die Constitutio Antoniniana*, «Philol.» LXXXVII (NF 42), (1933), стр. 227 сл.

нную редакцию, придающую нашему папирусу неожиданно новый смысл. Бикерман читает строки 6—9 следующим образом:

6. [εἰν εἰ τοὺς βρβαρούς, ἐσ]χίς ἐὰν ὑπαισέλθωσιν εἰς τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους
7. [εἰς θρησκείαν τῶν ἡμετέρων] θεῶν συνεπενέχ[οι]μι. δίδωμι τοῖνον ἀπα-
8. [σιν ἐπιλύταις τοῖς κατὰ τήν] οἰκομένην π[ολι]τείαν Ῥωμαίων [μ]ένοντος
9. [τῷ φίσῳ τοῦ λόγου ἀπαρβα]ύτως χωρὶς των [δε]διτικίων...

В соответствии с этим Бикерман читает и строки 12—13:

12. [κελεύω δὲ τὴν αὐτὴν χάρι]ν περὶ τοὺς [ξέν]ους γεγενῆσθαι ἥπερ διὰ
13. [τοῦ προτέρου διατάγματος] ἥδη....

Гипотеза Бикермана радикально отвергает принятое до него толкование Pap. Giss. 40. Он видит в нем не *Constitutio Antoniniana*, а дополнение к ней, изданное в 213 г. и распространяющее действие эдикта также на варваров; при этом оговариваются интересы фиска—*μένοντος τῷ φίσῳ τοῦ λόγου ἀπαρβαύτως*; мотивировка эдикта—привлечение также варваров к культу римских богов (*εἰς θρησκείαν τῶν ἡμετέρων θεῶν συνεπενέχοιμι*, строка 7). В соответствии с этим дается ссылка на предшествующий эдикт (*διὰ τοῦ προτέρου διατάγματος*, строка 13).

Гипотеза Бикермана теперь всеми признана неосновательной. Его чтение—*αὐτως* в строке 9 оказалось неверным; тем самым отпадает чтение *ἀπαρβαύτως*. Глагол *ὑπαισέρχομαι* означает включение в определенное правовое состояние, а не физическое вступление или вхождение; хронологически неприемлемо предположение об опубликовании «дополнительного» эдикта в 213 г.; реставрация строки 13 плохо увязывается с сохранившимся в этой строке остатком текста; мотивировка «дополнительного» эдикта желанием привлечь варваров к культу римских богов не представляется серьезной хотя бы уже потому, что варвары без труда усваивали римские культы, и ради этого не было надобности даровать им римское гражданство; непонятно, о каких варварах может идти речь в 213 г. и в чем мог заключаться государственный интерес, требовавший включения их в состав римских граждан. Таким образом, против гипотезы Бикермана имеются основательные палеографические, грамматические, хронологические и исторические возражения.

Но хотя гипотезу Бикермана пришлось отвергнуть, она принесла большую пользу исследованию документа, поскольку Бикерман правильно разрешил некоторые частные вопросы, связанные с эдиктом, и, главное, возбудил ряд вопросов, толкнувших исследователей на более углубленное изучение проблем, связанных с С.А. Это изучение показало, как мало мы знаем историю Римской империи. Ряд кардинальных вопросов, вызванных публикацией эдикта, не находит удовлетворительного разрешения. Почему Каракалла издал свой эдикт, каковы были конкретные условия, подготовившие его? Кого коснулся эдикт? Что означает изъятие *dediticii*? Что такое *dediticii*? Как отразилось издание эдикта на различных категориях населения, в частности в Египте? Изменилась ли и в каком направлении налоговая система в империи? Означало ли издание эдикта отмену действующих норм местного права? Как проводился эдикт в жизнь? На все эти вопросы мы не находим прямого ответа в источниках, и решать их приходится главным образом на основании общих соображений и путем более или менее остроумных догадок.

Неизвестно даже, что представляет собой гиссенский папирус—официальную копию или частную запись, точный перевод с латинского оригинала или более или менее вольную передачу. Очень соблазнительное

предположение высказал Гейхельгейм. Папирус содержит, кроме *Constit. Anton.*, еще другие документы: указ Каракаллы, разъясняющий и дополняющий изданный ранее по случаю «спасения» от Геты указ об амнистии; указ 215 г. об изгнании из Египта нежелательных элементов, в первую очередь крестьян, устремлявшихся в Александрию, чтобы спастись от гнета налогов. Между *Const. Anton.* и дополнением к указу об амнистии в совершенно испорченном тексте, где сохранилось только по 1—6 букв в строке, был записан, по всей вероятности, самый указ об амнистии, и Гейхельгейм сделал смелую попытку восстановить его текст, используя для этого сообщение Диона Кассия (88, 3, 3). Какова могла быть цель соединения на одном папирусе этих четырех указов? Гейхельгейм предлагает такое объяснение: египтянин, получивший гражданство по *Const. Anton.*, подвергшийся ранее проскрипции и затем попавший под амнистию, находится под угрозой высылки из Александрии на основании указа 215 г. Собираясь подать прошение о разрешении ему оставаться в Александрии, он заказал юристу копии указов, которые он, как это практиковалось, намеревался приложить к прошению. Это предположение Гейхельгейма хорошо объясняет, почему эти 4 документа оказались вместе.

Точный смысл *P. Giss. 40*, если, конечно, счастливый случай не даст науке другой, более совершенный текст, может быть установлен лишь на основании более полных знаний о социально-экономических отношениях в Римской империи III в.; только в этом случае можно будет с такой же полной уверенностью восстановить весь текст папируса, с какой восстанавливается первая строка.

Решающее значение для понимания СА имеют строки 8—9. П. Мейер реконструировал эти строки так:

8. [σιν ξένους τοῖς κατὰ τῇ]ν οἰκουμένην πολιτεῖν 'Ρωμαίων μένοντος

9. [παντός γένους πολιτευο]ύτων χωρὶς τῶν δεδιτικίων..

т. е. дарую «всем peregrini в ойкумене римское гражданство, причем сохраняются все виды *πολιτεύματα* (политических статусов), кроме *dediticii*». Согласно этому чтению, право гражданства даровано всем, кроме *dediticii*, а получившие гражданство сохраняют свою принадлежность к полисам и другим политическим и гражданственным объединениям и категориям, к которым принадлежали до издания эдикта.

Толкование П. Мейера вызвало ряд возражений палеографических, грамматических и, главное, по существу. Указывают, что *πολιτευμάτων* не умещается на лакуне, и предлагают поэтому *τεχμάτων* или *συστημάτων*. Далее, поскольку оговорка *χωρὶς τῶν δεδιτικίων* ограничивает содержание главного предложения (*δίδομι τοῖνυν...*), здесь требуется соответствующий союз или частица; *χωρὶς τῶν δεδιτικίων*, по правилам греческого синтаксиса, не может относиться к сказуемому главного предложения *δίδομι*, а лишь к причастию *μένοντος*, и в этом случае смысл эдикта будет тот, что право гражданства дается всем без ограничения, причем сохраняются все категории *πολιτεύματα*, кроме категории *dediticii*. Но, во-первых, *dediticii* не составляли *πολίτευμα*, не были организованы; если же понимать *πολίτευμα* в более широком смысле — как *status*, то и в этом случае не могло быть речи об упразднении категории *dediticii*, так как она продолжала существовать вплоть до Юстиниана. Кункель поэтому предложил совершенно противоположную формулировку: *μένοντος δ' οὐδενός τῶν ἄλλων τεχμάτων χωρὶς τῶν δεδιτικίων*, «причем не остается ни одной из прочих категорий, кроме *dediticii*». К толкованию Мейера примыкает Stroux, предложивший (исходя из оши-

бочного чтения Бикермана—*αὐτῶς*) свою версию: *μένοντος πολιτικοῦ σφισιν ἀπαραβάτως*. Stroux считает, что оговорка *χωρίς τῶν δεδωμένων* относится к *δίδωμι*, что *dediticii*, следовательно, не получили гражданства т. е. «дарую римское гражданство всем, кроме *dediticii*, причем у них сохраняются их социальное положение» (*πολιτικὸν* в этом смысле вряд ли приемлемо в официальном документе). Многие исследователи приняли восстановление текста, предложенное Ad. Wilhelm'ом¹: *μένοντος οὐδενὸς ἐκτὸς τῶν πολιτεμάτων χωρίς κτλ*, т. е. «причем никто не остается вне *политематт*, кроме *dediticii*». Предложение Вильгельма встречено одобрительно последующими исследователями; оно означает, что гражданство получили все, в том числе и *dediticii*, причем новые граждане вступали в соответствующие организации для осуществления своих гражданских прав, кроме *dediticii*, которые становятся лишь свободными подданными, нечто вроде *cives sine suffragio*. Это толкование—полная противоположность толкованию Кункеля, по которому, как мы видели, эдикт у п р а з д н я е т все виды *политематт*, кроме категории *dediticii*. Предложение Вильгельма имеет, однако, существенный недостаток—нельзя привести фактических доказательств того, что новые граждане действительно были включены в состав какого-нибудь *политема*; но оно хорошо объясняет г р а м м а т и ч е с к и *χωρίς τῶν δεδωμένων*.

В других строках Р. Giss. 40, не столь принципиально важных, как строки 8—9, комментаторы также дают самые разнообразные дополнения, связанные с их общим пониманием эдикта. Но до сих пор единство мнений не достигнуто; пожалуй, вопрос все больше запутывается. При данном состоянии источников для более или менее удовлетворительного приближения к решению проблемы надо попытаться поставить эдикт в связь с общей политической ситуацией, найти для него место в системе имперского законодательства, в системе управления и хозяйствования.

Что побудило Каракаллу издать свой эдикт? Конечно, не любовь к своим любезным подданным (*τοὺς ἐμοὺς ἀνθρώπους*). Сам Каракалла мотивирует свой эдикт (смысл строк 2—7 в общем ясен, хотя в деталях возможны существенные разногласия) тем, что в благодарность богам за спасение он желает втянуть в культ богов в качестве достойных граждан все население империи. Каковы бы ни были действительные намерения Каракаллы, совершенно очевидно, что и он и его подданные должны были видеть в эдикте акт благоволения, соразмерный с поводом к нему—избавлением от Геты, акт такого же примерно значения, как и изданный по тому же поводу указ об амнистии. Очевидно, ни сам император, ни население не придавали эдикту значения переворота в социальных отношениях, так как само звание римского гражданина потеряло свое прежнее обаяние. Во времена Августа мысль о даровании всему населению римского гражданства, даже и не по такому незначительному поводу, никому не могла бы притти в голову. Либерализм Клавдия в этом вопросе—довольно умеренный—вызвал насмешку Сенеки (Аросолос., III): «Я, право, хотел прибавить ему несколько мгновений жизни, чтобы он успел одарить гражданством еще немногих оставшихся. Ведь он решил видеть в тогах всех греков, галлов и испанцев».

Но насмешка Сенеки отнюдь не свидетельствует о его политической проницательности и дальновидности. Конечно, в то время уравнивание всего населения в правах казалось нелепостью. Но уравнивание, нивелирование населения было основной тенденцией империи и одним из важнейших исторических ее достижений. По мере того как реальные права граждан урезывались, число граждан возрастало, и, когда эти права свелись

¹ AJA, v. 38 (1934).

к фикции, осталось сделать один шаг, чтобы уравнивать всех в бесправии¹. Идея эта созрела уже во II в. По сообщению SHA (Comm., I, 14), уже Марк Аврелий замыслил даровать всем право римского гражданства, а еще раньше Элий Аристид многократно возвращается к этой мысли; она навязывалась объективными условиями жизни в империи, и Каракалла лишь официально завершил процесс, протекавший в течение столетий.

Упразднение общественной жизни, превратившейся к III в. в сущности в фикцию, обесценило принадлежность к римскому гражданству и подготовило благоприятную почву для уравнивания населения; римские граждане уже не дорожили своей привилегией, как в те времена, когда она давала реальные политические и экономические преимущества; они приняли эдикт без протеста, как новшество, задевавшее, может быть, самолюбие, но не внесшее серьезных изменений в практику повседневной жизни. Показательно в этом отношении, как Дион Кассий подает читателям этот акт—лишь между прочим, характеризуя алчность ненавистного ему Каракаллы. А ведь лет за сто до этого издание такого эдикта, если бы император на него решился, произвело бы потрясающее впечатление.

Конечно, издавая свой эдикт, вряд ли Каракалла руководился соображениями исторического характера и сознательно старался подчинить свою политику общей тенденции развития империи. Даже видные ученые того времени не могли отдавать себе отчет в закономерностях исторического процесса. Но конкретные интересы управления толкали императорскую власть на мероприятия, которые объективно, помимо сознания действующих лиц, отражали общую линию развития.

Прежде всего, сложность государственного бюджета, основанного на различных натуральных и денежных повинностях, настоятельно требовала реформ, направленных к упорядочению громадного финансового хозяйства империи, к созданию большего единства в этом отношении.

Финансовая реформа Септимия Севера потому тоже носила характер социальной реформы. Надо было по возможности уравнивать население в несении государственных тягот. Поскольку население фактически превращалось в подданных, лишенных участия в управлении государством, а *honores*—в *munera* (об этом говорят правительственные акты уже в II в., см. Dig. L, 2; de decurionibus et filiis eorum; L, 4, de muneribus et honoribus, особенно L, 6), деление на граждан и неграждан создавало только лишние трудности для финансового управления, не оправдываемые уже соответствующими политическими делениями. Эта мысль, хотя и в скрытой форме, выражена и в СА. Независимо от того, как восстанавливать строки 9—10, смысл их ясен: «Надо, чтобы население, одинаково участвующее в тяготах, вкусило также и от победы». Реформа Каракаллы в этом смысле—один из подготовительных этапов к Диоклетиановой реформе, окончательно превратившей население империи, кроме высшей рабовладельческой знати, в податное сословие.

Деление на граждан и неграждан вступило также в противоречие с разрабатывавшимся усиленно в III в. н. э. римским правом, которое имеет дело с частным собственником вообще, без различия общественного положения. Существование различных категорий неграждан препятствовало установлению единого римского права, поддерживало в провинциях

¹ О росте количества римских граждан до эдикта Каракаллы см. статью Шенбауера в ZSSSt, т. 49, стр. 402.

Одним из важнейших источников пополнения кадров римских граждан была служба в армии с тех пор, как армия стала пополняться негражданами и даже варварами. Точное число солдат, получивших вместе с отставкой права римского гражданства, не поддается учету, но оно должно было быть огромным. См. Н. А. М а ш к и н, Из истории римского гражданства, ИАН, Серия ист. и филос., № 5 (1945), стр. 359—372.

нормы местного права. Это чрезвычайно осложняло правовые взаимоотношения между различными категориями населения, создавало большие трудности для суда и администрации. Инструкция управляющего *ἰδιὸς λέγος* в Египте («гномон идиолога») показывает, как сложно и запутано было финансовое ведомство в Египте, вынужденное считаться с многими местными особенностями.

Неуклонно продолжавшаяся бюрократизация империи также требовала установления по возможности единого типа подданных. Для того, чтобы государственный аппарат действовал четко, он должен был строиться возможно проще, и это соображение, надо полагать, также должно было сыграть известную роль в мероприятии Каракаллы.

Наконец, имели значение и чисто политические соображения. Давно прошло то время, когда провинции были лишь придатком к Риму и Италии. Провинции составили органическую и притом важнейшую часть империи; «вся эта земля, — говорит Элий Аристид, — свелась к имени одного города», т. е. Рима (Похв. слово Риму, 198, 20). В последний период империи было проведено административное деление уже не по исторически сложившимся провинциям, а по географическому принципу. Деление на граждан и неграждан было историческим пережитком, вносившим лишь беспорядок и смуту. Конечно, получение римского гражданства не могло уже в III в., когда оно потеряло значение, быть лозунгом какого-либо противоимперского движения. Но смуты после смерти Коммода могли вызвать у императора желание утишить недовольство провинциалов дарованием им гражданства.

Что касается мотива, приводимого Дионом Кассием, то и он мог иметь значение. Новые граждане должны были, естественно, платить и налоги, взыскивавшиеся с римлян, в частности пятипроцентный налог на наследство (*vicesima hereditatum*), повышенный Каракаллой до 10%. А это была немаловажная статья в бюджете.

Все эти соображения заставляют думать, что эдикт Каракаллы имел всеобщий характер, что он коснулся максимально возможного числа неграждан. Только в этом был его смысл. Но что в таком случае означает ограничение для *dediticii*? По мысли П. Мейера, в толковании Сегре, оговорка насчет *dediticii* означает не ограничение, а, наоборот, расширение и уточнение: уничтожается самая категория *dediticii* («сохраняются все *πολιτεύματα*, кроме *dediticii*»). Но это исторически неверно, ибо *dediticii* существовали и после CA; к тому же такая форма отмены категории *dediticii* была бы слишком неуклюжа. Если бы в самом деле таково было намерение законодателя, он должен был выразиться по-иному: «Я даю всем римское гражданство и упраздняю *status dediticiorum*; прочие *πολιτεύματα* сохраняются»; а по Сегре получается: «Я даю всем римское гражданство, причем сохраняются все *πολιτεύματα*, кроме *dediticii*» (которые, как указывалось, и не составляли *πολιτείας*). Приходится признать, что в отношении *dediticii* сделано именно ограничение, а не поправка. В чем оно заключалось?

Для решения этого вопроса необходимо предварительно установить, что представляли собою *dediticii* в начале III в. *Dediticii* в римском законодательстве не получили юридического определения. Этот термин, возникший в процессе завоеваний, применялся как сам собою разумеющийся, означая сдавшегося на капитуляцию неприятеля после упорного сопротивления. Сдавшиеся безоговорочно отдавали на милость победителей-римлян себя и все свое достояние—*urbem, agros, aquam, terminos, delubra, utensilia, divina humanaque omnia* (Liv., I, 38; V, 27 и др.). С этой точки зрения *dediticii* было население всех римских провинций, покоренных римлянами силой оружия. Но состояние *dediticii* не могло быть длитель-

ным; подчиненные племена и народы инкорпорировались в состав государства, получали ту или иную конституцию, иногда с течением времени получали даже свои *civitates liberae* и, оставаясь *peregrini*, фактически были нормальными подданными римского государства. Специального акта о прекращении состояния *dediticii* не требовалось; само собою было понятно, что с организацией соответствующей провинции как органической части государства население ее уже не было капитулировавшим на поле битвы неприятелем. *Dediticii* могли быть только недавно покоренные, еще окончательно не замиренные варвары. По мере того как римские завоевания приходили к концу, эта категория *dediticii* становилась все реже, и в то время, когда Каракалла издал свой эдикт, вряд ли *dediticii* этого рода существовали в заметном количестве.

Другой вид *dediticii* составляли покоренные варвары, поселенные на римской земле. Уже Август поселил убиев и сикамбров в Галлии у берегов Рейна (S u e t., Aug. 24), Тиберий переселил в Галлию 40 тысяч германцев, и Светоний (Tib., 9) прямо называет их *dediticii*. М. Аврелий переселил варваров даже на территорию Италии. Эта категория *dediticii* была более устойчива, поскольку принадлежавшие к ней варвары рассматривались как постороннее тело в государственном организме. Во время Каракаллы таких *dediticii* было еще немного.

Третью категорию составляли *dediticii* по *lex Aelia Sentia* 4 г. н. э., куда включались некоторые вольноотпущенники. По разъяснению Гая, *lex Aelia Sentia* имеет в виду, «чтобы рабы, которые были в наказание заключены господами в оковы или заклеены, или которые были подвергнуты допросу под пыткой по обвинению в преступлении и были уличены в этом преступлении, или которые были выданы для гладиаторского боя или боя с дикими зверями, или заключены в тюрьму, а затем были отпущены на волю тем же господином или другим, стали свободны на таком же положении, как *peregrini dediticii*»; «итак, свобода тех, кто относится к *dediticii* (*dediticioium numero sunt*), самая плохая; ни один закон или распоряжение принцепса не открывает им доступа в римское гражданство. Мало того, им запрещается находиться в Риме или в пределах 100 миль вокруг него» (Gai, Instit., 1,3 сл.). Эти вольноотпущенники—*dediticioium numero*—представляли, следовательно, подонки общества и не могли быть, конечно, многочисленны.

Таким образом, оставляя в стороне пока сущность ограничения для *dediticii* в СА, необходимо признать, что, поскольку *dediticii* всех категорий в то время были немногочисленны, это ограничение мало затрагивало общий характер эдикта, и Ульпиан имел право не считаться с ним, заявляя, что римскими гражданами стали *in orbe Romano qui sunt* без всяких ограничений.

Однако некоторые исследователи склонны значительно расширить понятие *dediticii*. Такие авторитетные папирологи, как П. Мейер, Миттейс, Вилькен, Джонс, выдвинули гипотезу, что к категории *dediticii* относятся все группы населения, обязанные платить подушную подать. Для этого собственно прямых данных нет. Но изучение египетских документов, свидетельствующих о приниженом положении народных масс римского Египта, внушило папирологам мысль с том, что египтяне были *dediticii* и не могли стать римскими гражданами. Точка зрения этих ученых, несмотря на их высокий авторитет, не выдерживает критики.

Во-первых, подушный налог (*tributum capitis*) платили ведь не только египтяне. Аппиан сообщает, что иудеи в Палестине платили более тяжелый подушный налог (*φέρως τῶν σαρμάτων*), чем окружающее население. «Есть и для сирийцев и киликийцев ежегодный (налог), сотая часть ценза для каждого» (Syr. 50). Еще определеннее пишет Ульпиан: *in Syriis a quat-*

tuordecim annis masculi, a duodecim feminae usque ad sexagesimum quintum annum tributo capitis obligantur (Dig. L, 15, 3 pr.). О жителях Африки Иосиф Флавий сообщает, что они παντοίως φορολογούνται (B. iud., II, 16, 4). Веспасиан освободил кесарийцев от tributum capitis (Dig., L, 15, 8, 7). Однако Мейер, Вилькен и др. не причисляют население Сирии, Палестины, Африки к dediticii; слишком было бы нелепо объявить dediticii города и области, давно эллинизованные, имевшие у себя мировые центры культуры, пользовавшиеся автономией и т. д. Да и в Египте городское население, имевшее свои городские организации, усвоившее греческую культуру, создававшее свои гимназии, театры, собиравшее и переписывавшее греческих классиков, никак нельзя считать бесправной массой dediticii. При Севере метрополии номов получили самоуправление. И даже еще при Антонине Пие ἄρχοντες и δῆμος Оксиринха заседают совместно с проживающими там римлянами и александрийскими гражданами (Р. Оху, III, 473=W33: [ἔδοξε τοῖς... Ὁσороγγιτῶν ἄρχαι καὶ τῷ δήμῳ καὶ Ρωμαίων καὶ Ἀλεξανδρέων τοῖς πρæσιδικοῦσι]). Сегре, а также Джонс предлагают поэтому считать дедитициями только сельское население, но не жителей метрополий; но это совершенно произвольное предположение—ведь и городское население метрополий платило подушную подать. Да и вообще источники не знают деления египтян в социально-политическом отношении на разряды. В декларации Р. Оху, III, 180 (132 г.) домовладелец клянется, что, кроме перечисленных жильцов, у него не живет больше никто—μήτε ἐπίτευος μήτε Ρωμαῖος μήτε Ἀλεξανδρεὺς μήτε Αἰγύπτιος μήτε ἀπελεύθερος. Те же самые категории перечисляются в Р. Оху, II, 255 (= W 201,48 г.). Жители метрополий большей частью платили подушный налог по уменьшенной ставке, для чего должны были в индивидуальном порядке подвергнуться проверке (ἐπίκρισις) в особой комиссии; но это, конечно, не может служить основанием для того, чтобы делить египтян на peregrini и dediticii. Гномон идиолога также знает только одну категорию Αἰγύπτιοι, и, если бы действительно сельское население (ἐγχώριοι) составляло особую, наиболее бесправную группу египтян, гномон, подробно разбирающий гражданско-правовые отношения между различными категориями населения, не мог бы не упомянуть ее. В папирусе 250 г. (JEA (1935), стр. 244) сельские жители (χωρῆται) жалуются, что город Арсиноя привлекает их к городским литургиям вопреки распоряжению Севера; представители метрополии возражают, что αἰὶ χωρῆται παρ' ἡμεῖν πρæβάλλονται εἰς κοσμητείας—«сельчане всегда привлекаются нами на литургии косметов». Наконец, Ульпиан разъясняет, что «кто происходит из села, у того родной считается республика, к которой относится то село» (Dig. L, I, 30).

Таким образом, источники опровергают гипотезу Сегре, и приходится считать, что либо ни один египтянин не принадлежал к dediticii, либо все были dediticii; но в последнем случае придется признать, что и население Сирии и Африки было dediticii, что совершенно неприемлемо.

Идущее еще от Моммзена ошибочное представление, будто египетские крестьяне были dediticii и не получили гражданства по эдикту Каракаллы, категорически опровергается бесспорным документом—папирусом 276 г. (Me y e r, Jur. Par. № 133=Mitteis, Chr. 364): Αὐρηλῖος Παννῆτι Σηπύροοκῶ ἀπὸ χώρας Θεογένειδος берет в аренду 56 коз от Αὐρηλίου Παβούτος Καλάμου ἀπὸ χώρας Εὐημερίδης. Оба контрагента, как видно по именам,—египтяне, оба—сельские жители (ἀπὸ χώρας) и оба—римские граждане (Аврелии).

Вилькен в своих «Grundzüge» приводит,—правда, не без колебаний,—положительный аргумент в пользу своего предположения, что dediticii = λαογραφούμενοι (обязанные подушным налогом). Папирус № 61 и особенно № 63 говорят как будто о том, что ἐμλόγοι = λαογραφούμενοι. Но глагол ἐμολογεῖν означает, между прочим, «сдаваться»; следовательно,

$\delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\iota\omega\iota = dediticii = \lambda\alpha\sigma\chi\rho\alpha\phi\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\iota$. Это арифметическое равенство неверно потому, что $\delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\iota\omega\iota$ лишь частично может равняться $dediticii$ и $\lambda\alpha\sigma\chi\rho\alpha\phi\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, а такое частичное совпадение не дает права заключить о тождестве. Вилькен, впрочем, сам сознает шаткость этого аргумента и на нем не настаивает.

Итак, необходимо признать, что под $dediticii$ в момент издания СА можно понимать только небольшие группы недавно покоренных племен, варваров, поселенных на римской территории на положении $dediticii$, и вольноотпущенников по *lex Aelia Sentia*. Теперь мы можем вернуться к строкам 8—9 СА.

Какие оговорки естественно напрашивались при издании эдикта? Во-первых, эдикт должен был произвести впечатление благодеяния всем, получающим новое гражданство, не затрагивающего при этом их старых привилегий. Многочисленные надписи и папирусы показывают, как крепко цеплялись провинциалы за свои мишурные привилегии. Александрийский гражданин считал себя значительно выше египтянина, $\alpha\iota\ \alpha\pi\omicron\ \gamma\omicron\rho\upsilon\mu\alpha\iota\omicron\upsilon$ — выше простого горожанина и т. д. С другой стороны, старые римские граждане, имевшие в провинциях свои организации, рассматривали себя как элит и с пренебрежением смотрели на неграждан или новых граждан. Чем дальше заходил упадок общественной жизни, тем больше дорожили пустыми неизвестными титулами, которые тешили тщеславие их обладателей. Всеобщее уравнивание без оговорок означало бы удар по привилегированным группам, для которых благодеяние превратилось бы в обиду. Кроме того, при существовании различных степеней обложения населения налогами и повинностями и сложного местного законодательства, учитывавшего различия в социальном положении отдельных категорий провинциалов, внезапная отмена всех этих многообразных категорий внесла бы сумятицу в управление провинциями. Поэтому СА должна была содержать оговорку, что все существующие $\kappa\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\upsilon\omicron\rho\alpha\tau\alpha$ остаются неприкосновенными. Конечно, с течением времени в результате СА и в силу общей нивелирующей тенденции империи различия в конце концов сгладились, но это проходило постепенно и без потрясений.

Таким образом, мне представляется правильным дополнение текста строк 8—9, сделанное П. Мейером: $\mu\epsilon\nu\omicron\nu\tau\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\tau\omicron\varsigma\ \gamma\epsilon\nu\omicron\upsilon\varsigma\ \kappa\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\upsilon\omicron\rho\alpha\tau\omega\nu$ (или лучше $\varsigma\omicron\upsilon\varsigma\tau\eta\gamma\mu\alpha\tau\omega\nu$, так как $\kappa\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\upsilon\omicron\rho\alpha\tau\omega\nu$ не уместится в лакуне) — «с сохранением всякого рода существующих $\varsigma\omicron\upsilon\varsigma\tau\eta\gamma\mu\alpha\tau\alpha$ »; ничьи интересы не получают ущерба.

Другая оговорка должна была ослабить неприятное впечатление, которое эдикт мог произвести на «старых» граждан, привилегированное положение которых обесценивалось в значительной мере дарованием римского гражданства всему свободному населению. Римляне могли воспринять как оскорбление включение в их состав варваров, к которым чувствовали презрение, и особенно вольноотпущенников по *lex Aelia Sentia*, столь убийственно характеризуемых в «Институциях» Гая. Изъятие $dediticii$ из СА должно было отдать должную дань чувству *indignatio* римлян по отношению к $dediticii$. Я поэтому полагаю, что $\chi\omega\rho\iota\varsigma\ \tau\omega\nu\ \delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\iota\omega\nu$ надо отнести не к $\mu\epsilon\nu\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$, а к $\delta\iota\delta\omicron\mu\iota$.

Против этого толкования возражали, что оно не соответствует правилам греческого синтаксиса. Но, во-первых, если отнести $\delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\iota\omega\nu$ к $\mu\epsilon\nu\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$, получается гораздо более серьезная синтаксическая ошибка, так как следовало бы сказать $\chi\omega\rho\iota\varsigma\ \tau\omega\ \tau\omega\nu\ \delta\epsilon\delta\iota\tau\iota\kappa\iota\omega\nu$. Во-вторых, о каком синтаксисе идет речь? Синтаксисе Геродота и Платона или евангелия и Оригена? $\delta\sigma\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\alpha\nu$ вместо $\delta\sigma\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\nu$ мы тоже у классиков не могли бы встретить. Текст СА вообще построен довольно вычурно. Главное же, надо иметь в виду, что текст папируса представляет перевод

с латинского. Мы не знаем, имеем ли перед собой официальный греческий перевод или это перевод, сделанный *ad hoc* по заказу частного лица. Но исходить надо из латинского текста. Я не беру на себя смелости вос-
становлять латинский оригинал; но он мог звучать так: *do igitur omnibus qui in orbe Romano sunt* (ср. Ульпиан) *civitatem Romanam manente omni genere statuum (или constitutionum) exceptis dediticiis (или praeter dediticios)*. По латыни такая формулировка законна, как и по-русски: «дарую всем живущим в римском мире римское гражданство, с сохранением всех существующих конституций, кроме дедитициев». Возможно, что такая конструкция фразы выбрана умышленно, чтобы не опорочить с первого слова всеобщий характер благодеяния, написав сразу за *omnibus* ограничение *praeter dediticios*.

Но мы имеем и прямое доказательство того, что *dediticii* были изъяты из действия СА. Ульпиан (Reg., XX, 14—15) пишет: *Latinus Iunianus item is qui dediticiorum numero est, testamentum facere non potest; Latinus quidem quoniam lege Junia prohibitus est; is autem qui dediticiorum numero est, quoniam nec quasi civis Romanus testari potest, cum sit peregrinus, nec quasi peregrinus, quoniam nullius certae civitatis est, ut secundum leges civitatis suae testetur*.

Некоторые исследователи СА цитируют этот текст в другой связи, но не обратили внимания на существенное обстоятельство: Ульпиан говорит, что *dediticius* (речь идет о вольноотпущенниках по *lex Aelia Sentia*, поэтому Ульпиан говорит о них *qui in dediticiorum numero est*) не может составлять завещания, «так как он не может составлять завещание ни как римский гражданин, поскольку он перегрин, ни как перегрин, так как он не принадлежит ни к одной определенной городской общине (*civitas*), в соответствии с законами которой он мог бы составить завещание». *Dediticii*, следовательно, после СА оставались перегринами. Да и было бы совершенно невероятно, чтобы любой варвар, сдавшийся в бою римлянам, автоматически получал римское гражданство. Наконец, определенно известно, что институт вольноотпущенников *dediticii* отменен только Юстинианом (Instit., I, 5, 3; Cod. Just., 7, 5—6).

Изъятие *dediticii* в СА не умаляло в глазах современников всеобщего характера эдикта, так же как изъятие рабов; Ульпиан мог поэтому писать вообще «*qui in orbe Romano sunt*»; само собою было понятно, что *dediticii*—варвары, враги Рима и заклеянные преступлением рабы не могли включаться в *τοὺς ἐμὸς ἀνθρώπους*—«близких сердцу императора людей».

Издание эдикта должно было привести к целому ряду изменений в действовавшем законодательстве, в положении бывших *peregrini*, в системе управления. *πολιτεῖα* остались неприкосновенными, и, например, *ἐπίκρισις* для включения в состав привилегированной группы *ἀπὸ γένους* упоминается и после СА¹. Но понятно, что перестали действовать ограничения в *ius connubii*, в праве наследования и т. д., какие мы находим в «Гномоне идиолога». «Новые Аврелии»—бывшие перегрины, принявшие в честь Каракаллы *praenomen* Аврелий,—сознавали себя римлянами, и впоследствии *ῥωμαῖοι*—ромей—стало обозначать как раз неримлян по происхождению. Все это требовало дополнительных распоряжений, инструкций, разъяснений. Мы видели из гиссенского папируса, что даже указ об амнистии потребовал дополнительного указа, разъясняющего ретивым администраторам, что разрешение беглым вернуться на родину не означает насильственного водворения их по месту прежнего жительства. К сожалению, акты, разъясняющие и дополняющие СА, до нас не дошли, и последствия СА в деталях неясны. Что здесь были возможны на практике

¹ A. C. h. J o h n s o n, Roman Egypt Balt. 1936, стр. 250.

различные толкования, показывают интересные материалы, приведенные в статье Е. М. Штаерман в настоящем номере, стр. 81 сл.

Первый вывод, который естественно вытекает из СА, заключается в том, что отныне на все население распространяется римское право, и все местные правовые нормы и обычаи отменяются. В этом смысле высказался Л. Миттейс в своей выдающейся работе «*Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches*», 1891. В последние годы, основываясь на СА, против него выступил Шенбауер¹, выдвинувший 18 аргументов, опровергающих мнение Миттейса. Конечно, независимо от СА римское право, как это было неизбежно в единой империи, постепенно внедрялось всюду и вытесняло местное право. По уголовным делам юрисдикция принадлежала только римскому суду. Да и римское гражданское право завоевывало все больше места в жизни населения империи. Но нельзя себе представить, что одним указом были уничтожены все нормы местного права. Это был процесс медленный и длительный.

Поскольку ни преторское право, ни *edictum perpetuum*, ни отдельные указы и распоряжения не представляли систематического свода законов, они не могли предусмотреть все возможные случаи, требовавшие вмешательства закона. В области гражданского права оставалось поэтому много неясного или не предусмотренного в законе. Провинциалы в таких случаях руководствовались своими местными обычаями и местными законоположениями. По мере возникновения казусов римские юристы давали им соответствующие решения с точки зрения римского права, и эдикты императоров и их представителей по тому или иному частному вопросу получали силу закона, обязательного для всей империи. При таком методе разработки права оставалось значительное поле действий для местного или рецепированного на Востоке греческого права. Даже в тех случаях, где существовали законодательные нормы, римлянам приходилось считаться с местными обычаями (*consuetudo*, Dig., 48, 3, 4) и законами (*lex cuiusque loci*, Dig., 50, 6, 6, 1), с муниципальными установлениями (Dig., 43, 24, 3, 4; 47, 12, 3, 5; 50, 3, 1). Завещание римского гражданина, написанное по-гречески, было недействительно. Но в провинциях, где господствующим языком был греческий, нельзя было требовать от новоиспеченных римских граждан, чтобы они владели латинским языком, и приходилось идти на уступки (Dig., 36, 1, 76 pr.). По всякого рода имущественным требованиям население, не знавшее римского права, боявшееся римских судей, не понимавшее их языка, часто предпочитало обращаться к своим судьям и судиться по обычному праву. Правда, решения такого суда имели главным образом моральную силу, но в некоторых случаях эта сила была достаточно велика. В частности, авторитет раввинов при господстве «закона» во внутренней жизни иудеев не уступал основанному на насилии авторитету римских властей. Поэтому разработка гражданского права в талмуде имела не только теоретический характер.

Эдикт Каракаллы резко увеличил число лиц, на которых распространялись нормы исключительно римского права. Но и после этого сделки, браки, завещания совершаются на Востоке в соответствии с греческим правом или местными обычаями или установлениями. Найденный в Гираполе сирийский кодекс V в., содержащий компиляцию главным образом семейного и наследственного права, обнаруживает много черт греческого и восточного права. В частности, порядок наследования при отсутствии завещания скорее напоминает библейско-талмудические, чем греческие и римские законы.

¹ E. Schönbauer, *Reichsrecht gegen Volksrecht?* ZSt. 51 (1931), стр. 277—335; *Reichsrecht, Volksrecht und Provinzialrecht*, ZSt. 57 (1937), стр. 309—353; *Rechtshistorische Urkunden*. «Arch. Pap.», XIII. 2, (1939), стр. 177—209.

В правовой жизни империи СА—важный этап; но это не значит, что с СА сразу исчезли все установившиеся веками местные обычаи и местные право, тем более, что эдикт не означал всеобщего уравнивания в правах—старые *сυστήματα*, *σώματα* сохранялись, вероятно, еще долгое время.

Независимо от СА и под ее воздействием римское право все более становилось господствующим и оказывало влияние на греческое и восточное право (ср., например, арендные нормы в талмуде и в римском праве). Но, как и во всех остальных областях общественной жизни, империя и здесь никогда не достигла полного уравнивания.

Неверным приходится признать и предположение, что дарование римского гражданства означало освобождение от подушной подати. Свобода от подати не вытекала автоматически из факта получения римского гражданства. Третий из эдиктов Августа, найденных в 1927 г. в Киренаике, гласит: «Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очереди с корпорацией эллинов, отнюдь не меньше... Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей (лишь) по тому имуществу, которое было тогда, а за все приобретенное после им следует платить установленное». Таким образом, жители Киренаики—эллины, получив римское гражданство, сохраняли как бы двойное гражданство, продолжая платить налоги в качестве членов *σώμα* эллинов. Такое же двойное гражданство мы находим и в Розосской надписи («Syria», 1934). В Дигестах (*de censibus*) мы находим ясное указание, что освобождение от налога должно было быть оговорено специальным актом: *divus Antoninus Antiochen-ses colonos fecit salvis tributis... divus Vespasianus Caesarienses colonos fecit non adiecto, ut et iuris Italici essent, sed tributum his remisit capitis* (Dig., L. 15, 8, 5—7). Для того чтобы «новые Аврелии» были освобождены от подушной подати, следовало издать особый акт, которого Каракалла, очевидно, не издал. Не трудно рассчитать, что в Египте, где подушный налог платило все мужское население с 14-летнего возраста, в том числе¹ также и рабы (за последних платили, конечно, их господа)—и где ставка подати (различная в различных номах) доходила до 44 драхм, отмена подати составила бы чувствительную брешь в бюджете; она и в десятой доле не компенсировалась бы тем, что новые граждане отныне должны были платить (повышенный хотя вдвое) налог на наследство. Можно сомневаться в достоверности сообщения Диона Кассия, что алчный Каракалла ради этого налога издал свой эдикт; но во всяком случае подозревать Каракалла в бескорыстии никак нельзя.

Джонсон² предполагает, что Каракалла отменил в Египте подушную подать, компенсировав ее какими-то другими статьями. Между тем и после эдикта Каракаллы имеются документы, свидетельствующие о существовании подушной подати в Египте; этих документов мало, но они есть. Можно думать, что остракон O. Theb. 86, 213 г. имеет в виду уплату педоимки за предшествующий год, что *ἐπίκρισις*, которая продолжается до 250 г., или встречающийся в поздних папирусах термин *ἐνοχληδριχρὸς* (привилегированный платательщик уменьшенного налога в 12 драхм)—лишь выражение тщеславия египтян, подчеркивающих таким путем свое

¹ Принято думать, что женщины не платили подати, так как квитанций об уплате налога женщиной не дошло до нас. Но трудно думать, что в Египте была дана привилегия женщинам, которой не знала, как мы видели, Сирия. Женщины занимают большое место в папирусах, как владелицы земли, торговых предприятий; они заключают сделки и договоры всякого рода, выступая самостоятельно от своего имени. Маловероятно, чтобы они были свободны от подати, которую платили даже рабы.

² Ук. соч., стр. 534

происхождение из привилегированной группы. Но трудно оспорить SB 5677 222 г., P Strassb 118 243 г., P Ross. Georg., IV, 20 (κατ' ἀνδρ. λοῦγραφίας) 223 г. По всей вероятности, произошли некоторые реформы податного обложения; в III в. в документах не встречается более συντάξιμον (подушная подать с прибавлением некоторых дополнительных личных налогов); в середине III в. встречается в Hermoupolis Magna очень похожий на подушную подать ἐξήκοντάδραχμος μερίσμιος εἰς τὸ κατ' οἰκίαν τῆς πόλεως¹. Но эти изменения совершались вне прямой связи с СА. Гейхельгейм полагает, как отчасти и Бикерман, что в самом эдикте было оговорено, что подати остаются попрежнему, и соответственно восстанавливает строки 15—17. Поскольку от этих трех строк сохранилось в общей сложности всего 5 букв, попытку Гейхельгейма следует рассматривать лишь как гипотезу, не имеющую обоснования ни в самом тексте, ни в других документах.

Постепенная натурализация хозяйства перенесла центр тяжести податного обложения с денежных податей на натуральные поставки—аннона. Множественность и разнообразие налогов затрудняли их взыскание, особенно в период кризиса III в. Податная реформа Диоклетиана установила единообразие во взимании податей и положила конец фикции свободы римских граждан.

Точный текст эдикта Каракаллы никакими конъектурами, как бы они ни были остроумны, не может быть восстановлен полностью, пока не будет найден другой экземпляр, лучшей сохранности. Но анализ его на основе совокупности исторических данных позволяет установить его общий смысл, и этот документ становится благодаря этому выразительным источником для характеристики общей тенденции развития Римской империи.



¹ S. Le Roy Wallace, *Taxation in Egypt from Augustus to Diocletian*, Princeton, 1938, стр. 134 сл.; H. J. Bell., JEA, 1942.



К ВОПРОСУ О DEDITICII В ЭДИКТЕ КАРАКАЛЛЫ

Е. М. Штаерман

Различные вопросы, связанные с эдиктом Каракаллы, подвергались многократно обсуждению. С 1910 г., когда П. Мейером был опубликован гиссенский папирус 40, содержащий отрывки текста, признанного текстом *constitutio Antoniniana*, возникла обширная литература, посвященная как попыткам реконструкции эдикта, так и комментариям к нему.

Я хочу здесь остановиться только на одном из важнейших вопросов — на вопросе о *dediticii* (см. выше статью А. Рановича).

К разрешению вопроса о *dediticii* большей частью привлекается или только текст самого гиссенского папируса, различно восстанавливаемый, или данные папирусов, т. е. материал, касающийся исключительно Египта. Эпиграфический материал западных провинций остается совершенно в стороне. Некоторые авторы только вскользь указывают на то, что и после 212 г., вплоть до Диоклетиана, имеются военные дипломы, дающие права римского гражданства и *ius connubii* с женщинами-перегринками некоторым категориям солдат. Обычно считают, что эти лица, оставшиеся вне римского гражданства после эдикта Каракаллы, происходили из варваров, переселившихся в империю и поступивших на военную службу после 212 г. и потому не получивших римского гражданства по эдикту, охватившему только тех, кто жил в империи в момент его издания.

Вовсе не учитываются некоторые другие, правда, очень немногочисленные, надписи, упоминающие неграждан в III в.

Между тем, анализ этих надписей, если и не может окончательно разрешить вопрос о *dediticii* и о распространении римского гражданства после эдикта 212 г., все-таки может дать некоторый материал, иллюстрирующий этот вопрос.

Количество таких надписей очень невелико. Происходят они или с Рейна (главным образом из Майнца), или с Дуная (Мезии и Дакии). Остановлюсь сначала на первых.

Одна из них гласит: T. Florius Saturninus vet (eranus) ex sig (nifero-legionis) XXII Pr(imigeniae) p(iae) f(idelis) Alexandrianae m(issus) h(onesta) m(issione) allectus in ordinem civium) Romanorum al(lectorum) Mogontiacorum¹.

Другая поставлена в 276 г. Marcellinus Placidinus d(ecurio) c(ivium) R(omanorum) Mog(ontiaci)².

¹ А. Riese, Das Rheinische Germanien in den antiken Inschriften, 1914, N 2126.

² Там же, № 2125.

Как известно, особые организации римских граждан—*ordo* или *conventus*—имелись только в местностях с латинским или peregrинским правом. Когда же эти местности получали гражданское устройство и римское право, отдельные организации римских граждан исчезали¹. Следовательно, существование в Майнце при Александре Севере и в 276 г. объединения (*ordo*) римских граждан свидетельствует о том, что основное население там в это время римского гражданства не имело, или же что, несмотря на дарование гражданства всем, старая организация римских граждан продолжала существовать, как это наблюдается в Египте в отношении местных, привилегированных прежде, объединений.

Во всяком случае, в надписи от 232 г., поставленной в честь Александра Севера и Юлии Маммеи, мы читаем: *Genio pagi Dervet. peregrini posuerunt vico Soliciae*².

Далее, в 230 г. поставлена надпись *in h(onorem) d(omus) d(ivinae) genium Plateae novi vici cum aedicula et ara T. Fl. Sanctinus mil(es) leg(ionis) XXII Pr(imigeniae) Alexandrianae p(iae) f(idelis) imm(unis) con(sularis) et Perpetuus et Felix fratres c(ives) R(omani) et Taunenses ex origine patris T. Fl. Materni vet(erani) coh(ortis) III praetoriae p(iae) v(indicis) et Aurelia Ammias mater eorum c(ivis) R(omana)*³.

Эти лица получили права римского гражданства вместе со своим отцом и мужем, ветераном преторианской когорты, сохранив и прежнее местное гражданство—*civitas Taunensis*. В другой надписи из Майнца от 231 г. некий солдат того же легиона XXII *Primigenia* говорит о себе, что некогда (*quondam*) он был *civis Sumelocennsis*⁴.

По всей вероятности, римское гражданство он получил только после вступления в легион.

Все эти надписи позволяют думать, что на Рейне после 212 г. сохранились лица, не имевшие римского гражданства и получавшие его только в результате поступления на военную службу, как это имело место и до эдикта Каракаллы.

Нет никаких указаний на то, что это были варвары, лишь недавно переселившиеся в пределы империи.

Я уже отмечала, что большинство этих надписей происходит из Майнца или его ближайших окрестностей. Хотя Майнц был крупным лагерным, а также торговым центром (надписи всех видов упоминают различных торговцев, *negotiatores*, из Майнца), он не получил городских прав вплоть до Диоклетиана, а состоял из нескольких *vici* и *castella*. Жители Майнца и его окрестностей называют себя в подписях *vicani* и *pagani*.

Вообще села, *vici*, очень многочисленны на Рейне и сохраняются здесь очень долго. *Vici* и *vicani* упоминаются в надписях от 219, 220, 223, 230, 232, 236, 238, 244, 245 гг.⁵ *Vicani* эти были, видимо, свободные владельцы небольших земельных участков. В некоторых случаях они называют себя *possessores*⁶, предоставляют землю для общественных празднеств, сооружения статуй и алтарей⁷. Вряд ли они были колонатами, поскольку в этой части Рейнской области не было таких крупных частных имений, какие были, например, в районе Трира, а императорские сальтусы были очень немногочисленны. Что они не были варварами, только что пришед-

¹ Е. К о r n e m a n n, *De civibus romanis in provinciis imperii consistentibus*, Berlin, 1891, стр. 27.

² Riese, 237.

³ Там же, 1176.

⁴ ILS, 2334.

⁵ Riese, 2130, 2134, 2132, 2138, 1176, 3119, 2185, 2525, 1787.

⁶ Там же, 2131, 2304.

⁷ Там же, 2220, 2525, 2685.

шими из-за Рейна и сразу вступившими в войско, видно из того, что, как показывают приведенные надписи, некоторые из них до того, как стать римскими гражданами в качестве солдат и ветеранов, уже принадлежали к местным *vici*.

И однако, повидимому, эти *vicani* не получили прав римского гражданства по эдикту Каракаллы. Поэтому в Майнце, состоявшем из *vici*, сохраняется корпорация римских граждан. Лица, называющие себя peregrinami в вышеприведенной надписи в честь Александра Севера и Юлии Маммеи, были жителями *vici Solaciae*.

На то, что жители *vici* не были римскими гражданами, указывает и следующее обстоятельство.

В III в. приобретают некоторое значение войсковые части, носившие название *numeri*. По мнению Моммзена, это были отряды провинциальной милиции, набиравшейся из наименее романизированного населения и действовавшие сперва только в районе своего местожительства, но впоследствии переводившиеся в другие области и даже провинции¹. Это предположение Моммзена подтверждается одной опубликованной впоследствии надписью из Мавритании, где упоминается *praepositus cohortis II Flaviae Afrorum et numeri colonorum*². Очевидно, в пограничных районах *numeri* создавались из местного населения и подчинялись командиру регулярных частей. *Numeri* в III в. появляются и на Рейне. К той же категории местной милиции Моммзен относит и лиц, поставивших в 227 г. надпись *hastiferi sive pastores consistentes castello Mattiacorum*³. Он считает, что это была религиозная коллегия—*hastiferi*, входившая в состав местной милиции. В 236 г. храм Беллоны восстановили *hastiferi civitatis Mattiacorum*⁴. Имена их—частично варварские, частично романизированные, что, однако, не указывает на то, что они непременно были римскими гражданами. Такое же смешение имен обнаруживает надпись от 246 г., поставленная коллегией *signiferum*⁵ (т. е. знаменосцев). Возможно, что эти *signiferi*, как и *hastiferi*, были военизированной коллегией местной милиции. Судя по именам в этой надписи, служба в милиции не давала римского гражданства, как служба в легионах и, видимо, с III в., служба в регулярных частях вспомогательных войск—алах и когортах. В эти местные отряды набирались жители *vici*, не являвшиеся римскими гражданами. Награду за свою службу они получали не в общем порядке—от правительства, а в индивидуальном—от своих односельчан.

На это указывают две чрезвычайно интересные надписи.

Одна из них точно не датирована, но относится к середине III в. *In h(onorem) d(omus) d(ivinae) Marti Genio Victoriae signiferi ob immunitatem omnem eis concessam a vicanis vici Veteris consistentibus castello Mattiacorum*⁶. Далее следуют 14 кельтских и германских имен.

Другая надпись—от 238 г.: *In h(onorem) d(omus) d(ivinae) Annusonius Constitutus [signifer numeri] exploratorum [Divitiensium Gordianorum referens Pio et Pontiano co(n)s(ulibus) ob immunitatem munerum omnium publicorum donatum post reg(ressum) suum] a vikanis*⁷.

Эти надписи свидетельствуют о том, что лица, служившие в местном ополчении, не были гражданами и не считались официально ветеранами. Ветераны регулярных частей получали иммунитет согласно с общими

¹ Th. Mommsen, *Gesammelte Schriften*, B. V, стр. 150.

² Cagnat, № 9.

³ Mommsen, *Ges. Schrift.*, VI, стр. 157.

⁴ Riese, 2227.

⁵ Там же, 1748.

⁶ АЕр, 1901, № 75.

⁷ Там же, 1909, № 135.

законами (такие законы были даны Домицианом, затем Септимием Севером). В настоящем же случае они получают иммунитеты от сел, из которых, очевидно, происходили и куда возвращались после отставки.

К частям *numeri* относится и одна чрезвычайно важная для нашей темы надпись от 232 г.

*Deae Fortunae Sanctae balneum vetustate conlabsum exploratores... et Brit(tones) gentiles officiales Brit(tonum) et dediticiorum Alexandrianorum de suo restitu(erunt) cura agente T. Fl. Romano leg(ionis) XXII Pr(imigeniae) p(iae) f(idelis)*¹.

Моммзен, комментируя эту надпись², пишет, что *Brittones gentiles*, как и всякие *gentiles*, были лица, принадлежавшие к племенам, жившим вне империи и поступавшим на службу в римское войско. *Dediticii*, по его мнению, — это перебежчики из чужих племен, отличные от *gentiles* и обязанные обрабатывать землю и служить в войске на положении полуслуг-полусолдат.

Мне кажется, что термин *gentiles* мог применяться не только к солдатам из чужих племен, но и к лицам, давно жившим на римской территории.

Во-первых, как указывает Моммзен в своей статье «*Die Conscriptionsordnung des Römischen Heeres*», Гигин в сочинении об укреплении лагерей противопоставляет легионам и регулярным частям вспомогательных войск части, называемые им *nationes* и *gentes* — *cantabri*, *palmyreni*, *mauri*, *pannonii*, *daci*, *brittones*³. Указанные же племена жили на римской территории издавна. У того же Гигина упоминаются аналогичные названным частям *summachi*. До последнего времени они не были засвидетельствованы в надписях, но в 1937 г. была опубликована найденная в Испании надпись Гая Сульпиция Урсула, префекта *summachiariorum asturum*⁴, т. е. под *summachi* здесь подразумеваются астурийцы, племя римской Испании.

Далее, в военном дипломе от 158 г., кроме обычных *auxilia*, упомянуты *Vexillationes Africae et Mauretaniae Caesariensis qui sunt cum Mauris gentilibus in Dacia superiore*⁵. Между тем как раз мавританские племена жили в значительном количестве на территории африканских провинций, причем, не входя в состав городских общин, были конституированы в качестве *gentes* на своих *territoria* во главе с *principes* или *praesides*. Поэтому естественно предположить, что упомянутые здесь *mauri gentiles* были набраны именно из таких *gentes*, в противоположность названным в этом же дипломе отрядам регулярных частей Африки и Мавритании, набравшимся из обычных *civitates*.

В одной надписи из Вормса упомянуты *gentiles Africani*⁶ не в качестве солдат, а просто как группа лиц, ставящая жертвенник Меркурию.

Трудно предположить, что в Германии долгое время жили племена перимской Африки. Скорее это тоже представители *gentes* римской провинции. Надпись из Аквилей — *locus sepulturae gentilium veteranorum*⁷, возможно, указывает на то, что ветераны частей, специально набравшихся из *gentes* (в данном случае из Дунайских провинций), в данном случае отличались от прочих ветеранов, что согласуется с приведенными выше данными о предоставлении ветеранам *numeri* иммунитетов не в общем порядке, а от отдельных *vici*. Эти данные, как мне представляется, сви-

¹ Riese, 1749.

² Ges. Schrift., VI, 168.

³ Ges. Schrift., VI, 108.

⁴ АЭр, 1937, N 12.

⁵ ILS, 2006.

⁶ АЭр, 1916, N 124.

⁷ ILS, 2471.

детельствуют о том, что в числе *gentiles* в войске были нерегулярные части, набравшиеся из племен, живших на римской территории, но на несколько отличном положении и подобные *numeri*.

В упомянутой выше надписи *brittones, brittones gentiles* и *dediticii Alexandriani* тесно сближены. У них общие *officiales*, т. е. лица, выделенные для службы при штабе командира. Все это, видимо, части милиции, находившиеся под командованием легата легиона XXII *Primigenia*. Они не были вновь пришедшими на римскую территорию варварами, так как бриттоны появляются на рейнском *limes'e* с 145 г., куда были переведены после подавления большого восстания в Британии. Здесь они обрабатывали землю, исполняли работы по *limes'у* и служили в *numeri*¹.

Итак, все эти данные свидетельствуют о том, что на Рейне существовала категория сельского населения, не получившая римского гражданства по эдикту Каракаллы, имевшая небольшие земельные участки, жившая в *vici* и получавшая римское гражданство только за службу в легионах или регулярных частях вспомогательных войск.

Перехожу к данным, которые мы имеем по Дунайским провинциям.

Это, во-первых, группа чрезвычайно важных надписей из *Moesia inferior* и Дакии. Первая из них относится к 140/145 г., последняя—к 246 г., следовательно, они охватывают целое столетие и позволяют сделать некоторые предположения о происшедших за это время изменениях.

Все эти надписи представляют собой посвящения Юпитеру или Юпитеру и Юноне за благополучие правящего императора. Они поставлены жителями различных *vici*. Первая из них поставлена от имени *cives Romani et bessi consistentes vico Vimeto*², вторая—от 149 г.—поставлена *Veterani et cives Romani et bessi consistentes vico Quintionis cura agentibus magistris Claudio Caius et Durrisse Bethidibus et quaestore Servilio Primigenio*³. Аналогичные надписи повторяются в 169, 175, 176, 177 гг.⁴ Меняются только названия сел, расположенных, однако, в одном районе, и имена магистратов. Следующие надписи из того же района относятся: одна—к концу правления Септимия Севера, другие—к 237, 238 и 246 гг. Это тоже посвящения Юпитеру за благополучие императора, и ставят их *cives Romani et lai consistentes vico Secundino*⁵. По мнению издавшего эти надписи В. Парвана, *lai*—это латинская транскрипция греческого слова *λαοί*, которым в восточных провинциях обозначались полусвободные земледельцы, бывшие, по теории Ростовцева, предшественниками колонов.

Сравнивая эти надписи, мы видим, что в III в. в них, во-первых, исчезают ветераны, фигурировавшие раньше, как особая категория. Это, вероятно, связано с исчезновением в III в. особых корпораций ветеранов⁶, слившихся с прочими римскими гражданами.

Гораздо интереснее эволюция, которую претерпел другой элемент, входивший в состав этих надписей, а именно *bessi*, вместо которых выступают *laoi*. Поскольку все надписи происходят из одного района и составлены по одной формуле, можно предположить, что *laoi*—это прежние *bessi*. То, что они во всех надписях отделены от римских граждан, ясно показывает, что они не получали прав гражданства по эдикту 212 г.

Бессы были фракийское племя, покоренное в начале I в. после ряда кровопролитных восстаний, последнее из которых имело место при Тиберии. У них было отнято знаменитое святилище Диониса и передано пле-

¹ См. F. Cramer, *Römisch-germanische Studien*, 1924, стр. 42.

² АЕр, 1901, N 45.

³ Там же, 1924, N 142.

⁴ Там же, №№ 143—147.

⁵ Там же, № 148; 1927, №№ 62, 64; 1934, № 166.

⁶ Mommsen, *Ges. Schrift.*, VI, стр. 198.

мени скордисков; сами же бессы были расселены по Мезии и вне ее (Дион Кассий LIV, 34). Они жили во многих селах, где жили иногда также ветераны и римские граждане; были и чисто бесские села¹.

На таком же положении, как бессы, жил и ряд других племен Дунайских провинций—котины, усидицы², азалы (*azaloi*), бои и др. Они были на таком же положении, как и африканские *gentes*; имели свой *territorium* или *regio* и управлялись начальниками, большей частью военными³.

Из той же местности, где была найдена первая из вышеприведенных надписей, имеется надпись Юлия Квадрата⁴: *loci princeps quinquennalis territorii Capidavensis*. Военные стояли иногда и во главе отдельных бесских сел. В одной из надписей вместо магистратов упоминаются два центуриона⁵.

Можно предположить, что эти племена также не получили римского гражданства по эдикту 212 г. В ряде позднейших надписей они указывают не свою городскую родину, что, по словам Моммзена, является признаком римского гражданства⁶, а свою этническую принадлежность—*cotini*, *bessi*, *usdicenses* и т. п.—и какой-либо *vici* в качестве места своего рождения.

В надписях солдат из Дунайских провинций, которые очень многочисленны в III в., когда не только очень возрастает состав дунайского войска, но и императорская гвардия (преторианцы и *equites singulares*) стала набираться почти исключительно из паннонцев, дакийцев, фракийцев, обращает на себя внимание почти исключительное преобладание имени (*nomen*) Аврелиев. Это были, вероятно, лица, получившие гражданство по эдикту Каракаллы или при вступлении в армию.

В городах *nomen* Аврелиев распространен не так сильно; хотя многие города получили права при Марке Аврелии, но там часто попадаются и имена Флавиев, Ульпиев и Элиев; вероятно, они принадлежали потомкам ветеранов, служивших при соответствующих императорах. Среди войска же III в. Аврелии из горожан почти исключение.

При этом надо учесть одно обстоятельство.

Сравнивая списки солдат из разных провинций, мы видим, что если в Египте даже с начала II в., в Африке со времени правления Адриана все большую и большую их часть составляют *castrenses*, т. е. родившиеся в лагере сыновья солдат же, то на Дунае, даже в списках солдат, составленных при Септимии Севере, *castrenses* составляют незначительное меньшинство, и, хотя судя по эпитафиям на семейных гробницах, сыновья ветеранов и служили иногда, в свою очередь, в войске, но все-таки на Дунае не было такой тенденции к созданию замкнутого военного сословия, как в других провинциях. Ветеран, уходя в отставку, получал землю в каком-нибудь селе, в армию набирались другие сельские жители, как видно из того, что в качестве своей родины они часто указывают села.

Если предположить, что часть солдат-Аврелиев получили свое имя и римское гражданство только в войске, то это подтверждает, что сельские жители, принадлежавшие к различным *vici*, не все были включены в эдикт Каракаллы.

¹ V. P a r v a n, *Minicipium Aurelium Durostorum*, «Rivista di Filologia». 1924, N 3, стр. 308; M a t e e s k u, «I traci nelle epigrafi di Rom». «Ephemeris Daco-romana». 1923, стр. 160.

² M a t e e s k u, *op. cit.* стр. 43.

³ См, напр. надписи: АЕр, 1901, № 42; 1910, №№ 100, 101, 216; 1911 N 16; ILS 2737; CIL, III, 7633, 8046 и комментарии к ним.

⁴ АЕр, 1901, N 44.

⁵ Ibid., 1901, № 61; ILS 2411.

⁶ Ges. Schr., B. VI, стр. 43.

Возвращаюсь к вышеприведенным надписям.

Очевидно, что бессы, находившиеся на таком же положении, как и другие *gentes*, не получили римского гражданства. Они, видимо, также жили вне городского устройства. В одной из надписей указано, что они были *consistentes reg(ione) Si ... vico Secundino*, т. е. село, в котором они жили, входило не в состав какой-либо городской общины, а в состав *regio*, называвшегося, вероятно, как и в других аналогичных случаях, по имени племени. То, что *bessi*, а затем *laoi* обозначаются все время как *consistentes*, тоже подтверждает, что они не имели никакого городского гражданства, так как этот термин, как указывает Моммзен, применялся в противоположность к терминам, обозначающим гражданскую принадлежность¹.

Интересно, что они начинают называться принятым в восточных провинциях термином *laoi*.

Это, как мне кажется, объясняется следующим.

Достаточно известна значительная роль, принадлежавшая на Дунае переселенцам с Востока. К III в. эта роль, очевидно, еще возрастает. Анализируя военные дипломы Дунайского войска, мы видим, что уже ко второй половине II в. целый ряд частей *auxilia* был переведен с Востока на Дунай, причем и в самом составе войска происходит изменение в сторону его ориентализации. В I в. почти все дипломы выданы на имя уроженцев Дунайских провинций; во II в. на 11 дипломов, выданных дунайским жителем, приходится 6 дипломов на имя солдат, происходящих с Востока. Некоторые части во все время своего пребывания на Дунае продолжали комплектоваться из уроженцев восточных провинций, например, *numeri Palmynenorum* или наиболее известная по надписям когорта *Nemesenorum*, состоявшая из сирийцев, сохранивших свои имена и культы.

Ветераны этих частей получали земли в дунайских селах, приносили туда свои обычаи и свою социальную терминологию. Что это предположение вполне закономерно для района, из которого происходит большинство наших надписей, подтверждается найденной там же надписью ряда лиц, называющих себя римскими гражданами и происходящими из Тианы, Никомедии, Галатии, Вифинии и Каппадокии². Судя по их именам, среди которых встречаются Элии и Аврелии, эта надпись относится к концу II и началу III вв., т. е. как раз ко времени появления на наших надписях термина *laoi*. Очевидно, эти римские граждане были ветераны или просто колонисты, получившие землю на территории местных племен и осмыслившие юридическое положение последних знакомым им термином *laoi*.

Повидимому, бессы, побежденные после восстания, считались дедитициями и не получили гражданства. Конечно, римское гражданство не было для них закрыто. Они в большом количестве служили во флоте, в *auxilia*, в III в. в преторианских когортах и, в качестве ветеранов, получали права римского гражданства.

С другой стороны, бессы ни в коем случае не оправдывают предположения тех исследователей, которые видят в *dediticii* не получившие римского гражданства варварские племена или отдельных варваров, перешедших недавно на сторону Рима. На римских землях бессы жили несколько веков, как и другие *gentes* Дунайских провинций, как *brittones* на Рейне и другие жители прирейнских *vicis*.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать следующее.

Как показал гиссенский папирус, в эдикте Каракаллы сделано изъятие для *dediticii*. Мы не знаем, как конкретно применялся эдикт на практике.

¹ Mommsen, Ges. Schr., B. VI, стр. 156—158.

² CIL, III, 7532.

Тезис Моммзена, что под действие эдикта Каракаллы не подпали те, кто не были гражданами городских общин, а были жителями *vici* различных *regiones*, оказался неверным; документы, привлеченные Бикерманом, и некоторые другие папирусы показали, что во всяком случае сельское население Египта, не принадлежавшее к городскому гражданству, получило римское гражданство. Но отнесение той или иной категории населения к *dediticii* определялось, надо полагать, не сохранившимися специальными инструкциями императора или усмотрением управителя провинции. На окраинах империи, заселенных варварскими племенами, сохранившими свою племенную организацию (*gentiles*), могли еще рассматривать население *vici* как варваров и *dediticii*, а иногда по тем или иным политическим соображениям не торопиться ввести в действие эдикт Каракаллы. Судя по приведенным надписям, сельское население Рейнских и Дунайских областей продолжает еще в течение нескольких десятилетий получать римское гражданство за военную службу. Дипломы III в. предназначены для *equites singulares*, которым дается римское гражданство, и для преторианцев, которым дается *ius connubii* с женщинами peregrinского права. И те, и другие, входившие в состав императорской гвардии, набирались в III в. почти исключительно из жителей Дунайских провинций.

Возможно, что исключение, сделанное из эдикта Каракаллы и затрагивавшее главным образом те области, которые доставляли наибольшее число солдат, имело целью сохранить некоторую притягательную силу за военной службой, дававшей римское гражданство.

Правда, к этому времени оно уже утратило свое бывшее значение, но в этих местностях, может быть, еще сохранило некоторую привлекательность. Мы видим, что почти исчезнувшее в III в. почетное наименование вспомогательных частей *civium Romanorum* еще сохраняется кое-где на Дунае и на Рейне. Следовательно, среди сельского населения, не подпавшего под действие эдикта Каракаллы, получение римского гражданства могло еще быть известным стимулом.





О ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ ДЕЛОСА В III—II вв. ДО Н. Э.

Я. А. Ленцман

В одном из примечаний к «Капиталу» Маркс отмечает: «В противоположность прежним взглядам, когда размеры и значение азиатской, античной и средневековой торговли ставились слишком низко, теперь вошло в моду чрезвычайно переоценивать их»¹. Мода продолжает иметь успех и в современной буржуазной историографии античности. Модернизаторские взгляды особенно ярко выражены в работах о торговле эллинистического и римского Делоса. Согласно распространенному в современной научной литературе мнению, «в III в. остров превращается в один из величайших хлебных рынков всего Средиземного моря»². «В III в. Делос становится одним из хлебных рынков Средиземноморья»³. В начале II в. до н. э. «после получения большого хлебного дара от Масиниссы, Делос превратился в центр хлебной торговли»⁴ (*entrepôt des céréales*). Уже в III в. «торговля хлебом и некоторыми другими продуктами севера постепенно концентрируется на Делосе»⁵. «На самом деле решающей силой (в экономической политике острова.—Я. Л.) были крупные делосские торговцы».⁶

Благодаря опубликованию в 1926—1937 гг. основной массы делосских надписей, в последних общих работах, посвященных экономике эллинизма, вопросы хозяйственной жизни Делоса занимают все более почетное место. Ларсен, автор монографии о Римской Греции, посвящает целую главу анализу хозяйственных текстов независимого еще в основном Делоса⁷. В последнем капитальном труде М. Ростовцева⁸ дан впервые за последние десятилетия подробный обзор основных делосских документов в период римского господства на острове. Отрадно отметить несомненную эволюцию во взглядах М. Ростовцева на экономику Делоса. Если еще в 1930 г. он всячески подчеркивает (и, как увидим дальше, преувеличивает) роль

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 361, прим. 49.

² F. Durrbach, *Choix d'inscriptions de Délos*, Paris, 1921—23, стр. 57.

³ W. Laidlaw, *A History of Delos*, Oxford, 1933, стр. 113.

⁴ G. Glotz, *Le travail dans la Grèce ancienne*. Paris, 1920, стр. 404.

⁵ M. Rostovtzeff, *Rhodes, Delos and hellenistic commerce*. «САН», t. VIII, 1930, стр. 642.

⁶ K. Lehmann-Hartleben. *Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres* Leipzig, 1923, стр. 153.

⁷ J. A. O. Larsen, «Roman Greece» в т. IV «An Economic Survey of ancient Rome», T. Frank'a, Baltimore, 1938.

⁸ M. Rostovtzeff. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, Oxford, 1941.

хлебной торговли острова чуть ли не с начала его независимости, то в 1941 г. этот крупнейший ученый уже пишет: «В начале и конце III в. Делос был маленьким, но пользующимся благосостоянием городом... На Делосе единственными факторами в экономической жизни были храм и порт, в то время как *χώρα* и деревенский элемент практически не существовали»¹. Исключительный расцвет делосской торговли в римское время М. Ростовцев объясняет уже не оборотами хлебом, а тем, что в конце II и начале I вв. Делос, благодаря стечению целого ряда обстоятельств, стал рынком сбыта рабов для латифундий Италии и центром караванной торговли Рима со странами Востока. В отличие от М. Ростовцева Дэй, автор обстоятельной монографии об экономической истории Афин в римское время, придерживается старой точки зрения на хлебную торговлю Делоса, считая, что «Делос в отношении хлебной торговли был важным ее центром, начиная с III в. до н. э.»².

Что же нам фактически известно о хлебной торговле эллинистического Делоса?

Делос — самый маленький из Кикладских островов; он представляет собой узкую, продолговатую полосу скалистой, неплодородной земли, длиною в 5 км. и шириной (максимальной) в 1,2 км. Поверхность Делоса равна всего лишь 3 кв. км, к тому же значительная часть острова занята скалистой горой Кинфom и ее отрогами.

Уже автор «Гомеровых гимнов» (вероятно, V в. до н. э.), обращаясь к Делосу, пишет:

Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет.

Думаю я, что ни овцами ты не богат, ни быками,

Зелень скудна на тебе, и плодов никаких не родится.

Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,

Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,

Жертвенный дым без конца над тобою начнет возноситься³.

Певец неоднократно отмечает исключительную даже для греческих условий скалистость Делоса: «Скалиста, бедна почва моя», или «Кинф — каменисто-суровая гора».

Белох⁴ в конце прошлого века пытался определить численность населения Делоса. Он базировал свои расчеты на том, что, согласно Аппиану⁵, солдаты Митридата вырезали в 84 г. до н. э. 20 тыс. чел. на Делосе. Притом Белох считает, что все эти 20 тыс. чел. были постоянными жителями Делоса. Общую численность населения острова он оценивает, исходя из этих предпосылок, примерно, в 50 тыс. человек. Руссель в 1931 г.⁶ весьма остроумно опроверг мнение Белоха. Вот примерный ход рассуждений Русселя: жилая поверхность Делоса равна 120 га, плотность населения Парижа в 1920 г. составляла 370 чел. на 1 га. Если

¹ Ibid. стр. 237.

² J. D a y, An Economic History of Athens under Roman Domination, New York, 1942, стр. 70.

³ «Гомеровы гимны», перев. Вересаева, М., 1926. «Гимн Аполлону» строки 53—58.

⁴ J. B e l o c h, Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, Leipz., 1886, стр. 182.

⁵ A p p i a n, Mithridatica, 28; «Архелай, отправившись с большим запасом продовольствия и громадной армией, взял штурмом Делос, отпавший от Афин, и другие местности. Вырезав в них 20 тыс. чел., большинство из которых были италийцы, он отдал эти земли афинянам». Таким образом 20 тыс. — это жители не только Делоса, но и других Кикладских островов.

⁶ P. R o u s s e l, La population de Dèlos à la fin du II siècle, BCH, LV (1931), стр. 438—449.

бы расчеты Белоха были верны, то плотность населения Делоса в 84 г. до н. э. ($50\,000 : 120 = 417$) была бы значительно выше, чем в современном Париже. Это, понятно, невозможно.

Сам Руссель определяет население острова на основании найденного в 1925 г. полного списка делосских эфебов 119—118 гг. Умножая число эфебов (41 чел.) на статистический коэффициент 112, мы получаем 5.000. Так как, по мнению автора, эфебами были дети состоятельной части населения, он без дальнейших доказательств оценивает население Делоса в 119—118 гг., включая рабов, максимум в 20—30 тыс. человек.

Руссель несомненно ближе к истине, чем Белох. Все же большое сомнение вызывают два элемента в построении Русселя. Во-первых, как известно¹, эфебами становились после достижения 18-летнего возраста в с е свободные афиняне и метэки, а не только зажиточная часть населения.

Во-вторых, учитывая отсутствие ремесленного производства и слабое развитие сельского хозяйства на Делосе, мы не имеем достаточных оснований предполагать, что количество рабов превышало в 4—6 раз численность свободного населения острова.

В III и начале II в. население Делоса было несомненно значительно меньше, чем в 119—118 гг. Об этом свидетельствует и то, что афиняне без особенных трудностей выселили в 167 году жителей Делоса. А так как Афины II в. были лишь бледной тенью могущественной державы времен Перикла, то следует заключить, что к этому времени население Делоса было совершенно незначительно. К такому же выводу нас приводит анализ данных о хлебном фонде острова. В отчетах гиеропеев начала II в. неоднократно упоминается, что хлебный фонд Делоса составлял около 60 000 драхм в год. Разделив эту сумму на 60 драхм (стоимость 6 медимнов пшеницы—средней годовой нормы взрослого человека в античности)², мы приходим к выводу, что население острова в это время насчитывало 1—2.000 человек.

Страбон, вообще не много писавший о Делосе, все же счел нужным упомянуть, что «Делос, сделавшийся известным (благодаря феориям), еще более поднялся вследствие разрушения Коринфа римлянами. Сюда перешли купцы, привлекаемые свободой храма от подати, а также удобством гавани. Последняя расположена очень удобно для плывущих в Азию из Италии и Эллады» (Страб., География, X, 5, 4). Таким образом, Страбон склонен считать датой перелома в истории Делоса год разрушения Коринфа, как бы подчеркивая этим, что торговля Делоса до 146 г. не могла иметь сколько-нибудь значительных размеров.

Мнение Страбона было блестяще подтверждено результатами археологических раскопок Делоса. Как известно, работы французской школы в Афинах начинают на Делосе в 1873 г. Лебег, затем в период 1877—1894 гг. их продолжают Омоль и его ученики. Наконец, последний этап раскопок охватывает, примерно, первое тридцатилетие нашего века. Особенное значение для интересующего нас вопроса имеют работы 1902—1915 гг., когда раскопки производились в жилых районах острова. Тогда был раскопан так называемый «Верхний город», расположенный у подошвы горы Кинф. Центральной его частью является длинная, частично сохранившаяся улица с жилыми домами и ларьками. Здесь, в районе высохшего русла речки Иноп, находятся развалины храма восточных божеств.

¹ См. напр. B u s o l t—S w o b o d a, Griechische Staatskunde, Münch, 1926, стр. 1188—1190.

² T. M i c h e l l, The economics of ancient Greece, Cambridge 1940, стр. 21.

Весь этот район был застроен во II в. до н. э. Были также раскопаны портовые сооружения: лавки, склады и доки, построенные на самом берегу моря, частично на насыпях, далеко выдающихся в море (постройки конца II в.)¹. Итак, основное жилое и портовое строительство относится уже к римскому периоду. В эллинистическом Делосе вся жизнь острова концентрируется вокруг храма. Развитие торговли и быстрый рост населения начинаются на Делосе лишь во II в.

При ничтожных размерах и исключительном неплодородии Делоса даже немногочисленное население не могло довольствоваться хлебными ресурсами острова и вынуждено было постоянно покупать хлеб. Привоз хлеба был особенно велик во время феорий и других, столь частых на Делосе, празднеств². Вследствие соревнования эллинистических монархов количество всяких торжеств в III в. стало расти. Это еще более обостряло хлебный дефицит священного острова. Вопросы доставки продовольствия на Делос все более усложнялись, достигнув максимальной остроты в начале II в.

От первой половины III в. сохранилось очень мало данных о хлебной торговле. Фактически все наши знания об этом периоде ограничиваются несколькими цифрами в храмовых отчетах. Эти скудные данные были мастерски использованы Жарде и Глотцем. Они составили интересные сводки, иллюстрирующие сезонные колебания цен на продукты, в частности на хлеб³. Те же храмовые отчеты показывают, что многие рабочие, чаще всего низко оплачиваемые, получают около половины заработной платы в натуре—хлебом⁴. Номинальный заработок таких рабочих подвергался в течение года большим колебаниям (до 35%) в связи с ростом или падением цен на хлеб.

Впервые мы встречаемся с покупкой относительно большой партии хлеба в декрете буле и демоса в честь Дионисия из Византии (середина III в.). Дионисий получает титул проксена за то, что он «помогает делосцам, а также за продажу городу 500 медимнов пшеницы по цене, установленной демосом»⁵. В награду за это Дионисий, кроме обычных проксеновских почестей, получает также так называемую *ισότηλα* (равенство с гражданами в обложении). Этот декрет является одним из важнейших источников для характеристики экономики эллинистического Делоса. Мы видим, что Делос испытывает большую нужду в хлебе. Активную роль в привозе играет византийский посредник. Импорт хлеба все же невелик, в противном случае привоз 500 медимнов (примерно 2,6 тонны) не был бы специально отмечен. К тому же его освобождение Дионисия как иноземца от специального обложения—*ισότηλα* являлась большой льготой, а это свидетельствует о высоких налогах на ме таков на Делосе

¹ Подробные ежегодные отчеты о ходе раскопок можно найти в соответствующих номерах BCH, начиная с 1878—79 гг. Специально о портовых сооружениях см. исключительно интересную и ценную монографию J. P a r i s, *Les établissements maritimes à Délos*. BCH, XL (1916), стр. 5—73. Общий обзор раскопок дан Лемани-Гартлебенем в его «Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeeres», стр. 153—157.

² G. G l o t z, *Les salaires à Délos*, JdS, (1913), стр. 210.

³ A. J a r d é, «Les céréales dans l'antiquité grecque», Paris, 1925, стр. 166—176, составляет на основании отчетов Сосисфена (250 г.) и Клеострата (282 г.) сводку ежемесячных колебаний хлебных цен. Согласно его выводам, цены хлеба на Делосе стоят на самом низком уровне осенью во время уборки урожая. Затем они постепенно нарастают вплоть до времени нового урожая. Данные Жарде свидетельствуют о большой зависимости Делоса от привоза хлеба из-за границы.

К аналогичным выводам приходит Глотц в его монографии «L'histoire de Délos d'après les prix d'une denrée», REG (1916), стр. 281—315.

⁴ G. G l o t z, *Les salaires à Délos*, JdS (1913), стр. 206—251.

⁵ F. D u r r b a c h, «Choix», № 46.

Наконец, факт назначения цен на хлеб демосом характеризует большие колебания цен. Трудно себе представить, чтобы Делос был ко времени издания такого декрета крупным транзитным центром и перевалочным пунктом в торговле хлебом.

Некоторые исследователи пытаются делать далеко идущие выводы о торговле Делоса на основании декретов о проксении. Проксенов Делоса можно разделить на две группы. Первая—иностранцы, местные жители, которые в силу долголетнего пребывания на острове и потери связей с местом рождения акклиматизировались здесь и стремятся получить определенные экономические и политические привилегии, связанные с званием проксена. Для таких людей проксения означает фактическое уравнивание в обложениях и в правах с гражданами Делоса. В декретах буле в честь таких иностранцев всегда каким-нибудь образом отмечается их связь с островом¹.

Вторая, более многочисленная группа проксенов состоит из жителей других городов. Для этих лиц проксения на Делосе является своего рода почетным гражданством. Основную массу членов этой группы составляют всякого рода чиновники и «друзья» эллинистических монархов, философы и пр.

Для нас здесь важно одно: наличие проксенов первой группы, давно оторвавшихся от родины, не доказывает тесных торговых связей их новой отчины со старой; тем более не могут служить в качестве такого доказательства декреты, касающиеся второй категории проксенов.

Все попытки реконструкции торговых связей Делоса путем составления различных проксеновских сводок без конкретного анализа каждого в отдельности декрета весьма рискованны и ведут к необоснованным, скороспелым выводам².

В связи с хлебной торговлей Делоса и Византия возникает еще один важный вопрос о роли понтийского хлеба для Греции в III в. По аналогии с V и IV вв., когда Понт фактически был основным поставщиком хлеба для Афин, принято думать, что и в III в. его роль осталась та же. Но это не совсем верно. Полибий, важнейший источник для конца III в., анализируя причины родосско-византийской войны 219 г., пишет (IV, 38, 6): «хлебом они (понтийские страны.—Я. Л.) обмениваются с нами, то доставляя его нам, когда нужно, то получая его от нас». Это категорическое утверждение Полибия показывает, что уже в III в. Понт в целом не имел постоянных больших хлебных излишков. О временном недостатке хлеба на Понте свидетельствуют как хорошо известный ольвийский декрет в честь Протагена, так и не менее широко интерпретированная присяга херсонесцев³. Вполне вероятно, что в период преобладания Египта Киклады снабжались хлебом оттуда. Косская победа Антигона Гоната (датируемая, примерно, 250 г.) отрезала весь Эгейский архипелаг от нильской житницы. Принимая во внимание падение вывоза из Понта, этим

¹ В декрете в честь Евтихия из Хиоса (F. D u r g b a c h, «Choix», № 43) отмечается, что он является «жителем Делоса». Аналогичная формулировка встречается в декретах в честь Адмета из Фессалонии («Choix» № 49), Тимона из Сиракуз («Choix», № 66), Гегестрата (ВСН, XXXI (1907), стр. 370). В декрете о проксении Филиста из Хиоса добавляется разрешение «вписаться в любую фратрию, какую он пожелает» («Choix», № 28).

² Так Д ю р р б а к в «Choix» цитированный уже декрет (№ 43) о проксении Евтихия из Хиоса интерпретирует как показатель роста торговых оборотов Делоса и Хиоса, в то время как в тексте декрета прямо указывается, что Евтихий является постоянным жителем Делоса. Аналогичную ошибку Д ю р р б а к делает в комментарии к «Choix», № 66.

³ Анад. С. А. Ж е б е л е в, Херсонесская присяга, ИАН, (1936), VII, сер. № 10, стр. 913—939 к стр. 210.

можно было бы объяснить серьезные хлебные затруднения ряда полисов. Этим также объяснялось бы обилие «хлебных» декретов этого периода, между прочим, и делосский декрет в честь Дионисия.

Действительно 250—230 гг.—это период больших трудностей в снабжении хлебом во всем восточном Средиземноморье. Нет ничего удивительного в том, что и Делос испытывал нужду в хлебе. Проксения Дионисия свидетельствует о нехватке хлеба на Делосе, а не о его транзитной торговле.

На чем же в таком случае держится общепринятое мнение о крупной хлебной торговле Делоса уже в половине III в.? Весьма шаткое здание этой гипотезы базируется на трех аргументах. Во-первых, Делос около 235 г. награждает венком македонского ситона (скупщика хлеба) Аристобула из Фессалоники¹. Во-вторых, жители Истии, как видно из надписи в честь Афинодора, также отправляют своих ситонов на Делос². В-третьих, один из известнейших делосцев III в. Мнесалк, сын Телесархида, выкупает конфискованный Делосом груз хлеба и посылает его в неизвестный нам страдающий от голода город³.

Подвергнем эти надписи внимательному анализу. В первых двух речь идет о пребывании на Делосе ситонов из Македонии и Истии (город на Эвбее). Цель поездки неизвестна. Мы знаем только, что истийским ситонам некий родосец помог добыть деньги для покупки хлеба. Вспомнив, что храм Аполлона уже с начала III в. ведет довольно широкие ссудные операции⁴, и приняв во внимание постоянное безденежье македонских царей, а также всеобщий хлебный кризис второй половины III в., мы убедимся, что основной целью поездки ситонов на Делос было добыть денег на покупку хлеба. Где хлеб покупался—неизвестно, и никаких данных об этом у нас нет. Только из третьей надписи мы видим, что в делосский порт фактически прибыло судно с грузом хлеба. Груз был дважды конфискован властями острова. Лишь уплатив причитающуюся сумму, Мнесалк направил судно в один из полисов. Как известно, Делос расположен в самом центре Киклад, и нет ничего удивительного в том, что какое-то судно остановилось здесь для отдыха, в непогоду или по другим соображениям. Хлеб из Делоса был направлен в один из городов, пораженных голодом. Из этого факта нельзя делать вывода о большой хлебной торговле Делоса.

Весьма существенны соображения транспортно-географического порядка. В период эллинизма вопрос стоимости фрахта имел первоочередное значение. Согласно исследованиям Глотца⁵, стоимость перевозки вина из Пергама на Делос составляла более 200% его первоначальной цены. Цены гравия и извести на Делосе примерно на 200% выше афинских цен. Мы можем смело предположить, что стоимость перевозки хлеба с севера на Делос была пропорционально еще выше. А ведь в период преобладания Македонии единственным серьезным поставщиком хлеба

¹ «Принимая во внимание, что Аристобул, сын Афиней, из Фессалоники, проксен и благодетель храма и делосцев, был послан в качестве ситона царем Деметрием на Делос и здесь все время благородно и достойно вел себя по отношению к храму, царю и демосу делосцев, а также с полной благожелательностью и уважением относился к интересам храма, царя и делосского демоса», буле и демос решают наградить его венком и пр. (D u r g b a s h, «Choix», № 48.)

² «Архонты предложили буле вынести на решение демоса следующее: демос считает, что родосец Афинодор, сын Писагора, все время благорасположен к городу и приносит пользу как частным образом горожанам, обращающимся к нему в нужде, так и городу в целом. Афинодор также с полной готовностью содействовал ситонам, посланным городом на Делос, и ссудил им деньги без процентов. Благодаря ему ситоны уехали без задержки, ибо он интересы города ставит выше своей личной выгоды». Далее—обычный текст (SIG³, 493; «Choix», № 50).

³ BCH, XXXI (1907), стр. 374—377.

⁴ Декрет в честь Филокла Сидонского (SIG³, 391; «Choix» № 18).

⁵ G. G l o t z, Les prix des denrées à Délos, JdS, (1912), стр. 17—28.

для Архипелага могли быть только местности, расположенные на севере. Спрашивается: какой экономический смысл могло иметь для Македонии или для Истии посылать на Делос за понтийским хлебом? Если же мы примем во внимание постоянные нападения пиратов, учетом необорудованность делосского порта в эллинистический период и вспомним, сколь велико было влияние Македонии в конце III в. в Пропонтиде, то нам станет совершенно ясной вся шаткость и необоснованность точки зрения на развитую хлебную торговлю Делоса.

В последнее время Ларсен пытался определить объем делосской торговли¹.

В отчете Гипсокла (архонт 279 г.) имеется указание, что поступления от пошлин и налогов на торговлю (пентекоста) составляли около 14 тыс. драхм. В следующем году они поднялись до 18 тыс. драхм. Так как пентекоста, как показывает само название налога, составляла два процента от общей стоимости товаров, то можно предположить, что ежегодный оборот Делоса в половине III в. составлял до миллиона драхм. Притом нужно будет учесть, что в эту сумму часть товаров входит дважды, так как пентекоста взималась как с ввозимых, так и с вывозимых продуктов. Для сравнения заметим, что величина годовой пентекосты на Родосе, правда, в 167 г., составляла, по Полибию, миллион драхм. Из сопоставления чисел—18 тыс. и 1 млн.—становится совершенно ясным, как безосновательны утверждения о серьезной делосской конкуренции Родосу еще в III в. до н. э.

Кое-какой свет на размеры торговли на Делосе могут пролить данные о расходах храма на поддержание набережной в порядке. За период с 314 по 167 г. сохранилось несколько десятков храмовых отчетов. И вот характерно, что лишь дважды упоминаются в них расходы на *ὑψμα* (набережная), первый раз в отчете Поликсена на 192 г. Тогда было израсходовано на ремонт *ὑψμα* в общей сложности около 8 200 драхм². Вторичный расход в сумме 600 драхм отмечается в цитированном уже нами отчете Демара³, общая сумма в 8 800 драхм не могла быть достаточной для перестройки порта, все сооружения которого оставались, кстати говоря, без изменений в течение нескольких столетий—с VIII по II в. до н. э.⁴

К сожалению, у нас не сохранились декреты буле Делоса по вопросам регламентации хлебной торговли. Ввиду этого придется заимствовать для сравнения некоторые моменты из декрета о торговле дровами и углем⁵. Согласно постановлению, «возбраняется лицам, ввозящим нижеперечисленные предметы, продавать уголь, круглые дрова и дровяные щепки, иначе как при условии употребления общественных весов, предназначенных для дров. Возбраняется также продавать на Делосе что-либо купленное там, а также продавать со своего судна какой-либо из перечисленных предметов, приобретенный для своего собственного употребления. Продавать же следует, сделав о своем товаре надлежащее объявление. Возбраняется выкрикивать свой товар для продажи, не сдавая его тотчас покупателю. Возбраняется продавать чужие расщепленные дрова, кругляшки и уголь. Продажа разрешается лишь самим импортерам, и притом не дороже, чем по объявленной пентекостологам (таможенные надсмотр-

¹ J. A. O. Larsen, op. cit., стр. 354—355.

² Durrbach, «Choix», № 66, примечания

³ BCH VI (1882), стр. 115 и 118.

⁴ J. Paris, Les établissements maritimes à Délos, BCH XL (1916), стр. 65 и K. Lehmann-Hartleben, Hafenanlagen, стр. 50—51 и 154.

Археологические исследования показали, что реконструкция делосских портовых сооружений происходила в основном в последние два десятилетия II в.

⁵ SIG³, 975. Декрет издан около 230 г. Перевод акад. В. В. Струве.

щики.—*Я. Л.*) цене и не дешевле. Импортёры обязаны до продажи дать агораномам (рыночным надзирателям) показания о цене, совпадающие с объявлением, сделанным пентекостологам. Если же кто-нибудь будет продавать с нарушением этого правила, должен будет уплатить 50 драхм штрафа»¹.

Декрет очень четко характеризует делосскую торговлю. Регламентация здесь подробна, подчас даже чересчур мелочна. Власти пытаются еще более ограничить торговлю и стеснить ее; особенно остро ведется борьба с иностранными купцами. Карается перепродажа товаров. Все ограничения торговли стремятся к пресечению спекуляции, к защите потребителей и местных мелких торговцев. Как непохож фактический Делос на вымышленный в мечтах модернизаторов «мощный торговый центр», «крупный перевалочный пункт» и пр.

Фактически рост торговли Делоса начинается лишь со времени объявления острова свободным портом. Разрушение Коринфа, рост экономических связей Рима с Востоком, падение Родоса и, прежде всего, развитие рабовладения в Италии—вот основные предпосылки более позднего расцвета Делоса. Конец II и особенно начало I в.—это годы блеска и славы делосской торговли. Основным товаром, находившим сбыт на Делосе, были рабы, главными их поставщиками были пираты. Потребности южно-итальянских латифундий обусловили превращение Делоса в большой рынок рабов, продающий, по словам Страбона, ежедневно громадные количества рабов. И лишь тогда, когда, во время Митридатовых войн, римский сенат был вынужден выступить против пиратов, после двукратного опустошения Делоса пиратами, лишь тогда закатилась звезда священного острова Аполлона.



¹ Весьма примечательно, что Дюррбак не счел даже нужным сослаться в своем «Choix» на эту надпись, одну из важнейших по истории экономики Делоса. Ни словом о ней не обмолвился и Ростовцев.



НАДПИСИ АРТАКСИЯ (АРТАШЕСА), ЦАРЯ АРМЕНИИ

Проф. А. Борисов

I

Среди памятников армянских древностей, хранящихся в Государственном музее Армении (Ереван), совершенно особое место занимают две каменные стелы, покрытые необычными для Армении письменами древнеарамейского типа. Однако, несмотря на всю их неожиданность для местностей к северу от Арарата—как, впрочем, и для области Ванского озера,—эти стелы были обнаружены на исконной армянской территории, в окрестностях озера Севана, в нынешнем Нор-Баязетском районе.

Обе стелы высечены из серого камня и первоначально имели одинаковую форму—грубо обтесанной толстой плиты, разделяющейся в верхней части на три тупых округлых зубца; в настоящее время эту форму сохранила лишь одна из стел (выс. 42, шир. 30, толщ. 16—20 см), открытая в 1906 г. Е. Лалаяном; вторая же плита (выс. 42, шир. 23, толщ. 21 см), найденная в 1932 г. С. Бархударяном, была обнаружена в поврежденном виде—с отбитым правым краем.

Лицевая поверхность обеих стел покрыта крупными письменами (средняя высота букв ок. 4 см), причем на каждом камне явственно различимы—полностью или частично—лишь четыре строки текста; что же касается пятой строки, то на большей стеле она оказалась почти полностью срезанной нижним краем камня, на второй же стеле от нее сохранилась всего лишь одна буква, тогда как все остальное бесследно стерлось.

Серьезных попыток прочесть надписи на описанных стелах до последнего времени, насколько мне известно, предпринято не было. Е. Лалаян послал фотографию с обнаруженного им камня одному из европейских специалистов, но, повидимому, не получил ответа. Позднее, в 1933 или 1934 г., С. Бархударян послал одновременно фотографии с обеих стел ленинградским специалистам и в Париж—Х. Перперяну. Полученные ответы сводились к следующему: надписи на севанских стелах начертаны арамейскими письменами, однако язык, на котором они средактированы, не может быть отнесен к арамейским диалектам, являясь, повидимому, местным языком области, на территории которой возникли данные памятники. К этому Х. Перперян счел возможным добавить, что первая строка большей стелы содержит имя Артаксеркса. Все эти данные были опубликованы С. Бархударяном в специальной статье, появившейся в 1935 г. Опираясь на наличие имени Артаксеркса и на поверхностное сближение письма камней с письмом египетско-арамейских памятников, С. Бархударян относит стелы к ахеменидскому времени, высказывая при этом

предположение, что язык их надписей является наречием народа утиев (нынешние удины), якобы обитавшего в древности в области Севанского озера¹. Однако попытка прочесть севанские надписи по-удински не дала никаких результатов: автору этой попытки, А. Пайазату удалось с помощью таблицы арамейских букв, составленной Х. Аджаряном, правильно опознать четыре знака, но остальные буквы были им прочитаны совершенно ошибочно, и это, в соединении с искусственными и фантастическими толкованиями, привело автора к совершенно неправильным выводам².

Впервые я ознакомился с севанскими стелами в 1934 г., когда в мои руки попали их фотографические воспроизведения—к сожалению, весьма малых размеров: памятники уменьшены на них более чем в 25 раз. Само собою разумеется, что на основании подобных воспроизведений можно было лишь констатировать общий древнеарамейский облик надписей. Впрочем, в первой строке большей стелы я попытался прочесть начало имени Артаксеркса, однако дальнейшие знаки имели, как мне тогда показалось, неподходящие для конца этого имени начертания, и я предпочел воздержаться от высказывания каких-либо догадок. Х. Перперян (впрочем, по имеющимся у меня некоторым изустным сведениям, парижская попытка прочесть севанские надписи принадлежит, собственно, не Х. Перперяну, как сообщает С. Бархударян, а известному французскому кунеологу Тюрю-Данжену) поступил более смело, но именно эта смелость и игнорирование необычайного окончания прочитанного им имени повлекли за собою совершенно неправильный, как будет ясно из дальнейшего, вывод: отнесение надписей к ахеменидскому времени. Для обоснованной дешифровки надписей нужно было иметь либо фотографии крупного размера, либо, что еще надежнее, эстампажи. Последние после длительных хлопот мне удалось получить, благодаря чему в чтении надписей мною были достигнуты ощутительные результаты.

II

Письмо севанских стел, несмотря на грубую неуклюжесть его буквенных начертаний, обнаруживающую малоопытного писца, со всей определенностью должно быть признано древнеарамейским письмом в той его форме, которая характерна для памятников ахеменидского и эллинистического времени. При этом, если мы сравним общий графический стиль севанских надписей со стилем египетско-арамейских памятников ахеменидского времени³, написанных выработанным, достаточно беглым письмом, порою приближающимся к письму знаменитых элефантинских папирусов, мы будем принуждены констатировать существенное различие двух сравниваемых стилей. Пошиб севанских надписей совершенно совпадает с графической спецификой письма, характерного для арамейских памятников, найденных на территории Малой Азии: даже лучшие из этих

¹ Все эти данные заимствованы мною из статьи С. Бархударяна, *Յերմիայի և Եզրայի արձանագրության*, напечатанной в 1935 г. в сборнике: *Նոսթր Իրի Իմաստասիր ամսական*. Ни в какой мере не владея армянским языком, для ознакомления с данными этой статьи, как и других работ армянских ученых, я принужден был прибегнуть к помощи товарищей-армянистов, которым считаю долгом выразить горячую признательность. При описании стел я опирался не только на сведения, находящиеся в статье С. Бархударяна, но и на имеющиеся в моем распоряжении фотографии и эстампажи.

² Заметка А. Пайазата помещена на стр. 217—219 того же сборника, в котором напечатана и использована мною статья С. Бархударяна (см. сноску 1).

³ Я имею в виду Мемфисскую стелу 482 г. до н. э., надпись из Карпантра (Carpentras) и так называемую Ватиканскую стелу.

надписей отличаются угловатым и несколько неуклюжим письмом, совершенно лишенным изящества египетско-арамейских стел. Таким образом, я думаю, мы едва ли ошибемся, если отнесем севанские надписи к группе малоазийских памятников древнеарамейского письма.

Как известно, группа эта пока еще очень немногочисленна; общее число ее памятников в настоящий момент, насколько мне известно, не достигает и десятка, и потому вполне понятно, что обнаружение двух новых надписей этой группы является немалым приобретением для науки. Известные нам малоазийские арамейские надписи охватывают период времени от V в. (впрочем, один из старейших памятников — легенда на «львиной гире» из Абидоса — быть может, восходит еще к VI в.)¹ до II в. до н. э. Из ахеменидских памятников малоазийской группы наиболее интересна арамейско-лидийская билингва, обнаруженная Э. Литманом в Сардах и датированная десятым годом царствования Артаксеркса (455 или 394 г. до н. э.)²; из остальных интереснейшими являются отнесенные М. Лидзбарским ко II в. до н. э. и еще не вполне разъясненные надписи из Арабиссона (Киликия), открытые в 1895 г. Я. И. Смирновым и вызвавшие оживленную научную полемику по вопросу о том, рассматривать ли их по языку как арамейские или как пехлевийские³.

Известные до настоящего времени малоазийские арамейские надписи обнаружены в следующих областях Малой Азии: в Мизии, Лидии, Ликии, Киликии и, наконец, в Малой Армении (*Armenia Minor*). В последней области была в 1900 г. обнаружена греко-арамейская билингва, греческий текст которой сохранился вполне удовлетворительно, тогда как от арамейского дошли до нас лишь жалкие остатки.

Из всего сказанного явствует, что севанские стелы являются самыми восточными из обнаруженных до настоящего времени арамейских надписей малоазийской группы. Что же касается их датировки, то, оставаясь в пределах малоазийской группы, их весьма затруднительно было бы отнести к числу памятников ахеменидского времени: взяв, для примера, хотя бы «охотничью надпись» из Киликии, палеографически датируемую V—IV вв. до н. э.⁴, мы найдем в ней архаические начертания ряда буквенных знаков, имеющих в севанских надписях значительно более позднюю форму. Письмо севанских стел по его палеографическим особенностям весьма сходно, даже почти тождественно с письмом упомянутых надписей из Арабиссона, отнесенных, как было сказано, ко II в. до н. э. Во всяком случае, отличия от начертаний арабиссонских надписей, наблюдаемые в севанских стелах, все без исключения должны быть признаны еще более поздними буквенными формами. Так, горизонтально лежащий *шин* севанских стел не встречается в столь чистой его форме ни в арабиссонских надписях, ни в более ранних памятниках, тогда как его можно изыти, например, на палестинских еврейских оссуариях, эпитафии на которых написаны уже так наз. «квадратным» письмом⁵. Равным образом, более поздним является и *самех*, судя по его упрощенной форме сравнительно с формой этой буквы в арабиссонских текстах; должен, однако, заметить, что *самеха* такой формы, как на севанских камнях, мне среди опубликованных надписей найти не удалось, и потому я лишен возмож-

¹ CIS, II, 108; M. Lidzbarski, Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, II, табл. XXVI, 1.

² Sardis, Publication of the American Society for the Excavation of Sardes, VI, I, 1916, стр. 23 сл.

³ M. Lidzbarski. Aramäische Inschriften aus Kappadokien, «Ephemeris für semitische Epigraphik», I, 59 сл., 319 сл.

⁴ M. Lidzbarski, Handbuch, I, 446, II, табл. XXVI, 3.

⁵ M. Lidzbarski, Handbuch, II, табл. XLIII, 5.

до малейших деталей соответствует имени, находящемуся в первой строке севанских надписей, принимая во внимание, что ξ передает неудобнопро-износимое для грека звуковое сочетание χῥ̄. Отожествляя Artaxš(a)sī и Ἀρταξίας, мы тем самым устанавливаем и то лицо, о котором говорится в севанских надписях и которое, несомненно, соорудило обе стелы: это— Артаксий, первоначально сатрап Селевкидов, а затем, после битвы при Магнесии (189 г. до н. э.), самостоятельный правитель Восточной Армении с царским титулом; он умер ок. 160 г., положив основание армянскому государству, которое, собственно, именно с него начинается свое действительное историческое существование.

Об этом родоначальнике армянской царской династии Арташесидов (или Арташидов) нам, к сожалению, известно очень немного¹, да и то, в основном, из скудных известий античных авторов (главным образом, Страбона); средневековая армянская историческая традиция, восприняв образ этого царя, значительно переработанный народным эпическим преданием, ошибочно связала этот образ с личностью Арташеса II (Моисей Хоренский). И по армянской традиции и по словам античных писателей, Артаксий утвердил свою власть лишь после жестокой борьбы с местным правителем Оронтом (Ὀρόντης античных писателей, Еруанд армянских историков). Приурочить севанские стелы к Артаксию мы можем с тем большим основанием, что палеографически они, на основании сравнения с арабиссонскими надписями, датируются, как было сказано, именно II в. до н. э. Дальнейшие строки текста еще более утверждают нас во всех наших выводах.

2. Слово MLK читается: melek—«царь». Данная форма слова, с точки зрения нормальной арамейской грамматики, может рассматриваться двояким образом: либо как «неопределенное» или «абсолютное» состояние имени существительного (*status indeterminatus sive absolutus*), в котором оно должно быть понято как «некий царь» или «царь вообще»; либо как «сопряженное» состояние (*status constructus*), в котором имя существительное может стоять лишь тогда, когда непосредственно за ним следует определяющее его другое имя существительное. В данном случае классический арамейский язык требовал бы употребления «определенного» или «эмфатического» состояния имени существительного (*status determinatus sive emphaticus*), выражающегося окончанием -ā : (malkā') = «данный царь», «определенный, известный царь». Мы должны, следовательно, отметить в нашем тексте некоторое отступление от основных правил арамейской речи, однако это же самое отступление систематически встречается и в открытых среди некрополя древних грузинских правителей в Мцхете двух арамейских (или пехлевийских?) надписях I—III вв. н. э. Итак, из первого слова второй строки мы узнаем, что названный в первой строке Artaxš(a)sī был царем, что окончательно решает вопрос в пользу отождествления его с Артаксием античных писателей. Вопрос о том, имел ли Артаксий царский титул, еще будучи селевкидским сатрапом, до 189 г., или же присвоил его, лишь отложившись от Селевкидов,—следует предоставить компетенции историков Армении.

Второе слово второй строки надписи—BR читается: bar и по-арамейски означает: «сын». Это слово, написанное на обеих стелах характерной лигатурой, встречающейся и в упомянутой киликийской «охотничьей надписи», стоит здесь в форме «сопряженного» состояния (*status constructus*), вполне нормальной для данного контекста. Однако, ожидая непосредственно после слова bar имя собственное (отца), мы находим в нашем тексте сло-

¹ Все сведения о нем собраны и резюмированы в труде Я. А. Манандяна о Тигране Великом.

вечко—ZJ арамейскую частицу родительного падежа (nota genitivi), по правилам классического арамейского языка здесь совершенно излишнюю: эта частица, по арамейской грамматике, ставится лишь тогда, когда предшествующее ей имя существительное находится либо в соединении с местоименным суффиксом, либо в status emphaticus (в данном случае — brā'). Писец, следовательно, спутал два различных состояния имени существительного, результатом чего явилось двойное (плеонастическое) выражение родительного падежа (через status constructus и nota genitivi одновременно).

3. Третья строка большей стелы содержит пять буквенных знаков, составляющих, судя по предшествующим двум словам, только что нами объясненным, не что иное, как имя отца царя Артаксия, что должно представлять для нас немалый интерес, так как это имя не известно нам ни из каких других источников.

Принимая во внимание, что в арамейском письме звуки d и g передаются одним и тем же знаком, согласный остов имени, содержащегося в третьей строке большей стелы, может быть прочитан следующими четырьмя способами: 1) ZD JTD, 2) ZD JTR, 3) ZR JTD и, наконец, 4) ZR JTR. Я отбрасываю первые три начертания и останавливаюсь на четвертом чтении (не берясь, впрочем, решить вопрос о гласных этого имени и условно произносив его как Zariṭr или Zaritar) главным образом потому, что оно, на мой взгляд, поразительным образом отвечает эллинизированному ирано-армянскому имени Ζαριάρης. Как известно, это имя употреблялось в Армении именно во времена Артаксия; мы знаем, что Зариадром звали селевкидского сатрапа, одновременно с Артаксием основавшего самостоятельное царство в Софене¹. Само собою разумеется, что на севанских стелах арамейским письмом передан согласный остов имени Ζαριάρης в той его форме, которая была живой при Артаксии—с глухим t, озвонченным в греческом варианте (δ). Что же касается огласовки этого остова, то мне кажется, что едва ли можно читать Zariatr, так как в таком случае в согласном остове имени, по закону арамейской (и вообще семитической) орфографии, между J и T стояло бы еще гортанное придыхание а л е ф, и все имя тогда имело бы следующий вид: ZR J' TR. Впрочем, здесь может иметь место отступление от семитических орфографических норм, едва ли педантически соблюдавшихся не-арамейскими писцами, и тогда произношение Zariatr может быть признано все-таки правильным. Таким образом, из третьей строки севанских стел мы можем с значительной долей вероятности установить, что отец Артаксия носил имя Зариадра.

Итак, в трех первых строках мы читаем: «Артаксий царь, сын Зариадра».

Что же касается последней из сохранившихся, т. е. четвертой строки большей стелы, то она при полной отчетливости буквенных начертаний, написанных без разделения слов сплошным рядом (scriptio continua), не дает, если оставаться на почве арамейского языка, никакого смысла. Ясно лишь одно: после имени Зариадра отсутствует царский титул, и это указывает на то, что Артаксий получил царское достоинство не по рождению, а сам добился его, т. е. был основателем династии, что вполне совпадает с теми данными, которые имеются о нем у античных авторов. Мне кажется, что после имени Зариадра текст надписей, оставаясь на почве арамейского письма, переходит с арамейского языка (или, по крайней мере, арамейских слов) на какой-либо местный язык—вероятнее всего, на армянский или же на иранский. Выше приводилось мнение крупнейшего знатока семитической эпиграфики М. Лидзбарского, считавшего

¹ Об этом также сообщает Страбон (XI, 14, 5).

возможным предположить в остатках арамейских писем, обнаруженных в Малой Армении, памятник персидского или армянского языка. Не-арамейский состав четвертой строки едва ли может вызвать, мне кажется, какие-либо серьезные сомнения. Что же касается меньшей стелы, текст которой дошел в худшем виде, то и здесь картина, повидимому, та же, хотя три буквы, единственно сохранившиеся в четвертой строке BJN¹ если их рассматривать как отдельное целое слово, могут быть поняты как арамейское *ben* «между, среди».

Если принять, что четвертая строка надписи содержит не арамейский, а армянский, иранский или какой-либо иной текст, то станут понятны и те погрешности против арамейской грамматики, которые были отмечены нами в тексте второй строки. Арамейские слова, являющиеся здесь остатками прежней эпиграфической традиции, сохраненными для большей торжественности в имени и титулатуре царя, могут быть вместе с тем рассматриваемы как гетерогаммы. Как известно, подобные гетерогаммы, т. е. слова, писавшиеся по-арамейски, но произносившиеся по-ирански, играли большую роль в так называемой пехлевийской письменности, господствовавшей в Иране при Аршакидах и Сасанидах. Вместе с арамейским алфавитом арамейские гетерогаммы из аршакидского Ирана были заимствованы согдийцами, а если принять во внимание недавно осуществленную дешифровку хорезмийских монет, то, повидимому, и хорезмийцами. Исторически вполне возможно предположить, что и армянские цари, употребляя на монетах, по образцу большинства восточных эллинистических правителей, греческий алфавит, для внутренних нужд применяли—или только пытались применить—арамейское письмо, приспособив его к своему языку и заимствовав вместе с ним известное число арамейских слов, употреблявшихся идеографически. Последнее предположение представляется мне тем более соблазнительным, что все арамейские слова, встречающиеся на севанских стелах, существуют в пехлевийской письменности в качестве гетерогамм: *malaka*—для слова *šāh* («царь»), *bar*—для слова *pus* («сын»), *zi*—для относительного местоимения или частицы родительного падежа (так называемое *изафет*) и, наконец, *ben*—для наречия *andar* («среди», «в»). Какой язык лежит в основе текста севанских стел, надлежит решать арменоведам и иранистам. Весьма возможно, что на основании двух наших надписей, до обнаружения новых данных, этого вопроса разрешить не удастся, так как едва ли можно сделать существенные выводы из одной лишь строки. Выскажу лишь свое предположение относительно разделения слов в четвертой строке: сплошной ряд букв—RVNDKNHLT² следует, как мне кажется, разделить на две группы, рассматривая три последних знака—HLT как отдельное слово. Хотя значение этого слова мне неясно, я считаю возможным отделить его от остальных букв, исходя из того, что в третьей строке меньшей стелы непосредственно после имени Зариадра стояло, вероятно, это же слово, от которого сохранились лишь два первых знака.

Что касается остальных буквенных знаков четвертой строки, то мне представляется, пусть лишь гипотетически, возможным рассматривать их как одно слово, именно—как пехлевийское *rawandakān* = «идущие»,

¹ Знак, стоящий перед В, в значительной своей части разрушен, но, судя по его остаткам, не может быть отождествлен ни с одним из буквенных знаков, прочитанных мною на обеих стелах.

² Помня, что R и D передаются одним и тем же знаком, мы этот ряд букв можем прочитать также следующими способами: DVNDKNHLT, DVNRKNHLT, RVNRKNHLT.

«проходящие»¹. От правильной расшифровки четвертой строки зависит и определение назначения севанских стел: являются ли они пограничными знаками, или путевыми столбами, или поставлены в ознаменование каких-либо особых событий. Если предположенное мною чтение *gawandakān* будет в дальнейшем подтверждено, то «дорожный» характер севанских стел станет весьма вероятным. Во всяком случае сейчас можно сказать лишь одно: стелы с подобным текстом никак не могут являться надгробными памятниками, как их рассматривал С. Бархударян, основываясь на словах поселян, согласно которым большой камень был обнаружен вместе с человеческими скелетами².

Итак, из всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Севанские стелы являются одними из древнейших (если не древнейшими) в Армении царских надписей; они сооружены основателем армянского государства Артаксием, или Арташесом I во II в. до н. э.

2. Из надписей на севанских стелах мы узнаем подлинную старую форму имени Артаксия, известную нам до сих пор лишь в греческой и средневековой армянской передаче, а также имя отца Артаксия, Зариадра, никакими другими источниками не сохраненное.

3. Севанские стелы показывают, что древнейшие цари Армении пользовались, наряду с греческим письмом, находимым нами на монетах и на некоторых надписях, также древнеарамейским письмом в той его форме, которая существовала в Малой Азии еще со времени Ахеменидов.

4. Наконец, надписи на севанских стелах дают нам возможность поставить вопрос об использовании древними армянскими царями для внутренних нужд пехлевийского языка в современной им форме или же о создании ими на армянском языке письменности по образцу пехлевийской, с применением арамейских гетерограмм.

В заключение считаю нужным отметить, что настоящая статья в деле изучения севанских стел является первым, самым предварительным шагом.



¹ Причастие от глагола *raftan*. Если допустить, что мы имеем здесь дело с пехлевийским текстом, то и ZJ может быть понято как *изафет*, и тогда BR ZJ ZRJTR следует вполне закономерно читать: *pus i Zaritr*. Впрочем, предоставляю иранистам решать, возможен ли был *изафет* в том наречии пехлевийского языка, которое могло употребляться в Армении при Арташесе.

² Заимствую сообщение из вышеназванной статьи С. Бархударяна.

Б. Д. ГРЕКОВ. *«Борьба Руси за создание своего государства»*. Издательство Академии Наук СССР. М. - Л. 1945, стр. 77. Тираж 15000, цена 4 р. 50 к.

Книга Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства» впервые была напечатана в Ташкенте в 1942 г. тиражом в 7000 экз. В 1944 г. Издательство Академии Наук СССР ее переиздало тиражом в 5000 экз. Новое издание, как и первое, быстро разошлось, и Издательство Академии Наук правильно поступило, переиздав труд Б. Д. Грекова в тройном количестве экземпляров по сравнению с изданием 1944 г.

Книга Б. Д. Грекова была написана в то время, когда коварный враг напал на нашу великую Родину. Это научное исследование—отражение великой любви автора к своей Родине, подвергшейся нападению фашистских орд. «В наши дни,—пишет Б. Д. Греков (стр. 3),—полезно напомнить, как боролись наши далекие предки за свое политическое существование среди других народов Европы, как закладывался фундамент того самого государства, защищать которое завещали нам наши деды и отцы и которое с таким блеском выдержало великие испытания» (стр. 3). Ныне вековая борьба славянских народов с немецкой агрессией кончилась ее разгромом. Блистательная победа над фашистскими варварами, завоеванная нашей героической Красной Армией под гениальным водительством генералиссимуса И. В. Сталина и трудовым патриотизмом всех советских народов во главе с великим русским народом, не только укрепила мощь и мировое значение Советского Союза, но и открыла для всех славянских народов эру свободы и демократии.

Б. Д. Греков поставил перед собой благородную задачу—выяснить сложный вопрос—«откуда есть пошла Русская земля», «откуда Русская земля стала есть».

Книга Б. Д. Грекова—блестящий ответ на вопрос, поставленный «нашим первым историком». Так справедливо назвал Б. Д. Греков составителя «Повести временных лет».

Книга Б. Д. Грекова—ответ и тем русским буржуазным и дворянским исследователям нашего прошлого, которые так запутали вопрос о генезисе Русского государства.

Отправляясь от теоретических взглядов основоположников марксизма, Б. Д. Греков дал новую концепцию возникновения Русского государства, которая стала прочным достижением советской исторической науки.

Б. Д. Греков в последние годы много работал над «Киевской Русью». Четыре издания «Киевской Руси» свидетельствуют о большом интересе, вызванном этой книгой.

Она родилась в борьбе с попытками отдельных исследователей рассматривать Киевскую Русь как рабовладельческую¹. Б. Д. Греков подробно разобрал всю аргументацию сторонников трактовки Киевской Руси как рабовладельческой и показал несостоятельность этой надуманной теории. В противовес этой несостоятельной теории Б. Д. Греков выдвинул положение о наличии феодальных отношений в Киевской Руси. Аргументация Б. Д. Грекова была настолько солидна, что даже защитникам

¹ Б. Д. Греков, *Рабство и феодализм в Древней Руси*. Изв. ГАИМК, в. 86.

теории рабовладельческой общественно-экономической формации пришлось признать ее убедительность.

Образование Киевского государства интересовало исследователей, начиная с XVIII века. В русской исторической науке создались две школы—норманская и анти-норманская. Если представители норманской теории: Готлиб Байер (1694—1738), Гергард Миллер (1705—1783), Август Шлецер (1735—1805), Н. М. Карамзин (1766—1826), М. П. Погодин (1800—1875) объясняли возникновение Киевского государства призванием варягов, их противники, начиная с М. В. Ломоносова (1711—1765)¹, в лице И. Е. Забелина (1822—1908)², С. А. Геденова³, подвергли резкой критике их теорию, показали ее несостоятельность, обосновав положение, что Киевское государство создано отнюдь не варягами, которых никто не призывал, а племенами балтийско-славянского происхождения. Но и антинорманисты и норманисты стояли на близких между собой теоретических позициях. Они объясняли происхождение Русского государства как результат давления со стороны. Только Д. И. Иловайский объяснял образование Русского государства самостоятельным внутренним развитием Руси⁴.

Таким образом, и антинорманисты не могли дать правильного решения проблемы происхождения государства на Руси. С другой стороны и теория норманистов хотя и была в корне подорвана их противниками, не была сдана в архив. В XX веке норманизм возрождается в лице таких убежденных его сторонников, какими были шведский ученый А. Арне⁵, петербургский профессор А. Е. Пресняков⁶, академик А. А. Шахматов⁷, проф. Ф. Браун⁸, датский ученый В. Томсон⁹, М. Н. Покровский¹⁰.

Столь любезно встреченная А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым работа А. Арне подверглась глубокой критике со стороны проф. Ю. В. Готье, который внес в нее ряд справедливых ограничений, основываясь, как и Арне, на археологическом материале¹¹.

Решительными противниками теории о роли варягов в образовании Киевского государства выступил Д. И. Багалея¹². К нему примкнул и В. А. Пархоменко¹³.

Впрочем, Ю. В. Готье в известной степени в своих положительных взглядах остался умеренным норманистом, примыкая в этом отношении к С. М. Соловьеву, В. О. Ключевскому, М. К. Любавскому и М. М. Богословскому.

Противники норманистов и даже умеренные их сторонники, как В. О. Ключевский, расшатали стройное здание, построенное немецкой историографией, и расчистили путь к правильному пониманию вопроса об исторических судьбах восточно-славянского племени, в частности об образовании Русского государства. В вопросе о сущности Киевского государства царил величайшая путаница. Одни, как С. М. Соловьев, утверждали, что государственному быту предшествовал родовой строй, который только с XII века начинает сменяться государственным. Другие, как В. И. Сергеевич, Н. И. Костомаров, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. Н. Покровский, вообще отри-

¹ М. Ломоносов, Древняя Российская история от начала народа до кончины вел. князя Ярослава. СПб. 1766.

² И. Забелин, История русской жизни, т. I и II. М. 1878—1879.

³ С. Геденов, Варяги и Русь, М. 1876.

⁴ Д. Иловайский, Розыскания о начале Руси, М. 1876.

⁵ А. Арне, La Suède et l'Orient, Upsal, 1914.

⁶ А. Пресняков, Лекции по русской истории, т. 1, М. 1938.

⁷ А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, П., 1917.

⁸ Ф. Браун, Варяги. «Русская энциклопедия», изд. «Деятель», т. IV.

⁹ В. Томсон, Начало русского государства. «Чтения в Обществе истории Древней России», 1891.

¹⁰ М. Покровский, История русской культуры, т. I, М. 1918.

¹¹ Ю. Готье, Железный век в Восточной Европе, М.-Л. 1930, гл. IV.

¹² Д. Багалея, Русская история, т. I, М. 1914, стр. 151—176.

¹³ В. Пархоменко, У истоков русской государственности, Л. 1924.

цал существование Киевского государства. Вместе с тем в историографии господствовало представление о низком состоянии производительных сил у восточных славян, в частности об относительно позднем развитии у них земледелия. Эта теория подерживалась В. О. Ключевским¹, Н. А. Рожковым² и С. В. Бахрушиным³.

Эта путаница взглядов, царившая в историографии, настоятельно требовала пересмотра сложного вопроса о генезисе Русского государства.

Б. Д. Греков принадлежит к тем исследователям, которые объясняют происхождение Русского государства внутренними изменениями, происходившими в самом славянском обществе. «Сюжет,—по справедливому замечанию Б. Д. Грекова,—слишком велик, чтобы его охватить полностью. Выбирая факты из огромного запаса,—говорит он,—я старался предоставить этим фактам возможность говорить самим за себя. Их язык мне казался достаточно убедительным, чтобы притти к окончательному выводу, что русский народ, выступивший на исторической арене в VI веке, оказался достаточно сильным и организованным, чтобы сохранить свое лицо, свою независимость, облечь свое официальное существование в Европе в государственную форму и занять почетное место в истории Европы» (стр. 77 реценз. книги).

Свою работу Б. Д. Греков открывает главой «Два мира», в которой, со свойственной ему образностью и яркостью, описывает столкновение славян с Византийской империей, подобно тому, как германцы пришли в соприкосновение с Западно-Римской империей.

Пересматривая вопрос об отношениях между Восточно-Римской империей и варварами с точки зрения византийских писателей VI—VIII вв., Б. Д. Греков примыкает к тем советским исследователям, как А. В. Мишулин⁴, Б. Т. Горянов⁵ и М. В. Левченко⁶, которые уже касались этого вопроса и отметили, что одним из последствий славянского вторжения было крушение рабовладельческого строя. Вторжение славян вызвало восстания рабов, которые помогали славянам утвердиться на Балканском полуострове и на базе разрушения отживавшего рабства создали новый общественно-экономический строй.

Б. Д. Греков приводит много свидетельств о том, что «славяне и анты в VI веке н.э. обнаруживают большую активность по отношению к Византии, что они действуют огромными организованными массами и перевооружились по византийскому образцу» (стр. 8).

Подводя итоги столкновению «двух миров», Б. Д. Греков справедливо заключает: «Славяне в этой борьбе принимали самое непосредственное и весьма активное участие. Они вместе с германцами, армянами, иберами, народами Средней Азии участвовали в перекраивании политической карты Европы и Азии и на развалинах рабовладельческого мира создали свои новые государства» (стр. 14).

Рассматривая вопрос об образовании первых славянских государств на территории Византийской империи, Б. Д. Греков знакомит читателя с общественным и политическим строем славян на основе критического анализа наиболее ярких свидетельств иностранцев VI—VII вв.

По мнению Б. Д. Грекова, «славяне на рубеже античности и средневековья имели тот же общественный строй, который так характерен для древних германцев, армян, иберов и для других молодых народов, образовавших свои государства на новой производственной базе, с крестьянской общиной в основе».

¹ В. Ключевский, Боярская Дума древней Руси. Изд. 5-е, 1919; Курс русской истории, т. I.

² Н. Рожков, Русская история, т. III.

³ Историк-марксист, 1936, кн. VI, стр. 195 сл.

⁴ А. В. Мишулин, Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. ВДИ 1, М. 1939.

⁵ Б. Т. Горянов, Славянские поселения VI в. и их общественный строй. ВДИ № 1. М. 1939.

⁶ М. В. Левченко, Византия и славяне в VI—VII вв. ВДИ 4. М. 1938.

«Где бы ни появлялись славяне,—говорит Б. Д. Греков,—они приносили с собой свои общинные навыки» (стр. 16). Вместе с тем подробное критическое рассмотрение источников позволило Б. Д. Грекову прийти к заключению, что «говорить о неизбежности родового строя у славян и антов этой поры не приходится».

Громадные объединения племен, несомненно, были и политическими объединениями. Эти военные по преимуществу организации представляют собой переходное явление от родового общественного устройства к государственному и названы Морганом—Энгельсом «военной демократией» (стр. 22). На базе этих объединений возникло сначала болгарское государство, славянское по основной массе населения. Но его образование «осложняется вмешательством тюрков, согласно преданию, участвовавших в организации власти и быстро ослабевших» (стр. 23). Б. Д. Греков справедливо относит болгар к тюркам. Нет никаких данных, чтобы причислять болгар к славянам, как это делает Д. И. Иловайский, или считать болгар ослабевшими еще до перехода Дуная, как полагает акад. Н. С. Державин.

В VII в. политически организованы были и сербы. В это же приблизительно время, немногим раньше, говорит Б. Д. Греков, образовалось на территории Западно-Римской империи и государство чехов (стр. 23). «На южной окраине наблюдаем в это время утверждение славян в Далмации, Истрии и Фессалии» (стр. 23).

Вслед за первыми славянскими государствами создается государство восточных славянских племен.

Отвергая мнение Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, будто русская история начинается с «привлечения варягов», Б. Д. Греков присоединяется к мнению Густава Эверса, который в своей «Истории русского народа» «начинает историю русского народа с VI в., т. е. с первых известий об антах» (стр. 25). Надо отметить, что историки славянофильского направления также указывали, что историю русского народа надо вести с более глубокой древности, а не со времени известий летописца о привлечении варягов. Эта правильная точка зрения историков славянофильского лагеря послужила отправной точкой и для суждения Ключевского о зарождении государственного быта у восточных славян. Греков полностью разделяет точку зрения Ключевского, что «мы застаем у восточных славян на Карпатах в VI веке большой военный союз под предводительством князя дулебов. Продолжительная борьба с Византией завязала этот союз, сомкнула восточное славянство в нечто целое» (стр. 27). Немецкий историк Вестберг, русские историки А. Е. Пресняков и акад. Н. С. Державин относят известие летописи о дулебах к дулебам чешским и моравским. Вслед за А. А. Шахматовым Б. Д. Греков категорически отказывается признать правильными соображения Вестберга-Преснякова, полагая, что «дулебы—старое, весьма многочисленное и могучее восточно-славянское племя—были вполне способны сыграть объединяющую роль, какую они, несомненно, согласно нашим данным, и сыграли» (стр. 27).

Б. Д. Греков вполне присоединяется к мнению Ключевского, что «этот военный союз и есть факт, который можно поставить в самом начале нашей истории» (конечно, если иметь в виду не историю народа, а лишь историю созданного им государства) (стр. 29).

Это наблюдение позволило Б. Д. Грекову считать «логичными и вполне приемлемыми и последующие сообщения арабов о наличии в Восточной Европе трех славянских государств» (стр. 26)—Куявии, Славии и Артании.

Все эти данные дополняют сообщения «Повести временных лет». По справедливому замечанию Б. Д. Грекова, «все собранные нами сведения по этому предмету такого свойства, что сами по себе вполне вероятны и выдерживают самую строгую научную критику; в то же время они не только не противоречат данным «Повести», но и являются существенным к ней дополнением, убедительно восстанавливающим те ее части, которых там недостает. Они находятся в полном соответствии и с данными современной археологической науки и, с точки зрения методологической, являются неизбежными в конкретном ходе событий, в известной закономерной последовательности развития восточнославянского общества от родового строя через военную демократию к государству» (стр. 31).

Очень ценно указание Б. Д. Грекова, что «эти факты находят себе полное объяснение в ходе событий всемирной истории и становятся на свое место в процессе образования средневековых европейских государств» (стр. 31).

Собрав воедино показания источников, Б. Д. Греков справедливо замечает: «У нас имеются все основания в развернувшемся научном споре полностью поддержать мнение Ключевского и вместе с ним признать, что уже в VI веке в Прикарпатье мы имеем явные признаки первой завязи Русского государства и что после распада этого государства вследствие внешнего удара существовали другие государственные образования, предшествующие державе Рюриковичей» (стр. 31). Следовательно, Киевское государство возникло не на пустом месте. При такой новой постановке вопроса теряет всякое значение вопрос «о призвании варягов». Следует полностью согласиться со словами исследователя: «Было бы в высшей степени странным думать, что эта наиболее численная и могучая часть славянства дожидалась IX столетия и «призвания варягов», чтобы начать свое государственное бытие» (стр. 24).

Б. Д. Греков создал свою новую концепцию, обратившись к показаниям источников, которые, по тем или другим соображениям, мало привлекали к себе внимание исследователей. Б. Д. Греков имел полное основание утверждать, что «игнорировать свидетельства источников о докиевском периоде истории России было бы так же недопустимо, как и не использовать всего известного нам материала докарловой монархии франков» (стр. 32).

Проследившая внутреннюю эволюцию восточно-славянского общества, а также используя последние археологические изыскания и древнейшую «Русскую Правду» и «Повесть временных лет», Б. Д. Греков характеризует восточно-славянское общество накануне создания Русского государства как общество классовое, с землевладельцами во главе. Он полагает, что землевладение князей и бояр «существовало уже и в IX веке и еще раньше» (стр. 44).

Развитие сельского хозяйства и ремесла повлекло за собой возникновение городских областей с пестрым племенным составом. «Эта система городских областей,—говорит Греков,—конечно, была следствием распада племенного строя и важным показателем экономических и политических успехов восточнославянского общества» (стр. 45).

Эти наблюдения над общественно-экономическим бытом восточнославянских племен позволяют Б. Д. Грекову признать, что «сведения о первых государственных образованиях у восточных славян несколько не противоречат их экономическому состоянию» (стр. 45).

Б. Д. Греков эти государственные объединения, предшествовавшие образованию Киевского государства, определяет как «дофеодальные», где ведущая роль принадлежала крестьянским общинам, «крупное землевладение вклинивалось и крепло постепенно» (стр. 45). Однако в недрах дофеодальных государств «подготавливались крупные перемены, несшие общинам и общинникам потерю их земли и свободы» (стр. 45—46).

Государство—не есть организация, навязанная извне. «Государство,—справедливо отмечает Б. Д. Греков,—возникавшее всегда и везде на базе уже существующего неравенства, способствовало дальнейшему расширению и углублению этого неравенства» (стр. 46).

Дофеодальное государство могло существовать только до тех пор, пока «землевладельческая знать, окружавшая князей и разделявшая с ними власть, была заинтересована в дальнейшем усилении княжеской власти, до того момента, когда сама почувствовала в себе достаточно сил, чтобы обойтись без князя или взять его под свою опеку» (стр. 46).

Когда же созрели «при поддержке княжеской власти те силы, которые потом стали ею тяготиться и в конечном счете ее уничтожили, чтобы расчистить поле для ни в чем не сдерживаемого аппетита крупных землевладельцев, для превращения их владений в независимые и разрозненные политические организации», тогда «только народная масса,—говорит Б. Д. Греков,—крепкая своей общинной организацией, спаянная единством языка, обычаев и преданий, всегда напоминала о единстве рус-

ского народа и, особенно сильно страдая от усобиц, содействовала делу нового объединения Русской земли» (стр. 46).

На базе этого классового общества и политических тенденций крепнущего класса землевладельцев и было создано Русское государство, занимавшее столь видное место в Европе и Азии.

Данные источников, получившие новое объяснение в труде Б. Д. Грекова, дали точное обоснование для общего вывода, что «Киевское государство образовалось не на пустом месте. Образование Киевского государства есть политический факт сравнительно позднего времени. Восточное славянство до этого события в деле создания государственности успело проделать немалый путь» (стр. 48).

Восточные славяне в период формирования своего государства были окружены сильными врагами. Под ударами авар пало первое восточно-славянское государство— Прикарпатье. Артания и часть Куявии вынуждены были платить дань хазарам. Государство словен сначала, повидимому, во главе с Ладогой, а потом с Новгородом подвергалось грабительским наездам северных хищников—варягов и временно также вынуждено было платить им дань. Часть славянских племен—древляне, тиверцы, уличи и др. сохранили свою независимость, но их самостоятельность находилась под угрозой со стороны усилившихся соседних государств—Венгрии, Польши, Чехии. В таком международном окружении находилось восточное славянство накануне создания Русью своего государства. По справедливому замечанию Грекова, «IX и X вв. в истории восточного и западного славянства были временем, когда должна была решиться их историческая судьба. Она и была решена путем создания прочных государств, между которыми, однако, оставалось много спорных вопросов, разрешавшихся в течение последующего времени.

Русь сумела обезопасить себя от врагов, вернула себе отторгнутые части и заняла на политической карте Европы прочное и почетное место» (стр. 47—48).

Накануне образования Киевского государства Русь имела уже свои государственные образования. На севере, в Новгороде, словены и чудь боролись с заморскими пришельцами, которых они не раз изгоняли из города. Одному предводителю этих бродячих толп—Рюрику по летописной передаче,—удалось удержать власть над новгородцами, а его преемник Олег «во главе большого разноплеменного войска... совершает поход на юг по Днепру, овладевает последовательно Смоленском, Любечем и, наконец, самим Киевом» (стр. 52).

Как бы ни относиться к летописному преданию, во всяком случае, не подлежит сомнению, что так называемое Рюриково потомство и его окружение выступают при свете истории как славянское, что князья проводили ту политику, которая отвечала интересам славян. Руководящей, организующей политической силой, объединившей восточное славянство под одной государственной кровлей, был Киев. Окрепнувшее Русское государство скоро стало выдающейся политической силой. С Киевским государством приходилось считаться Византии и Германии, Польше и Чехии.

Папский престол неоднократно обменивался послами с Русью. Даже с более далекой Францией Русь сносилась, хотя не столь интенсивно. Политическая мощь Русского государства была совершенно очевидна для его соседей.

Новый труд Б. Д. Грекова—большой вклад в сокровищницу нашей советской историографии. Основные положения концепции Б. Д. Грекова прочно войдут в обиход нашей науки. В его книге поставлена важная проблема о дофеодальном государстве и перерастании его в государство феодальное, и в основном главные черты, отличающие дофеодальное государство от феодального, показаны достаточно ярко, насколько допускали источники, которые подвергаются очень тонкому анализу со стороны исследователя.

Б. Д. Греков в своем ценном исследовании создал не только стройную концепцию образования государства Руси, но и поставил ряд первостепенной важности вопросов, которые побудят исследователей пристальнее заняться ими. Разумеется, вследствие небольших размеров исследования, Б. Д. Грекову неизбежно приходилось быть очень кратким при рассмотрении очень сложных проблем.

Так, Б. Д. Греков сообщает подробные сведения об антах согласно данным византийских писателей, но читателю остается неизвестным, откуда же появились анты—восточнославянские племена, предки русского народа. Между тем анты занимали территорию, которая в прошлом была занята скифо-сарматскими племенами. Данные археологии позволили Б. А. Рыбакову сделать предположение, что «анты были неизбежным промежуточным звеном, воспринявшим часть скифо-сарматских религиозных представителей и передавшим их Киевской Руси, а через нее и далее».

Б. Д. Греков правильно подошел к решению вопроса о происхождении русской государственности. Возникновение государства—громадной важности общественный переворот, завершающий собою длительный процесс перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Летописная легенда о «призвании варягов» поэтому лишена исторического смысла. Древние историки и летописцы обычно наивно приписывают создание государства единоличной воле царя, героя или божественного существа. Но ведь ни один историк в наше время не принимает всерьез подобные легенды и мифы, в которых обычно никакого «исторического ядра» нет. С этой точки зрения желательно было бы исследовать легенду о «призвании варягов», попытаться вскрыть ее источники, ввести ее, путем сравнительно-исторического анализа, в круг подобных легенд у других древних летописцев, историков и поэтов и, таким образом, показать ее беспочвенность.

Всякая легенда и миф искажают реальную действительность, отражая и укрепляя идеологию господствующего класса. И с этой стороны было бы желательно продолжить анализ легенды о «призвании варягов».

Наконец, дальнейшая углубленная работа над археологическими источниками, толь плодотворно использованными в книге Б. Д. Грекова, позволит еще прснее обосновать концепцию автора и окончательно изгнать из исторической науки всякие следы и отзвуки норманистской теории.

Книга Б. Д. Грекова позволяет надеяться, что автор обогатит науку дальнейшими изысканиями в установлении преемственности и генетической связи между культурой восточных славян и скифо-сарматской, которая, надо полагать, содержала немало элементов, прямо или косвенно содействовавших процессу классовообразования у славян.

Б. Д. Греков справедливо отметил, что после упадка государственного объединения в Прикарпатье государственное развитие славян не остановилось. Он отмечает существование трех государственных объединений в период, предшествовавший созданию государства Руси, но было бы желательно более подробное рассмотрение выдвинутой автором проблемы.

Ранние государственные объединения славян отнюдь не исчерпываются тремя центрами: Славия, Кувягия и Артания. Арабские источники отметили только основные государственные объединения восточных славян. Конечно, руководящая роль среди них принадлежала Новгородскому и Киевскому государствам. Третье видное государственное объединение — Полоцкое остается вне внимания исследователей. Между тем, уже по своему географическому положению на путях из «варяг в греки», оно было важнейшим политическим центром, за который боролся сначала Новгород, а потом Киев. Ведь выделение Полоцкого княжества из состава Киевского государства уже при Владимире образовало известную брешь в единстве Киевского государства и стало источником длительной борьбы между киевскими и полоцкими князьями. Значит, можно полагать, что политическое значение Полоцкого княжества, как славянско-го государственного объединения в бассейне Западной Двины, было немалым.

Б. Д. Греков справедливо уделяет много внимания русско-византийским отношениям, в частности, походу Святослава на Болгарию. Нам кажется, что «болгарская» проблема во внешней политике Святослава нуждается в пересмотре. Дело в том, что после Симеона Болгарского при его сыне, царе Петре, образовалась «народная партия», направленная против грекофильствующего правительства Петра. Болгария так была ослаблена феодальной борьбой, что в военном отношении она не представляла никакой силы, и Никифору совсем не нужен был союз со Святославом. Не будет ли правильным

предположение, что к Святославу обратилась за помощью народная партия во главе с Михаилом, сыном Симеона? В этом случае весь поход Святослава следует рассмотреть в ином аспекте. Равным образом подлежат пересмотру и отношения Руси с Византией при Святославе.

Труд Б. Д. Грекова—сокрушительный удар по легенде, созданной немецкой историографией об организующей силе варягов в образовании Русского государства. В этом основная ценность и значение новой работы Б. Д. Грекова. Шведский ученый Арне, об исследовании которого «Швеция и Восток» упоминалось выше, откликнулся большой статьей на книгу Грекова «Киевская Русь». Несмотря на принципиальное расхождение обоих авторов по вопросу о роли норманов в создании Русского государства, шведский ученый вынужден был признать «Киевскую Русь» выдающимся исследованием, в котором с новых точек зрения рассмотрен ряд важнейших вопросов. Несомненно, и новый труд Б. Д. Грекова побудит европейских норманистов еще раз пересмотреть свою точку зрения на образование Русского государства.

В. И. Пичета

НОВЫЙ ТРУД ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ АРМЕНИИ

Самый блестящий, хотя и непродолжительный, период истории древней Армении,—период ее наибольшего внешнего могущества и внутреннего процветания,—связан с правлением царя Тиграна II Артаксиада.

Между тем историческая литература не имела до самого последнего времени ни одного вполне удовлетворительного специального исследования, посвященного данной эпохе истории Армении и личности ее великого царя.

Конечно, Тиграну II отводится то или иное место в существующих общих трудах по истории Армении. Из числа западноевропейских ученых наибольшее внимание уделил истории Армении при Тигране II Т. Рейнак в своей известной капитальной монографии «Mithridate VI Eupator». Этот труд оставался на протяжении ряда десятилетий самым подробным изложением событий данной эпохи, и Рейнаку следовал ряд позднейших исследователей.

Заслуживает упоминания книга русского автора А. В. Амфитеатрова, известного больше в качестве публициста, но давшего и ряд исторических работ. Книга Амфитеатрова «Армения и Рим»—интересное и содержательное исследование, написанное на основе тщательного изучения источников и соответствующей литературы¹.

Отметим и появившуюся в 1940 г. в США, в Детройте, книгу Г. К. Армена «Тигран Великий»². Работа Армена представляет собой биографию армянского царя, рассчитанную на широкий круг читателей. Написанная живо и популярно, она не представляет собой, однако, строго научного исследования.

Наконец, в 1943 г. советская наука обогатилась основательным трудом академика Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим», основанным на тщательном и критическом использовании источников и предшествовавшей литературы³.

Посвятив первую главу своей книги характеристике источников и литературы предмета, автор начинает с очерка политического и экономического состояния Передней Азии до Тиграна II (гл. II) и дает обзор постепенного распространения власти

¹ А. В. Амфитеатров, Армения и Рим. Собр. соч., Историч. соч., т. I, Петроград.

² Herpant J. K. Armen, Tigranes the great, A Biography. 1940, 216 стр.

³ Акад. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, в новом освещении по первоисточникам. Армянский филиал Академии Наук Союза ССР, Институт истории, Ереван, 1943, 240 стр.

Рима на восточные страны. Следующая глава посвящается возникновению армянского царства и борьбе Арташеса I за политическое объединение разрозненных армянских земель. Кратко проследив дальнейшую историю Армении от Арташеса I до Тиграна II, автор переходит к изложению событий царствования Тиграна II. Акад. Манандян считает, что договор между Тиграном и Митридатом, заключенный в 95 (или в 94) г. до н. э., имел целью не подготовку армяно-понтийской войны против Рима, а только оказание Тиграном военной помощи Митридату против Каппадокии. В готовившемся столкновении с Каппадокией Тигран имел и свои собственные интересы. Во-первых, Каппадокия поддерживала только что присоединенную к Армении Софену, во-вторых, в грядущих армяно-парфянских войнах Тигран предпочитал иметь у себя в тылу Каппадокию, подчиненную Митридату, а не римскому ставленнику Ариабарзану. Поэтому, говорит акад. Манандян, мнение Моммзена и де-Моргана, что договор Тиграна с Митридатом касался римско-понтийских войн 88—84 гг. до н. э., представляет собой крупное недоразумение, основанное на том, что римский источник, которому следуют эти историки, стремится переложить ответственность за последовавшую войну на Митридата и Тиграна. Господствующий в науке взгляд, говорит далее автор, что Митридат поставил себе целью изгнать римлян из Азии, нуждается в пересмотре. Автор считает, что Митридат, напротив, прилагал все усилия к тому, чтобы избежать грозной войны с Римом.

Кратко останавливаясь на событиях первой Митридатовой войны, акад. Манандян отвергает мнение некоторых европейских историков, будто и Тигран участвовал в этой войне, почему об этом, по мнению автора, и не упоминается в Дарданском мирном договоре.

Дальнейшее изложение посвящено завоеваниям Тиграна. В данном случае автор исходит из общепринятого в исторической науке положения, что после заключения союза с Митридатом и окончания каппадокийских походов 94 и 91 гг. до н. э. Тигран начал войну против парфян, воспользовавшись междоусобиями в Парфянском царстве, возникшими после смерти царя Митридата II. Автор подробно останавливается на завоеваниях Тиграна и правильно отмечает, что эти завоевания оказались возможными вследствие того, что внутренние события в Риме отвлекли внимание римлян от восточных дел.

Особая глава (VII) труда акад. Манандяна посвящена усилению эллинизма в Армении. Автор дает краткую характеристику внутреннего положения Армении, указывая, что в экономическом отношении Армения находилась в несравненно более благоприятных условиях в эпоху, предшествовавшую восточным походам Помпея, чем после 66 г. до н. э. Армения, по мнению автора, уже при Арташесе I переживала раннюю стадию феодализма. В основных районах Армении «экономически и политически преобладающую роль играла землевладельческая знать, господствующее положение в производстве занимало не столько трудовое рабство, сколько... полусвободное и свободное крестьянство» (стр. 58).

Данное положение автора, в котором он следует за Н. Адонцем¹, требует еще серьезного доисследования. Приводимые здесь акад. Манандяном доводы недостаточно убедительны. Вопрос о социально-экономической формации решается не только тем, что господствующее положение в стране занимала землевладельческая знать, а в производстве — полусвободное и свободное крестьянство: он решается совокупностью всех производственных отношений. Никаких данных о специфически феодальных отношениях акад. Манандян не приводит, да едва ли таковые могут быть приведены. Социально-экономическое развитие Армении в эту эпоху в основном, повидимому, не отличалось от развития соседних с ней эллинистических государств, бывших государствами рабовладельческими, где, наряду с рабским трудом, в сельском хозяйстве и ремесле большое значение имели свободные и полусвободные производители, причем господствующий класс рабовладельцев принадлежал к военно-землевладельческой аристократии.

¹ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб. 1908, стр. 392.

Наиболее крупной внутренней реформой Тиграна автор считает основание Тигранокерта. Для развития городов и городской эллинистической культуры Тиграну, говорит автор, необходимо было переселить из соседних культурных стран целые города. Поэтому им и были переселены насильственно в Тигранокерт жители ряда городов Каппадокии и Сирии.

Исследуя указания античных авторов и данные археологических раскопок, автор доказывает, что Тигранокерт находился на месте современного города Фаркина.

Наибольшая часть книги акад. Манандяна посвящена истории Армении в период третьей Митридатовой войны и изложению известных событий этой войны.

Автор считает сообщение Плутарха, приводимое, говорит он, «без надлежащей проверки во всех новейших исторических трудах» (стр. 82), об объявлении войны Тиграну—не соответствующим действительности, так как Лукулл не был уполномочен на то римским сенатом. Более правильным представляется автору сообщение по этому вопросу Мемнона Гераклийского, «свободного от пристрастия, которое присуще римским источникам» (стр. 84). Мемнону об объявлении войны Лукуллом Тиграну ничего неизвестно, а отказ в выдаче Митридата объясняется боязнью Тиграна, как бы его не стали осуждать, что он выдал отца своей жены.

Переходя к походу Лукулла против Армении, акад. Манандян говорит, что коварный и вероломный план Лукулла не получил до сих пор должного освещения в историографии. Автор считает, что поход был организован тайне и предпринят внезапно, без объявления войны, о чем Плутарх, «писавший не беспристрастную историю Лукулла, а панегирик ему» (стр. 89), умалчивает. Разбирая данные источников о соотношении численности армянской и римской армий в сражении при Тигранокерте, акад. Манандян приходит к заключению, что принимаемое Моммзеном и Ничем соотношение 1 : 20 «является явно ошибочным. Источники,—говорит акад. Манандян,—преуменьшают число римских войск и увеличивают число армянских» (стр. 119). По мнению автора, силы Тиграна превосходили римские не в 20 раз, а самое большее—в 2 раза.

Сражению под Тигранокертом автор посвящает особую главу. Более достоверным автор признает сообщение Аппиана, основанное на малоазиатской версии этого события. Аппиан рассказывает, что Лукулл, с целью обмануть Тиграна, выслал против армянского войска с фронта свою конницу, а сам с пехотой зашел с тыла, напал на обоз, отбросил его на армянскую пехоту и этим деморализовал и обратил в бегство всю армию Тиграна. Для Плутарха, говорит автор, подобная атака не могла считаться храбрым подвигом Лукулла, и он изобразил Лукулла идущим в рукопашный бой и лишь случайно оказавшимся в тылу у неприятеля. Исходя из этого, автор отвергает описание этого сражения, данное Экгардтом и основанное на Плутархе, в специальной работе *Die armenischen Feldzüge des Lukullus* («Klio» V), и полагает, что поражение армян под Тигранокертом вообще сильно преувеличено в античных источниках. Падение Тигранокерта акад. Манандян называет смертельным ударом «великой прогрессивной, преобразовательной деятельности Тиграна по внедрению эллинизма в Армению».

Автор подробно останавливается затем на установлении пути Лукулла в глубь Армении и его отступлении обратно в Малую Азию. Акад. Манандян присоединяется к мнению Экгардта, что восстание в войсках Лукулла произошло не только вследствие наступления зимней погоды (как говорит Плутарх).

Дальнейшее изложение посвящается описанию походов Помпея против Митридата и взаимоотношениям Помпея с Тиграном. В изложении этих событий автор в основном придерживается общепринятых взглядов. Большое место в данной части рецензируемой работы занимают вопросы топографии: точное установление маршрутов походов Помпея против Митридата и Тиграна и определение мест сражений с Митридатом. Подробно останавливается акад. Манандян на переговорах Тиграна с Помпеем и указывает, что римские источники умалчивают об их предварительных переговорах, желая подчеркнуть сдачу Тиграна на милость победителя.

В заключение автор высказывает несколько замечаний о той роли государства-буфера, которую Армения играла в дальнейшей ее истории, после соглашения Тиграна

с Помпеем, положившего конец «молодой армянской великодержавности». Со смертью Тиграна, говорит акад. Манандян, оканчивается непродолжительный период подъема Армении.

Труд акад. Манандяна основан на исчерпывающем, тщательном и весьма критическом использовании всех письменных источников, относящихся к данной эпохе. Я. А. Манандян отмечает, что концепции и обобщения Моммзена, Рейнака и других основаны на безоговорочном использовании сомнительных и недостоверных, по мнению автора, свидетельств Плутарховых биографий, которые дают не правдивое изображение событий, а злостную карикатуру на Тиграна II. Автор, опираясь на сравнительное и критическое изучение источников, стремится дать историю времени Тиграна в новом освещении, и впервые в его исследовании она подробно изучена в рамках истории самой Армении.

Я. А. Манандян использует результаты, достигнутые его предшественниками в анализе и критике источников. Однако, совершенно откидывая отдельные указания Плутарха и одновременно безоговорочно принимая другие сообщения Плутарха или других авторов (Диона Кассия и Мемнона), акад. Манандян не всегда мотивирует свой отбор.

Так, для летней кампании Лукулла 68 г. до н. э. в глубь Армении и сражения у р. Аразания акад. Манандян считает «единственным нашим источником свидетельства Плутарха и Кассия Диона» (стр. 150).

Наиболее подробный рассказ об этих событиях содержится действительно в биографии Лукулла, написанной Плутархом. Сообщение Диона Кассия более кратко. Но о том же существует также сообщение Аппиана (Митр., 87), которого автор в данном случае совершенно не называет. Я. А. Манандян заявляет, что свидетельство Плутарха о поражении Тиграна в этой кампании является «заведомым измышлением» (стр. 155), и утверждает, ссылаясь на Диона Кассия, что Тигран не только не потерпел поражения, а «напротив, сам нанес противнику тяжелый удар» (стр. 154). Однако приводимое акад. Манандяном место из Диона Кассия не дает основания для такого заключения. Дион Кассий говорит, что Лукулл, видя, что варвары не желают вступать в бой, «сам напал на них. Во время этого наступления неприятельская конница сильно потеснила римскую, но никто из них не вступал в рукопашный бой с пехотинцами, а наоборот, они тотчас же отступали каждый раз, как только Лукулл в помощь своим всадникам высылал пехотинцев. Несмотря на это, враги не понесли никакого ущерба и, поворачиваясь, стреляли из луков в преследовавших их врагов (римлян), многих тут же убили, многим наносили ранения» (XXXVI, 4—5).

Точно так же не принятый здесь во внимание автором, хотя и использованный им в другой связи, рассказ Аппиана не содержит никаких сведений о «тяжелом ударе», нанесенном армяно-понтийскими войсками римлянам. Сообщение Аппиана не расходится с Дионом Кассием. Он также указывает, что в эту кампанию Тигран и Митридат уклонялись от столкновений с римской пехотой, что же касается конницы, то Аппиан говорит, что «Тигран напал на римлян, занятых собиранием провианта, но был ими разбит».

В общем представляется более правдоподобным мнение Моммзена, что поход Лукулла, сопровождавшийся утомительными стычками с неприятельской конницей, совершался медленно, но без существенных препятствий, и переправа через Евфрат, серьезно защищавшаяся армянской конницей, была захвачена после удачного боя¹.

В ряде случаев акад. Манандян следует Мемнону Гераклеяскому, как историку малоазиатскому, нейтральному и беспристрастному, отдавая ему предпочтение перед другими авторами (стр. 79, 85, 106—107, 116). В то же время акад. Манандян отказывается признать достоверность свидетельства Мемнона о передаче бежавшим армянским царем своей диадемы сыну, считая, что Мемнон пользуется здесь римскими источниками (стр. 116).

¹ Моммзен, Ист. Рима, т. III, стр. 63.

Большое значение придает автор оценке личности армянского царя и его значению в истории Армении и Передней Азии.

Личность и политическая деятельность Тиграна II вызвала к себе в исторической литературе преимущественно отрицательное отношение. Так, Моммзен пишет: «Это был слабохарактерный человек, высокомерный в удаче, впадавший в уныние при неудаче» (т. III, стр. 60). Еще более резкую характеристику дает Тиграну автор французской работы по истории Армении, Кеворк Аслан: «Одержимый,—пишет Аслан,—неумеренной гордыней, надменный, склонный к жестокости, Тигран не смог привлечь к себе ни союзников, ни побежденных им, не смог даже договориться со своими собственными детьми. Любовь к славе самой по себе, безграничная напористость делали его несносным даже для людей Востока: чужое мнение, самый умеренный совет выводили его из себя» и т. д. В минуту угрозы Рима обоим царствам, говорит Аслан, Тигран отказался принять к себе Митридата; вместо того, чтобы готовиться к борьбе с Римом, Тигран терял время на бесполезные завоевания в Финикии; он поселил евреев в Артаксате, в Зарехване, Ване и других городах Армении; по примеру ассирийских монархов, он занимался грабительскими набегами, грабил храмы и т. д.¹

Совершенно иное освещение личности и деятельности великого армянского царя дал акад. Манандян. Подчеркивая искаженность сложившейся в историографии характеристики Тиграна, акад. Манандян пишет: «Этот царь не может быть отнесен к числу заурядных и посредственных личностей ..., но образ его искажен и извращен почти во всех, как иностранных, так и армянских исторических трудах». Эти ошибочные характеристики личности Тиграна основаны на злонамеренных измышлениях Плутарха «или его первоисточников, лишенных исторической ценности».

Я. А. Манандян придает чрезвычайно большое значение деятельности Тиграна по насаждению в Армении эллинизма и эллинистической культуры.

Тигран II, как и Митридат Евпатор, говорит автор, были монархами эллинистического типа, продолжавшими дело Александра Македонского и его преемников. Эллинизаторская деятельность Тиграна в той или иной степени признается всеми исследователями, касающимися этой эпохи.

Мнение автора, что римское завоевание положило предел эллинистическому развитию Понта и Малой Азии, вообще нуждается в некотором ограничении. Восточные походы Лукулла и Помпея, а затем и гражданские войны принесли опустошение, разорение и потерю политической независимости этим странам; однако они не пресекли развития эллинизма в них. Сами римские полководцы, Лукулл и Помпей, провели ряд мероприятий в духе эллинизма. Известно, что Лукуллом были восстановлены разрушенные во время войны Синопа и Амис, расширены их городские территории, как и других городов (Кизика, Гераклеи и др.), и вновь заселены города опустевшие. Помпеем в Понте и Каппадокии было основано 39 городов эллинистического типа, многие из городов Малой Азии получили при нем новые права и привилегии.

Вторая главная проблема, поставленная акад. Манандяном,—отношение Тиграна к Риму. Основная мысль, проводимая автором на протяжении всего изложения, сводится к тому, что Тигран не желал военного столкновения с Римом и его договор с Митридатом имел предметом не армяно-понтийскую войну против Рима, а только оказание помощи Митридату против Каппадокии и обеспечение своего тыла в войне с Парфией. Митридат со своей стороны, по мнению акад. Манандяна, в котором он следует Моммзену (т. III, стр. 47), также не желал войны с Римом и стремился всяческими путями избежать ее. Вряд ли, однако, договор Тиграна с Митридатом касался только Каппадокии. Значение Каппадокии для союзников акад. Манандян преувеличивает. Каппадокия в этот период была сравнительно слабой страной, не представлявшей опасности ни для Понта, ни для Армении. События показывают, что в попытках захватить и ограбить эту страну Митридату, как и Тиграну, приходилось сталкиваться не столько с сопротивлением самой Каппадокии, сколько со стоявшим за ее спиной Римом.

¹ A s l a n, *Études historiques sur le peuple arménien*, P., 1928.

Проникновение Рима на Восток в этот период зашло уже настолько далеко, что такие крупные политические деятели, как Митридат и Тигран, не могли не понимать, что в своем стремлении расширить пределы своих государств в Передней Азии, они неизбежно придут в столкновение с Римом, хотя и тот и другой, может быть, предпочли бы осуществить эти захваты без войны с Римом.

Далее, для Митридата в Малой Азии важнее было обладание не столько Каппадокией, сколько Вифинией и проливами в Черном море, переход которых в руки римлян ставил под угрозу всю транзитную торговлю Понтийского царства и приводил к овладению римлянами главными торговыми путями с северным Причерноморьем, а также и Востоком. Громадные военные приготовления Митридата перед первой войной с Римом, постройка им флота из 400 судов и попытка создать широкую антиримскую коалицию на Востоке—все это говорит о приготвлении к войне не с такой незначительной в военном отношении, сугубо континентальной страной, как Каппадокия, цари которой неоднократно изгонялись отрядами понтийской конницы, а с Римом. Очень ценным для суждения по данному вопросу является свидетельство Аппиана, относящееся к III Митридатовой войне. Как указывает Аппиан, Митридат понимал, что война его с Римом будет непримиримой и иметь решающий характер (А п п и а н, Митр., 69). Митридату было ясно, что первая его война с Римом, окончившаяся Дарданским миром, не разрешила основного вопроса международных отношений того времени, а именно: кто будет господствовать на Востоке и кто будет хозяином восточной торговли—Рим или Митридат. Отсюда проистекают и все действия Митридата, который всю свою жизнь посвящает, как указывает Аппиан (Митр., 112), борьбе с Римом за это господство.

Утверждая, что договор Тиграна с Митридатом касался только Каппадокии, акад. Манандян принижает государственные способности великого армянского царя, отрицая у него понимание сложной международной обстановки и приписывая ему наивность полагать, что все его захваты в Месопотамии, Сирии, Каппадокии и даже Киликии римляне оставят безнаказанными и позволят ему утвердиться на побережье Средиземного моря.

Кажется более вероятным, что договор Тиграна с Митридатом, точный текст которого до нас не дошел, судя по развернувшимся событиям, касался не только Каппадокии, но и определял сферу военных захватов царей: Митридата—на западе, в Малой Азии, Тиграна—на востоке, против Парфии и на юге, в Сирии, обеспечивая также взаимно тыл обоих царств. Закрывая таким образом этот наступательный договор, Тигран и Митридат договаривались фактически о совместных действиях и против римлян, хотя юридически такого пункта в договоре могло и не содержаться.

Таким образом, попытка автора изобразить Тиграна поборником мирной политики, подвергнувшегося неожиданному и коварному нападению Лукулла, остается неубедительной.

Остановлюсь еще на некоторых частностях. Я. А. Манандян придает очень большое значение вопросу о соотношении численности войск Лукулла и армянского царя в сражении при Тигранокерте. Автор определяет это соотношение 1 : 2, что едва ли может быть принято. Соответствующие сведения, приводимые античными авторами, очень разноречивы. Большинство исследователей¹, в том числе акад. Манандян, в определении числа войск армянского царя следуют Мемнону или Флегонту Тральскому определяющим эту армию в 80 000—70 000, и считают цифры, приводимые Аппианом, Плутархом и др., явно преувеличенными (300 000—277 000 и т. д.). В определении же числа римских войск в источниках нет такого резкого расхождения (ок. 14 000 пехоты и конницы по Плутарху и 15 000 воинов по Фронтину). Я. А. Манандян, принимая мнение Эгардта, что в цифру 15 000 не включено 6 000 бойцов Мурены и 1000 легковооруженных, осаждавших Тигранокерт, доводит число войск римлян до 22 000 (стр. 118) и считает, что, кроме этих 22 000, в армии Лукулла были вспомогательные союзные войска, число которых было «в целом не меньше числа римских войск»

¹ За исключением Моммзена (т. III, стр. 59).

(стр. 119). Никаких показаний о такой численности армии Лукулла в источниках не имеется. Источники (Плутарх и др.) прямо указывают, что отряд Мурены в 6000, осаждавший город, в сражении не участвовал. Приводимые же акад. Манандяном ссылки на показания Саллюстия об участии в армии Лукулла отрядов вифинцев и на то, что Лукулл передал крепость Томису Ариабарвану в вознаграждение за помощь, еще не дают основания считать, что в армии Лукулла было 20 000 вспомогательных войск.

Интересным образом разрешает указанный вопрос Армен, который считает, что в данном случае исход боя решался не численностью армий, а тактикой Лукулла.

Я. А. Манандян считает причиной восстаний в армии Лукулла и нежелания римских солдат продолжать поход в глубь Армении не только наступление зимы, но главным образом тот ущерб, который наносила римлянам малая партизанская война армян. С этой мыслью, высказанной еще церковным историком Армении П. Асдурианом и получившей широкое признание, нельзя не согласиться. Однако, акад. Манандян не учитывает и других, не менее важных причин возмущения солдат Лукулла. Во-первых, на что указывают Моммзен (III, стр. 64) и Рейнак (стр. 369), причиной было также недовольство солдат, переведенных в армию Лукулла из бывших легионов Фимбрии, сохранивших свои демократические традиции; срок их службы истек в текущем году, и они требовали отпуска на родину. Другой очень важной причиной этих волнений были агитация и обработка солдат Лукулла агентами враждебной ему партии в Риме, среди которых был и его родственник, П. Клавдий. Враждебные действия врагов Лукулла дошли до того, что, как свидетельствует Аппиан (Митр., 90), пропретор Киликии через посланных объявил солдатам Лукулла, что они распускаются, а имущество тех, кто не послушается этого приказа и останется в войсках Лукулла, будет конфисковано (Митр., 90).

Восстание Тиграна Юного оценивается автором только как восстание сына-наследника против слишком долго засидевшегося на престоле отца. Автор не учел здесь показания источников (главным образом Диона Кассия и Плутарха), говорящих, что это восстание было не только личным делом Тиграна Юного, но и движением в Софене, пытавшимся использовать вражду между сыном и отцом для освобождения от власти Армении. С популярностью и широкой поддержкой Тиграна Юного софенской знатью пришлось, вероятно, посчитаться и Помпею, утвердившему его на софенском престоле. Весьма показательно то обстоятельство, что софенские правители не выдавали государственной казны, несмотря на приказы Тиграна II и даже самого Помпея, требуя на то приказа законного правителя Софены—Тиграна Юного.

Основное свое внимание акад. Манандян сосредоточивает на изложении внешне-политических событий царствования Тиграна. Автор не уделяет в своей работе места вопросам внутреннего устройства Армении (собственно, Великой Армении), административного деления, управления областей, организации государственных финансов, реорганизации армии. Очень мало уделено внимания религиозной политике Тиграна.

Из области внутренних мероприятий автор ограничивается только вопросом об основании Тигранакерта. Между прочим, остается спорным, действительно ли Тигран основал свою столицу заново или же он преобразовал уже существовавший здесь город. За последнее предположение говорит чрезвычайно быстрый рост этого города. До тех пор, пока не будет произведено обстоятельное археологическое обследование на месте, утверждение об основании Тигранакерта заново является преждевременным.

Таким образом, отдельные положения, выдвинутые акад. Манандяном, могут представляться спорными и недостаточно обоснованными. В целом же книга акад. Манандяна—серьезное исследование одного из интереснейших периодов в истории Армении. Она ставит по-новому ряд вопросов, содержит богатый материал, позволяющий изучать большой раздел древней истории Армении не с предвзятой римской точки зрения, а в соответствии с реальным положением вещей.

Следует приветствовать появление труда акад. Манандяна в русском переводе исполненном А. А. Папавяном под наблюдением автора. Солидный труд акад. Манандяна стал ныне доступен широким кругам наших историков.

О. И. Севастьянов

«ЭЛЛИНСКИЕ ИЗРЕЧЕНИЯ» В ГРЕЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ IV—VII вв.

(По рукописям Гос. исторического музея в Москве)

В трех рукописях Московского исторического музея находятся фрагменты изречений Сивилл вперемежку с гностическими фрагментами (герметическими · орфическими): рукопись XV в. № 414 (по описанию Владимира, № 53) f. 378—379; рукопись XVI в. № 501 (по Владимиру, № 480) f. 28—29; рукопись XVI в. № 203 по Владимиру, № 460) f. 362.

Византийские писатели, как и апологеты и богословы до них, подбирали такие *ρήσεις ἑλληνικάι* в качестве доказательств истинности христианства.

Все эти рукописи приводят, как одно целое, герметический текст, до сих пор известный в двух разрозненных отрывках: из Дидима (W. Scott, *Hermetica* I, Oxf. 1936, № 23) и Кирилла Александрийского (*Hermetica* I № 27) При этом московские рукописи дают некоторые лучшие чтения:

ν γονίμῳ ὕδατι (ἐπὶ γονίμῳ ὕδατι — Scott), ἔχουον τὸ ὕδωρ ἐποίησαν (ἔχουόν τι ὕδωρ ἐποίησαν — Scott).

Сверх того, в рукописях № 501 и 203 к цельному герметическому тексту непосредственно примыкает довольно трафаретное закливание:

καὶ ταῦτα εἰρηκῶς ἡδῆατο λέγων· ὀρχίζω, οὐρανέ, θεοῦ μεγάλου σφόν ἔργον· ὀρχίζω σε φωνήν ἣν ἐφθέγγετο πρῶτην, ἥνικα τὸν πάντα κόσμον ἐστηρίξατο· ὀρχίζω σε κατὰ τοῦ μονογενεῶς λόγου καὶ τοῦ πατρὸς τοῦ περιέχοντος· ἰλῶος ἰλῶος ἔσμαι.

(И, сказав это, он (Гермес) помолился: заклинаю(тебя),небо, мудрое деяние великого бога, заклиная тебя, глас (отца), который произнес он вначале, когда утвердил весь мир, заклиная тебя едиnorodным логосом и всеобъемлющим отцом: милостивым, милостивым я буду»).

В этих же трех московских рукописях приводятся два прорицания, принадлежащие, несомненно, Сивиллиной литературе: 1) εἰς ἐστὶ θεός, δς τὸν οὐρανὸν ... εὐσεβεῖ νομίζουσιν, — прорицание под именем Софокла, известное по свидетельствам Кирилла Александрийского, Евсевия Кесарийского и Малалы¹; 2) ὅσα μὲν πρὸς ἀρετὴν ... Μαρία δὲ τοῦνομα αὐτῆς, — прорицание сообщено теми же авторами².

Сложнее соответствие в московских рукописях орфических отрывков: рукопись 414 сливает в одно целое два фрагмента, сохранившиеся у Малалы и изданные О. Керном под номерами 62 и 233 (O. Kern—*Orphicorum fragmenta*, Berlin, 1922), и вставляет между орфическими стихами новое предсказание, известное опять по тексту Малалы: οὗτος ἔσται κατ' οὐρανόθεν.....μαθὼν ἀπιδι σιγῶν³.

В двух других рукописях повторяются отдельно два орфических стиха: οὗτος κακοῦ προσηγομένοιο ... ἀποστρέψαι κακότητος.

Сверх того, в рукописи № 501 орфическое обращение к Аполлону: ὦναξ Ἀητοῦς ... ἀσιρόμενε πατέρουσαιν, замыкает то предсказание, которое было высказано Пифией, по христианскому преданию, Юлиану через квестора Оливасия, когда император отправлялся в поход против персов (предсказание известно по Кедри-ну—Hist. I, 532. Bonn).

Наконец, в московской рукописи XV в. № 494 (Владимир, № 415) находится еще один отрывок Сивиллиной литературы⁴ f. 55: Σιβόλλης περὶ Κωνσταντίνου πόλως. Интерес к этому тексту прежде всего исторический. Предсказание следует датировать VII в. на основании выражения ἀρξεις βασιλείας οὐπω τρις ἑκατοντάκις (I. ἑκατονταστίαν) («Ты будешь царствовать не больше трижды ста лет»). Начало Константинополя—

¹ Malal., *Chronogr.* II, стр. 40.

² Malal., *Ibid.* IV, стр. 94.

³ Malal., *Ibid.* III, стр. 79.

⁴ См. *Oracula Sibyllina*, ed. Geffcken, Berlin, 1902 и статью Rzach'a *Sibyllinische Orakel*, RE.

это 11 мая 330 г., когда новый город был освящен. День 11 мая ежегодно отмечался в Византии праздником τὰ ἑγκαίνια. Таким образом, предсказание должно относиться к 20—30 гг. VII в. Голос возмущения и проклятия византийским порядкам, звучащий в предсказании, отражает настроение низов в период внутренних потрясений и движения на Византию арабов. С этой стороны новый текст является прекрасной иллюстрацией народных настроений в VII в.

Поэтическая сторона представляет меньший интерес: почти все прорицание—компиляция уже известных стихов Сивиллы, обрекающих на гибель Италию и Рим. Они, таким образом, позволяют многое восстановить в очень искаженном тексте рукописи XV в., именно исправить стихи, 2, 4, 7—10, 12, 16—20 прорицания о Константинополе.

Συμβόλλης περὶ Κωνσταντίνου πόλεως

- 1 καὶ σὺ βαρύνεαι Βυζαντίη,
Ἀρχαίη πολέεσαι περικτιόνεσαι ἄνασσα,
τί δ' ἔξεις χώρας;
Καὶ δῖτοι σκοναχὰς ἀναρίθμητον χέες αἶμα,
- 5 Ἐξεῖς δ' ὕψηλον στόμα σὺ πολυπόροις οἰόμεαι.
Λίσσμαι σε, Βυζάντιον, κλεινὴν βασιλείαν, αἰσιμον.
Ὑστατον πᾶσι δείξεις κακὰ πολλὰ βροτοῖσι
Καὶ πάσης γαίης ἀνδρῶν μόχθους δαπανήσεις,
Ἄξεις δ' ἀκμήτας βασιλεῖς ἔθνων ἐπὶ θυμῳ,
- 10 Καὶ θεσμούς θήσεις λαοῖς καὶ πάνθ' ὑπτάξεις.
Αἰαῖ, Βυζαντίη, σὺ δ' οὐ θεὸν οὐ ποτ' ἰδοῦσα
Ψεύσῃ τεληγυρά. κλύσσει δέ σε κύματα πόντου
Λευκοῖο.
Αἰαῖ, Βυζαντίη, χώρει μέγα δῶμα λαχοῦσα
- 15 Ἄρξεις βασιλείας οὐπω τρις ἑκατονταετίαν.
Ἦξει οὖν ποτ' ἀνωθεν, ὑψαύχενε Βυζαντίη,
Οὐράνιος πλῆγῃ, κάμψει σὸν αὐχένα πρώτῃ
Κάτθανε παρθένῃ καὶ πῦρ σε ὅλην δαπανήσει.
Καὶ σὰ θέμειλα λύχει καὶ ἀλώπεκες οἰκήσουσιν,
- 20 Καὶ ποτ' ἔσῃ πανέρημος ὅλως ὡς μὴ γεγενοῖα.

2. ἀντιόνασι cod. Ἀρχαίη... ἄνασσα = Or. Sib. VIII, 144. 3. δείξεις cod. 5. πολυπόροις cod., οἰομήμασι cod. 6—10 = Or. Sib. VIII, 9—13. 6. λύσμαι cod., κλεινὴν cod. 7. ὑστατον ἢ cod. 8. δαπανήσεις cod. 9. ἐξεῖς cod., ἀρχαίτας βασιλείας cod., θυμαῖς cod. 10. λαοῖς om. cod. 11. οὐ μὲν οὐ ποτ' ἰδοῦσα cod. 12. κύμα λευκοῖο πόντου cod. 14. δ' ὄνυμα cod. 15. ἑκατοντάεις cod. cf. Or. Sib. XII, 125. 16—20 = Or. Sib. VIII, 37—39, 41—43. 16. ἦξει οὖν ποτ' ἀνωθεν ἐπαύχμα Βυζάντιον cod. 17. πρώτον δ' cod. 18. ἐξαφθίση καὶ πῦρ σε ὅλην ἐκδαπάνησιν cod. 19. Καὶ σὰ θέμειλα om. cod. ταῖς ἀλώπεκες cod. 20. Καὶ ποτ' ἔσῃ παρέρημος ὅλως ὡς μὴ γεγενοῖα cod.

(«И ты, могучий город Византия, древняя столица окрестных городов, какими землями завладеешь? И вот ты вызывала стоны и лила обильную кровь. Ты будешь владеть высоким устьем с многодорожными волнами. Я умоляю тебя, Византия, твое славное царство, незаконное. В последний раз ты покажешь всем смертным много бед и истощишь тяжелый труд мужей всей земли. Ты поведешь неутомимых племенных царей к закату и установишь законы для народов и все подчинишь себе. Ай, ай, Византия, ты, не увидев никогда бога, обманешься, дерзкая. Тебя будут омывать волны белого моря. Ай, ай, Византия, уступай место, владычица великого дома. Ты не будешь править царством больше трижды столетия. Итак, когда-нибудь придет на тебя свыше, высоковынная Византия, небесный удар. Прежде всего он согнет твою выю, и ты будешь стерта с лица земли, и огонь тебя целиком истребит, и твою почву населят волки и лисицы, и наступит время, когда ты станешь совсем пустынной, как будто бы не существовала вовсе.

Имеющееся в рукописи № 501 обращение к Аполлону: Ὁναξ Ἀθητῶς ... ἀειτούμενε πτερύγεσσιν замыкает, сливая их вместе, два предсказания Аполлона; одно из них

εἶπατε τῷ βασιλεῖ ... καὶ ἄλλον ὁδὸν, было высказано, по христианскому преданию, императору Юлиану перед его походом против персов, как указано выше, по тексту Кедрина; другое: Μὴ ὀφείλες πύματόν τε καὶ ὕστατον... οὐ θάοτης πάθεν αὐτῇ, издано K. Buresch'ом в его книге «Klaros. Untersuchungen zum Orakelwesen des späteren Altertums», Leipzig, 1889, стр. 99 и 130—131.

В той же рукописи № 501 приводятся под именем Сивиллы еще два текста пророческого характера: ἐπὶ βροτός με βιάζεται... εἰς πόλον ὄρτο и ὁψέ ποτέ τις ἐπὶ πολυῶνδῃ ... πρῶως πείσεται φέρειν.

Из них первый представляет собой комментарий ко второму прорицанию Аполлона и контаминирован с ним в изданном Buresch'ом тексте («Klaros», стр. 131); оба текста известны, по «Страданью Екатерины и Петра Александрийского»—Passions des saints Écaterine et Pierre d'Alexandrie... publiées par M. J. Viteau, Paris, 1897, стр. 53; см. также J. Bidez—Sur diverses citations et notamment sur trois passages de Malalas retrouvés dans un texte hagiographique, «Byz. Zeitschr.», XI (1902), стр. 388—394.

М. Шангин

И. ЛУРЬЕ, К. ЛЯПУНОВА, М. МАТЬЕ, Б. ПИОТРОВСКИЙ, Н. ФЛИТТНЕР. *Очерки по истории техники древнего Востока.* Под редакцией акад. В. В. Струве. М.-Л. АН СССР, 1940 (Научно-популярная серия под общей редакцией акад. С. И. Вавилова), 352 стр.

До сих пор в нашей литературе вопросам древневосточной техники уделялось мало внимания. Имеются лишь отдельные статьи немногочисленных авторов, исследовавших некоторые частные вопросы истории техники древнего Египта. История техники представляет собой ту область знания, где требуется тесное содружество историка, обладающего знанием материала, и техника, способного интерпретировать этот материал с точки зрения технической. Далеко не всегда эти качества сочетаются в одном лице; это создает большие трудности в исследовании вопросов истории техники.

Именно поэтому следует приветствовать появление «Очерков по истории техники древнего Востока», книги, которая должна восполнить существенный пробел в нашей научной литературе.

Каждый раздел книги начинается с краткого введения, дающего беглый обзор состояния наших знаний и основных источников по истории техники. Здесь же дается краткий исторический очерк. В конце каждого раздела приведена основная литература по главам данного раздела. В конце книги приложена хронологическая таблица важнейших событий, которая должна ориентировать читателя в упоминаемых в тексте периодах. Книга хорошо иллюстрирована, но карты мало удовлетворяют; так, например, отсутствует карта древнего Египта, которую никак не может заменить карта древнего Востока, где для Египта приведено всего около десятка названий; отсутствует карта месторождений металлов, хотя на стр. 163 автор отсылает к ней.

В введении к истории техники древнего Двуречья (раздел написан Б. Б. Пиотровским и Н. Д. Флиттнер) сжато изложены результаты раскопок и дана общая характеристика источников, как письменных, так и вещественных. Затем дается краткий очерк истории Двуречья. Некоторые положения автора вызывают сомнения. На стр. 8, переходя ко времени III династии Ура, автор на основе большого количества клинописных табличек храмовых архивов отмечает чрезвычайный рост хозяйства и разложение общины. Но тут же утверждается, что «внутри разлагающейся общины выделяется патриархальная семья» (стр. 8). Создается впечатление, что речь идет о разложении родовой общины и образовании классового общества во времена III династии Ура. Нельзя согласиться также с тем, что патеси Уммы Лугальзаггиси действительно доходил до Средиземного моря, как он об этом хвастливо заявляет в своей надписи на

вотивной вазе из Ниппура. Под сомнением остается вопрос об этническом родстве касситов и митаннийцев, поэтому не следовало в этом кратком очерке говорить об этом со всей определенностью (стр. 9). Отмечу еще, что в текст вкралась досадная ошибка: завоевание Египта приписывается Синахерибу (стр. 11). В целом введение дает вполне правильное представление о древнем Двуречье, насколько это можно было сделать на немногих страницах.

Глава I («Сельское хозяйство») дает вначале прекрасный очерк географического положения страны и климатических условий. Здесь же показано громадное значение ирригации в Двуречье, говорится и об устройстве ирригационных сооружений. Устанавливается, что, кроме «шадуфа», древнее Двуречье знало и другие водоподъемные приспособления — «сакие» и «черу». Неясным остается, почему в древнее время сакие имело большее распространение, чем в современном Ираке. Объяснение автора, что течение воды стало слабее, чем в древности (стр. 22), мало убедительно, так как действие сакие не связано с быстротой течения воды в реке или канале. Переходя к вопросу об обработке земли, автор на основании кодекса Хаммураби устанавливает три стадии вспашки земли: вскапывание, взрыхление мотыгой и вспахивание (стр. 23). Из текста § 44 законов Хаммураби (в книге ошибочно указан § 55) неясна последовательность этих работ. Действительно, трудно предполагать, что вспашка производилась после вскапывания и взрыхления. В переводе законов Хаммураби Эйлерса¹ эта статья звучит иначе: «он должен вспахать, взмотыжить и взборонить поле». В таком переводе становится понятной последовательность трех стадий обработки земли.

Отрывочный изобразительный материал и случайные находки вещественных памятников не дают возможности подробно говорить о технических приемах в земледелии. Терминология же многочисленных письменных документов еще далеко не всегда может быть определена. Тем не менее в данной главе автор сумел извлечь из фрагментарного материала массу ценных сведений. Здесь же рассматривается вопрос об использовании зерна, но почему-то только для пивоварения, а о хлебопечении только упоминается.

В связи с сельским хозяйством рассматривается вопрос о животноводстве, где много места уделено появлению в Двуречье лошади. Хотя некоторые исследователи склонны относить ее появление уже к периоду Джемдет-Наср, но несомненно, что лишь в касситское время лошадь получает большое распространение в Вавилонии.

Глава о строительном деле располагает значительно большим количеством памятников, дающим возможность подробнее остановиться на вопросе о материалах, употреблявшихся для построек, на различных приемах кладки и на основных элементах здания. Рассматривая различные типы зданий, автор мало уделил внимания храмовым сооружениям, упомянув лишь вскользь о зиккурате. Вопрос о планировке города в этой главе совершенно не затронут.

Глава о ремеслах, несмотря на чрезвычайно фрагментарный материал, которым располагает исследователь, освещает различные отрасли: обработку камня, глины, дерева, кожи, металлов, ткацкое ремесло. К сожалению, художественная обработка камня в круглой скульптуре и рельефе не нашла в книге отражения. Совершенно не затронуты вопросы добывающей промышленности. Если о горном деле Двуречья мы не имели материала, то о добыче соли в Шумере следовало бы сказать.

В главе о средствах сообщения автор пользуется преимущественно ассирийским материалом, вследствие чего вопрос транспорта в южном Двуречье освещен далеко не достаточно.

Последняя глава данного раздела посвящена военному делу. Немногочисленные памятники Шумера все же дали возможность говорить о тех изменениях, какие имели место в военном деле южного Двуречья. Естественно, что главное внимание уделяется ассирийской военной технике, о которой мы можем судить по чрезвычайно большому материалу. Нельзя согласиться с автором, отрицающим, что «основной заботой ассирийцев была война» и что «Ассирия была военным государством, живущим грабежом».

¹ W. Eilers, Die Gesetzstele Chammurabis. Lpz., 1932.

за чужой счет и покоряющим окружающие области силой своего оружия (стр. 115). Из дальнейшего изложения следует, что высокое развитие военной техники Ассирии обусловлено как раз тем, что война была тесно связана со всей хозяйственной жизнью страны. В связи с организацией ассирийского войска следовало бы упомянуть о реформах Тиглатпаласара III и показать, какую роль играли конница и колесницы, в чем заключались их основные функции. Не использованы автором некоторые статьи Энгельса на тему о древневосточной военной технике.

Раздел истории техники древнего Египта, написанный И. М. Лурье, также начинается с краткого введения. Здесь вызывают сомнения некоторые очень туманные формулировки при определении характера производственных отношений. Так, на стр. 132 автор говорит об отношениях зависимости, существовавших между «князем» и землепользователями; на стр. 136 речь идет о зависимом ремесленном населении городов, но каковы формы этой зависимости, остается неизвестным. Из общего изложения и описания натуральной и отработочной ренты создается впечатление, что автор имеет в виду форму феодальной зависимости. Введение заканчивается кратким очерком состояния древнеегипетской науки. Автор совершенно прав, считая, что история науки древнего Египта «должна явиться темой специального исследования». Но все же остается только пожалеть, что здесь науке уделено всего лишь четыре страницы и что разделу «Техника древнего Двуречья» не предпослан хотя бы такой же краткий очерк.

После краткого обзора географических условий автор детально останавливается на ирригационных сооружениях, бывших основой египетского земледелия. Здесь вызывает сомнение замечание, что устройство колодцев «иногда было целесообразнее, чем проведение нового канала». Как известно, колодцы для орошения верхних полей питались нильской водой, просачивающейся через рыхлую песчаную подпочву. При этом плодородный ил отфильтровывался, а вода растворяла соли подпочвы. Орошение из колодцев не давало полям естественного удобрения и приводило в конечном итоге к их засолению. Можно ли в этих условиях говорить о преимуществах колодцев перед каналами? По поводу водоподъемных сооружений следовало бы остановиться на вопросе об использовании такого примитивного приспособления, как «наталех» или «ментал», которое, повидимому, и упомянуто на стр. 266 в разделе греко-римского Египта. Чрезвычайная примитивность ментала позволяет предполагать наличие его уже в древнем Египте. Что касается применения сакие уже в Новом Царстве, то автор вполне прав, считая это вероятным. Но правильнее, пожалуй, было бы говорить не о ручном приводе (стр. 150), так как для вращения водоподъемного колеса требуются большие усилия. Более вероятно предполагать ножной привод, т. е. ступальное колесо, известное в древности уже у Филона Византийского и Витрувия. Тогда, может быть, найдет свое объяснение известное место из Библии, где говорится о поливке огорода при помощи ног (Второзак. XI, 10).

В главе о земледелии, рассматривая вопрос о культивировавшихся злаках, автор не учел любопытного материала, приведенного в статье Persival¹, который устанавливает для Египта всего два сорта ячменя: *Hordeum vulgare* и *H. hexosichon*. Здесь же отметим, что эммер, *Triticum dicossum* Schr., является древним видом пшеницы и что культурная пшеница стала возделываться в Египте едва ли раньше Нового царства. На стр. 151 автор поднимает интересный вопрос о двух посевах, но хотелось бы иметь доказательства, подтверждающие точку зрения автора. Описывая устройство плуга, автор не входит в рассмотрение его функций, т. е. давал ли он отвал или только царапал землю, взрыхляя ее; не останавливается он также на тех изменениях, какие претерпел плуг ко времени Нового Царства, как и на тех изменениях, какие произошли в запряжке.

Чрезвычайно интересная проблема искусственного удобрения осталась неразрешенной. Между тем, как правильно указывает автор, удобрение высоких полей было необходимо (стр. 153). Осуществлялось ли удобрение навозом, себахом или илом, или уро-

¹ «Nature», Aug. 15, 1936. Известно мне по краткой заметке в JEA, XXIV (1938), стр. 217.

жайность достигалась плодосменом, севооборотом,—эти вопросы остались нерешенными. Интересно было бы все же отметить, что самый принцип искусственного удобрения был в древнем Египте известен; это видно хотя бы из того, что при посадке деревьев в садах ямы наполнялись плодородной землей. Это имело место еще в храме XI династии в Дейр эль Бахри и в садах Телль-Амарны¹. Вызывают сомнение некоторые вопросы в связи с посевом. Прогонка стада мелкого скота по засеянному полю осуществлялась, повидимому, в том случае, когда земля предварительно не взрыхлялась плугом или мотыгой. Это следует из указаний Геродота (II, 14) и из египетских изображений, например в гробнице Ти, Шейх-Саида и др. Неясно также, на какой материал опирается автор, говоря о вторичной пропашке поля с целью заделки зерна (стр. 153). Не останавливаясь на мелких вопросах, отмечу еще, что автор неправ, когда говорит, что посев льна производился так же, как посев зерновых культур. Мы постоянно видим, что лен сеяли не вразброс, а опущенной вниз рукой, т. е. прямо в борозду, причем этой работой были заняты или женщины, или дети. Также и уборка льна отличалась от зерновых,—она требовала предварительной поливки поля, так как лен не срезали, а теребили. В главе о земледелии чрезвычайно кратко дано описание огородничества (среди перечисленных овощей отсутствуют, например, огурцы, тыквы и т. п., которые занимали много места в питании египтян), вовсе не говорится о плодоводстве и разведении масличных растений—сезама, рицина и т. п.

В связи с виноделием следовало бы упомянуть, что вино выделялось не только из винограда, но и из фиников, гранатов и других плодов. Вовсе не сказано о хлебопечении и пивоварении. Между тем, не будучи сильно алкогольным, пиво наряду с хлебом было основным питанием народных масс Египта и даже детей.

Животноводство дано чрезвычайно кратко. Вопрос о появлении лошади, о том перевороте, который она внесла в военную технику, а в связи с этим и во всю хозяйственную жизнь Египта, не подчеркнут с той силой, как это следовало бы. Обойдены вопросы об охоте и птицеводстве, где можно было бы показать интересные приемы использования всевозможных приспособлений. Ведь ловля птиц занимала в Египте, особенно в зарослях Дельты, большое место. Также и охота не была лишь развлечением знати.

В главе о горном деле в сущности кратко изложены основные положения статьи И. М. Лурье в «Архиве Института истории науки и техники». Здесь отмечу лишь, что, вследствие сокращения выпали некоторые детали, которые представляли бы интерес для истории техники, например вопрос об организации экспедиций в каменоломни и вопрос об организации трудового процесса. На стр. 164 автор ошибочно говорит, что в Уади Хаммамат разработки начались лишь со Среднего Царства, тогда как хорошо известны экспедиции, совершавшиеся еще в Древнем Царстве. Также на стр. 167 неправильно указано, что разработки на Синае начались с III династии, тогда как там известны надписи и рельефы еще I династии. На стр. 167 неясны устройство и действие трубчатого сверла, не указано, из какого материала сделано сверло. Техника обработки камня почти не затронута. На стр. 169 описывается только сверление и полирование камня. На стр. 169 излагается, по Диодору, способ очищения золота от примесей серебра, но из описания неясно, для чего к неочищенному золоту добавляли свинец, соль, олово и ячменные отруби и какой при этом происходил металлургический процесс.

Глава «Строительное дело» написана более подробно. В ней рассматриваются вопросы о строительных материалах, о планировке зданий, о приемах кладки и приборах подъема тяжестей. Эта глава выгодно выделяется среди других своей полнотой, хотя и в ней следует отметить отсутствие, например, сведений об обжиге кирпича. Трудно согласиться с автором, что дома так называемого «восточного квартала» Телль-Амарны являются «типичными бедными домами Нового Царства» (стр. 176).

¹ «Bulletin of the Metropolitan Museum of Arts» IX, стр. 15; «Mitteilungen der Deutschen Orient. Gesellschaft», 52, стр. 11 сл.

«Общий характер этого «квартала», вынесенного за черту города, обнесенного стеною и имеющего единственный выход с домом привратника, вынуждает предполагать в этом «квартале» место поселения рабов-военнопленных, а не квартал бедняков.

Отмечу еще, что вопрос об арке и своде следовало бы разработать подробнее, поскольку он является спорным в некоторых деталях.

Глава о древнеегипетском ремесле распадается на ряд подглав: обработка металлов, дерева, ткацкое ремесло, обработка кожи и керамическое производство. Вся глава изложена чрезвычайно кратко и носит следы сокращения первоначально, повидимому, более полного текста (это чувствуется и во всей книге). Так, на стр. 202 рассматривается чрезвычайно важный вопрос о том, почему в Египте не использовалось железо. Автор справедливо отмечает наличие железной руды на территории Египта, но не указывает, что содержание железа в руде было чрезвычайно бедно и добыча его нерентабельна. При недостатке топлива и полном отсутствии каменного угля в Египте и до сих пор предпочитают ввозить железо из других стран. Автор, однако, указывает, что в эллинистическое время египетская железная руда разрабатывалась, между тем в разделе о греко-римском Египте об этом, к сожалению, не говорится вовсе. Когда автор говорит о выплавке металла из руды, он должен был бы объяснить конструкцию плавильных печей, о которых лишь кратко упомянуто на стр. 169—170. В разделе об обработке дерева очень мало говорится о тех инструментах, которые употребляли столяры и плотники. Например, интересно было бы отметить, что медная (бронзовая) пила не имела развода и распиловка велась с разных концов доски, как это видно по разрезам самых досок на саркофагах и частях мебели. Та же краткость изложения видна, например, на стр. 212, где рассказывается о новых приемах прядения, появившихся, начиная с Нового Царства. В чем состоит процесс прядения, когда «у работника свободны обе руки», остается из описания неясным. На стр. 214 гребень, употреблявшийся при гобеленовом тканье, назван гребенчатым бердом, функции которого заключались совсем в ином. Если гребень служил для прибивания утка только на небольшом участке при тканье узорчатых тканей, то гребенчатое бердо появилось в Новом Царстве для правильного распределения нитей основы и для прибивания утка по всей ширине ткани. На стр. 217, где речь идет о способах обработки кожи, автор отрицает применение дубления кожи в древнем Египте. Но в эллинистическое время (стр. 330) дубление применялось; для этого использовали стручки акации; неясно поэтому, какие основания имелись у автора отрицать дубление в древний период. В подглаве о керамике обойден вопрос о развитии гончарного круга, который к эллинистическому времени (стр. 333) приводился в движение ног.

Интересна глава о путях сообщения и транспорте, хотя и она страдает несколько конспективным изложением. Приведенное изображение барки Среднего Царства (стр. 226) как примера скрепления отдельных досок очень не показательно. Ведь эта барка едва ли когда плавала по воде; она служила для ритуальных перевозок статуи бога и перевозилась, повидимому, на тех «салазках», рисунок которых приведен на стр. 229.

В главе «О военном деле» нет описания военного искусства, стратегии египетской армии в открытом бою и при осаде крепостей. Следовало бы больше подчеркнуть роль колесничих, появление которых со времени Нового Царства внесло переворот в военную технику древнего Египта. В качестве нового оружия Нового Царства следовало бы отметить комбинацию палицы и секиры, что усиливало боевые качества этих двух видов оружия, употреблявшихся до того порознь. Очень суммарно изложен вопрос о фортификации, хотя об египетских крепостях мы располагаем достаточно большим материалом.

Относительно последнего раздела книги, написанного К. С. Ляпуновой и М. Э. Матъе, прежде всего следует выразить сомнение о целесообразности включения в книгу о технике древнего Востока материала по коптскому Египту. Правильней было бы рассматривать технику коптского времени в связи с Византией и ранним средневековьем. Также и технику эллинистического Египта удобнее было бы рассматривать в связи с техникой других эллинистиче-

ских государств, учитывая, что корни техники этого времени лежат не только в почве древнего Египта, но и в греко-римском мире.

В данном разделе не все главы и части написаны равномерно. Главы о сельском хозяйстве, ткацком ремесле и керамике выгодно выделяются среди других, изложенных чрезвычайно кратко. В главе о земледелии (стр. 254) уделено достаточно внимания классификации земель, причем автор в основном держится мнения Шнебеля¹. Ценным является указание (стр. 261) на севооборот и пар. Некоторое недоумение вызывает замечание, что «в древнем Египте частные лица также владели отдельными каналами» (стр. 256), хотя этого в предыдущем разделе нет, да едва ли и могло быть, так как для этого нет данных. Вызывает сомнение, что «жатва наступала примерно через 6 месяцев после посева» (стр. 267). Следовало бы объяснить термин «sarakī—поля» (стр. 267), описать действие «норага» (стр. 268).

В главе о строительном деле (стр. 288) очень желательно было бы, чтобы автор подробнее остановился на купольном своде, поскольку купол впервые появляется в Египте в коптское время. В связи с обработкой металлов интересно было бы осветить вопрос об обработке железа. Глава о ткацком ремесле представляет большой интерес. Она написана в основном на детальном изучении богатого собрания коптских тканей Гос. Эрмитажа. Интересна глава о керамике и стекольном производстве. Не останавливаясь на других главах данного раздела, укажу только на отсутствие главы о военном деле, которая в других разделах книги дана. Здесь было бы интересно наметить более четко, что именно сохранилось в технике от древнего Египта и что является привнесенным извне. С другой стороны, ценно было бы показать, какое влияние оказала техника древнего Востока (в частности, древнего Египта) на технику античных обществ.

В заключение следует отметить некоторую небрежность издательства, допустившего ряд опечаток и опечаток, искажающих иногда мысль автора. Например, на стр. 144 неправильно указано, что Нил прежде протекал к в о с т о к у от современного своего русла, вместо того, чтобы сказать—к з а п а д у; на стр. 211 «предприядение» названо «предприятием»; на стр. 266 говорится о поливке поля «после жатвы» вместо «после посева» и т. д. По вине также, повидимому, издательства сняты некоторые рисунки и карты, что мною отмечено выше, а также произведено сокращение некоторых глав и отделов.

Несмотря на некоторые недочеты, книга, несомненно, является ценным вкладом в нашу науку о древнем Востоке, в частности в дело изучения древневосточной техники.

Н. Шолпо

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ О РАСКОПКАХ НУМАНЦИИ (A. Schulten, Numantia, II. 1931)

Честь первых исследований Нуманции принадлежит, как известно, испанскому инженеру и археологу Эдуардо Сааведра, открывшему ее в 1853 г. С 1800—1866 гг. его работу продолжала Comision de Monumentos de Soria, а с 1905 г. в раскопках стал участвовать Шультен, включившийся затем в работу особой испанской комиссии, работавшей в Нуманции с 1906 по 1923 г. Предварительные итоги раскопок Шультен давал в «Jahrbuch des Deutsch. Arch. Inst.» (1905—1912 гг.) и в «Bulletin Hispanique», более же обстоятельно—в своей четырехтомной работе «Нуманция». Отдельные части последней появлялись неодновременно и непоследовательно: I том «Die Keltiberer und ihre Kriege mit Rom»—1914; III—«Die Lager des Scipio»—1927; IV—«Die Lager des Rehieblas»—1929. Второй том, посвященный исследованию самого города Нуманции, появился позднее всех потому, что нужно было использовать материал последних археологических работ, которые закончились в 1923 г.

¹ Sch ne bel, Die Landwirtschaft im hellenistischen Aegypten. 1925.

Вначале работа коротко вводит читателя в историю города. Впервые Нуманция упоминается Катонем в пятой книге его *Origines*, где он говорит о речи, которую держал перед войском на Кельтиберийском поле Нуманции в 195 г. до н. э. Затем Нуманция упоминается в договоре, заключенном Гракхом, отцом трибунов. В кельтиберийской войне 153—151 гг. Нуманция—главный город и убежище ареваков, живших к северу от Дуэро. В нумантийской войне 143—133 гг. она—во главе восставших племен к северу от Дуэро, в то время как Терманция была во главе племен, восставших южнее Дуэро. Во время этой войны римский консул Манцин, опозоренный римским сенатом, простоял обнаженным перед Нумантией (137 г. до н. э.). В конце концов на осаду города был послан Сципион Эмилиан, разрушитель Карфагена. Разрушение Нуманции в 133 г. закончило не только нумантийскую войну, но и великую освободительную войну кельтиберов. О том большом значении, которое придавали римляне завершению ее, говорит тот факт, что Сципион к своему прежнему прозвищу Африканского присоединил новое и стал называться также Сципионом Нумантийским. В течение I в. до н. э. город лежал в развалинах и не упоминался даже в связи с Серторианской войной. Вновь возрождается Нуманция при Августе: причиной этого было ее благоприятное положение на пути сооружения военной дороги к месту действия астурийско-кантабрийской войны и, кроме того, ее возрождением Август рассчитывал добиться симпатий кельтиберов. Однако в римское время город был очень мал и не играл уже никакой существенной роли.

Географическое положение Нуманции сходно с положением многих других иберийских городов. Лежит она на известняковом холме, находящемся в треугольнике между рекой Дуэро и небольшой речкой Мерданхо. Холм, несколько овальной формы, поднимается на 69 м над уровнем Дуэро. Окружность плато и вместе с тем древнего города 1100 м, площадь—7,6 га. К городскому холму примыкает меньший по размерам холм Самдилла, который представляет собой далеко выдвинутый вперед бастион города, имеющий так же, как и Нумантийский холм, довольно крутые склоны. Значение его заключается в том, что он господствовал над всей долиной реки Мерданхо. Город, таким образом, имел природную защиту в западной, южной, юго-восточной сторон, незащищенным же оставался северо-восточный подступ.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристике укреплений Нуманции, описываемых Шультеном, нужно заметить, что для иберов, по сообщению античных авторов, характерна невероятно упорная защита своего города, защита до последнего человека и последнего камня. Конечный этап борьбы—битва у города, и это обстоятельство вызывало необходимость в сильных укреплениях. Последние характерны для многих иберийских городов: Германции, Аревалло, Вентозы и т. д., для Нуманции же в особенности, так как это был не обычный город, а главный город, последний оплот ареваков; из характеристики, которую дает Нуманции Аппиан, видно, что она имела не только политическое значение, но и значение опорного пункта целой области.

Одним из важных и наиболее древних укреплений были валы, опоясывавшие Нумантийский холм. Склоны последнего характеризуются наличием большого количества террас, возможно, искусственного происхождения и являющихся остатками древних валов, идущих в три и даже четыре ряда (рис. 1). Особенно высоки и широки они были в месте наиболее удобного подступа к городу, на северной стороне, где они идут в четыре ряда. Старые жители Нуманции сообщают о многочисленных валах, которые якобы окружали город, подобное же сообщение имеется в «*Annales de Navarre*» 1766 г. С течением времени валы превратились в террасы, следы которых существуют поныне. Первые нижние террасы поднимаются на 32 м от уровня Дуэро. Первый вал на севере образует разрыв в 20 м, причем отрезки вала взаимно перекрывают друг друга загнутыми крюкообразными флангами, образующими фланкируемую с валов систему входа. Второй ряд террас идет параллельно краю плато. На востоке он образует ворота, через которые можно попасть в своеобразную западную между второй и третьей террасами. Третий ряд террас на севере выходит из-под городской стены, из чего следует, что валы были построены не одновременно с возведением городских

стен, а раньше их, и являлись, таким образом, первоначальным видом укреплений. Подобные кольцевые валы встречаются во многих других иберийских укреплениях, в так называемых ситаниях. В общей сложности валы имели, вероятно, 5—6 разрывов, или ворот. Исследования же городских стен не дают материалов, которые говорили бы о существовании подобных пяти-шести ворот в них. Быть может, Шульгену и не следовало бы искать такого же количества ворот в стенах, так как некоторые ворота в валах могли вести не к соответствующим воротам в городской стене, а в своеобразные западни, где неприятель поражался войсками, засевшими на валах и стенах.

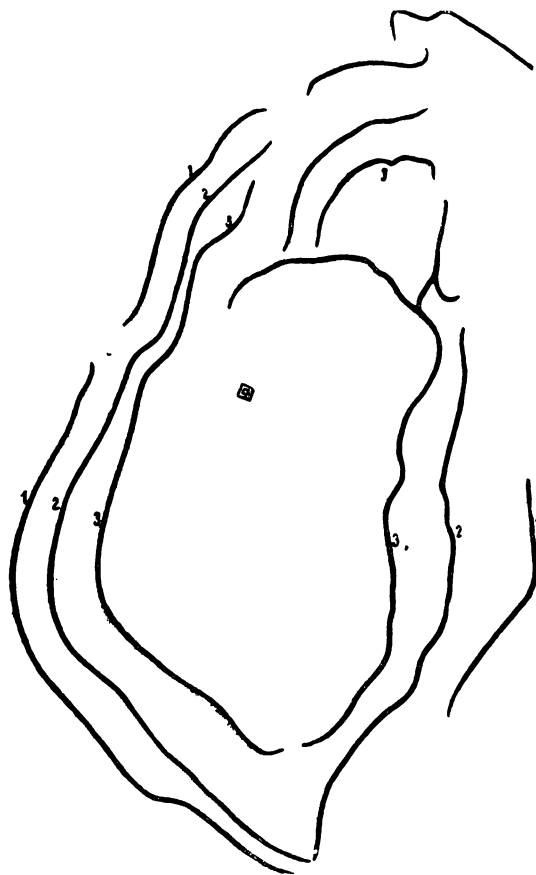


Рис. 1. Террасы и окружные валы на Нумантийском холме

Верхний город, находящийся на плато, был обнесен мощной оборонительной стеной. Средняя толщина ее равнялась 5 м, на севере же она достигала максимальной толщины в 8—10 м. Стена состояла из нескольких рядов крупных каменных блоков с забутовкой. Например на юге (рис. 2) внешний облицовывающий ряд ее достигает 0,60 м толщины, второй ряд, с забутовкой из крупных камней,—1,70 м, далее следует наполнение из мелких камней—2,50 м, наконец, внутренний ряд—1,10 м, являющийся одновременно стеной иберийских домов. Подобная многослойная стена представляет собой, вероятно, результат дополнительных построек различного времени. Недостатком работы Шульгена является то, что он, давая чрезвычайно подробное описание и измерение каждого слоя стены, не пытается проследить ее эволюцию во времени.

Городская стена имела каменный цоколь и, вероятно, надстройку из глиняного кирпича-сырца. Высота всей стены 3—4 м. Стены одного из иберийских городое—Свелъякабраса, находящегося в 18 км к северу от Нуманции, до сего времени сохранили высоту в 4—5 м. На востоке к стене в Нуманции примыкала квадратная башня, имеющая в ширину 7 м и также 7 м в глубину. Подобные башни были в Нуманции, повидимому, и у западных ворот. Во всех случаях башня фланкировала правую, неза-

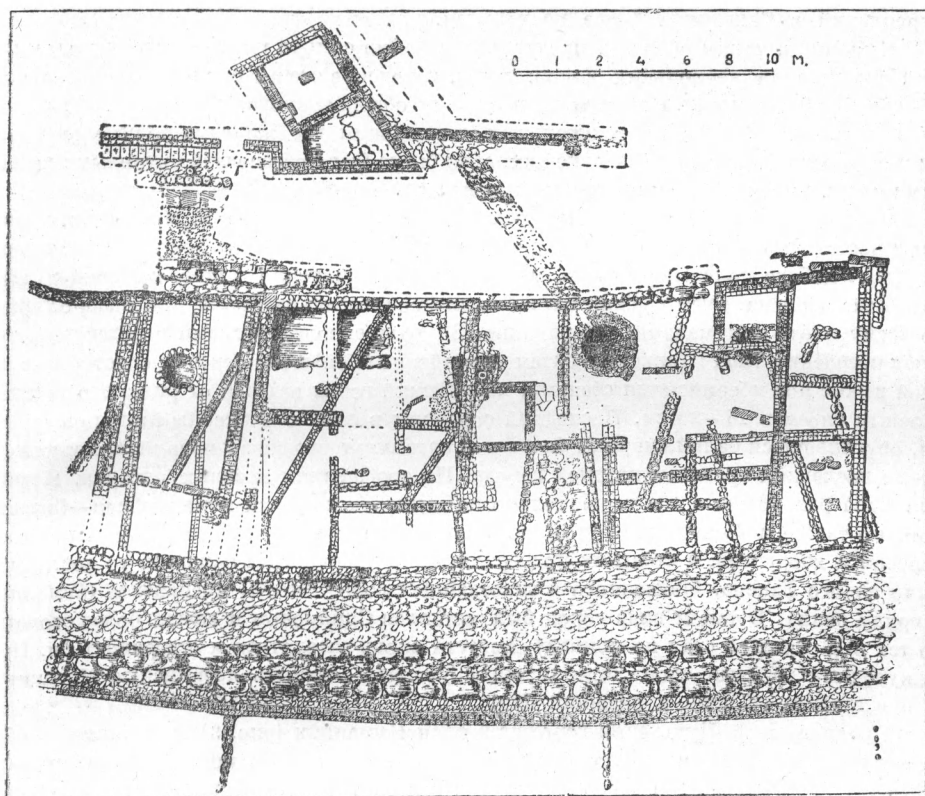


Рис. 2. Окружной квартал на юге.

щищенную сторону наступающего неприятеля. Замечательна линия стены на востоке: она следует естественному краю плато, но не непрерывными кривыми линиями, а мелкими прямоугольными отрезками длиной в 16 м, затем в 26, 20, 13 м и т. д. Цель такого расчленения стены—чисто фортификационная, что свидетельствует об известном фортификационном искусстве нумантийцев.

При разрушении Нуманции римлянами ее городские стены сильно пострадали. При новом возрождении города при Августе стены утратили свое прежнее оборонительное значение, фундамент одних из стен стал служить в качестве улиц, а внутренняя часть других—каналом для сточных вод.

Помимо верхнего города, расположенного на плато и обнесенного стенами, в Нуманции был еще нижний город, лежавший на склонах холма. Исследования показали, что нижней городской стены никогда не существовало. Аппиан сообщает, что нижний город защищался оврагом и лесом и лишь единственное место, дорога вниз, было укреплено рвом и палисадом, т. е. нижний город, за исключением спуска на востоке, не имел искусственных укреплений.

Холм Саледилла, этот важный в военном значении бастион города, был укреплен двумя башнями. Одна из них, северная, имела прямоугольную форму, ее передняя

и задняя стороны были длиною по 10 м, южная—9 м, северная—7 м. Три стены башни имели значительную толщину—в 1,10 м. Четвертая стена башни, примыкающая к жилым домам, была толщиною в 0,70 м. Вторая, южная, башня была меньшей по размеру и имела не четыре, а лишь три стены: задней стены, обращенной к поселению, вообще не было. Обе башни отстоят друг от друга на расстоянии 12 м. В Саледилла, в отличие от Нумантийского холма, не было городской стены. Здесь примыкающие одна к другой задние стены домов заменяли собой оборонительную стену. Такой тип укреплений в Саледилла более первобытен.

Нуманция, таким образом, представляла собою сильно укрепленный город, имевший укрепления нескольких видов: валы, городские стены, ров и палисад,—все это значительной мощности. Кроме того, в систему обороны входили прилегающие к городу холмы. Эта система оборонительных сооружений все же сама по себе не могла бы противостоять натиску осаждающих, если бы не была обеспечена активными вылазками осажденных через многочисленные ворота.

Многолетние археологические исследования, проведенные в Нуманции, позволяют достаточно правильно и ясно представить себе характер поселения и планировку города. Удобное положение холма между реками привлекло к нему жителей в незапамятные времена, о чем говорят следы поздненеолитических поселений, разбросанные по всему плато и нумантийской равнине. За поздненеолитическими поселениями следуют поселения типа Галлыштат, затем иберийский слой¹ и римский. Предисторический слой лежит под иберийскими стенами, иберийский город отделен от римского толстым горелым слоем в 25—30 см. Последний содержит в себе обожженный кирпич, черепки, обуглившиеся балки, снаряды баллист и катапульт, римское и иберийское оружие—следы последних трагических дней города. По сообщениям древних авторов, Нуманция была разрушена в 133 г. не только победителем храбрых нумантийцев—Сципионом, но также и бушевавшим пожаром. Так как нумантийские дома были покрыты деревом и хворостом, а стены их поддерживались деревянными балками, то достаточно было одного факела, брошенного в завоеванный город, чтобы превратить Нуманцию в груду пепла. В таком виде город был оставлен Сципионом и лежал более столетия до тех пор, пока не стал по приказу Августа вновь заселяться и отстраиваться. Промежуточный горелый слой помог, таким образом, открыть иберийскую Нуманцию и представить ее план и внешний вид.

Предлагаемый Шульценом городской план Нуманции (рис. 3) представляет собой компиляцию, составленную по различным материалам: сюда вошли планы археологических работ Шульцена и его помощника Коенена (часть квартала на востоке и юге, пять северных поперечных улиц—VI—X и западная продольная улица), затем планы различных испанских экспедиций, как старых—1861 г., так и новых—1906—1923 гг. План дает в известной степени полную картину города, хотя, в силу разнородности своих частей, может иметь отдельные неточности и имеет большие белые пятна, так как еще не исследована значительная площадь (исследовано 34 000 кв. м, остается не исследованной площадь в 50 000 кв. м).

С первого же взгляда в плане Нуманции можно выделить два элемента, резко бросающиеся в глаза: во-первых, широкий окружной квартал, примыкающий к городским стенам и следующий изгибам края плато, и, во-вторых, внутренние кварталы с очень четкой сеткой улиц.

Если с внешней стороны плато окружено городской стеной, то с внутренней оно опоясывается окружной улицей. Интервал между окружной улицей и внутренней

¹ Иберийским слоем Шульцен называет тот слой, в котором встречаются предметы оружия и обихода, типичные для иберийской культуры и идентичные, в известной степени, с находками на юге и юго-востоке полуострова. Это—кинжалы, мечи, наконечники копий, железные орудия и керамика. Последняя представляет собой утварь из хорошо обожженной черной глины черно-серого цвета или сосуда из тонкой красной и желтоватой глины, украшенные геометрическими рисунками и сценами из повседневного быта.



рис. 3. План Нуманции

сторонной городской стены равен 12 м, это вместе с тем и глубина домов, вплотную прилегающих к городской стене. Ширина улицы колеблется от 3—4 до 6 и даже 7 м. Особенностью ее является присутствие на ней переходных камней, что делает ее похожей на помпейскую (рис. 4). Там, где улица достигает значительной ширины, положены три переходных камня: по камню с каждой стороны улицы и один посередине, интервал между ними 0,70 м. Вдоль домов тянется тротуар шириной от 0,6 до 1,1 м. Приподнятость тротуара на 40 см и наличие переходных камней говорит о том плохом состоянии, в котором улицы находились зимой во время дождя и снега, когда мостовая становилась непроходимой.

Внутренняя часть города была распланирована с необычайной четкостью: здесь шли две продольных улицы и десять поперечных. Продольные улицы не параллельны



Рис. 4. Окружная улица с переходными камнями

друг другу и не столь прямолинейны, как поперечные. Обе они упираются в южные ворота, где почти сходятся. Их ширина от 4 до 6,55 м, длина восточной улицы—375 м, западной—350 м. Были они, вероятно, главными транспортными артериями города, так как несут следы обозного движения. Поперечные улицы дают более прямолинейные и четкие линии. Сообразуясь с овальной формой плато, они имеют различную длину. Помимо обеих продольных улиц, главной улицей была также пятая поперечная, так как она длиннее всех остальных (250 м) и, главное, ведет к западным воротам. Небольшое количество продольных улиц и множество поперечных объяснялось, вероятно, местными климатическими условиями. Очень злой северный ветер является и сейчас настоящим бичом местности. Для защиты от него продольные улицы следуют не точно по оси холма, а с некоторым отклонением к востоку. Поперечные улицы были более защищены от ветра и, кроме того, могли вобрать в себя наибольшее количество зимнего солнца.

Поразительно четкая планировка Нуманции согласуется с четким планом греческого города, построенного по Гипподамовой системе. В своей планировке с перевесом поперечных улиц Нуманция имеет сходство с малоазиатским городом Приеной, планировка которой относится к IV—III вв. до н. э. Если иметь в виду, что Приена—ионийский город и что Нуманция училась у ионических колоний восточной Испании, то будет понятно такое родство в планировке городов. По предположению Шульцена (стр. 137) планировку внутренней части Нуманции можно датировать III в. до н. э. О том, что

нумантийцы учились у греков, говорит само строительное искусство: мощение улиц, наличие переходных камней и т. п. Ориентировка улиц, как и в греческих городах, согласуется с *natura loci*.

Материал для строительства города, применявшийся нумантийцами, находился в равнине и даже на самом холме. Это глина, известняк, мелкий и крупный песчаник «вакка». Камень, который шел на фундамент стен, цоколь домов, подвергался лишь очень незначительной обработке, едва обтесывался. Крупные блоки клались без всякого связующего материала, мелкие—на глине. Характерным строительным материалом для Нуманции являлся глиняный кирпич. Его размеры: длина 47—53 см, шири-

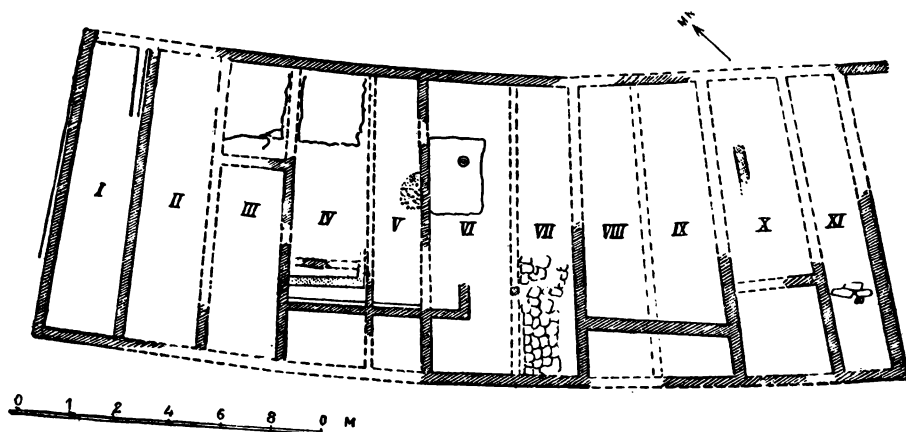


Рис. 5. Стены иберийского периода

на—29—30 см, толщина 9—14 см. Обычно он был необожженным, в качестве связующего материала применялись не известь, а глина. Применялось также дерево, которое шло на балки крыши. Структуру отдельных кварталов иберийского города можно подробно проследить по плану южного участка окружной улицы, раскопанной Шульте-ном в 1905 г. (рис. 2 и 5). Окружной квартал ограничен на юге городской стеной, на севере—окружной улицей. Внутренняя ширина квартала 12 м. На рис.5 представлен квартал иберийского периода. Каждая из стен, показанная на плане, представляет собой цоколь из бута или камня песчаника. Высота его 0,24—0,44 м, ширина 0,40—0,50 м. На цоколе, вероятно, покоилась глиняная стена. Длина каждой стены достигает 12 м, расстояние между внутренними стенами везде одинаково—2,80—3 м. По предположению Шультена, здесь имеется одиннадцать самостоятельных домов, каждый из которых разделен на 3 части. Внутри некоторых из домов были обнаружены погребки. На южном участке окружной улицы были обнаружены стены двух различных иберийских строительных периодов, о чем свидетельствует и различная ориентировка стен и строительный материал: цоколь стен первого периода—из песчаника, второго—из бута. Ввиду плохой сохранности стен трудно было установить и протяжение здания первого периода и интервал во времени между первым и вторым периодами, а также остается неизвестным, перестраивался ли во второй период целый город или только отдельные здания. Во всяком случае факт наличия перестроек уже в иберийской Нуманции довольно любопытен.

Раскопки остальных частей окружной улицы, проводимые и Шульте-ном и, в небольшой части, испанскими археологами, дали ту же картину, что и на южном ее участке: следовательно, весь окружной квартал состоял из таких же небольших домов, разделенных на три части. Подобный периферический квартал имеется и в других иберийских поселениях. Шультен, верный своей миграционной теории прихода иберов с юга, ищет аналогию подобного расположения домов по кругу главным образом у народов Африки, берберов; однако такой принцип расположения домов характерен и для мно-

гих других народов и появляется у них, быть может, на определенной стадии их развития, так что иберам и не обязательно было в данном случае учиться у берберов.

Внутренняя часть города, распланированная по греческой сетке, состояла из крупных кварталов, чаще прямоугольной формы. Каждый из таких кварталов или блоков состоял из двух рядов обычного типа небольших иберийских домиков, ориентированных с севера на юг и соприкасающихся задними стенками друг с другом. Подобное расположение домов имеется в Приене, что еще раз говорит о сходстве с греческим планом. Отдельный блок, в зависимости от своей формы и величины, вмещал от 20 до 64 домов. Обычная глубина блока 23—24 м, что равно удвоенной длине дома. Свободные от застройки площади найдены в очень незначительном количестве. Пока еще не обнаружено никаких следов публичных зданий, которые, конечно, имелись в Нуманции,

До сего времени несколько туманным остается вопрос снабжения города водой в иберийский период. В иберийских домах не было обнаружено цистерн, хотя они были в римских домах. Может быть, вода собиралась в каменные корыта или большие кувшины. Как бы то ни было, подход к Дуэро был вопросом жизни, поэтому нижний город простирался до самой реки, о чем говорят иберийские обломки, покрывающие южный и западный склоны холма. К тому же у Аппиана имеется указание на то, что город заполнял собой весь угол между реками.

Помимо плато городского холма, уже в иберийский период были застроены его склоны и нумантийская долина, о чем свидетельствуют Аппиан и Орозий и говорит сам археологический материал. С ростом населения город стал распространяться на север и восток, где находились пашни нумантийцев и был наиболее свободный доступ к городу. Появились пристройки к внешней стороне городской стены и спорадически стали застраиваться, главным образом внизу, террасы. Везде археологические исследования обнаружили такие же узкие дома с погребями, покрытые горелыми пластами, как и на плато. Их следы обнаружены на террасах северного склона, восточного, южного и на холме Саледилла. Последний, вероятно, вначале представлял собой самостоятельное поселение. Застроен он периферическим рядом домов такого же типа и той же ориентировки, что и на Нумантийском холме. Довольно любопытную картину представляет собой погреб одного из домиков на Саледилле. Он обычной глубины в 2 м, шириной 3 м и длиной в 6 м. В нем обнаружено интересное смешение эпох и вещей: поздненеолитический каменный топор, архаические обломки и римские наконечники стрел. Подобное смешение могло бы произойти при перестройке города в римский период, как это было в Нуманции; однако в римский период на Саледилле поселения не было, о чем говорит отсутствие римских черепков и других предметов на холме. Смешение архаических и иберийских остатков заставляет предположить, что Саледилла перестраивалась в последнее время перед разрушением Нуманции римлянами.

Таким образом, на основании археологических материалов, сообщаемых Шульте-ном, можно сделать вывод о существовании двух первоначальных, однотипных и одновременно, поселений: Нумантийский холм и Саледилла. С течением времени центр тяжести стал переноситься на Нумантийский холм, представлявший собой топографически более удобный пункт в смысле обороны, что требовалось обстановкой. Это был, вероятно, период внутренней борьбы испанских племен и вторжения иноземцев: сначала карфагенян, затем римлян. Плато Нумантийского холма превращалось в акрополь с надежными оборонительными укреплениями, причем в это время, может быть, строилась городская стена, опоясывавшая плато, заселялась центральная часть акрополя, о чем свидетельствует отсутствие там стен первого строительного иберийского периода. Город разрастался широко за пределы оборонительных стен.

Важным открытием во всех раскопках Шультена, как он сам считает, было открытие нумантийского дома. Даваемое им описание и реконструкция дома заслуживают большого внимания. Размеры дома, как было уже сказано, очень небольшие—12×3—4 м. Стены состояли из каменного цоколя и глиняной надстройки. Ширина цоколя 0,35—0,50 м, высота от 0,50—1 м. Толщина глиняной надстройки 0,23—0,30 м, высота—0,60—1,40 м. Таким образом, первоначальная высота всей стены должна

быть, вероятно, 2—2,50 м. Глиняные стены укреплялись вертикальными балками и на них наносилась белая штукатурка, которая местами сохранилась на стенах дома и подвала. Дверь в дом находилась, видимо, над цоколем, так как в цоколе нет никакого промежутка для нее. То же самое надо сказать и о дверях внутри дома. В попытке реконструкции крыши помогла счастливая находка, обнаруженная в восточной части города. Здесь в узких домах поперек к их продольным стенкам лежали сильно обугленные и согнутые еловые балки; их длина соответствует ширине дома; очевидно, это—балки крыши. Незначительная ширина дома, по мнению Шультена, может объясняться тем, что более длинные балки нельзя было доставать. Крыша была, повидимому, конусообразной формы, с высоким фронтоном, и так как дома стояли вплот-

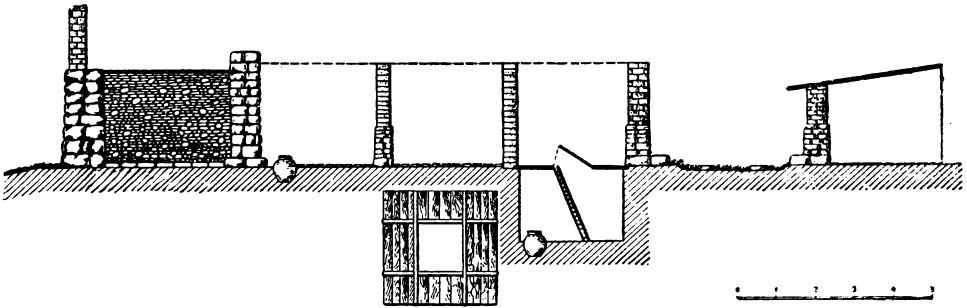


Рис. 6. Иберийский дом (в разрезе)

ную, то между ними были пространства для стока воды, образованные скатами крыши. На балки здесь накладывались хворост и глина, а для защиты от ветра клались камни.

Пол дома имел своеобразную облицовку, состоявшую из нескольких слоев: 1-й слой—подстил из черепков битых сосудов, 2-й—глинистый слой толщиной в 4—5 см, 3-й—верхний утрамбованный слой в 2 см толщины. Свет и воздух проникали в дом летом через дверь, зимой же нужны были окна. Так как дома соприкасались между собой задней и боковыми стенками, то окна могли быть только впереди, и если только они были, то это были, вероятно, всего-навсего небольшие отверстия. Еще и в теперешних деревнях этой местности окна для защиты от холода очень малы и довольно редки. Среднее и заднее помещения получали свет и воздух через промежуточные двери и очаг.

Погреб, за редким исключением, имеется в каждом доме и является его характерным элементом (рис. 6). Размер его соответствует величине комнаты, глубина его достаточна для того, чтобы в нем стоять. Вырезан он в земле, стены его никогда не были обложены камнем, как в римских цистернах, а обмазаны глиной или штукатуркой. Подвал был предназначен, вероятно, для запасов, о чем говорят вделанные в землю большие сосуды, но представлял собой также и зимнее жилище, судя по обнаруженным в нем очагам; в таком случае он мог дать более теплое убежище, чем дом с его тонкой стеной и плохой крышей, не способной выдержать напор сильного ветра. В подвал попадали по приставной лестнице, ибо из двухсот открытых погребов лишь в одном лестница была высечена в стене. Прикрывался подвал балками, в которых была падающая дверь размером в 1 кв. м, которая не мешала проходу в задние комнаты.

Средняя комната была, вероятно, главным помещением. Здесь находился очаг, от которого тепло и свет распространялись в соседние комнаты. Он довольно низкий—20 см в высоту, построен из больших плоских кирпичей размером 0,90×0,90 м или 1,15×1,15 м, иногда он вымощен цветными черепками. Дымоход был, вероятно, сделан из дерева и глины, как можно судить по аналогии с дымоходами, встречающимися ныне в этой области, а, может быть, дым выпускался прямо через отверстие в крыше. Последняя комната служила, вероятно, в качестве хлева. И сейчас в этой местности мелкий скот пребывает под одной крышей с семьей.

Корни происхождения иберийского дома уходят далеко—еще в претристорическое время, к неолиту и бронзовому веку. Дом с погребом и очагом встречается во время распространения культуры латен, подобные дома встречаются в Микенское время, затем у фракийцев, галлов и т. д. Таким образом, нумантийский дом представляет собой довольно древний тип дома, восходящий к родовой стадии, сохранившийся в эпоху греческого влияния на строительное искусство иберов и доживший до римского времени. Открытие его является одним из главных достижений Шультена и испанских археологов, ибо до сего времени не было обнаружено никаких других построек, быть может, за единственным исключением: у подножья холма с южной стороны его обнаружен фундамент какого-то большого здания (длина 12,20 м, ширина 5,50 м) из больших камней песчаника прямоугольной формы высотой в 0,5 м. Его длинная сторона обращена на с.-ю., широкая на в.-з. В середине западной стороны на расстоянии 5 м от каждого угла имеется вход шириною в 1 м. Здание состоит из двух частей, на которые его делит поперечная стена; пол вымощен плитами. О принадлежности его к иберийскому периоду говорят найденные здесь в большом количестве иберийские черепки. По предположению Шультена, это здание было нумантийским храмом, так как оно напоминало собой претристорические культовые места, которые состоят из главного и дополнительного помещения и которые существовали на Сардинии, Мальте, Балеарах и в Северной Африке. Совершенно невыясненным остается вопрос о наличии некрополя—исследования местности вокруг Нуманции не дали никаких положительных результатов.

Несмотря на то, что еще остается нераскопанной значительная часть Нуманции и многие вопросы остаются неясными, тем не менее богатый материал, полученный в результате многолетних работ на территории Нуманции, дает возможность представить себе в известной степени и характер и масштабы иберийского города. Характер планировки и застройки говорит о довольно высоком строительном искусстве нумантийцев, об их умении сочетать свои местные, близкие им черты с чужеземными достижениями и методами строительства. Хорошо укрепленный и густо населенный город с прилегающей к нему равниной мог осуществить свое господство над целой областью по среднему течению реки Дуэро и вместить в себя те 20 тысяч воинов, которые, по сообщению Аппиана, защищали Нуманцию в последнем этапе ее борьбы с римлянами. Недаром вокруг Нуманции обнаружены—правда, разновременные—следы 14 римских лагерей, сжимавших героический город.

После разрушения Нуманции Сципионом город вновь возродился в эпоху Августа. О возникновении и существовании его в императорское время говорят многочисленные находки черепков, монет, идущие от эпохи Августа до IV в. Нуманция римского периода представляла собой незначительное поселение, лишенное всяких укреплений, она ограничивалась лишь плато Нумантийского холма и не простиралась до Саледиллы, на которой нет никаких следов римских поселений. Городские стены, утратившие свое прежнее фортификационное значение, частью сохранились, несколько возвышаясь над окружающей улицей, местами же их основание превратилось в мостовую, а внутренняя часть—в канал. Римская сетка улиц в своих основных линиях совпадала с иберийской, но улицы были расширены на 1—2 м, а иногда улице в 3—4 м придавалась ширина в 6—7 м. Уровень улиц был несколько поднят, мостовая была более правильной формы, тротуар шире, и так как разница в высоте между мостовой и тротуаром становилась незначительной, то были уничтожены переходные камни. В римский период применялся новый строительный материал лучшего качества—бут вместо песчаника, камень связывался известковым раствором, ранее не применявшимся. Крыша имела более основательное покрытие—она крылась кирпичом, а стены домов были толще.

Исследования обнаружили два строительных периода в Нуманции римского времени. В раннеримский период особенно велика связь с Нуманией иберийской: по аналогии с жилищами этого периода строились дома длиной в 12 м, правда, иногда несколько большей ширины—в 4—5 м. В римское время сохранился окружной блок домов, состоящий из узких и разделенных на три части домов, как в старой Нуманции. В центре города оставалось деление внутренних блоков на две полосы с последующим

делением их на узкие, длинные дома. Изменение заключалось в том, что домам придавали большую ширину, вместо 2—3 м — 4,5 м, т. е. из двух иберийских домов получался один римский. В позднеримский период видна большая романизация, сказавшаяся в появлении построек нового вида. На месте нескольких небольших домов появляется помещение римского типа. Так, например, на небольшом южном участке окружной улицы вместо одиннадцати иберийских домов (рис. 5) появилось только три дома (рис. 7). Особенностью домов позднеримского периода является наличие в них цистерн. Чаще всего они имеют круглую форму с диаметром 1,50—2 м, глубиной в 2—3 м. Внутри они выложены камнем; иногда они связывались с улицей посредством

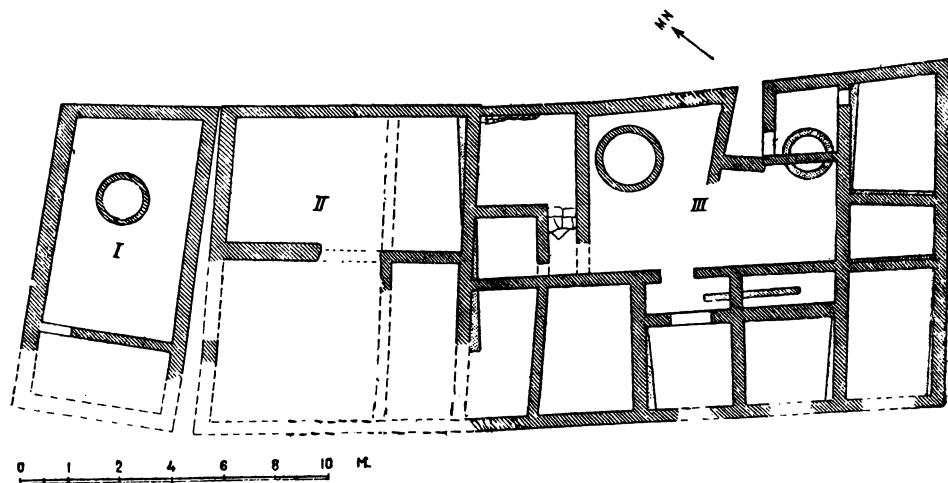


Рис. 7. Стены римского периода

канала. Шультен находит в римской Нуманции следы римских терм, а между продольными улицами и центральными поперечными (четвертой, пятой) предполагает наличие форума.

В окрестностях Нуманции были обнаружены следы трех больших построек или вилл. Одна из них находилась на севере, на месте лагеря Сципиона; ее размеры 22 м × 11,5 м, напоминает она план дома III на рис. 7. Постройка возведена чрезвычайно тщательно, из известкового камня, положенного без всякого связующего раствора.

Две другие постройки—подобного же типа.

Нуманция римского времени была, видимо, очень незначительным провинциальным городом. О ее бедности говорит отсутствие мозаичных полов, росписных стен, мраморных инкрустаций, столь частых в других римских городах Испании.

Работа Шультена представляет собой хороший образец обобщения и суммирования материала многолетних археологических исследований и дает пример коллективной работы различных специалистов: так, здесь мы видим прекрасное геологическое описание местности, составленное геологом Презентом; характеристику находок, написанную Паульсоном; план города, дегализированный генералом-топографом Ламереном, и профильные листы, составленные сотрудником Шультена Коеном. Недостатком работы является то, что характеристика находок, описание керамики, оружия совершенно оторваны от анализа стен, зданий и т. п. Затем автор, следуя миграционной теории, расчленяет археологические памятники по различным народам, бытовавшим, по его мнению, в Нуманции, что мешает полностью представить себе город иберийского периода. Недостаточными являются исследования, касающиеся датировки различных объектов.

Археологические материалы, добытые экспедициями Шультена и других ученых, не дают пока возможности точно найти источник удивительной силы сопротивления Нуманции, с успехом противостоявшей многие годы непобедимой тогда римской армии.

Заступ археолога в будущем поможет найти новые памятники героизма и беспримерной в истории древнего мира стойкости и упорства нумантийцев.

Г. А. Цветаева

И. Б. ЗЕЕСТ. Пракситель. Издание Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва. 1941, 48 стр., 16 рис. Цена 3 р. 25 к.

С удовлетворением можно отметить появление в свет популярной брошюры, посвященной творчеству великого афинского скульптора. Советский читатель, с интересом изучающий произведения античного искусства по оригиналам и копиям наших музеев, должен получить руководства, способные осветить и приблизить к нему творения древних мастеров. Форма небольшой монографии, охватывающей незначительное количество выдающихся памятников, особенно хорошо подходит для этой цели.

Внешнее оформление книжки, ее размеры, формат и выполнение иллюстраций следует, на наш взгляд, признать безусловно удачными. Удачен и выбор темы для первого выпуска, так как творения Праксителя, которые обращаются непосредственно к чувству зрителя, ближе и доступнее для современного человека, чем условная пластика архаики и обобщенные, величавые образы искусства V в. Общей положительной оценки заслуживает, по нашему мнению, и текст, хотя в него следовало бы внести некоторые, подчас весьма существенные коррективы. Автор дал доступное для читателя-неспециалиста изложение сложной темы, проявив мудрое самоограничение в выборе привлекаемых памятников. Описания статуй составлены толково и ясно, без увлечения трудно усвояемыми понятиями и второстепенными деталями, всюду выдвинуты на первый план основные, характерные для мастера художественные способы выражения и мотивы, благодаря чему облик великого афинского скульптора вырисовывается достаточно рельефно.

Освоив материал, автор во многих случаях не проявил, однако, должного критического к нему отношения. Это сказалось в ряде слишком уверенных утверждений, касающихся биографии мастера, а также в построении хронологии произведений Праксителя без достаточных для этого данных. Тот же недостаток проявляется и в некоторых упущениях при описании памятников. Так, знакомя читателя с ватиканской статуей Афродиты Книдской, автор не указывает на то, что голова здесь неправильно приставлена к туловищу, отчего значительно меняется впечатление, производимое статуей. Вообще следовало бы более отчетливо говорить об искажениях греческих оригиналов античными копистами и реставраторами нового времени. Мы боимся, что это упущение будет причиной многих недоумений со стороны читателя. Давая, например, воспроизведение статуи Афродиты из Арля, где богиня представлена с рукоятью меча в левой руке и с яблоком в правой, автор в описании (стр. 24) говорит, что богиня смотрит в зеркало, которое она держит в левой руке, поправляя в то же время правой рукой прическу. В примечании, правда, указывается, что правая рука неправильно реставрирована, но что подумает читатель о левой руке с рукоятью меча? То же и относительно дрезденской статуи сатира, наливающего вино. Мотив статуи правильно описан в тексте, на стр. 17: «в высоко поднятой правой руке он (сатир) держит сосуд и льет из него струю вина в чашу, которую он придерживает левой рукой», но в воспроизведении статуи никакой чаши в левой руке не оказывается.

Как было указано выше, мы считаем большой заслугой автора отказ от анализа большого количества статуй, приписываемых Праксителю, и построение своего изло-

жения на ограниченном, но более или менее достоверном материале. Однако и здесь следовало сделать еще один шаг в том же направлении. Современная история античного искусства, в отличие от недавнего прошлого, старательно избегает атрибуций, основанных на гипотезах, и предпочитает иметь дело с небольшим, но строго проверенным подбором статуй. Это, несомненно, здоровое направление в науке об античном искусстве не отказывается, конечно, от сопоставления тех или иных статуй с именами знаменитых мастеров на основании данных стилистического анализа, но требует четкого разграничения между бесспорно установленным и более или менее вероятным. Последовательного проведения этого принципа в разбираемой брошюре, к сожалению, нет. Эрот Ченточелле, Афродита из Арля и Артемида из Габий безоговорочно трактуются как копии с произведений Праксителя, тогда как авторство афинского скульптора в данных случаях только предполагается.

Наше главное возражение относится, однако, к статуе Гермеса с младенцем Дионисом, ибо здесь особенно сильно чувствуется отмеченный нами недостаток критического отношения автора к источникам, а также к использованной литературе. На стр. 26 автор утверждает, что данная группа была одной из лучших работ Праксителя. Однако тут же отмечается, что в античной литературе сохранилось только одно краткое о ней упоминание. Этот факт, а также отсутствие античных статуарных копий с Гермеса не согласуются с высокой оценкой, даваемой группе в брошюре, так как прославленные в древности работы Праксителя описаны неоднократно в дошедших до нас трудах античных писателей и многие из них сохранились в целом ряде древних копий.

Четырнадцать лет назад молодой скульптор, Карл Блюмель, уже успевший зарекомендовать себя солидными исследованиями в области античного искусства, выпустил книгу о технике античной скульптуры¹. Он, между прочим, пытался доказать, что статуя Гермеса с младенцем Дионисом не является работой самого Праксителя, а лишь копией римской эпохи со статуи афинского мастера. «Разоблачение» знаменитой статуи, считавшейся единственной дошедшей до нас круглой скульптурой, исполненной рукой выдающегося мастера IV в., не имело, однако, успеха. Поднятый Блюмелем вопрос неоднократно обсуждался на страницах заграничных специальных журналов², но Блюмель остался при своем мнении почти единоличным. Конечно, подобная проблема не может быть разрешена подсчетом голосов, но дело в том, что аргументы, выдвинутые Блюмелем, столь убедительные на первый взгляд своей кажущейся объективностью, были разбиты его оппонентами. Мы не имеем возможности изложить здесь ход дискуссии и отсылаем читателя к указанной выше литературе. Скажем только, что, насколько можно судить по имеющимся в библиотеках Ленинграда новым работам по античному искусству, появившимся в свет после издания книги Блюмеля, статуя Гермеса попрежнему пользуется вполне заслуженной славой подлинного произведения самого Праксителя³. Некоторые авторы новых руководств по истории античного искусства даже подчеркивают, что Гермес должен служить образцом, по которому искусствоведам надлежит учиться различать греческие оригиналы от римских копий⁴.

Как же отнесся автор разбираемой брошюры к этой полемике? В двух местах (стр. 28 и 31) мы находим у него высказанное в категорической форме утверждение, что статуя Гермеса «представляет собою копию римского времени с оригинала Праксителя», со ссылкой на аргументацию Блюмеля, которая излагается тут же в сжатом виде. О возражениях оппонентов Блюмеля автор не упоминает ни единым словом, и читатель неизбежно должен прийти к выводу, что статуя Гермеса окончательно раз-

¹ C. Blümel, Griechische Bildhauerarbeit, Berlin, 1927.

² AJA, 1929 и 1931; «Gnomon», VII, 1931; «Oesterreichische Jahreshefte», 1929; JHS, 1929 и др.

³ G. Rodenwaldt, Die Kunst der Antike, 1927; G. Richter, The sculpture and sculptors of the Greeks, 1930; A. Rumpf, Griechische und römische Kunst 1931; J. Beazley and B. Ashmole, Greek sculpture and painting, 1932.

⁴ A. Rumpf, op. cit., стр. 58.

венчана и переведена в разряд римских копий. В спорном вопросе каждый искусствовед волен, конечно, держаться своей точки зрения, но в популярной брошюре, особенно когда дело касается столь выдающегося памятника, недопустимо выдавать гипотезу за общепризнанную истину.

При просмотре корректур не было обращено достаточного внимания на орфографию встречающихся в тексте греческих слов. Так, в слове *ἵδοναι* на стр. 10 имеются две ошибки. Мы полагаем, наконец, что брошюра очень выиграла бы, если бы к ней был приложен краткий список важнейшей литературы о Праксители, руководясь которым читатель мог бы углубить сведения, почерпнутые из прочитанной им популярной книжки.

М. Максимова

ПАВСАНИЙ. Описание Эллады. Перевод и вводная статья С. П. Кондратьева. Том II. Гос. изд-во «Искусство». М.—Л., 1940.

Вышедший недавно второй том перевода Павсания (V—X книги) является завершением изданного под тем же заглавием в 1938 г. первого тома (I—IV книги). Мысль издать новый перевод Павсания нельзя не приветствовать, несмотря на наличие двух русских переводов этого писателя, ибо один из них, изданный в начале XIX в., совершенно устарел, а другой, более поздний (1887—1889) перевод Г. Янчевецкого не лишен существенных недостатков, и, кроме того, стал почти библиографической редкостью. Новый перевод С. П. Кондратьева значительно превосходит все предшествующие: переводчику удалось гораздо лучше передать целый ряд трудных для перевода мест, которые ввели в заблуждение Г. Янчевецкого.

Павсаний является ценнейшим источником для истории античного искусства и вместе с тем включает целый ряд важных сведений для археологии, мифологии, истории, литературы и других дисциплин.

Второй том перевода Павсания, как мы отметили, включает V—X книги. В V—VI книгах знаменитый путешественник описывает Элиду, подробно останавливаясь на художественных сокровищах Олимпии, ее храмах и многочисленных статуях, в том числе статуе Зевса работы Фидия. VII книга посвящена Ахайе, VIII—Аркадии, IX—Беотии. В X книге говорится о Фокиде, причем особое внимание уделено Дельфам с их святилищем Аполлона; среди различных сведений, которые сообщает нам здесь Павсаний, особенно интересны подробные описания картин Полигнота в Лесхе кноидян. Наряду с очень важными для истории искусств упоминаниями о тех или иных произведениях архитектуры, скульптуры и живописи, не менее ценны свидетельства Павсания о различной утвари и других приношениях, составлявших внутреннее убранство греческих храмов и сокровищниц.

В начале недавно изданного труда находится небольшая вступительная статья, живо характеризующая эпоху Павсания и заключающая краткие библиографические сведения. Перевод снабжен подстрочными примечаниями, в которых отмечены различные чтения текста. Кроме того, за каждой книгой помещены многочисленные примечания, разъясняющие текст Павсания, с ссылками на соответствующую литературу. В конце второго тома имеется обширный алфавитный указатель (стр. 489—590), наличие которого нельзя не отметить как очень положительное явление, к сожалению, далеко еще не ставшее правилом в нашей издательской практике.

Наряду с этими, несомненно, положительными качествами нельзя не отметить некоторые недостатки, почти неизбежные в каждом обширном труде. Эти недостатки касаются, главным образом, примечаний к переводу и иллюстраций в обоих томах.

В ссылках на литературу не всегда упоминаются довольно существенные новые работы, в частности на русском языке. Так, на стр. 139 (г. II), в прим. 30 в качестве

литературы по Пифагору Регийскому указывается работа Брунна, а в примечании 51¹ на стр. 141 по тому же вопросу—работа Блюмнера; важно было бы добавить: О. В а л ь д г а у е р, Пифагор Регийский, П., 1913. На стр. 117 (т. I) в прим. 121 в качестве основного труда по Парфенону указана работа Михаэлиса. Следовало бы добавить последнюю публикацию Фужера (G. F o u g è r e s, L'acropole. Le Parthénon. Editions Albert Marance, 1-е et 2-е séries). На стр. 211—212 (м. I) в прим. 61 при перечислении работ по Тиринфу обойдено молчанием значительное издание: «Tiryns. Die Ergebnisse der Ausgrabungen des (Deutschen Archäologischen) Instituts», I—III. Athen, 1912; Augsburg, 1930.

Далее, не всегда можно согласиться с некоторыми замечаниями по вопросам истории искусства, которые мы находим в комментариях. Так, например, в прим. 59 на стр. 114 (т. I) автор высказывает слишком большое недоверие по отношению к довольно твердо установленной реставрации группы Тираноубийц (Крития и Несиота). Трудно также согласиться с автором, когда он отрицает существование Афродиты Урании Фидия (т. I, стр. 115, прим. 74), считая, что о ней нам ничего неизвестно (см. например: J. O v e r b e c k, Die Antiken Schriftquellen. Leipzig, 1868, стр. 136 сл., № 755—756). В том же томе на стр. 119 в прим. 140 говорится, что «Кносский лабиринт был гротом, из которого фантазия поэтов создала сооружение, сделанное Дедалом для Миноса». Вопрос о Кносском лабиринте очень сложен, и решать эту проблему в нескольких строках крайне трудно. Поэтому мы ограничимся лишь замечанием, что не исключена возможность и других истолкований, прежде всего довольно широко распространенного, согласно которому легендарный лабиринт связывается с развалинами знаменитого Кносского дворца, раскопанного Эвансом (A. E v a n s, The Palace of Minos at Knossos. London, 1921 и сл. гг.).

Затем в прим. 180 на стр. 121 (т. I) Стронгилион назван современником Фидия. С этим определением нельзя согласиться, ибо, как известно, Фидий был современником Перикла, а Стронгилион жил во времена Платона и исполнил портрет последнего, когда философ был в зрелом возрасте (см., например, О. В а л ь д г а у е р, Этюды по истории античного портрета. Огиз—Изогиз, 1938, стр. 51, 54 сл., рис. 3—4).

На стр. 209 (т. I) в прим. 20 автор считает, что изображение вооруженной Афродиты должно было представлять или тип Венеры Капуанской сочитом в виде зеркала, или архаическую статую. Нам представляется более вероятным предположить здесь тип вооруженной Афродиты, близкой известной статуе из Эпидавра (A. D e f r a s s e et H. L e s c h a t, Epidaure. Paris, 1895, стр. 177).

В прим. 71 на стр. 212 (т. I) высказывается предположение, с ссылкой на Дерпфельда, что Эпидаврский театр построен не ранее конца IV в. до н. э. В настоящее время это мнение можно считать оставленным; сооружение его относят к середине IV в. до н. э. (см. A. S p r i n g e r, A. M i c h a e l i s, P. W o l t e r s, Handbuch der Kunstgeschichte. Die Kunst des Altertums. Leipzig, 1923, стр. 316—317).

Автор, ссылаясь на Овербека, говорит в прим. 10 на стр. 363 (т. I), что Дамофонт жил в позднеэллинистическое или римское время. Нам представляется более справедливым отнести его, примерно, к первой половине II в. до н. э. (см. G. D i c k i n s, Damophon of Messene, ABSA XII, 1905—1906, стр. 190—111).

В прим. 14 на стр. 383 говорится, что до нас не дошли подлинники античной скульптуры из железа. Это не совсем верно: хотя и в небольшом количестве, античные железные скульптуры сохранились до нашего времени (см. Ch. P i c a r d, Manuel d'archéologie grecque, La sculpture. Paris, 1935, стр. 581; L. P e r n i e r, Doni votivi ad Apollo in Cirene. «Africa Italiana» 1929, II, № 2, стр. 65 сл.).

По поводу датировки Ники Пэония автор в прим. 47 на стр. 76 (т. II) высказывает в пользу мнения Шубарта и Брунна, связывавших статую с войной 425—421 гг. до н. э. Нам представляется более вероятным датировать ее около 455 г. до н. э., как это и доказывается в статье B i e b e r, Paionios: U. T h i e n i e und F. B e c k e r, «Allgemeines Lexicon der bildenden Kunst, B. XXVI (1932) Leipzig, стр. 149 сл.).

Наконец, на стр. 139 (т. II), в прим. 30, искусство середины V в. названо зрелой архаикой, между тем это было уже время ранней классики.

Перейдем теперь к вопросу об иллюстрациях. Рисунки в первом томе большей частью снабжены обстоятельными подписями, заключающими необходимые сведения. Иначе обстоит дело во втором томе, где подписи обычно очень кратки и нередко поэтому недостаточно раскрывают содержание изображений. Почти всегда сообщаются очень отрывочные сведения, без указания дат, названий предметов (монета, рисунок на вазе и т. п.), музеев, в которых хранятся изображенные древности.

При изображениях реконструкций не указывается, кто является их автором (см., например, т. II, стр. 21—рис. 3; стр. 23—рис. 4; стр. 69—рис. 13). Иногда даже вовсе не оговаривается, что воспроизведение представляет собой реконструкцию, например ларец Кипсела (т. II, стр. 47—рис. 9) и «Схождение в Аид» (т. II, стр. 45—рис. 34). Вызывают также возражения подбор, определение, а иногда и размещение некоторых рисунков. Так, на стр. 11 (т. II) при изложении мифа об очищении Гераклом Авгиевых конюшен воспроизведена элидская монета с изображением женской фигуры на скачущем козле. Согласно установившемуся мнению, это—изображение Афродиты Пандемос Скопаса (сравни. M. Collignon, *Geschichte d. griechischen Plastik*. Strassburg, 1898, т. II, стр. 250, рис. 115). Между тем, в подписи под рисунком она названа «Деметрой на козле». Вместе с тем в примечании к упоминаемой Павсанием статуе Афродиты Пандемос (стр. 145, прим. III) мы находим ссылку на изображения ее на элидских монетах.

На стр. 31 (т. II) изображены статуарные группы фронтонов храма Зевса в Олимпии (по реконструкции Трея, сравни. В. Мальберг, *Древнегреческие фронтонные композиции*. СПб., 1904, табл. XV—XVI и XVI—XVII), в подписи они обозначены как «барельефы храма Зевса в Олимпии».

Далее, на стр. 341 (т. II), в части, посвященной фиванским древностям, воспроизведена (рис. 28) метопа храма Зевса в Олимпии, изображающая очищение Гераклом Авгиевых конюшен. В подписи под рисунком она обозначена: «Храм Геракла в Фивах. Метоп». Такую же подпись: «Храм Геракла в Фивах. Метоп», мы находим под рис. 29 на стр. 343 (т. II), где представлены рельефы фриза сокровищницы сифнийцев в Дельфах. Этой сокровищнице, кстати сказать, уделено внимание в соответствующем месте,—см. прим. 17 на стр. 484 (т. II).

На рис. 8 (к стр. 68, т. I) представлен портик-кариатид Эрехтейона и развалины архаического Гекатомпедона, в подписи же под рисунком значится «Парфенон».

Следует также отметить, что оба тома, довольно обширные по объему (около 40 печатных листов), довольно скудно снабжены рисунками: в первом томе—17 рисунков, во втором—35. Обилие сохранившихся до нашего времени произведений античной архитектуры, скульптуры и даже художественного ремесла, упомянутых Павсанием в его работе, позволяло иллюстрировать эту книгу значительно богаче.

Наконец, должно отметить и некоторые досадные опечатки. Так, например, в первом томе под рисунком 12 (к стр. 158) значится: «Пьвиные ворота в Микенах. I тысячелетие до н. э.» вместо «II тысячелетие до н. э.». Во втором томе под рисунком 15 (стр. 85) напечатано: «Тиха Антиоха» вместо «Тиха Антиохии». На стр. 161 (том II) при описании статуи богини в храме Афины Полиады в Эрифрах она называется «древней» (VII, 5, 9),—должно стоять—«деревянная».

Однако перечисленные нами дефекты в примечаниях, в иллюстрациях отнюдь не обесценивают изданный труд, где дан в общем удовлетворительный перевод греческого автора. Начинания издательства «Искусство», публикующего переводы древних авторов, являющихся источниками античного искусства, следует приветствовать. Желательны дальнейшие переводы других авторов, прежде всего Плиния, сборников, источников, а также работ, популяризирующих древних авторов, какой является, например, книга Фрезера (*Pausanias and other Greek Sketches*. London, 1900).

В. Блаватский

Обзор иностранных историко-археологических журналов

«THE ANTIQUARIES JOURNAL», vol. XX

January, 1940, № 1

I. A t k i n s, The Church of Worcester from the Eighth to the Twelfth Century, part II (from the middle of the tenth to the beginning of the twelfth century, стр. 1—38). История ворчестерского епископства, главным образом история его клира, с середины X до начала XII столетия.

J. F. S. S t o n e and N. G r a y H i l l, A Round Barrow on Stockbridge Down, Hampshire, with Appendix I, II: A. S. K e n n a r d, Report on the Non-Marine Mollusca; A. J. E. C a v e, Report on the Early Bronze Age (Beaker period) Skeleton, стр. 39—51. Сообщение о раскопках кургана (каменной насыпи) в Стокбридж-Дауне (Гемпшир), под которым обнаружено труположение женщины с поджатыми ногами, при ней глиняный сосуд и бронзовая проколка—первой половины II тысячелетия до н. э., и, кроме того, три трупосожжения, из которых одно в глиняной урне с бусами и бронзовой проколкой—второй половины II тысячелетия до н. э. Статья сопровождается двумя приложениями: 1) о пресноводных моллюсках, найденных в кургане, и 2) о скелете основного погребения кургана.

J. G. C l a r k and H. G o d w i n, A Late Bronze Age Find near Stuntney, Isle of Ely, стр. 52—71. Публикация клада бронзовых вещей, найденных в 1939 г. близ Стантнея при вспашке поля в ранее заболоченной местности. Клад был зарыт в землю в деревянном бочонке и состоял из более чем 80 бронзовых орудий, главным образом кельтов и палыштабов, а также двух наконечников копий и нескольких бронзовых слитков. Клад относится к поздней поре эпохи бронзы. Статья сопровождается обзором кладов эпохи бронзы в Англии (с картой распространения реберчатых палыштабов) и стратиграфическими соображениями, с пылевым анализом грунта, в котором залегал клад. Данные анализа датируют клад временем перехода от суббореального к субатлантическому периоду.

G. J. H. N e e l y, Excavations at Ronaldsway, Isle of Man, стр. 72—86. О раскопках на острове Мен, в Ирландском море, средневекового некрополя (VIII в.) и поселения (XIII в.), близ которых обнаружены следы также и других, значительно более древних остатков (начиная от тарденуазской культуры).

F. G. S k i n n e r, and R. L. S. B r u c e-M i t f o r d, A Celtic Balance-beam of the Christian Period, стр. 87—102. Во время описанных в предшествующей статье раскопок было найдено бронзовое коромысло весов—VIII в. н. э. с нарезками на одной стороне, соответствующими древнесаксонской весовой системе. Статья посвящена детальной публикации коромысла и выяснению вопроса о происхождении нарезанной на нем весовой шкалы.

April, 1940, № 2

C. W. P h i l l i p s, The Excavation of the Sutton Hoo Ship-burial, с четырьмя приложениями: I. T. D. K e n d r i c k, Inventory of the Principal Finds, II. H. P l e n d e r l e i t h, Laboratory Notes, III. H. C o d w i n, Report on Timber from the Sutton Hoo Ship-Burial; IV. F. E. Z e u n e r, Geological Report on the Excavation of the Saxon Burial Ship at Sutton Hoo, стр. 149—202. Отчет о раскопках и детальная публикация материала, найденного при вскрытии кургана около Вудбриджа, в Суффольке, 1939 г. Погребение англо-саксонской эпохи (VI в.) было совершено в большой лодке, остов которой хорошо сохранился. Богатые приношения состоят из предметов вооружения, золотых и серебряных украшений, инкрустированных камнем, и серебряной посуды. Среди последней следует отметить две ранне-византийские серебряные ложки с надписями чернью Παῦλος и Σαῦλος. Находка датируется серебряным блюдом эпохи императора Анастасия (491—518), с портретом императора.

I. A t k i n s, The Church of Worcester from the Eighth to the Twelfth Century, стр. 203—299. Очерки по истории ворчестерского епископства в VIII—XII вв. (продолжение статьи, напечатанной в № 1) с приложением документов, содержащих списки духовенства, договоров о держании в аренде земель, писем и т. д. £

F. G. G u r n e y and C. F. C. H a w k e s, An Early Iron Age Inhumation-Burial at Eggington, Bedfordshire. With Report on the Skeleton by A. J. E. C a v e, стр. 230—244. Сообщение о находке, при земляных работах, погребения эпохи раннего железа (II в. до н. э., по керамическим данным) близ Эддингтона (Бедфордшир). Погребение содержало скелет и два простых, с процарапанным орнаментом, сосуда. Оно расположено близ поселения римского времени, рядом с древним некрополем англо-саксонской эпохи. Публикация сопровождается подробным описанием найденного скелета и остеометрическими данными.

A. D. L a c a i l l e, The Palaeoliths from the Gravels of the Lower Boyn Hill Terrace around Maidenhead, стр. 245—271. Публикация кремневых орудий типа Шелль, Ашель и Деваллуа, найденных при добыче гравия в 1938 г. около Майденхеда.

July, 1940, № 3

E. T. L e e d s A Gold Ring with Runes from Central Europe, стр. 329—337. Публикация золотого перстня из числа новых приобретений Ашмолеанского музея, с рунической надписью и условным зооморфным изображением на щитке. Часть надписи переводится: «я приношу счастье». Другая часть надписи представляет собой комбинацию рун, имеющую охранительно-символическое значение. Датируется перстень VI в. н. э.

Ph. C o r d e r and C. F. C. H a w k e s, A Panel of Celtic Ornament from Elmswell, East Yorkshire, стр. 338—357. Публикация и детальный анализ бронзовой накладной пластинки с рельефным растительным орнаментом и с полоской перегородчатой эмали по ее верхней части. Пластинка, украшавшая деревянную шкатулку, добыта при раскопках в Эльмсвелле (Восточный Йоркшир). Датируется она 60—70 гг. I в. н. э. и представляет собою один из ранних образцов римско-галльского культурного влияния в Британии.

J. B. W a r d P e r k i n s, Two early linch pins, from Kings Langley, Hartfordshire, and from Tiddington, Stratford-on-Avon, стр. 358—367. Публикация и анализ двух экземпляров чеки от колесниц, из которых одна имеет плоскую бронзовую головку, со стилизованной орнаментацией перегородчатой эмалью и бронзовым наконечником на нижней части. Другая чека—более простого типа, но также имеет бронзовое навершье в форме полумесяца. Колесницы с подобными украшениями происходили, как это доказывает автор, из Галлии и датируются I в. н. э.

J. G. M a n n, A Tournament Helm in Melbury Sampford Church, стр. 368—379. О турнирных шлемах и турнирном оружии XV—XVI вв. в связи с публикацией шлема, находящегося в церкви св. Марка в Мельбери Семпфорд (Дорсет).

«ARCHIV FÜR ORIENTFORSCHUNG», B. XIII

Heft 1/2. 1939

K. B i t t e l, Ein Gräberfeld der Iortan-Kultur bei Babaköy, стр. 1—28. Публикация материала, происходящего из небольшого могильника Бабакеой в южной Трояде (западная Малая Азия), проливающего новый свет на древнюю западноанатолийскую культуру эпохи I—II города на холме Гиссарлык. Некрополь, сильно разрушенный и разграбленный, дал лишь керамические находки (урны типа остродонных пифосов, сосуды на трех ножках, амфоры, сосуды типа Schnabelkanne, ритон, крышки с рогообразными выступами, обломок терракотовой протомы с условным изображением женщины). Автор привлекает большой и новый сравнительный материал, в частности мало известный до сих пор материал могильника Иортан (бронзовые изделия). Неко-

торые из этих предметов (бронзовый топор, наконечник стрелы), несомненно, расширяют хронологические рамки культуры Иордана, приближая ее конец к рубежу III—II тысячелетия до н. э.

J. L. Angel, *The Babaköy Skeleton*, стр. 28—31. Исследование скелета, происходящего из единственной оставшейся нетронутой могилы Бабакеоя (см. выше). Автор устанавливает в нем черты, характерные для средиземноморской расы.

E. D. Van Buren, *Religious Rites and Ritual in the Time of Uruk IV—III*, стр. 32—45. В эпоху Урука IV—III (вторая половина IV тысячелетия до н. э.) господствовали представления об антропоморфных божествах. Существовали развитый ритуал и богатая религиозная символика. Автор демонстрирует это на многочисленных изображениях из Урука (Варки), Киша и других мест и выступает против распространенного мнения о том, что в до- и раннединастическое время религиозная символика была далека от антропоморфизма. Он предполагает, что в рассматриваемую им эпоху и много ранее женские глиняные статуэтки служили изображением богини плодородия, а не отвлеченным символом «женского начала». Развитие храмовой архитектуры, ритуала и ритуального инвентаря подтверждает этот тезис.

Keilinschrifttexte nach Kopien von T. G. Pinches. *Aus dem Nachlass veröffentlicht und bearbeitet* (продолжение; см. AOf, В. XI, стр. 358 и XII, стр. 135), стр. 46—55. Публикация двух клинописных текстов из коллекции лорда Amherst of Hackney по копиям Пинчеса с переводом первого на немецкий, второго на английский язык и обширным комментарием. Первый текст представляет собой отрывок из эпоса о Нарам-сине, второй—контракт, датированный эпонимом Убара, правителя Вавилона (при Асаргаддоне), известного также и из других источников. Это единственный текст, упоминающий вавилонского эпонима.

D. Oritz, *Ein Skarabäus Amenhoteps III*, стр. 55—57. Публикация большого каменного скарабея с изображением на тыльной стороне фараона Аменхотепа III, поражающего врага. В краткой надписи собирается имя фараона, «господина всех стран». Скарабей датируется временем Аменхотепа III (около 1400 до н. э.).

C. G. Brandestein, *Ein arisches und ein semitisches Lehnwort im Churrischen*, стр. 58—62. Подчеркивается роль хурритов в качестве культурных посредников между хеттами, с одной стороны, Месопотамией и Ираном—с другой.

A. Van Selms, *Eine neue Gudea-Inschrift*, стр. 62—63. Публикация новой (третьей) надписи Гудеа, хранящейся в университете Претории (Южно-африканский союз). Надпись гласит: «Нингисциду, своему богу, Гудеа енсi Лагаша, слуга Гатумдуг, построил свой храм в Гирсу». Надпись обнаруживает много сходных черт с ранее известными надписями Гудеа.

W. Bissing, *Bes—Kabeiros*, стр. 63—64. О родстве культа лемноских кабиров с мемфисскими кабирами-детьми Пта и с финикийскими Патаяками. Связь хтонических фригийско-фракийских кабиров, позднее ставших божествами мореплавания с финикийскими kabirim автор считает вторичной, основанной на этой последней их функции.

E. Zippert, *Ausgrabungen und Forschungsreisen*, стр. 87—98. Сообщения о новейших археологических исследованиях на Ближнем Востоке и в Египте.

Heft 3

E. F. Weidner, *Studien zur Zeitgeschichte Tukulti-Ninurtas I*, стр. 109—124. Тукульти-Нинурта (1256—1209 гг. до н. э.) известен своими походами в Вавилонию, завоеванием юга и тем, что он перевез в Ашшур статую Мардука из Эсагила (Esagil). Вейднер делает попытку установить эпонимов времени царствования Тукульти-Нинурта, на основании найденного в 1907 г. в Ашшуреклада табличек, относящихся к эпохе Тукульти-Нинурта. На одной табличке в качестве эпонима назван сам царь, что и датирует находку. Среди эпонимов встречаются классические имена. Вейднер посвящает особый экскурс косситскому и вавилонскому влиянию в Ассирии при Тукульти-Нинурте. Он публикует табличку с текстом о покупке рабов, помеченную эпонимом

Каштилиаша. Автор считает не исключенным, что это мог быть Каштилиаш IV, царь Вавилонии, при котором Тукульти-Нинурга завоевал его царство, а самого увез в Ассирию и включил в число своих придворных. В факте переноса статуи Мардука в Ашшур он видит указание на проникновение вавилонских культов в Ассирию. Приближением к себе вавилонских вельмож и своими религиозными мероприятиями царь должен был возбудить гнев ассирийских царедворцев и жрецов. Последнее вынудило царя перенести свою резиденцию во вновь отстроенный им на другом берегу Тигра город-дворец Кар-Тукульти-Нинурта, где он и погиб, в конце концов, в результате дворцового заговора. Это событие может быть объяснено только попыткой царя вести свою политику против воли влиятельных кругов страны с помощью крутых и самовластных мер. Таковы выводы этого исследования, которое Вейднер предлагает в качестве попытки истолкования событий царствования Тукульти-Нинурта.

P. E. Van der Meer, *Topographical Texts of Babylon*, стр. 124—127. Публикация четырех небольших фрагментированных текстов из коллекций Британского и Ашмолсанского музеев, содержащих перечни вавилонских храмов и городских ворот. Первый из названных текстов является греческой транскрипцией вавилонского текста, датируемой II в. до н. э. Принципы транскрипции таковы же, как и в транскрипции собственных имен в Септуагинте. Текст представляет большую редкость и свидетельствует об интересе со стороны греческой науки к вавилонским древностям в позднеэллинистическую эпоху.

F. M. T. Böhl und E. F. Weidner, *Die Lücke in der Reliefgruppe III von Maltai*, стр. 128—134. Републикация по фотоснимкам, произведенным в 1932 г., известных позднеассирийских рельефов из Мальтаи (северная Ассирия), с изображением процессии божеств. Новые фотоснимки демонстрируют значительные повреждения, нанесенные одному из рельефов (III) современными грабителями: отбит большой кусок у отверстия в рельефе, сделанного еще в древности. Представлена также фотография одного из обломков, попавшего в Багдадский музей, с изображением сидящей богини, несомой пятью фигурами. Бэль предлагает интересное истолкование рельефов как изображений, призванных оберегать горный проход, ведущий из страны Урарту в долину реки Тигра.

H. Senk, *Der Kopf als Einheit des ägyptischen Proportionskanons*, стр. 135—144. Исследование в области закономерности и каноничности пропорций в древнеегипетской скульптуре.

A. Ungnad, *Eine neue Grundlage für die altorientalische Chronologie*, стр. 145—146. На основании новых документов, добытых при раскопках Мари и устанавливающих синхронность Иахдунлима (царя Мари), Шамши Адада I, царя Ассирии, и Хаммураби, для царствования последнего должна быть принята, по расчетам Унгнада, значительно более поздняя, чем это считалось до сих пор, дата, падающая на вторую четверть XVIII в. до н. э. Эта датировка согласуется с данными списка ассирийских царей, найденного в Хорсабаде, и с начальной датой касситской династии в Вавилоне. В связи с этим Унгнад предлагает исправленную таблицу древневавилонской хронологии от второй династии Ура (от 2600 г. до н. э.) до конца касситской династии (1174 г. до н. э.)

G. R. Meyer, *Noch einige «Mitanni»-Namen aus Drehem und Djoha*, стр. 147—152. Сводка и этимологический разбор собственных имен, содержащихся на глиняных клинописных табличках из Drehem'a и Djoha, заключающих в себе весьма любопытный материал для хурритского языка и культуры III и II тысячелетий до н. э., в частности имена божеств: Šauška, Tešup, Kumarbi, Hišu.

«BULLETIN OF THE AMERICAN SCHOOLS OF ORIENTAL RESEARCH»

February, 1939, № 73

F. V. Finnet, *The Place of the Minaeans in the History of Pre-islamic Arabia*, стр. 3—9. Минейское царство в южной Аравии оставило по себе многочисленные эпиграфические памятники, однако вопросы, связанные с его хронологией, до сих пор весьма далеки от разрешения. Основываясь на библейской традиции, Гоммель, Винклер и др. относили начало царства ко II тысячелетию до н. э. Миллер, Гартман, Э. Мейер помещали его между VIII и II вв. до н. э. Автор, основываясь на анализе эпиграфических данных, а также на критике сообщений Плиния, датирует начало Минейского царского дома временем около 500 г. до н. э., конец же его помещает между 24 г. до н. э. и 50 г. н. э. Отмечается им также значительное влияние минейцев на северную Аравию в эллинистическую эпоху.

W. F. Albright, *A Hebrew Letter from the Twelfth Century B. C.*, стр. 9—13. Публикация и разбор текста, нанесенного древнейшим еврейским (ханаанским) силлабическим письмом на бронзовом обломке (может быть, обломке ножа), происходящем из раскопок Библа. Текст содержит нечто вроде заклинания, обращенного в защиту некоей собственности автора текста, и датируется XII в. до н. э.

H. W. Glidden, *Koranic Iram, Legendary and Historical*, стр. 13—15. Автор поднимает вопрос об идентификации известного из Корана (89,6) древнеарабского города Ирама с открытым в 1932 г. городищем Джабаль-Рамм, к востоку от Акабаха. Пункт этот еще ранее считался идентичным птоломеевской Арамана. Ныне там при раскопках храма II в. н. э. найдены набатейские надписи, именующие этот пункт 'гм. Город был заброшен задолго до эпохи Мухаммеда и служил лишь станцией на караванном пути.

W. F. Albright, *A Reexamination of the Lachish Letters*, стр. 16—21. Сводка поправок к чтению II, III, VI и IX древнееврейских писем из Лахиша (см. ВДИ, 1938, № 4, стр. 232 и 1939, № 4, стр. 143), датируемых началом VI в. до н. э. и имеющих по своему содержанию прямое отношение к событиям, предшествовавшим падению первого храма. Письма эти, написанные на черепках керамики и изданные Torczyner'ом («The Lachish Letters», 1937), вызвали живейшие отклики со стороны гебраистов разных стран. Олбрайт дает сводку конъектур к II и IX письмам и новые транскрипции (с переводом на английский язык и комментарием) писем III и VI. В заключение автор кратко останавливается на эпиграфических памятниках еврейского языка XIII—VII вв., а также на значении некоторых грамматических форм писем Лахиша для характеристики древнееврейского разговорного языка.

April, 1939, № 74

N. Glueck, *On the Occasion of the Centenary of Edward Robinson's First Journey to Palestine in 1838*, стр. 2—4. Беглый обзор археологического изучения восточной Палестины трудами Американской школы исследования Востока. Автор не дает систематического перечня работ, но приводит важнейшие факты, установленные в результате этих работ.

E. A. Speiser, *Progress in the Study of the Hurrian Language*, стр. 4—7. Краткое изложение основных данных грамматики хурритского языка, полученных в результате находок хурритских текстов в Богазкее, Нузи, Рас-Шамра и других пунктах. В заключение приведены некоторые соображения об отношении хурритского языка к аккадскому и урартскому.

Th. J. Meeke, *Bronze Swords from Luristan*, стр. 7—11. Публикация пяти бронзовых мечей из Луристана «ассирийского» типа, характерным признаком которого является наличие рукояти с высокими, иногда загнутыми внутрь закраинами и с навершиями в форме полумесяца. Такие мечи во второй половине II тысячелетия до н. э. были широко распространены по всему Ближнему Востоку. Публикуемые экземпляры

принадлежат музею в Торонто (Канада), и два из них имеют надписи, содержащие имена вавилонских царей второй династии—Исин-Мардук-шапик-эри и Мардук-надин-аххе (XII в. до н. э.).

W. F. A l b r i g h t, *The Israelite Conquest of Canaan in the Light of Archaeology*, стр. 11—23. Олбрайт выступает в защиту библейской традиции против скептицизма немецкой школы Альта—Нота в вопросе о времени завоевания евреями Ханаана. Приводя данные раскопок Аи, Иерихона, Лахиша, Меггиддо и Бетеля, а также основываясь на данных египетских источников (стела Мернепта), он считает возможным датировать еврейское вторжение в Ханаан временем до 1300 г. до н. э.

October, 1939, № 75

N. G l u e s k, *The Second Campaign at Tell El-Kheleifeh (Eziongeber, Elath)*, стр. 8—22. Сообщение о второй кампании раскопок на Тель-эль-Келейфехе, отождествляемом с Эцион-Гебером, гаванью, выстроенной Соломоном. Город имеет четыре наслоения, из которых первое датируется X—IX вв. до н. э. Важнейшим результатом второй кампании была расчистка мощных оборонительных стен, сложенных из сырца. Обнаружено много остатков металлического производства—бронзы и железа. Среди остатков третьего слоя особенно интересны минейские и древнееврейские надписи, датируемые VIII—VII вв. до н. э.

Остатки четвертого города характеризуются присутствием фрагментов аттической краснофигурной керамики и арамейскими острака V—IV вв. до н. э.

N. G l u e s k, *The Earliest History of Jerash*, стр. 22—30. Краткий очерк археологических данных о Геразе в связи с появлением книги С. Н. К г а е l i n g'a, *Gerasa, City of the Decapolis*. Поселение, меняя место, существовало с конца III тысячелетия до н. э. вплоть до поздневизантийской эпохи. Сохранилось несколько разновременных оборонительных сооружений, из которых наиболее мощные относятся к эпохе бронзы. На протяжении почти всего II тысячелетия до н. э. город не существовал, и жизнь в нем возобновилась только в эпоху раннего железа.

December, 1939, № 76

N. G o l d m a n n, *A Note on the painted Sherds from Tarsus with Representations of Birds*, стр. 2—5. Публикация двух фрагментов расписных сосудов из находок во время недавних раскопок Тарса, один из которых принадлежит кратеру, обнаруживающему черты сходства с кипрской расписной посудой XVI—XV вв. до н. э., а второй—кувшину с росписью, близкой позднемикенской.

W. F. A l b r i g h t, *An Aramaean magical Text in Hebrew from the Seventh Century B. C.*, стр. 5—11. Разбор арамейского текста VII в. до н. э., написанного на гипсовой табличке, найденной при раскопках Арслан-Таша (ассирийский Хадатту), расположенного на дороге между Хараном и Кархемышем. Текст представляет собой заговор, произносимый повивальной бабкой при родах. Он интересен тем, что по своему языку и общему стилю является чисто ханаанским произведением. Арамеизм выступает лишь в некоторых собственных именах (демонов, против которых он направлен). К тому же эти имена находят параллель в текстах Угарита (Рас-Шамра) XIV—XIII вв. до н. э. Имя женщины, в помощь которой был написан заговор,—ассирийское. Табличка служит иллюстрацией религиозного синкретизма на верхнем Евфрате в VII в. до н. э. Статья сопровождается транскрипцией и комментированным переводом текста на английский язык, а также воспроизведением изображенных на табличке фантастических животных (сфинкс и волчица с чертами скорпиона).

«JRAQ», volume VII, Part I, Spring 1940.

D. H. and M. E. Cordon, *Mohenjo-Daro, Some Observations on Indian Prehistory*, стр. 1—12. Статья посвящена рассмотрению древнеиндийских терракотовых статуэток из Мохенджо-Даро, Хараппа и других пунктов. В основу анализа положены типологические и хронологические данные, установленные на основании твердых

стилистических признаков (в частности,—формы и техники изображения глаз). Чрезвычайно любопытные параллели наблюдаются между статуэтками Мохенджо-Даро и древнего Шумера. Авторам удалось также выделить значительно более поздний материал, относящийся к последним векам до н. э. и первым пяти столетиям н. э.

S. L l o y d, *Iraq Government sounding at Sinjar*, стр. 13—21. Сообщение о зондажных раскопках, предпринятых по поручению правительства Ирака на двух холмах близ Синджара. Первый холм дал остатки древнего поселения с жилым сооружением из сырцового кирпича, разделенным на несколько комнат. Находки, состоящие из каменных и костяных орудий, а также керамики, гладкой и расписной, датируются периодом Урук (IV тысячелетие до н. э.). На втором холме были обнаружены остатки храма раннединастической эпохи (III тысячелетие до н. э.) с керамическими находками: фрагменты сосудов, украшенных рельефным орнаментом с религиозной символикой.

C. J. G a d d, *Tablets from Chagar Bazar and Tall Brak*, 1937—1938, стр. 22—26. Детальный разбор содержания клинописных табличек, найденных при раскопках Шагар-Базара (и Таль Брака) в 1937—1938 гг., опубликованных в т. IV журнала *Iraq*. Таблички представляют собой хозяйственные документы и списки имен. Большая часть материала строго одновременна и составлена в царствование Иасмах-Адада, сына Шамши-Адада I, царя Ассирии. Таблички дают, по видимому, древнее название Шагар-Базара (BE-sa-an-nim-KI), а также названия некоторых других населенных пунктов Ассирии и западных областей. Они упоминают о целом ряде официальных празднеств и культовых действий. Чрезвычайно богато их содержание, относящееся к хозяйству, главным образом образу сельскому. В качестве важнейшего сельскохозяйственного продукта фигурирует ячмень, из которого готовили хлеб, варили пиво и в сыром виде употребляли в качестве корма для скота. Таблички перечисляют целый ряд домашних животных (в их числе лошади, волы, ослы, овцы, свиньи), а также сообщают несколько новых метрологических терминов. Собственные имена, упоминающиеся в табличках, длинный алфавитный указатель которых содержится в приложении к статье, указывают на их аккадское, хурритское и аморейское происхождение. Далее, в приложении содержится каталог табличек и публикация 12 клинописных текстов.

A. G u i l l a u m e, *The Phoenician Graffito in the Holt collection of the National Museum of Wales*, стр. 67—68. Публикация граффито на финикийском языке, нацарапанного на глиняном калиптере, хранящемся в национальном музее Уэльса в Кардифе и найденном при раскопках римского лагеря в Хольте (1907—1915 гг.). Граффито M^oQR YTN содержит имя и отчество некоего лица—Макар, (сына) Иатанбаала. Это первый случай находки пунической надписи в Британии. Она датируется рубежом I и II вв. н. э.

P. D i k a i o s, *New Light on the Prehistoric Cyprus*, стр. 69—83. Очерк, посвященный изложению результатов новейших археологических работ автора в Кирокиттии и Эrimi на острове Кипре. Каменные толосы Кирокиттии (ВДИ, 1938, № 2, стр. 205) не являлись специально погребальными сооружениями. Наряду с захоронениями, в них обнаружено много бытовых остатков (кости животных, орудия труда, обломки посуды). Энеолитическая культура Кирокиттии первоначально была лишена керамики и имела лишь каменную посуду. Ей на смену появилась раскрашенная или орнаментированная рельефом глиняная посуда, воспроизводящая иногда формы древнейших сосудов из камня. Культура Эrimi относится к энеолитическому периоду и имеет аналогии с древнеанатолийской культурой Иортан. Автор, однако, протестует против взглядов Мирса и Гарстанга, выводивших дрекенипрскую культуру из западной Анатолии. Он указывает на Кирокиттию как на пункт, где господствовала культура более древняя, чем культура Иортан, и имевшая в то же время черты, говорящие о прямой преемственности с более поздней культурой Кипра эпохи энеолита и бронзы (Эrimi, Вунус, Энкоми и т. д.)

Л. А. Ельницкий

«*AMERICAN JOURNAL OF ARCHAEOLOGY*», 1944, vol. XLVIII, № 1.

Gisela M. A. Richter в статье, посвященной нескольким греческим и этрусским бронзам («Five bronzes recently acquired by the Metropolitan Museum», стр. 1—9), описывает: 1) геометрическую статуэтку мастера шлемов; 2) архаическую греческую статуэтку аркадского пастуха, 3) позднеархаическую греческую статуэтку пляшущего сатира, 4) этрусскую пластинку с рельефным изображением раненой амазонки и 5) этрусский кувшин.

T. A. Rickard разбирает существующую археологическую терминологию («The Nomenclature of Archaeology», стр. 10—16) и предлагает, ссылаясь на археологические и этнографические данные, заменить господствующее деление истории материальной культуры на каменный, бронзовый и железный века делением на века первобытный (Primordial age), каменный и металлургический, а существующий в настоящее время вид человека называть не *homo sapiens*, а *homo loquens*.

R. O. Fink («Feriale Duranum I, I and Mater castrorum», стр. 17—19) возражает против мнения Н. Oliver'a, восстанавливающего первую строку текста из Дуры, исходя из сопоставления с афинским декретом в честь Юлии Домны, и утверждающего, что *mater castrorum* была богиней-покровительницей римской армии, и полагает, что *mater castrorum* не более как один из титулов императриц из династии Северов.

H. Seyrig («Le rameau mystique», стр. 20—25) описывает бронзовый рельеф, находящийся на обратной стороне зеркала эллинистической эпохи (вторая половина III в. до н. э.) и изображающий две фигуры, женскую и мужскую, из которых последняя держит в левой руке ветвь с листьями; он полагает, что данный рельеф изображает Адониса и Афродиту, тогда как ветвь является символом будущего воскресения Адониса.

Margorie J. Milne в статье, посвященной описанию греческого бронзового сосуда для омовения ног («A Greek footbath in the Metropolitan Museum of Art» (стр. 26—63), прослеживает историю этого типа сосудов на протяжении всей античной эпохи вплоть до отражения его в древнехристианском искусстве, пользуясь, помимо непосредственно сюда относящихся археологических памятников, данными литературы и изобразительного искусства.

A. E. Kober дает частичную реставрацию группы табличек минойского письма («The «adze» Tablets from Knossos», стр. 64—67), содержащих своеобразный пиктографический знак тесла и представляющих собой список каких-то 217 предметов, может быть, топорищ, причем, по всей вероятности, эти таблички имеют какое-то отношение к жертвенному ритуалу, что подчеркивает еще раз жреческий характер правителей Кносса.

J. M. R. Sogmas в небольшой заметке «L. Calpurnius Piso», (стр. 76—77) возражает Н. Bloch'у, утверждающему, что база статуи Пизона из Самофракии есть единственная, найденная столь далеко, и приводит надпись на базе статуи Луция Кальпурция Пизона из Берэи в Македонии, опубликованную еще в 1859 г., но не берется решать, принадлежит ли она консулу 58 г. до н. э. или его сыну.

В отделе «Archaeological News and discussions» редакция журнала останавливается на успехах советской археологии, дает характеристику ее достижений за последние двадцать пять лет, отмечая исследования палеолита и неолита, Трипольской культуры (между прочим раскопки в Матове), бронзового века; в особенности на севере Восточной Европы и в Сибири, где бронзовый век был впервые изучен советскими археологами, а также скифо-сарматской культуры (особенно подробно—раскопки близ Саратова).

1944, vol. XLVIII, № 2.

Margarete Bieber посвящает статью двум аттическим чернофигурным лекифам («Two Attic blackfigured Lekychoi in Buffalo», стр. 121—129), из которых один относится к так называемой группе Деяниры и имеет изображение сатира, преследующего менаду, тогда как на другом изображена Афина, аналогичная Афине краснофи-

гурных Панафинейских амфор Клеофрада и являющаяся, по мнению автора, Афиной Покиадой.

Редакционная статья «The Fezzan Expedition» (стр. 130—131) посвящена французской экспедиции, отправленной 18/II 1944 г. в Феццан, целью которой было всестороннее научное исследование этой пустынной области, расположенной к югу от Триполитании. Археолог Leschi изучал местные некрополи и пытался бросить свет на происхождение гарамантов, описанных Птоломеем и другими древними авторами.

C. A. Robinson («Observations on seventh-century Greek Sculpture», стр. 132—194) останавливается на переломе, который произошел в греческой скульптуре VII в. при переходе от геометрического стиля к дедаловскому и связывает появление нового стиля с социально-политической борьбой того времени, в частности с тиранией, которая стремилась порвать со всем прошлым.

Rob. E. Scranton в статье, посвященной античному венку с золотыми и серебряными листьями («A wreath in the Vassar Classical Museum», стр. 135—142), дает его подробное описание, относит его к ранней империи, причем скорее к западной, нежели к восточной части римского мира, и считает данный венок принадлежностью погребального обряда, хотя и несколько необычной формы для данного типа предметов.

George E. Mylonas в статье, посвященной бронзовой статуе из Артемисия («The bronze Statue from Artemision», стр. 143—160), показывает, что она представляет собою изображение Зевса, основывая свое мнение на сопоставлении данной статуи с рядом изображений Зевса, мечущего молнию, и считает ее произведением Агелада, возражает, однако, против отождествления этой статуи с итомской статуей Зевса.

Dietrich von Bothmer (The painters of «Tyrrhenian vases», стр. 161—170) классифицирует своеобразную группу аттических чернофигурных ваз второй четверти VI в., носящих название «тирренских», разбивая их на восемь групп, и на основании этого дает каталог «тирренских» сосудов, дополняя список, опубликованный Тиршем в 1899 г. К статье приложено несколько таблиц, дающих репродукцию одной из лучших амфор данной группы.

Meriwether Stuart анализирует небольшую фаянсовую голову из Мемфиса («A Faience Head of Augustus», стр. 171—175) и, сопоставляя ее с изображениями императоров из династии Юлиев и Клавдиев, приходит к заключению, что данная статуэтка является портретом Августа, причем более всего приближается к изображению его в последние годы жизни; материал, из которого она сделана, имеет параллели в других императорских портретах этой эпохи.

F. M. Heichelheim в статье о монетах с именами Аттия Лакона, проконсула, и Юния Килона, прокуратора Вифинии («Attius Laco, the Proconsul, and Junius Cilo, the Procurator», стр. 176—177), подтверждает мнение Зельтмана о наличии двойного, императорского и сенатского, контроля в провинции Вифинии и Понте при Юлиях и Клавдиях и отвергает мнение Гиршфельда и Штейна, предполагавших смену императорской и сенатской администрации.

В отделе «Archaeological News and Discussions» E. Prostov и Henry Field в большой статье останавливаются на раскопках С. П. Толстова в Хорезме («USSR, Excavations at Khwarazm» 1940—1941, стр. 201—210), коротко упоминают о работах предыдущих лет и особенно подробно говорят о Кельтеминарской культуре, отмечают культурное единство евразийских степей во II тысячелетии, посвящают несколько страниц исследованию древних и средневековых памятников Хорезма и резюмируют свою статью перечислением 11 культур, имевшихся на территории Хорезма, с древнейших времен до монгольского периода.

В отделе «Book Reviews» George Vernadsky в рецензии на «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., Краткие отчеты и сведения» под ред. В. В. Гольмстен, и на книгу П. Н. Третьякова, «К истории племен Верхней Волги в I тысячелетии» указывает на крупные заслуги советской археологии и особенно подробно останавливается на работе П. Н. Третьякова, отмечая его классификацию и хронологию керамики и в основном соглашаясь с точкой зрения автора на проблему этногенеза населения Верхней Волги.

«THE JOURNAL OF ROMAN STUDIES», 1942, vol. XXXII.

М. J. H e n d e r s o n в статье о распространении латинского права в Испании при Юлии Цезаре («Julius Caesar and Latium in Spain», стр. 1—13) останавливается сначала на датировке *formulae provinciarum*, которые послужили одним из источников для Плиния в его описании Испании, а затем рассматривает границы распространения в Испании латинского права при Цезаре, причем насчитывает до 37 городов, получивших его в эти годы.

T. D a v i e s P r i c e в своей (посмертной) статье о римской расписной красно-лаковой керамике I ст. империи («Roman decorated red-glazed Ware of the late first century b. C. and the early first century a. d.», стр. 14—26) рассматривает производство данной керамики в Италии и его переход в Южную Галлию, распространение керамики по провинциям, ее основные формы и виды раскопки.

J. G. M i l n e в статье, посвященной среднеиталийской и римской монетной системе в ранние периоды истории Рима («The aes grave of central Italy», стр. 27—32), останавливается особенно подробно на появлении *aes grave* в различных местах Италии, дает хронологический обзор выпусков бронзовой монеты в Средней Италии и доводит историю римской бронзовой чеканки до времени второй пунической войны.

R. P. W r i g h t в статье, посвященной надписи из Никополя близ Александрии в Египте, воздвигнутой в 194 г. н. э. в честь Септимия Севера ветеранами легиона II Traiana Fortis («New readings of a Severan Inscription of Nicopolis», стр. 33—38), дает новую публикацию и объяснение надписи.

C h a r l e s G r e e n в статье, посвященной окрестностям современного Глостера в начальную эпоху римской оккупации («Glevum and the Second Legion», стр. 39—52), подробно останавливается на результатах раскопок и дает характеристику лагеря II легиона, расположенного в Кингсхеме. Статья заканчивается описанием возникновения в окрестностях старого лагеря римской колонии.

A. M o m i g l i a n o в статье, посвященной датировке «Александры» Ликофрона («Terra marique», стр. 53—64), сопоставляя слова, в которых римляне описываются, как $\gamma\eta\varsigma$ καὶ θαλάσσης στήλητις καὶ μοναρχία Λαβόντες, с несколькими эллинистическими эпиграммами, приходит к заключению, что данная поэма написана после победы над Пирром около 272 г., и попутно отмечает, что августовская формула—*terra marique*—имеет эллинистическое происхождение.

I. A. R i c h m o n d и C. E. S t e v e n s в статье, посвященной надписи из Оранжа, представляющей собой часть *tabula censualis* («The Landregister of Arausio», стр. 65—77), останавливаются на вопросе о *merides*, которые авторы считают участками, расположенными вне городских стен, и на вопросе распределения земли в колонии.

F. S c h u l z в статье, посвященной регистрации рождений и метрическим свидетельствам в Риме («Roman Registers of Birth and Birth Certificates», стр. 78—91), приводит подробный список документов, имеющих отношение к этому вопросу, указывает на связь регистрации рождений с необходимостью упорядочить исследование римского гражданства и тщательно разбирает вопросы о *professio liberorum*, занесении в регистрационный список, *calendarium* и *album professionum*.

M. R o s t o v z e f f в статье о римском знамени («Vexillum and Victory», стр. 92—106) в связи с последними открытиями в Дура-Эвропос вновь подвергает рассмотрению льняное *vexillum* из Египта, хранящееся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве, и, исследуя попутно различные типы римских знамен, приходит к заключению, что данное знамя не было значком какой-либо части, а представляло собой *donum militare*.

Редакционная статья «Roman Britain» (стр. 107—119) дает обзор нового археологического и эпиграфического материала, обнаруженного на территории Великобритании за 1941 г., причем особенно подробно характеризует исследования в окрестностях Иорка, отмечая многочисленные находки монет (Бекингемшайр, Гертфордшайр и другие графства), находки керамики в Вилтшайре, приводятся свыше двадцати новых надписей, из которых, впрочем, самая большая не превышает нескольких строк.

1943, vol. XXXIII.

M. P. Charlesworth посвящает статью добродетелям, которыми должен был обладать император с римской точки зрения («Pietas and Victoria», стр. 1—10), и именно в них видит нравственное оправдание существования императорской власти в первые три столетия империи.

W. W. Buckland рассматривает одно неясное место в «Институциях» Гая (Gaius 1, 166, «Tutela parentis manumissoris», стр. 11—14); он отвергает общепринятую вставку в текст Веронского кодекса, согласно которой данная tutela относится к классу tutelae legitimaе, и предполагает, что parens manumissor причислялся Гаем к ряду tutores fiduciarii, тогда как дальнейшее развитие права постепенно обращало этот вид опеки в один из видов tutela legitima, что и нашло завершение в Институциях Юстиниана.

Charles Green продолжает свою статью, посвященную археологическим исследованиям в окрестностях Глостера («Glevum and the Second Legion», стр. 15—28), и подробно рассматривает керамику из Глостера и Кингсхома, частично относящуюся к доримскому времени, группируя ее по основным формам, а также металлические, главным образом, бронзовые и каменные предметы; изложение сопровождается множеством иллюстраций.

Norman H. Baynes в статье об упадке римского могущества в Западной Европе («The decline of the Roman power in Western Europe», стр. 29—35) разбирает различные точки зрения на причины гибели античного мира и, пытаясь взглянуть на дело с точки зрения византиниста, видит основное условие крушения Западной империи в бедности Западного Рима, которая не позволяла поддерживать административную систему, сохранять связь между провинциями и оборонять империю от варваров.

R. P. Wright дает описание алтаря Аполлона из Витлей-Кестля («The Whitly Castle Altar of Apollo», стр. 36—38), который представляет собой любопытный образец синкретического религиозного искусства III ст.; Аполлон, Sol Invictus и Митра тесно связываются между собой, причем данный алтарь является одним из важнейших памятников проникновения митраизма в северные пограничные области.

J. R. M. S. Osga в статье, посвященной верховным жрецам и македониярхам из Берэи («High Priests and Macedoniarchs from Beroea», стр. 39—44), приводит несколько надписей, касающихся организации императорского культа в Македонии, и, снабжая их подробным комментарием, высказывает ряд общих соображений о местных объединениях эллинского Востока, складывавшегося вокруг культа Августов.

I. A. Richmond в статье, посвященной успешному применению аэрофотосъемки при археологических исследованиях («Recent discoveries in Roman Britain from the air and in the field», стр. 45—54), отметив, что в 1943 г. исполнилось двадцатилетие со времени применения нового метода археологической разведки, указывает на успешные результаты использования этого приема для изучения римской оккупации Британии, в особенности римской Шотландии и Уэльса, римских дорог и Антонинова вала.

F. Schulz продолжает свою статью о регистрации рождений в семье и метрических свидетельствах («Roman registers of Birth and Birth certificates», стр. 55—64) и, закончив отдел о calendarium и album professionum, подробно останавливается на метрических свидетельствах законных и незаконных детей, из которых первые представляли выписку из album professionum, а вторые заполнялись по частному заявлению одного из родителей.

Gertrude M. A. H. в статье о Ренессансе в эпоху Галлиена («The character of the Gallienic Renaissance»), останавливаясь на различных сторонах политической жизни и культуры времен Галлиена, преимущественно на искусстве, отмечает переломный характер середины III в., когда под покровом стремления к классицизму возникали новые тенденции, предвещавшие разрыв с эллинистическим Востоком и переход к западному средневековью.

Редакционная статья «Roman Britain in 1942» (стр. 71—81) дает обзор нового археологического и эпиграфического материала, обнаруженного на территории Великобри-

тании за 1942 г., причем особенно подробно характеризуются раскопки Ричмонда в Олд-Дергеме, исследования построек в Чешайре, Сери и Сессексе и приводится около двадцати надписей, из которых самая большая принадлежит Адриану и относится к постройке пограничного вала.

В отделе «Reviews and Discussions» M a r u s A. T o d помещает рецензию (стр. 82—86) на статью Ц е р е т е л и, «Двуязычная надпись из Армази вблизи Мцхета в Грузии», помещенную в «Известиях Института языка, истории и материальной культуры имени Марра» (Тбилиси), делает ряд замечаний по чтению греческого текста и специально останавливается на вопросе о царе Парсмане (Фарасмане), дважды упомянутом в армянской версии.

«AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY», 1943, vol. XXIV, № 4.

W a l t e r F. S n y d e r в статье, посвященной времени возникновения александрийского календаря (When was the Alexandrian calendar established?), стр. 385—398), следуя Л. Иделеру и придавая его рассуждениям графическую обработку, приходит к заключению, что египетский календарь с переходным годом был заменен твердым юлианско-египетским календарем в 30 г. до н. э.

L i o n e l P e a r s o n в статье, посвященной речи Перикла над трупами павших воинов («Three notes on the funeral oration of Pericles», стр. 399—407), делает ряд наблюдений над текстом Фукидида, стараясь выяснить значение отдельных слов и выражений в контексте греческого историка, причем обращает особенное внимание на соотношение понятий *λῆρος* и *ἐρχον*.

G r a s e H. M a s i n g d y сравнивает предрассветную песнь в «Ресе» с пародом «Фаэтона», имеющим аналогичное содержание («The Dawn Songs in Rhesus (527—556) and in the Parodos of Phaeton», стр. 408—416), и на основании этого приписывает авторство «Реса» Эврипиду, усматривая, помимо этого, сходство с последним в общих настроениях трагедии и в языке, словарь которого ближе всего подходит к эврипидовскому.

E d w a r d F. D' A r m s в статье, посвященной конституции, которую древние авторы приписывают Сервию Тулию («The classes of the Servian constitution», стр. 424—426), стремится показать постепенное развитие «сервиерой» конституции, связывая его с военными чуждами римской общины и относя появление третьего и четвертого классов ко времени замены консулов военными трибунами с консульской властью, а пятого—к началу десятилетней войны с Вейями.

S t a n l e y W i l s o n разбирает классификацию видов прозы, данную Исократом в Панафинейской речи («Isocrates genera of Prosa», стр. 427—431), и приходит к заключению, что вторая группа, называемая Исократом *λῆρι τραπεζίας καὶ ψευδολογίας μετοί*, включает не сказки и новеллы, как думает Пфистер, а сочинения типа трактатов Горгия, сократических диалогов, парадоксальных похвальных речей и т. д.

J o s e p h K a t z в небольшой заметке («Aristotle on the velocity in the void», Phys. 8, 216a 20», стр. 432—435) приходит к заключению, что, по мнению Аристотеля, все тела в пустоте движутся с одинаковой скоростью, так что в этом отношении Аристотель оказывается предшественником Эпикура, в доказательство чего автор приводит выдержку из письма Эпикура Геродоту, сходную даже по языку с соответствующим местом «Физики».

S. M a x w e l l в заметке, касающейся перевода первой идиллии Мосха английским поэтом XVII ст. Sakerby Marmion'ом («An addition to «the first Idyll of Moschus in imitations of the year 1800», стр. 435—439), дополняет статью James Huton'a с подражаниях первой идиллии Мосха, появившихся до 1800 г. указанием на перевод ее, находящийся в поэме «Купидон и Психея» вышеупомянутого английского поэта.

D o n a l d W. P r a k k e n разбирает источники, повествующие о переселении беотийцев в Беотию («The Boeotian migration», стр. 417—423), и, рассматривая хронологически указания древних авторов, приходит к заключению, что источником Страбона (XIII, 1. 3) был не Эфор, как обычно думают, а Гелланик, что подтверждается сопоста-

влиянием рассказа Страбона о колонизации Эспиды со схолиями к Ликофрону, восходящими к Гелланику.

I. W. S o h o n дает исправление одного места у Геродота 1,38 («A Textual item in Herodotus», стр. 439—440).

M. S t u a r t помещает заметку о старом названии акведука Aqua Marcia («Pliny Historia Naturalis, XXXI, 41», стр. 440—444), которое встречается только у Плиния (Aqua Aufeia) и доказывает, что данное слово является искаженным сокращением названия Aqua Aemilia Fulvia, поскольку Квинт Марций Рекс докончил акведук, начатый Марком Эмилием Лепидом и Марком Фульвием Нобилиором, цензорами 179 г.

«JOURNAL OF NEAR EASTERN STUDIES». 1943, II, p. 1.

A. M. O l m s t e a d посвящает статью общим вопросам исторической науки и, в частности, истории древнего мира и библейской критики («History, Ancient World and the Bible. Problems of attitude and of the method», стр. 1—34), давая в ней параллельный обзор исторической науки и современного состояния науки о древнем мире, и стремится показать воздействие каждого переворота в науке на исследование обеих частей Библии.

E d w a r d R o b e r t s o n в статье, посвященной искажениям, намеренно или случайно вкравшимся в масоретский текст Библии («Points of interest in the Massoretic text», стр. 35—39), на материале книги пророка Исаии намечает основные источники этих искажений.

H a r o l d N. N e l s o n в статье, посвященной изображению морской битвы на стенах храма в Мединет-Абу («The naval battle pictured at Medinet-Habu», стр. 40—55), останавливается на крупном событии в истории Нового царства—борьбе с морскими народами, дает перевод и толкование иероглифического текста и обращает внимание в основном на отношение текста к рельефу и на организацию отдельных сцен внутри самого изображения.

A. P o e b e l в статье, посвященной ассирийскому царскому списку из Хорсабада («The Assyrian King-list from Khorsabad concluded: E: The younger line of the Adasi Dynasty», стр. 56—90), рассматривает оставшуюся часть списка от Тукульти-Нинурты I (1242—1206) до Ашшур-Нирари (754—745), выясняет его отношение к синхронистической истории и приводит в конце полную таблицу ассирийских царей от Тугии до Ашшур-убаллита II (611—608), основанную на всех имеющихся источниках.

О. В. Кудрявцев

Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 году

Археологическая работа Института истории материальной культуры АН СССР выразилась в 1945 г., с одной стороны, в восстановлении раскопок, прерванных войной, и развертывании работ, необходимых в связи с послевоенной реконструкцией, особенно городов, а с другой, в постановке ряда новых тем, возникших в результате теоретических исследований археологов за время войны.

В области исследований палеолита в 1945 г. проводились две экспедиции (под руководством М. В. Воеводского). Одна из них работала по Десне в районе классических деснинских стоянок у Новогород-Северска. Экспедиция выяснила состояние местонахождений, одно время попавших в зону больших военных операций и значительных оборонительных работ. В основном стоянки сохранились, хотя и требуют ряда консервационных мероприятий. Очень много материала, главным образом по элипалеолитическим стоянкам и позднейшим поселениям, дали осмотры многокилометровых противотанковых рвов, тянувшихся вдоль Десны.

Вторая экспедиция работала на палеолитической стоянке в районе г. Шацка, Рязанской области. Здесь был собран фаунистический и кремневый материал, позволяющий относить стоянку к верхнепалеолитической группе.

Широко развернулась работа по изучению северного неолита.

А. Я. Брюсов руководил раскопками свайного поселения середины II тысячелетия до н. э. на р. Мозлоне в Вологодской обл. Там был собран новый материал по конструкциям свайных платформ и зданий, а также значительное число отдельных находок, среди которых вновь оказались зерна льна, подвергающиеся сейчас специальному исследованию.

Галический отряд Северной экспедиции (под руководством М. Е. Фосс) сосредоточил исследования в котловине Галичского озера. Были произведены раскопки стоянки «Умиление», относящейся ко второй половине II тысячелетия до н. э. Обнаруженное сходство в материале с известной Галической стоянкой позволит уточнить вопрос о ее дате и соотношении ее с знаменитым Галическим кладом бронзового оружия и культовых статуэток. Другое поселение, «Быки» оказалось более поздним, напоминающим городищенские памятники Верхнего Поволжья. Камский отряд Северной экспедиции (под руководством А. П. Збруевой) произвел разведки по течению р. Сысоли. Обнаруженные памятники—стоянка, городище, могильник и остатки чуждских поселений—позволяют уточнить вопрос о связях Вятско-Камского района с более северными областями как в эпоху неолита, так и в более позднее время.

Пенская экспедиция А. П. Окладникова и в этом году продолжала исследование неолитических памятников. Из них наиболее подробно изучалось неолитическое поселение на р. Кулаты-Хорях (в 60 км от г. Якутска). Кроме того, А. П. Окладников и В. Д. Запорожская-Окладникова исследовали на острове Фаддея и на противоположной части материка два зимовья русской арктической экспедиции первой половины XVII в. Собранный материал проливает совершенно новый свет на освоение Россией Северного морского пути и на высокий уровень оснащения наших мореходов.

На Днестр совершили поездку П. П. Ефименко и С. Н. Бибилов, открывшие

там ряд ранненеолитических стоянок и поселение, относящееся к ранней стадии трипольской культуры.

Трипольская экспедиция (под руководством Т. С. Пассек) работала в 1945 г. в районе Канева. Удалось обнаружить 7 новых трипольских поселений, распланированных, как обычно, по кругу или овалу. Дома оказались четырехугольные до 20 м длиной. В их развалинах собран значительный материал, особенно керамики, расписанной узорами, выполненными черной и красной краской.

Большой интерес представляют также обследованные селища эпохи бронзы, до сих пор не обнаруживавшиеся в этом районе. Поскольку все они расположены так же, как и трипольские, на высоком берегу Днепра и его притоков, необходимо—по крайней мере для этих мест—пересмотреть установившийся в науке взгляд о связи прекращения Триполья с наступившим господством иных хозяйственных условий. Занятие земледелием продолжалось и в это время, синхроничное, судя по веревочной орнаментации керамики, катакомбным погребениям степей Левобережья (первая половина II тысячелетия до н. э.).

Обследованные экспедицией многочисленные более поздние памятники—Скифские городища, поселения времени около начала н. э. и городища и селища славянской культуры—позволяют говорить о непрерывности и преемственности культурного развития Каневщины с неолитического времени и до эпохи Киевской Руси. Это наблюдение будет иметь при дальнейшей разработке важнейшее значение для выяснения путей восточнославянского этногенеза.

Бронзовый век также не остался в стороне от полевых исследований ИИМК в 1945 г. О. А. Гратова произвела раскопки ряда абашевских курганов в Чувашии. Сю был собран новый материал. Особенно интересна керамика, освещающая взаимоотношение абашевского Заволжья с волго-окскими фатьяновскими могильниками.

Возобновились и раскопки в Закавказье, осуществляемые на Урартских памятниках совместно с АН Армении и Гос. Эрмитажем. Б. Б. Пиотровский продолжил раскопки Урартской крепости на холме Кармир-блур, близ Еревана. Целиком расчищена линия оборонительных стен цитадели, южный и западный фасады дворца и прилегающий жилой квартал. Обнаружены многочисленные материалы, особенно по урартскому земледелию. Изучение обороны Кармир-блур позволило в деталях проследить картину гибели крепости в результате скифского нападения.

В Средней Азии особенно широко провела свои исследования Хорезмская археологическая экспедиция (под руководством С. П. Толстова). В Турткульском районе близ развалин Джанбас-Кала изучались древнейшие поселения Северного Хорезма. Обнаруженное неолитическое поселение (очевидно, более раннее, чем Кельтеминарское—см. ВДИ, 1941, № 1) состояло из дома, построенного из дерева и камыша и имевшего яйцевидный план. Дом имел 22 м в длину и до 10 м в высоту. Он был разгорожен на две половины—семейную и для холостых мужчин и юношей. Посередине, как и в Кельтеминаре, горел неугасимый огонь священного очага.

Обнаруженные в том же районе Суярганские стоянки относятся уже ко II тысячелетию до н. э. Их отличает грубость каменных орудий и высокое качество керамики красного, черного и желтого цвета.

В Абадском районе, в крепости Топрак-Кала исследован дворец правителя античного времени. Он сохранился на 24 м в высоту и имел несколько этажей. В одной из верхних раскопанных комнат, впервые в Хорезме, была обнаружена роспись стен—красным, черным и зеленым по белому фону. Судя по находкам, эта роспись относится к первым векам н. э. Обследовались экспедицией и более поздние памятники. Так, в Тахта-Кунырском районе удалось посетить развалины Курганча и Барак-тепе. Они относятся к IV—VI вв. н. э. и свидетельствуют о сохранении и в это время многих особенностей культуры, характерных для эпохи расцвета античного Хорезма.

В первый же год после войны удалось оживить полевую работу в области скифской археологии, остававшуюся незаслуженно на втором плане.

Возобновила свои исследования **Никопольская экспедиция** (под руководством Б. Н. Гракова). Продолжая обследования, проводившиеся еще в 1944 г. в связи с задачами, поставленными перед ИИМК Гос. чрезвычайной комиссией по выявлению ущерба, причиненного немцами, экспедиция произвела обширные разведки как по Днепру, так и в сторону от него, особенно в районе больших скифских курганов: **Нечаева могила** и **Орлова могила**. Обнаружены многочисленные скифские поселения. Их раскопки подтвердили наблюдения, сделанные еще в связи с изучением Каменского городища, об оседлом образе жизни земледельческого скифского населения этой части Скифии.

В **Крыму** была направлена **Тавро-Скифская экспедиция** (под руководством П. Н. Шульца). Она сосредоточила свои работы на территории б. столицы Скифского царства в Крыму—древнего города **Неаполис**, близ Симферополя. Изучались стены города, сложенные из крупных каменных глыб, а также центральный архитектурный комплекс, в котором в 1827 г. были найдены скульптурные портреты скифских царей **Скилура** и **Палака**. Кроме того, был открыт некрополь Неаполиса. В катакомбах—погребениях скифской знати—оказалась роспись стен. Найдены изображения коня, скифа-лучника, пляшущих женщин и многочисленные орнаменты. Респиси Неаполиса в сравнении их с античной декоративной живописью Керченских склепов имеют исключительное значение для изучения эллинизации скифской культуры. Кроме работ в Неаполисе, экспедиция исследовала ряд других скифских городищ и цепь крепостей по **Салгир** у **Альме**, завершленную круглым укреплением на **Аю-Даге**. Из **Таврских древностей** были осмотрены пещерные стоянки и могильник близ **Чучельского перевала**.

Изучение античных памятников осуществлялось экспедицией под руководством В. Д. Блаватского в **Керчи**. Исследовались главным образом восточные и северные склоны горы **Митридат**—акрополя **Пантикапея**. Большое значение имеет открытие слоя, содержащего многочисленные обломки греческой посуды первой половины VI в. до н. э. Эта находка позволяет относить время основания города на много раньше, чем принято было считать. Исключительный интерес представляет находка близ развалин памятника **Стемпковскому** 5 барабанов баз колонн ионийского ордера. Три плита имеют диаметр 0,865 м, при высоте 0,228 м, два торуса при высоте 0,175 м имеют диаметр в 0,83 м. Такие размеры позволяют реконструировать весьма обширное здание, вероятнее всего,—храм. Он был разрушен в I в. до н. э., о чем свидетельствует находка блока его архитрава среди камней, из которых в это время была сооружена подпорная стенка, найденная рядом с колоннами.

На северном склоне **Митридата** удалось выделить 7 напластований от II в. до н. э. и до IV в. н. э. Здесь были открыты верховые ямы с каменными горловинами, плотно закрывавшиеся плитами.

В **Сибири** в 1945 г. работали три экспедиции: уже упомянутая **Ленская**, **Саяно-Алтайская** и **Барабинская**. **Саяно-Алтайская экспедиция** (под руководством Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева) продолжила прерванные войной раскопки дворца китайской архитектуры, обнаруженного у колхоза «Сила», вблизи города **Абакана**, Хакасской А. О. (ВДИ), 1946 г., № 1). Раскопки производились в северной части дворца, где была открыта анфилада из 4 комнат, соединенных между собой дверными проемами сложного профиля. Вновь удалось обнаружить множество черепиц со знаками и китайскими иероглифами эпохи Хань. Вновь было найдено подпольное «центральное» отопление и бронзовая маска гения-охранителя входа, служившая ручкой двери центрального зала. Особый интерес представляет находка обломков глиняной посуды не-местного типа, но совершенно аналогичной **Хуннской** из **Монголии** и **Забайкалья**. Это особенно веско подтверждает возможность отнесения дворца к резиденции **хуннских** наместников «в области **Хлгас**», которыми в I в. до н. э. были пленный китайский генерал **Ли-Лин** и его сын, участвовавшие в разгроме **Хуннской** державы.

Кроме того, **Саяно-алтайская экспедиция** исследовала в г. **Абакане** могильник бронзового века (**Андроновской культуры** середины II тысячелетия до н. э.). В одной из могил нашлись две костяные пластинки с гравированными изображениями

мужчины и женщины. Особенно высокохудожественно изображение женской головки с расчесанными на пробор волнистыми волосами. Оно представляет образец высоко-реалистического искусства глубокой древности, связывающегося со всем последующим блестящим развитием сибирского художественного мастерства.

Работа в Б а р а б и н с к о й степи велась под руководством В. Н. Чернецова. Обследованию подвергся ряд стоянок и городищ. Особенно интересные материалы собраны на так называемой Омской стоянке, позволившие уточнить ее время. Раскопанные курганы, повидимому, относятся к позднему времени татарской культуры.

Особенно широкий размах приняли в 1945 г. исследования экспедициями ИИМК древнерусских городов.

В К и е в е М. К. Каргер произвел исследования на территории Выдубицкого монастыря. Удалось обнаружить фундаменты пристройки Михайло-Архангельского собора XI в. и княжеские погребения в ней. Обнаружены также древнейшие пещеры, сходные с Киево-Печерскими.

В П е р е я с л а в л е Хмельником Б. А. Рыбаков в результате успешных поисков обнаружил древнейший слой города XII в.

В П с к о в е С. А. Тараканова изучила в Довмонтовом городе ряд древних наслоений XIV и XII вв., в том числе фундамент древнейшего каменного храма Пскова 1144 г. На глубине 6 м удалось обнаружить слой древнейшего кривичского поселения на территории будущего города.

Тем же исследователем производились раскопки в Городце, Калининской области, где были изучены слои XII—XIV вв., а также остатки древнейшего поселения Дьякова типа.

В Н о в г о р о д е М. К. Каргер производил исследование Владимирской башни Кремля (в связи с предстоящей реставрацией). Аспирант Т. Б. Федоров работал на Нередином холме, в связи с работами по консервации руин церкви Спаса. Установлено, что заселение холма произошло ранее заселения основной территории города.

В С т а р о й Л а д о г е В. И. Равдоникас провел очень большую работу по консервации памятников, а также вскрыл слои, главным образом XIII—XIV вв., подготовив исследование слоя XII—XI вв. Обнаружены остатки деревянных построек, повидимому жилых срубов.

Во В л а д и м и р е под руководством Н. Н. Воронина в связи с реконструкцией города проведена работа по планировке центра. Раскопки произведены здесь около Дмитриевского собора. Обнаружены фундаменты его пристроек, оказавшиеся весьма древними. Это вносит новое в понимание планировки древнейших храмов Владимиро-Суздальского водчества.

Под М о с к в о й под руководством А. В. Арциховского у с. Беседы были раскопаны 11 курганов, давших богатейший вятичский материал XII века.

Возобновились работы и по изучению культуры Волжской Болгарии. В 1945 г. А. П. Смирнов продолжил свои исследования Б у л г а р а на Волге. Им была раскопана так называемая «Греческая палата». Удалось установить, что она представляет собой остатки храма армянской колонии Булгара.

Таковы в кратких чертах результаты археологических экспедиций ИИМК в 1945 г. Их успех во многом зависел от той поддержки, которую оказывали археологам ИИМК местные советские, партийные и научные организации, а также от той плодотворной кооперации, которая была осуществлена с учреждениями центра—Гос. Эрмитажем, Гос. историческим музеем и Гос. музеем изобразительных искусств, а также с Академиями наук Украины, Армении и Узбекистана.

С. Киселев

Оборона Боспора Киммерийского

Вопросы обороны Керченского полуострова в древности недостаточно освещены как в современной, так и в старой литературе; полезных исследований в этой области почти не производилось, а между тем проблемы истории военного дела в древности представляют большой интерес.

В настоящей статье мы подводим итоги более чем столетней работы историков и археологов над этой проблемой, в том числе используем результаты собственных исследований, до сих пор остающихся неопубликованными.

Каждый древнегреческий полис, т. е. город-государство, представлял собой не только один населенный пункт, но и прилегающую к нему область, которая находилась в его непосредственном подчинении. В гонятие гражданина входило владение земельным участком. Так было в метрополии, так было и в колониях. Пантикапей занимал сначала только ближайшую территорию к городу, быть может, до Золотого кургана, где мы находим следы древнего вала с укреплениями. В дальнейшем, в связи с завоевательной политикой Спартокидов, территория Боспорского государства расширяется; в его пределы входят мелкие населенные пункты, зачастую основанные самим Пантикапеем. Вскоре Боспорская держава доходит на западе до Феодосии включительно, а на востоке—до нынешнего Новороссийска.

Познакомимся с самой ближайшей к городу линией обороны Боспора. В 1924—1925 гг. мне пришлось шаг за шагом обследовать эту первую линию¹.

Она состоит из вала и рва, хорошо видимых при косых лучах солнца, и целого ряда дополнительных сооружений, повидимому остатков башен и укрепленных проходов. Вал и ров в настоящее время почти незаметны, так как заморозки и дожди уничтожили почти все следы этой линии обороны. Вал и ров начинаются у самого берега Азовского моря на территории б. имения кн. Трубенского, возле дер. Биюк-Тархан. Сделав несколько зигзагов, вал имел направление с севера на юг, подходя вплотную к Катерлезской жалистой гряде. Здесь следы вала и рва пропадают. Есть основание предполагать, что либо вал шел по вершине гряды, либо сама гряда служила в этом месте естественной преградой против врагов.

От Катерлеза вал и ров спускаются в широкую долину и, дойдя до середины, ломаются, причем на сломе имеются следы (фундаменты) какого-то сооружения. Повидимому, здесь проходила древняя дорога из Пантикапея на запад, так как вал и ров в этом месте как бы прерываются метров на 10. В этом месте мы имеем следы фундаментов здания и огромное число рассеянных по земле черепков античных амфор. Из собранного подъемного материала видно, что амфоры могут быть датированы еще античным, вернее, греческим временем, что дает некоторый *terminus ante quem* для всего сооружения. Здесь, повидимому, стояли ворота и возле них находился небольшой поселок, на следы которого указывает имеющийся здесь небольшой культурный слой. От этого места ров и вал идут прямо на юг. При косых (вечерних) лучах солнца вал еще очень хорошо заметен с вершины Золотого кургана. Вал и ров имеют направление прямо на этот курган, стоящий на второй скалистой гряде, представляющей собой продолжение так называемой Митридатовой горы. Перед подъемом на гряду вал и ров перерезаны железнодорожной линией. Здесь обрез вала очень интересен в археологическом отношении. По нему можно определить его современную высоту и состав насыпи. Средняя современная высота составляет около 2 м. В насыпи попадаются довольно крупные камни, некоторые со следами отески. Есть

¹ Сообщение об этом вале с демонстрацией детальной карты было сделано мной на заседании Керченской археологической конференции в 1926 г. (см. Бюллетень конференции № 4). Карта хранится в архиве Института истории материальной культуры АН СССР, а копия—в архиве Керченского музея. Заметка о вале была помещена мною в «Красном журнале для всех» за 1926 г. См. статью Р. В. Шмидта в «Советской археологии», т. VII (1941), стр. 268, К исследованию боспорских оборонительных валов».

основание предполагать, что при сооружении вала сначала создавали каменную крепиду и потом уже копали ров. Глубину рва следует определить не менее 3 м, что одно уже создавало почти непреодолимое препятствие. Общая высота вала с вертикальными стенками и рва составляла 6 м. Каменная крепидка была необходима, чтобы вал не осыпался в ров. Таким образом, эта линия обороны была по тому времени надежной и неприступной для степных варварских племен, против которых она предназначалась.

Золотой курган с его мощной крепидой с полигональной сухой кладкой может быть нами правильно понят только в связи с этим валом. Золотой курган является основным звеном в мощной системе государственной обороны. Он не только усыпальница одного из архонтов Боспора, он—сторожевой пункт, опора и оплот обороны государства. Недаром ни один из боспорских курганов не имеет такой мощной и высокой крепиды, а боспорские курганы мы знаем хорошо.

От Золотого кургана вал поворачивал на запад и шел по гребню продолжения горы Митридата. К сожалению, на горе он почти незаметен. Правда, к западу от Золотого кургана имеются груды древнего камня; быть может, это его остатки. Не доходя до Куль-обского кургана, вал поворачивает на юг под углом почти в 90° и спускается в долину, имея направление на нынешнюю деревню Джарджаву. Эта последняя стоит на большом бугре среди долины, и было бы крайне важно детально исследовать этот бугор. Нам кажется, что здесь должны быть следы древнего поселения, защищаемого валом. От деревни вал меняет свое направление и идет на юг прямо на так называемый Второй Змеиный курган, являющийся крайним западным курганом в цепи Юз-Оба. Как известно, на гребне скалистого хребта Юз-Оба, идущего почти параллельно горе Митридата, находится курганный могильник лучшей поры Боспора, т. е. IV в. до н. эры. Вал очень явственно вплотную подходит ко Второму Змеиному кургану, который отличается от остальных курганов Юз-Оба своей величиной и некоторой изолированностью.

На цепи Юз-Оба следов вала незаметно, несмотря на самые тщательные поиски. Но несомненно одно, что вал должен был идти по гребню этого скалистого хребта. Возможно предположить, что во время сооружения вала весь хребет Юз-Оба был свободен от могильных насыпей и имел достаточно крутой профиль, который обеспечивал оборону этой части территории. Впоследствии, при сооружении курганов, следы вала, шедшего по гребню, могли исчезнуть. Зато вал снова появляется у восточной части хребта Юз-Оба и идет до б. имения Олив в Камыш-буруне, соединяясь здесь, повидимому, с городскими укреплениями Тиритаки. К сожалению, раскопки Тиритаки еще не затронули северной части города, и поэтому мы не имеем данных для увязки вала с городскими укреплениями этого крупного населенного пункта. Таким образом, ясно, что вал включал под свою защиту Тиритаку, восточное побережье Керченского пролива и всю территорию восточной половины Керченского полуострова, приблизительно начиная от старого вокзала, даже немного западнее.

Исследование вала, конечно, нельзя считать законченным. Необходимо в первую очередь сделать его разрезы возле Тиритаки, возле Джарджавы и к северу от Золотого кургана. Необходимо исследовать место соединения вала с укреплениями Тиритаки, связь со Вторым Змеиным курганом, связь с Золотым курганом, с Катерлезом и раскопать упоминавшееся выше городище у предполагаемых ворот между Золотым курганом и Катерлезом. Когда это исследование будет сделано, оно, несомненно, даст определенные материалы для суждения о времени сооружения этого вала, позволит реконструировать его первоначальный вид, размеры и т. д. Но и теперь, в связи с раскопками Тиритаки, нам хочется высказать несколько предположений о датировке вала, считаясь, однако, с тем, что наши предположения могут в дальнейшем подвергнуться изменению.

Относительно датировки нашего вала высказывалось несколько предположений. По мнению большинства исследователей¹, вал должен считаться древнейшей линией

¹ Dubois de Montpereux, Voyage autour du Causase, V (1143), стр. 240; Ашик, Боспорское царство, I (1848), стр. 24; «Древности Босфора Киммерийского»,

обороны Боспора и был он сооружен тогда, когда территория государства была еще незначительной. По мнению же других исследователей¹, вал должен считаться более поздним сооружением, а именно эллинистического времени, когда Боспорское государство испытывало нажим со стороны скифов центрального Крыма. Разберемся в некоторых данных, связанных так или иначе с сооружением вала. Такой анализ позволит нам ближе подойти к вопросу его датировки. Мы остановимся на отношении вала к Золотому Кургану, Куль-обскому, Второму Змеиному на Юз-Обе, затем на отношении вала к Тиритаке и Нимфею. Начнем с последнего.

Как известно, Нимфей долго не входил в состав Боспорского государства, а был самостоятельным полисом, поддерживавшим самые тесные отношения с Афинами. Об этом нам известно из речи Эсхина против Ктесифонта, предложившего Афинам присудить Демосфену золотой венок за услуги, оказанные им Афинскому государству. Эта речь была произнесена в 330 г. до н. э. В ней, между прочим, говорится следующее (171—172): «Был некто Гилон керамеец. Предав врагам Нимфей, что на Понте,—государство афинское имело тогда эту местность,—Гилон, на основании возбужденной против него исангелии присужденный к смертной казни, не дождался судебного приговора и бежал из города. Он является на Боспор и получает там в дар, от тирана так называемые Сады»².

Это место из речи Эсхина нам важно в одном отношении: Нимфей не принадлежал к Боспору, а считался афинским владением.

Акад. С. А. Жебелев разбирает вопрос о Нимфее во втором из своих «Боспорских этюдов»: «Афины, Нимфей и измена Гилона» («Изв. ГАИМК», вып. 104, 1935, стр. 24 сл.), и приходит к отрицательным выводам. Но здесь он, нам кажется, слишком гиперкритичен, идя вразрез с мнениями почти всех ученых. Целый ряд независимых друг от друга письменных и археологических свидетельств доказывают, что Нимфей в ряду боспорских городов занимал какое-то особое место. Это был пункт с незамерзающей и очень удобной гаванью. Владеть этим городом для афинян было важно ввиду их экономической заинтересованности в этих местах. Местоположение Нимфея определено давно и безошибочно, и я не буду на этом вопросе останавливаться³. Город находился к югу от Тиритаки и занимал нижний мыс, образуемый Керченским проливом и большим морским заливом, ныне превратившимся в песчаные плавни и озеро Чурубаш. Напомню, что Тиритака занимала северный мыс этого залива.

Очень важно для нас свидетельство схолиаста одной из лавренцианских рукописей Эсхина. Он говорит: «Нимфей—место города на Понте; им владели афиняне, и его афинянин Гилон предал боспорским тиранам». С. А. Жебелев считает вздорным это свидетельство схолиаста на том основании, что тиран Сатир был дружелюбен к Афинам⁴. Но Сатир мог быть (и был) дружелюбным к Афинам, когда это касалось хлебно-торговли и все же в то же время мог домогаться вырвать у Афин соседний Нимфей.

За принадлежность Нимфея Афинам⁵ говорит Гарпократион в своем объяснитель-

стр. 134; Neumann, Die Hellenen im Scythenlande, I, стр. 499 (1833); Р. В. Шмидт, к исследованию боспорских оборонительных валов, «Сов. Археология», VII (1941), 269—270.

¹ Б. Ю. Марти, Путеводитель по Керченскому музею древностей, 1937, стр. 9.

² Цитирую по переводу акад. С. Жебелева, Боспорские этюды, II, «Изв. ГАИМК», вып. 104, 1934, стр. 30.

³ В. В. Шкорпил, Нимфея и первый список нимфейских граждан, «ЗОО», XX (1897), стр. 16 сл.

⁴ С. А. Жебелев, указ. соч., стр. 33.

⁵ Недаром все крупнейшие историки считают Нимфей афинским владением: Grote, Gesch. Griechenlands², VI стр. 723; E. D. Meyer, Gesch. d. Altertums, IV, стр. 78; Busolt, Griech. Gesch. III, стр. 587; Minns, Scythians and Greeks, стр. 561; Kahstedt, Der Umfang des attischen Kolonialreiches, «Nachrichten der Ges. d. Wiss. zu Göttingen» 1931, стр. 163; Rostovzeff, САН VIII, стр. 563 и др.

ном словаре к десяти аттическим ораторам. Под словом «Нимфей» он говорит: «Эсхин в речи против Ктесифонта говорит: «Нимфей на Понте». Кратер в IX книге «Декретов» говорит, что Нимфей платил афинянам талант. Это очень важно для нас свидетельство, так как $\psi\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\sigma\tau\omega\nu\ \sigma\upsilon\lambda\lambda\upsilon\gamma\eta$ Кратера содержала полные тексты афинских декретов, отражавших наиболее важные моменты внешней и внутренней истории Афин V века до н. э. В какой связи в афинском декрете могло стоять упоминание Нимфея и платеж Афинам таланта, да еще в V в.? Конечно, только в связи с Афинским морским союзом. Нам кажется, что это свидетельство является веским доказательством вхождения Нимфея в этот союз. Поэтому дополнения Ульриха, Келера и Бузольта и их восстановление названия Нимфей в Списке форося Первого Афинского союза кажутся нам вполне возможными и правильными, несмотря на возражения С. А. Жебелева¹. Заинтересованность Афин в боспорском хлебе была уже в то время, еще до сицилийской катастрофы, столь велика, что иметь на Боспоре члена своего союза было для Афин крайне важно. Вспомним, что на Боспоре мы имеем многочисленные находки аттических чернофигурных ваз еще эпохи Писистрата,—вот к какому времени восходят связи Боспора с Афинами.

По мнению большинства ученых, вхождение Нимфея в Афинский союз должно было произойти сразу после Понтийской экспедиции Перикла, которую исследователи ставят между 453—437 г. до н. э.²

Итак, Нимфей был афинским владением³. Захват его или передача Гилоном Боспору должна была произойти при архонте Сатире около 405 г. до н. э., повидимому в конце Целопонесской войны, после разгрома афинского флота при Эгоспотамосе.

Для нас все это было важно выяснить, потому что Тиритакский вал был создан тогда, когда Нимфей находился за пределами государственной границы Боспора. В самом деле, вал не защищал Нимфея, и это обстоятельство имеет большое значение для датировки вала: он был сооружен до включения Нимфея в пределы Боспора, т. е. до 405 г. Это *terminus ante quem* для датировки вала³.

Теперь обратимся к Тиритаке.

Как мы уже видели, Тиритака, расположенная [на] северном мысу большого морского залива, была отправным пунктом древнего оборонительного вала.

А priori мы можем сказать, что древний вал должен был защищать город, представляя одно целое с крепостными стенами Тиритаки. Раскопки, произведенные в этом городище, были связаны со строительством здесь крупной фабрики, и многое осталось недоисследованным. Тем не менее результаты этих раскопок дают возможность сделать ценные хронологические выводы. Была открыта крепостная ограда в юго-западной части города, т. е. в противоположном по отношению к валу месте. Открытые стены, башни и ворота в основном восходят к раннеэллинистической эпохе конца IV—начала III вв. до н. э. Но под фундаментом одной из башен (под юго-западной стеной башни № 1) были обнаружены следы более ранней кладки. «Повидимому,—говорит автор отчета

¹ IG. I², 63; Minns, указ. соч., стр. 639/2: Νο[μῆταις], ср. С. А. Жебелев, указ. соч., стр. 26. Его возражения, что некуда было приписать понтийских членов союза, неубедительны.

² Мы не будем входить в детали этого вопроса, был ли Нимфей клерухией Афин, как думает Ростовцев в САН VIII, стр. 565, или просто «владение». Для нас это неважно.

³ Так же думает и Neumann, op. c. I (1855), стр. 499. Приведем еще одно соображение: вал мог быть сооружен до основания Нимфея. Раскопок городища в Нимфее почти не было. Находки монет, надписей и керамики дают предметы не старше середины V в. до н. э. Отдельные находки восходят к концу VI в. См. В. Г а й д у к е в и ч, Раскопки Мирмекия, Тиритаки и археологические разведки на Керченском полуострове 1937—1939 гг., ВДИ 1940, № 3—4, стр. 314—316.

Ю. Ю. Марти¹,—мы имеем здесь дело с остатками более ранних, может быть, также фортификационного характера сооружений, перекрытых эллинистической башней». Раскопки в самом городище, дающие три слоя, показали, по словам Т. Н. Книпович и Л. М. Славина², что, повидимому, Тиритака существовала здесь уже около середины VI в. до н. э. Считая, однако, что монументальные оборонительные сооружения могли возникнуть не сразу, а несколько позже, мы можем их датировать, по крайней мере, с известной долей осторожности, серединой V в. до н. э.

Менее доказательными являются соображения, связанные с хребтом Юз-Оба, но и они в общей цепи доказательств имеют значение. Дело в том, что вал упирается в скалистый хребет Юз-Оба и здесь бесследно теряется, чтобы начаться в западной части того же хребта, около так называемого Второго Змеиного кургана. Совершенно очевидно, что вал шел по хребту, но при наличии на нем многочисленных курганов эпохи IV в. до н. э. этот хребет перестал служить линией обороны, так как перестал являться сплошной крутой стеной. Отсюда логично сделать вывод, что вал шел по хребту Юз-Оба до насыпки курганов и что впоследствии он был разрушен этими могильными сооружениями, что могло быть в IV в., вернее, во вторую половину этого столетия³. Это является также *terminus ante quem* для вала.

Следующим датирующим моментом должна являться знаменитая гробница в Куль-Обском кургане⁴. В отличие от явно греческих курганных погребений на хребте Юз-Оба, Куль-Обское погребение является безусловно могилой скифского, но огреченного царя. Судя по инвентарю погребения (подвески с изображением головы Афины Фидия, рисунок суда Париса и квадриги на кости и др.), оно может быть датировано концом V, началом IV в. до н. э., вряд ли позже, хотя проф. М. И. Ростовцев, как известно, датирует гробницу в Куль-Обе второй половиной IV или даже началом III вв. до н. э.⁵ Куль-Обский курган представляет скифское, а не греческое погребение. При царе погребена убитая жена или наложница и раб, чего в греческих могилах мы не наблюдаем. Царь, несомненно, был погребен на территории своих владений. Отсюда мы делаем вывод, что в эпоху сооружения этого кургана до вала доходили владения скифов. Уже одно это обстоятельство должно датировать Куль-Обское погребение, по крайней мере, первой половиной IV в., но вал уже в это время был.

Это же обстоятельство должно датировать и Золотой курган, входящий в систему обороны как башня вала, никак не позже чем концом V в.

Суммируем выводы. Сооружение вала, как показывает исключение из линий его обороны Нимфея и защита им Тиритаки, уже существовавшей в V в. до н. э.,—все это говорит за дату сооружения вала еще в V в. до н. э. Архаический характер полигональной крепиды Золотого кургана вполне согласуется с этой датировкой.

Все эти соображения не исключают необходимости тщательного исследования вала для уточнения его датировки.

К. Гриневич

¹ Ю. Ю. Марти, Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 4, (1941), стр. 14.

² Там же, Т. Н. Книпович и Л. М. Славин, Раскопки юго-западной части Тиритаки, стр. 40—41.

³ М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, 1914, стр. 98.

⁴ Находки в Куль-Обском кургане первоначально были изданы в «Древностях Восточной Киммерийской», стр. XIX сл. Затем переизданы Рейнаком, потом К о н д а к о в ы м—И. Т о л с т ы м, «Русские древности в памятниках искусства», вып. II (1889), стр. 85, 86, 88.

⁵ Ростовцев, указ. соч., стр. 50.

Чернофигурная ойнохоя Государственного Исторического музея

В 1891 г. во время раскопок Бобринского на северном склоне горы Митридат в одной из могил (№110) была найдена, наряду с другими предметами, разбитая чернофигурная ойнохоя¹, ныне хранящаяся в Историческом музее. Высота ойнохой равна 0,207 м, диаметр нижней части основания ножки 0,073 м, окружность наиболее широкой части тулова 0,41 м. Глина хорошо обожженная, оранжевато-коричневатого цвета, на украшенных росписью частях она покрыта прозрачной глазурью. Лак блестящий, черный, поверх него местами наложена белая краска и лиловато-коричневый пурпур. Некоторые детали исполнены процарапанной линией.

Ойнохоя имеет горло обычной формы, невысокую, сравнительно широкую шейку, раздутое в верхней части тулово, небольшую ножку и изогнутую, круглую в сечении ручку. Горло внутри и наружная поверхность ойнохой, кроме клейма на лицевой стороне тулова и плеч, а также нижней поверхности ножки, сплошь покрыты лаком. В клейме изображен обращенный вправо мускулистый нагой человек с мечом у левого бока, борющийся с могучим быком, припавшим на передние ноги и касающимся головой земли. Человек, стоя на правом колене, опутывает быка веревкой. Борьба происходит на фоне виноградных лоз; над человеческой фигурой висят лук и колчан. Детали изображения исполнены белой краской² и процарапанной острым инструментом линией³. Клеймо обрамлено вверху небрежно исполненными язычками, с боковых сторон — двойным рядом небрежно исполненных квадратов между двумя парами вертикальных линий и, наконец, снизу — обходящей все тулово сосуда пурпуровой полосой. Такие же пурпуровые полосы проходят по перехвату между туловом и ножкой, а также между боковой и верхней поверхностями основания ножки.

Сохранность ойнохой заставляет желать лучшего: сосуд разбит и склеен из большого числа фрагментов, причем часть их утрачена⁴; из росписи пострадали, главным образом, нижняя часть человеческой фигуры, а также шея и голова быка. Кроме того, имеются сбой и потертости глины и лака.

Определение сюжета изображения на рассматриваемой нами вазе не может вызвать особых затруднений. Мотив борьбы с быком нередко встречается на памятниках античного искусства. На вазах этот мотив представляет подвиг одного из героев: Геракла, Тезея или Язона. Схема изображения борьбы дает весьма мало для определения героя; поэтому решающее значение должны иметь его атрибуты. Присутствие колчана и лука, висящих над его фигурой, заставляет без колебания усмотреть в нем Геракла⁵, ибо

¹ ОАК, 1891, стр. 28; М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, 1925, стр. 186.

² Пятна на теле быка, перевязь колчана, конец ножен меча и ягоды виноградных гроздей.

³ Человеческая фигура, бык, лук и колчан.

⁴ В настоящее время на плечах вазы имеется вставка из чернолакового фрагмента другого сосуда.

⁵ Такое же определение дано в ОАК, 1891, стр. 28 и у М. Ростовцева, Скифия и Боспор, стр. 186.

Наличие меча у героя не должно служить препятствием определению его как, Геракла; см., например, изображение Геракла, борющегося с быком: Reinach, Répertoire des vases peints, II, стр. 225, 2 и René Menard, La vie privée des anciens, Paris, 1882, стр. 568, рис. 701, согласно Рейнаку и вопреки Менару Corpus vasorum antiquorum, U. S. A. Gallatin Collection, табл. 3, №№ 3; 4. Другие примеры изображения Геракла, вооруженного мечом, см. Pfuhl, Malerei u. Zeichnung d. Griechen, III, стр. 95, рис. 226; стр. 110, рис. 371; стр. 123, рис. 395; стр. 128, рис. 401; стр. 158, рис. 453; Furtwängler und Reichhold, Griechische Vasenmalerei. München 1900, табл. 73; Reinach, ibid. I, стр. 150; 4.

О близости изображения Геракла и Тезея см. P. Jacobstahl, Theseus auf dem Meeresgrunde. Leipzig, 1911, стр. 6.

упомянутое оружие не свойственно ни Язону¹, ни Тезею; атрибутами последнего при борьбе с марафонским быком обычно являются меч², а иногда, кроме того, и шлем³, висящие на дереве, недалеко от места боя.

Наличие бороды у героя также свидетельствует, в пользу определения его как Геракла, ибо Тезей обычно изображается безбородым.

Среди упомянутых аналогий многие сходны, по схеме изображения борьбы героя с быком, с рисунком нашей ойнохой, наиболее же близки в этом отношении росписи двух поздних чернофигурных ваз, неаполитанской⁴ и из собрания Эрбаха⁵.

Перейдем теперь к определению времени и места происхождения нашего памятника. Достаточно самого беглого взгляда на форму сосуда, общий стиль росписи, цвет глины и лака, чтобы убедиться в несомненно аттическом происхождении ойнохой. По своей форме, пропорциям и размеру наш памятник находит сравнительно близкие аналогии среди аттических поздних чернофигурных ойнохой⁶, несколько выделяясь своей упругой, крепкой формой, столь эластичной и сочной⁷. У ваз этого круга нередко такой же общий принцип распределения росписи⁸, как и у нашей ойно-

¹ Мы не считаем нужным серьезно рассматривать вопрос о возможности истолковать героя, представленного на нашем памятнике, как изображение Язона. Такого рода изображения связаны с очень свободной передачей мифа (Purgold, *Jason im Stierkampf*, «Arch. Zeitsch.» XLI (1883), стр. 170), согласно которому Язон укротил не одного, а двух быков (Darembert et Saglio II, 1, 616). Они опознаются по окружающим героя фигурам (главным образом, волшебнице Медее, помощь которой дала возможность Язону совершить его подвиг) и встречаются значительно реже, чем изображения Геракла или Тезея, борющихся с быком и, кроме того, обычно относятся к более позднему времени, чем рассматриваемый нами памятник; ср. напр. вазу из Ruvo: Purgold, «Arch. Zeitsch.» XLI (1883), стр. 166—169, табл. 11 (Reinach ibid., I, 449, 1); вазу из Пантикапея: «Древности Боспора Киммерийского». СПб., 1854, табл. XIII, № 2 (Reinach, ibid. I, стр. 421, 1); в изображенном на ней герое мы усматриваем Язона, а не Тезея согласно с Пургольдом («Arch. Zeitsch.» XLI (1883), стр. 163—164), Ленердтом (Lenhardt, *Herakles und Acheloos*, «AZ» XLIII (1885), стр. 117—118) и Ингерслебеном (Фесей или Ясон. «Зап. Класс. Отд. имп. Росс. Арх. Общ.», т. XI, стр. 3 сл.) и вопреки Стефани («Древности Боспора Киммерийского», текст, II, стр. 65—66 и *Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage S. P.*, 1869, II, «AZ» стр. 409—410, № 2012) и Михалису (Theseus und Medeia, «AZ» XXXV (1877), 75—77). Вероятно, Язон у Darembert et Saglio (II, 1. 616, рис. 445).

² Reinach, ibid. I, 529 B; 531, 1 Pottier, *Douris*, 57, рис. 12; В. К. Штегман, Кратер Эрмитажного собрания с изображением Телефа. «Государственный Эрмитаж». Сборник, вып. 3, Ленинград, 1926, стр. 27 сл.

В изображении других подвигов Тезея меч является наиболее часто употребляемым им оружием (напр. Reinach, ibid. I, 147, 3; 150, 2; 313, 4; 455, 1; 459, 2; 494, 3; 509, 5; 529, 1; B; 534, 2; II, 81, 10; 83, 1, 4; 117 A; 118, 1, A, B; 153, 3; 183, 4; 255, 2; 271, A, B; 280, 2).

³ Reinach, ibid. I, 529, B; Pottier, *Douris*, стр. 57, рис. 12.

⁴ Reinach, ibid. I стр., 488, 10. Довольно близки также Reinach, ibid. II, стр. 55, 8; стр. 155, 1; стр. 327, 1.

⁵ Reinach, ibid., I, стр. 256, 3.

⁶ Pottier, ibid., табл. 86, F 354; *Corpus Vasorum Antiquorum*, Belgique, Fasc. I (Bruxelles, Fasc. I), III. Н. е. табл. 56.

⁷ Отметим очень сочные, как бы распухшие формы тулова на чернофигурной гидрии из кургана Марафономахов Στάγς, ὁ ἐν Μαραθῶνι τῶν βοῶν, «Ath. Mitt.» XVIII, (1893), стр. 61 сл., табл. V, 1.

⁸ E. Pottier, ibid., II, табл. 86, F. 345, F. 348, F. 372; Jacobstahl, *Ornamente griechischer Vasen*. Berlin, 1927, стр. 89, табл. 17d; Howard, Crosby,

кои, т.е. лаком закрашивается вся поверхность сосуда, кроме расположенного на тулове клейма с рисунком, обрамленным с боков и сверху рамкой орнамента, а по нижней части сосуда проходят пурпуровые пояски.

Мотивы орнамента, обрамляющие клеймо, также являются самыми обычными для поздних чернофигурных ваз. Так, язычки (в виде ряда вертикально изображенных



Чернофигурная ойнохоя Государственного
Исторического музея

черточек) на плечах сосуда нередко встречаются на чернофигурных ойнохоях¹ V в., а равно и на вазах² других форм, относящихся к тому времени. Что же касается бокового оформления в виде двойного ряда чернолаковых пятен³, то такой орнамент обы-

Butler, Sardis, vol. I—The Excavations, Part. I, 1910—1914, Leyden 1922, стр. 178, рис. 124.

¹ E. Pottier, *ibid.*, II, табл. 86, F. 345, F. 348, F. 354, F. 372; табл. 87, F. 381, F. 382, F. 387, F. 388; C. Smith, *Actors with Bird.—Mask on vases.* JHS, II, 309, Plates, vol. I—VIII, табл. XIV, B 1, B 2.

² E. Pottier, *ibid.*, II, табл. 87: F. 380—382, F. 387, F. 388.

³ Нужно думать, что этот мотив является некоторым упрощением орнамента в виде двойного ряда чернолаковых квадратов, расположенных наподобие шахматной доски и заключенных между параллельными полосами (L a u, Gr. Vasen, табл. XV, 2); назначением его было также служить для бокового оформления клейма.

чен в чернофигурной вазописи V в.¹ и употребляется для орнаментации шейки² или боковых рамок клейма рисунка³ на тулове ойнохой. Нередко и два мотива (язычки и двойной ряд точек) совмещаются в одном памятнике⁴. Равным образом и рисунок в клейме, — прежде всего, исполненная сочным пятном грузная, мускулистая, массивная фигура Геракла, с могучими округлыми плечами и не столь толстыми ногами, — носит характерные особенности росписей⁵ позднего чернофигурного стиля; особенно близка она фигуре Сизифа на небольшой чернофигурной амфоре Лувра (F. 382)⁶. Как и на нашей ойнохое, весьма часто встречается на поздних чернофигурных вазах заполнение фона рисунка изображением лоз, обремененных кистями винограда, которые обычно исполняются довольно небрежно.

Принадлежность рассматриваемого нами памятника к группе аттических ваз позднего чернофигурного стиля подтверждается также сравнением ее росписи с рисунками на панафинейских амфорах⁷ соответствующего времени. Это также свидетельствует о наличии архаизирующих тенденций в росписи ойнохой Исторического музея и вставляет нас рассматривать ее как один из памятников, отражающих это направление в аттическом искусстве V в.⁸. Особенностью исследуемого памятника является не стремление вернуться к утраченным старым формам и неизбежно связанная с этим стилизация, а живое продолжение их, сохранение сочных форм сосуда и крепких, упругих очертаний фигуры героя.

Вышеизложенное дает общую датировку рассматриваемой нами ойнохой. Переходя к уточнению даты, отметим, что Луврская амфора F. 382, о близости росписи которой публикуемой вазе мы уже упоминали, должна быть отнесена приблизительно ко 2-й четверти V в.⁹:

¹ E. Pottier, *ibid*, II, табл. 85: F. 338; табл. 86: F. 345, F. 354.

² Pottier, *ibid*, II, табл. 88: F. 354.

³ Pottier, *ibid*, II, табл. 86: F. 345, F. 354.

⁴ Pottier, *ibid*, II, табл. 1, 18: A 482 табл. 86: 345, 354, Jacobstahl, *ibid*, табл. 17 а.

⁵ G. Körte, *Vasenbilder mit Abenteur des Odysseus bei Kirke*. «AZ», XXXIV (1876), стр. 189—190, табл. 15 (Reinach, *ibid*. I, 418, 3); Pfuhl, *ibid*. III, 75, рис. 283; Rizzo, *Spigolature archeologiche*, «Röm. Mitt.», XV (1900) стр. 259, рис. 4 (Rizzo считает эту вазу более ранней); *Corpus Vasorum Antiquorum*, France, Fasc. 2 (Louvre, Fasc. 2) III, Н. е., табл. 6; табл. 8 №№ 1—3; France, Fasc. 3 (Compiègne, Fasc. unique) III, Н. е., табл. 27, № 1; табл. 28, N 1.

⁶ E. Pottier, *ibid*, II, 133, табл. 87, F. 382.

⁷ См. например, E. Schmidt, *Archaistische Kunst in Griechenland und Rom*, München, 1922, стр. 14 сл., 72 сл., табл. I, VI; Пиотровский, Панафинейская амфора Елисаветинского кургана. ИРАИМК III, 1924, стр. 84 сл. 100, табл. V. Ср. также *Corpus Vasorum Antiquorum*, Great Britain, Fasc. I (British Museum, Fasc. I) III Н. ф., табл. 1—6.

⁸ Bülle, *Archaistische Kunst in Griechenland und Rom*, München, 1923, стр. 5 сл.

⁹ Эта амфора относится к группе памятников, впервые обследованных S. B. Luce'ом (S. B. Luce, *The origin of the shape of the «Nolan» Amphora*. AJA XX (1916), стр. 457, № 8. О вышеприведенной датировке см. нашу статью (В. Д. Блаватский и др. Две чернофигурные аттические амфоры Государственного музея изящных искусств. Изв. Гос. акад. ист. матер. культ. том V (1927), стр. 133 и сл.). В означенной работе Luce'а чернофигурные амфоры ноланского типа разделены на две весьма близкие одна к другой группы, причем Луврская амфора F 382 отнесена ко второй группе. В нашей статье мы рассматриваем вопрос о датировке первой группы амфор, но продолженная нами датировка в равной мере приложима и к амфорам второй группы, ибо одновременность обеих групп вряд ли может вызвать какие-либо сомнения. Eugen von Mercklin издал еще одну амфору той же группы (*Antiken im Hamburgischen Museum für Kunst und Gewerbe*, «Arch. Anz.» XLIII (1928) 3/4, стр. 310 | 313, № 29,

Ввиду этого мы должны датировать тем же временем¹ и чернофигурную ойнохою Исторического Музея. Такое определение находится в полном соответствии с датой великопелой краснофигурной гидрии² с изображением Гермеса, относящейся ко времени около 470 до н. э., найденной в одном погребении с публикуемой нами вазой.

В. Блаватский

Джафарханский могильник

(Археологические разведки в Муганской степи)

Куро-Араксинская низменность является наименее исследованной в археологическом отношении областью Закавказья. В частности, южная (Муганская) часть этой низменности оставалась до последнего года «белым пятном» на археологической карте Азербайджана.

В связи с этим особый интерес вызвала краткая заметка, появившаяся в 1931 г., о новых археологических находках, сделанных на Мугани, в районе мелиоративных работ³. В 1937 г. во время моей поездки в Муганскую степь удалось установить, что действительно такие находки в погребениях были открыты в 1928—1930 гг. при сооружении главного коллектора у с. Джафархан⁴. Коллектор вскрыл грунт на глубину до 4 метров, перерезав могильник с востока на запад и разрушив большое число погребений. По полученным сообщениям, погребения были в больших глиняных сосудах, в которых, кроме целых скорченных костяков, были обнаружены бронзовые и железные предметы, пастовые и стеклянные бусы и монета, покрытая окисью. К сожалению, все эти находки не сохранились, и видеть их в 1937 г. в Джафархане не удалось⁵.

В результате произведенных тогда обследований установлено, что Джафарханский могильник расположен в 2 км на восток от с. Джафархан, на юг от Сабирабада, в 10 км на юг от железнодорожной станции Сары-Джиляр, на правом берегу р. Аракса, на пространстве, прорезанном главным коллектором, начиная от пункта на 50 м выше устья третьей дрены и кончая 150 м ниже его, в сторону четвертой дрены. Ниже по коллектору на восток находится перекачная станция. Местность, на которой расположен могильник,—ровная, обрабатывается под хлопок и приспособлена для полива. На поверхности никаких внешних признаков могильник не имеет.

рис. 33)], причем автор, воздержавшись от точной датировки, во всяком случае считал дату Лусе'а слишком ранней (ibid, стр. 313).

¹ Отметим кстати, что Якобстаем (Jacobsen, Ornamente Griechischer Vasen, Berlin, 1927, стр. 77, табл. 49 в) уже отмечено существование чернофигурной техники в росписях ойнохой еще в 60-х годах V в.

² ОАК, 1891, г., стр. 28 сл.

³ Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 2, стр. 37.

⁴ В работе по археологическому обследованию Муганской степи принимал участие ныне покойный А. А. Потапов. Работа выполнена по заданию Закавказского Научно-исследовательского института водного хозяйства. Позднее, в 1941 г., в Музей истории Азербайджана Азфан из южной Мугани были доставлены случайные находки, сделанные на могильном поле близ с. Новоголовка, Астрахан-Базарского района, среди которых особого внимания заслуживают бронзовые и железные мечи и керамика. Краткое упоминание об этих новых находках сделано в статье В. Н. Левиатова (Музей истории Азербайджана Азфан, «Изв. Азфан», 1943 № 6, Баку, стр. 134).

⁵ Сведения эти были мне сообщены работниками Опытной станции Джафархан А. А. Шошиным и М. В. Курушиным.

По заключениям геологов, местность, на которой расположен Джафарханский могильник, сложена из наносов Куры и Аракса, мощностью до 10—15 м; ниже начинаются каспийские отложения. Араксинские отложения—красные, Куринские—сизые. Те и другие перемежаются с погребенными почвами на разных горизонтах¹. Так, культурные остатки, составляющие Джафарханский могильник, залегают под 2-метровым слоем Араксинских красных наносов. Под ними идет серый с черными прослойками плотный слой погребенных почв. Именно в последнем и залегают все ранее открытые и изученные в 1937 г. погребения могильника. Ниже—серые Куринские отложения.

В результате обследования Джафарханского могильника установлено, что густота расположения погребения не одинакова на всем пространстве могильника. Наиболее насыщенным является отрезок коллектора, расположенный у устья третьей дрены, примерно на 50 м вниз от нее. Здесь погребения обнаруживаются в обрыве коллектора по обоим его берегам, непрерывно одно за другим. Кроме того, установлено три рода памятников, представленных в Джафарханском могильнике: а) погребения в больших, глиняных сосудах, б) грунтовые погребения, в) кладка из обожженных кирпичей, повидимому, погребения в так называемых сырцовых могилах.

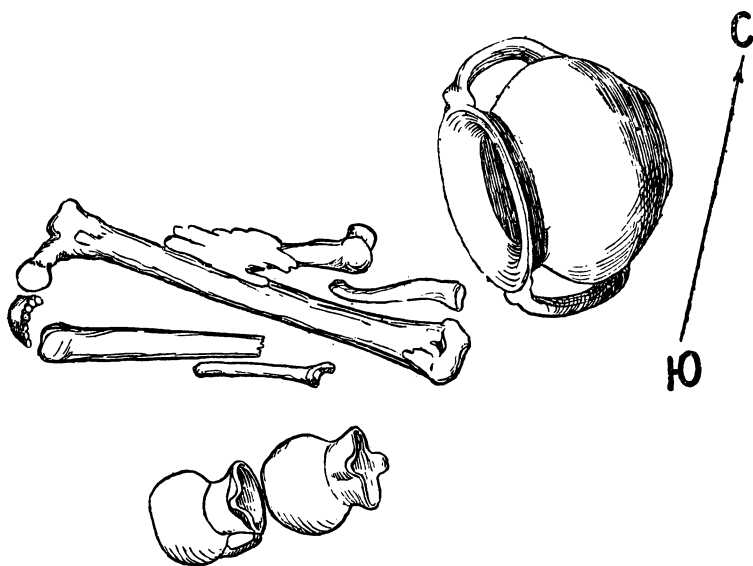


Рис. 1. Джафарханский могильник. Погребение № 1.

Из четырех обнаруженных при обследовании погребений в больших сосудах (а) в 1937 г. было расчищено наилучше сохранившееся, находящееся на правом берегу коллектора, в центральной части могильника. Верхняя часть сосуда большого размера была уничтожена при устройстве коллектора. Нижняя его часть осталась нетронутой и залегала на боку, в сером с черными прослойками слое погребенных почв, на глубине от 2 до 3 м от поверхности. Сосуд внутри был наполнен землей с интенсивными прослойками черного ила. Слой костей и инвентарь погребения частично сохранились на боковой стенке сосуда. Кости (позвонки и ребра) принадлежали одному субъекту. Длинные кости лежали рядом с сосудом в выбросе. В сосуде же обнаружены, фрагменты глиняной чаши из красной массы и два обломка овального бронзового, сильно окислившегося браслета. Сосуд, в котором было совершено захоронение,— больших размеров, до 1 м высотой, толстостенный из оранжево-красной массы. Он изготовлен на гончарном кругу, но не использующем еще центробежную силу.

¹ В. Р. В о л о б у е в, Грунты районов обвалования рек Куры и Аракса. «Изв. Азфана», 1940, № 1.

Край с двойным отворотом наружу. Обрез—плоский, образованный первым отгибом. По краю второго отгиба и на плечиках—волнистый рельефный валик. Край около слияния с широкой ребристой ручкой имеет уплощенный полуовальный выступ.

Кроме погребения в большом сосуде, в 1937 г. было раскрыто два грунтовых погребения. Погребение № 1 открыто на левом берегу главного коллектора, близ устьев колодца третьей дрены. После расчистки установлено наличие здесь непогребенного погребения мужчины в сильно скорченном положении, при котором длинные

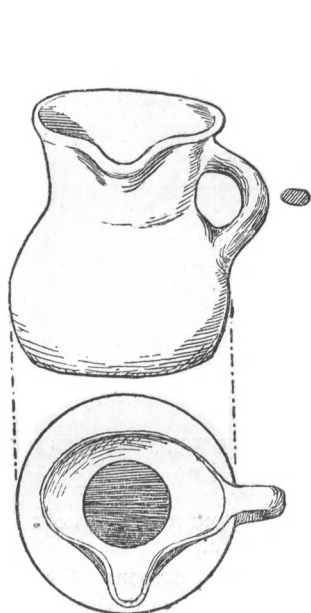


Рис. 2. Джафарханский могильник. Кувшин (1) из погребения № 1. $1\frac{1}{3}$ н. в.

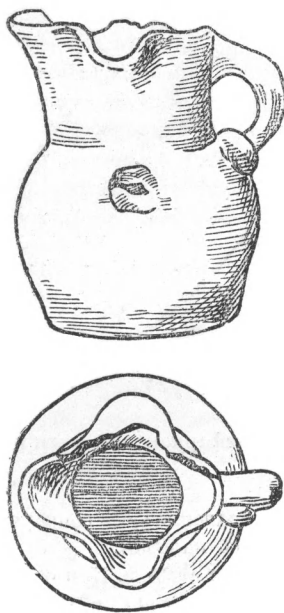


Рис. 3. Джафарханский могильник. Кувшин (2) из погребения № 1. $1\frac{1}{3}$ н. в.

кости ног оказываются над костями рук, ниже которых залегают ребра, позвонки и череп. Около костяка находился лежащий на боку сосуд с 2 ручками и два небольших кувшина с носиком. Погребение залегало в черно-сером слое погребенной почвы, выше которого, как над захоронением в большом сосуде, залегали красно-коричневые аракинские отложения.

В погребении обнаружено три сосуда.

1. Кувшин небольшого размера (высота 10 см) с одной ручкой, довольно узким горлом и широким краем, переходящими в носик. Ручка небольшая, с продольным углублением посредине. Масса розоватая, хорошего обжига. Изготовлен без гончарного круга¹.

2. Кувшин несколько больших размеров (высота 12 см), с одной ручкой. Горло довольно узкое, края горла расходящиеся, образуя как бы трехлистый носик. На плечиках с одной стороны сохранилось основание от округлого в сечении, трубчатого прямого носика. Масса розоватая, обжиг хороший. Поверхность палевая. По выделке сосуд довольно грубый, изготовлен без гончарного круга, со следами лепки рукой.

3. Сосуд с широким горлом, расходящимися краями и двумя ручками (высота—21 см). Ручки овальные в сечении, несколько уплощенные, соединяют верх края с плечиками. У самого верха ручки заканчиваются двумя выступами, между которыми плоское округлое углубление. Масса коричневато-розовая, сильно песчаная. Обжиг

¹ Керамика из Джафарханского могильника хранится в собрании Гос. Исторического музея в Москве за № 80986.

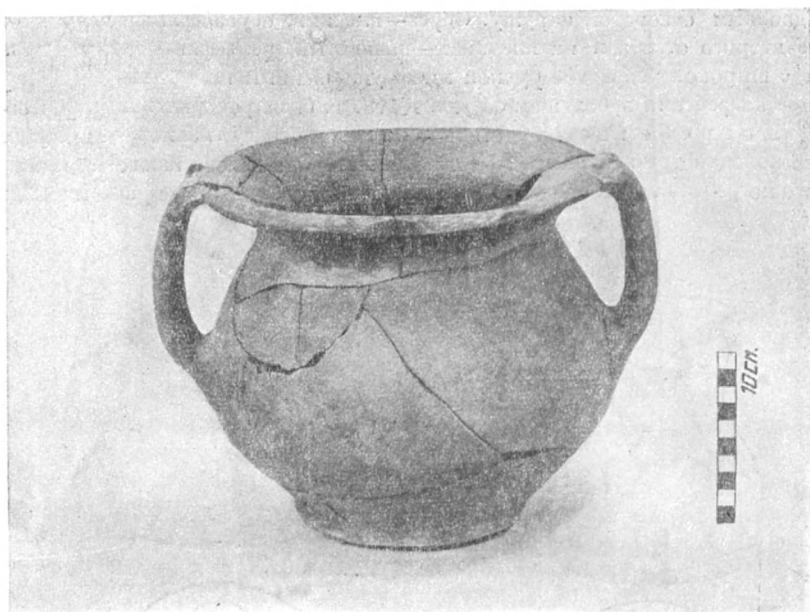


Рис. 4. Джафарханский могильник. Сосуд (3) с двумя ручками из погребения № 1.

хороший. Сосуд вылеплен без гончарного круга, со следами лепки рукой. Поверхность хорошо заглажена, палевая.

Погребение № 2. При осмотре могильника на расстоянии 4 м от погребения № 1 вниз по левому берегу, в обресе главного коллектора, на глубине 2 м от поверх-

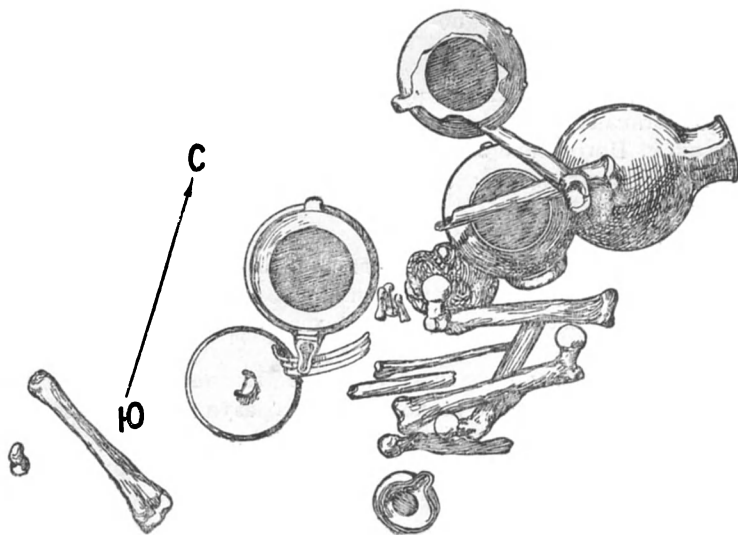


Рис. 5. Джафарханский могильник. Погребение № 2.

ности, обнаружен лежащий вверх дном небольшой кувшин из красноватой глины с носиком. Расчистка обнаружила здесь непотревоженное мужское погребение, занимавшее весьма незначительное пространство (60 см×50 см). По расположению костей можно заключить, что покойник был захоронен в чрезвычайно скорченном положении, с ру-

нами, прижатыми к груди, и ногами, поджатыми к рукам (колени у лица). Погребение было обставлено со всех сторон пятью сосудами. Стратиграфия погребения вполне тождественна со стратиграфией погребения № 1; оно залегало в слое погребенных почв, ниже красных Араксинских отложений. В погребении обнаружены:

1. К у в ш и н небольших размеров (высота—8 см) с довольно узким горлом и широкими краями, переходящими в носик. На стенке ниже носика сохранилось основание от округлого трубчатого носика. На плечике—конический уплощенный бугорок. Масса красновато-коричневая, обжиг неравномерный. Кувшин вылеплен от руки.

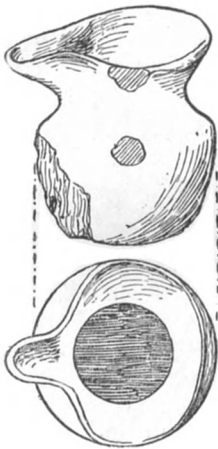


Рис. 6. Джафарханский могильник. Кувшин (1) из погребения № 2. $1/3$ н. в.

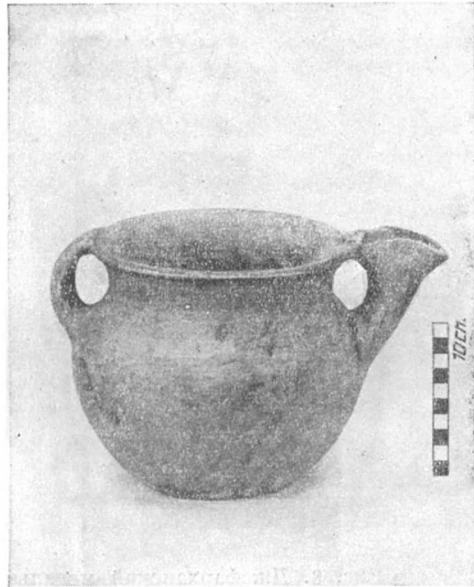


Рис. 7. Джафарханский могильник. Сосуд (2) «чайник» из погребения № 2.

2. Сосуд с широким горлом, округлым телом и одной ручкой (высота—15 см). В месте прикрепления ручки к краю и в месте прикрепления носика имеется наклепной уплощенный валик. По форме сосуд ближе всего к типу так называемых закавказских «чайников», например, из Кызыл-Ванка¹.

Масса розоватая, плотная. Обжиг превосходный. Сосуд изготовлен без гончарного круга; поверхность беловато-палевая.

3. К у в ш и н с довольно высоким горлом, округлым телом, одной ручкой и прямым, сильно расширяющимся носиком (высота—22 см). Носик располагается от основания плечиков, на противоположной от ручки стороне, и резко подымается почти вертикально, соединяясь с верхом края наклепным плоским валиком. Сосуд представляет один из типичных для Закавказья образцов высокого кувшина «чайника», известного в Кызыл-Ванке. Масса розоватая, плотная, по технике выделки одинаковая с вышеописанной массой предыдущего сосуда. С одной стороны на стенках—резко заметные следы в виде наискось проходящих полос темно-коричневого тона. Повидимому, это следы окраски стенок сосуда (как и костей) органическими железистыми остатками, которыми сильно окрашен слой погребенных почв.

¹ Б. А. К у ф т и н, Археологические раскопки в Триалети, рис. 4, Тбилиси, 1941.

4. С о с у д с округлым телом, широким горлом, одной ручкой и двумя коническими бугорками на противоположной стенке (высота—15 см). Масса коричневатая, с сильной примесью мелкого песка. Наружная поверхность палевая. Верх плечиков горизонтально опоясан нешироким поясом, образованным двумя вдавненными поло-



Рис. 8. Джафарханский могильник. Сосуд (3) «чайник» из погребения № 2.

сками, пересеченными наискось идущими редкими короткими полосками. Сосуд изготовлен без гончарного круга.

5. С о с у д с округлым телом, двумя небольшими петельчатыми и одной высокой ручками. Сосуд имеет плоскую крышку, которая плотно закрывает прямые края горла сосуда. По массе и технике выделки сосуд совершенно тождествен предыдущим (№№ 3 и 4), по форме чрезвычайно своеобразен. Тело шаровидное, дно плоское, довольно широкое. На плечиках две друг против друга расположенных петельчатые ручки. Одна из ручек—с большим горизонтальным отверстием; над другой, меньшей по размерам, расположена довольно массивная и округлая в сечении, в виде вытянутой петли ручка (третья); основанием она упирается на плечики сосуда и подымается значительно выше краев сосуда. Крышка плоская, со слегка округлыми стенками и ручкой в центре, у основания которой в местах соединения с крышкой имеются плоские пальцевые углубления.



Рис. 9. Джафарханский могильник. Сосуд (4) из погребения № 2. 1/3 н. в.

Сосуд и крышка изготовлены без гончарного круга, из одной и той же розоватой массы.

Кроме этих двух погребений (№№ 1 и 2), на левом берегу главного коллектора, в обрезах правого берега, при осмотре могильника были обнаружены остатки погребения № 3. Здесь в слое погребенных почв обнаружены кости человека и неболь-



Рис. 10. Джафарханский могильник. Сосуд (5) с крышкой из погребения № 2. $\frac{1}{3}$ н. в.

шой кувшин с носиком. К у в ш и н малых размеров, из красноватой массы, с примесью песка, обжиг хороший. Сосуд вылеплен от руки, грубо формован, со следами лепки на поверхности. Из-за начавшихся дождей погребение не могло быть расчищено.

Таким образом, в 1937 г. были расчищены одно погребение в большом сосуде и два грунтовых погребения. Изучение сырцовых могил, обнаруженных в обрезах главного коллектора, произведено не было.

При обследовании Джафарханского могильника и осмотре отвалов земли, образовавшихся в процессе сооружения коллектора, в 1937 г. было собрано некоторое количество подъемного керамического материала во фрагментах, в значительной степени повторяющих по технике и формам сосуда, открытые в погребениях.

Своеобразный инвентарь Джафарханского могильника представляет значительный научный интерес, как совершенно новый для Муганской степи источник, характеризующий оседлую земледельческую культуру на нижнем Араксе, имеющую ряд аналогий в Закавказье и поддающуюся довольно точной датировке.

Прежде всего Джафарханские погребения имеют аналогии в могильнике, открытом на другом краю прикуринской низменности, в Мильской степи, на правом берегу р. Куры, у с. Мингечаур (Евлахский район). Могильник был открыт в 1936 г. при сооружении отводного оросительного канала¹. Погребения Мингечаурского могильника были обнаружены в больших глиняных сосудах. Внутри, кроме костей человека, находились бронзовые, с утолщенными концами, браслеты, подвески в форме прорезных

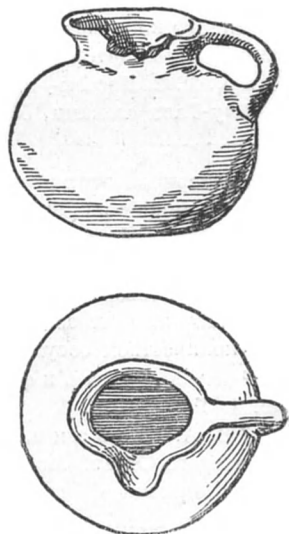


Рис. 11. Джафарханский могильник. Кувшин из погребения № 3. $\frac{1}{3}$ н. в.

¹ При открытии могильника в раскопках принял участие геолог М. Е. Лавров (Тбилиси), позднее в 1937—1938 гг. раскопки вел Е. А. Пахомов (Баку). К сожалению

колокольчиков, предметы из железа (кинжалы, серп) и бусы пастовые, стеклянные белые, зеленоватые и синие с глазками. В одном из погребений открыто по 11 браслетов на каждой ноге захороненного. Сохранились остатки ткани. Часто около больших сосудов с костяком находились небольшие сосуды из светлорозовой, желтоватой массы, по формам и технике, по сообщению Е. А. Пахомова, близкие к сосудам с носиками на подставках из Ялойлу-Тапа. В Мингечауре были сделаны наблюдения над двумя слоями погребений: верхним—«кувшинным» и нижним—с черноглиняной керамикой Ходжалинско-Кировобадских типов¹.

Как известно, впервые древние погребения новой своеобразной культуры, названной в Азербайджане Ялойлу-Тапинской, были открыты в 1926 г. у с. Нидж, Нухинского района, в местности, где р. Турян-чай впадает в р. Кара-чай, носящей название «Ялойлу-Тапа»². Здесь Д. М. Шарифовым было раскопано 5 грунтовых погребений без насыпи. Костяки—на правом боку, с подогнутыми ногами. Наряду с украшениями из бронзы и бус (пастовые, стеклянные) обнаружено огромное количество керамики из красноватой массы, чрезвычайно своеобразных и развитых форм. Из этого же района известны еще ранее находки, сделанные в раскопках Е. А. Лалаяна в самом с. Нидж и Варташен³, а в последние годы из местности Дегме-Дере, в 15 см на северо-запад от с. Нидж⁴. Случайные находки сосудов аналогичных форм были сделаны еще в XIX в. в Закатальском районе, близ с. Амиранджанлу и Марсан⁵, в имении Чиаури, в Сингхаском районе⁶, и в районе с. Анджиганчай, Елизаветпольской губ., изданные Е. Потье и переизданные мною в 1927 г.⁷ Среди керамики из Ялойлу-Тапа следует отметить близкие к джафарханским сосуды с высокой петельчатой ручкой⁸, кувшины с носиком⁹, сосуды на подставках и др. По технике выделки (налепные валики, плоские и конические бугорки и проч.) керамика из Джафархана может быть сблизена с Ялойлу-Тапинской, хотя последняя кажется более развитых форм.

Первоначально по имевшимся сведениям устанавливалось, что районом распространения памятников Ялойлу-Тапинской культуры следует считать долину р. Авторан и систему р. Алазань. Однако тогда не удалось определить окончательно положения найденного комплекса в последовательном ряду местных Закавказских культур. Наиболее вероятной датой А. А. Иессен определил для Ялойлу-Тапа время около IV—I вв. до н. э., Т. С. Пассек—период позднего железного века, а И. И. Мещанинов датировал Ялойлу-Тапа «веками, близкими к началу хр. эры»¹⁰.

нию, материалы этих раскопок остаются до сих пор не изданными, и приходится пользоваться лишь общими, появившимися в печати, сведениями.

¹ «Изв. Азфн», 1938 № 1, стр. 61; там же, 1939, стр. 71. В 1936 г. при проведении геологических изысканий, как сообщил геолог М. Е. Лавров, им была обнаружена в районе на север от р. Евлаха по направлению к с. Джафарabad, у с. Алджиганчай (при впадении р. Алазань в р. Куру), в ущельи у с. Кан-Ваши, гончарная печь с большим количеством сосудов Мингечаурского и Ялойлу-Тапинского типа.

² Д. М. Шарифов, Раскопки в Ялойлу-Тапа. «Материалы Азгосмузея», вып. I, Баку, 1927.

³ Е. А. Лалаян, Раскопки в с. Нидж и Варташен, Нухинского у. «Известия Кавказского Отдел. Моск. Археол. Об-ва», в. V, Тбилиси, 1919, стр. 37—47.

⁴ «Известия Об-ва обслед. и изучения Азербайджана», в. 4, Баку, 1927, стр. 243.

⁵ Дело Арх. Ком. 1892/23. Сосуды хранятся в собрании ГИМа в Москве за № 25284.

⁶ Дело Арх. Ком., 1890/29.

⁷ Т. С. Пассек, К вопросу о керамике из Ялойлу-Тапа, «Изв. О-ва обслед. и изучения Азербайджана», в. 4, Баку, 1927.

⁸ Д. М. Шарифов, указ. соч., рис. 10.

⁹ А. А. Иессен, Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье. Сборник аспирантов, ГАИМК, 1929, стр. 27.

¹⁰ И. И. Мещанинов, Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет. «Изв. Об-ва Обслед. и Изуч. Азербайджана», вып. II, № 8, Баку, 1929.

Позднее, в 1936 г., датировка эта была уточнена Е. А. Пахомовым, обнаружившим среди материалов из Ялойлу-Тапа две сильно окисленные монеты, одна из которых, после химической чистки, оказалась серебряным римским республиканским денарием второй половины I в. до н. э.¹

Для изучения Ялойлу-Тапинских памятников следует привлечь хорошо датированные материалы из раскопок в 1903 г. Г. О. Розендорфа, проведенных в степи к востоку (в 13 км) от Кировабада (б. Елизаветполь)². Г. О. Розендорф вскрыл здесь в одном

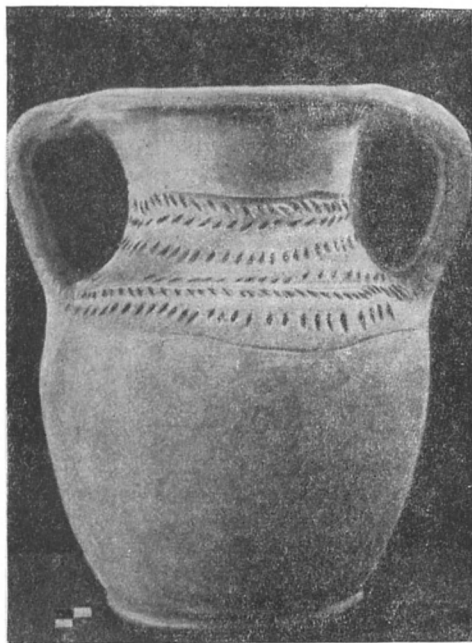


Рис. 12. Сосуд с двумя ручками из сырцово-вой могилы XI (раск. Г. О. Розендорфа). 1/8 н. в.

из курганов эпохи бронзы (№4) 13 впускных погребений в сырцовых могилах с инвентарем, близким как к Ялойлу-Тапинскому, так и к Джафарханскому.

В сырцовых могилах №№ 1, 8, 11 в ногах у покойника стояли большие сосуды с двумя ручками, изготовленные без гончарного круга, из желтой массы, с хорошо заполированной поверхностью. Высокие, с продольной ложбинкой ручки соединяют верх края и основание плечиков, причем верхняя часть ручек заканчивается двумя или четырьмя выступами. Эта форма близка сосуду из погребения № 1 Джафархана. Именно с такого типа сосудом и была обнаружена Розендорфом в могиле № 11 под челюстью костяка медная римская монета³. Сосуды эти обычно были в могилах прикрыты плоскими чашами с округлым дном, в центре которого плоское вдавление.

В могиле № 2 Розендорфом обнаружена такая же чаша, прикрывавшая сосуд с двумя расположенными на плечиках ручками, в верхней части которых заметны выступы, имеющие своим прототипом сверинные ручки, широко распространенные на Кавказе, в Иране.

¹ Е. А. Пахомов, Статуэтка из Молла-Исаклинского сельбища и ее датировка. «Изв. Азерб. Филиала АН СССР», 1936.

² ОАИ 1903. Материалы из раскопок хранятся в Собрании ГИМа в Москве за № 44225.

³ ОАК 1903, стр. 97. К сожалению, более точного определения монете сделано не было, а в собрании ГИМа монета мною не обнаружена.

12 Вестник древней истории, № 2.

Особенно интересно для установления точной даты то, что именно с таким типом сосудов и с кувшинами с листовидным носиком Розендорф обнаружил в могиле №№ 2 и 3 браслеты «из бронзовой проволоки с концами, заходящими один за другой и обвивающими друг друга спиралью»¹. Пространство между спиралью покрыто белой пастой. Из бронзового инвентаря следует отметить еще обнаруженные в могилах №№ 4 и 10 серьги, сделанные из плоского бронзового листа в форме полулунья, и пару бронзовых подвесок в форме колокольчиков с треугольными сквозными прорезями. Один из колокольчиков имел язычок бронзовый, другой—железный.

В погребениях постоянно встречаются пастовые и стеклянные бусы, одиночные сердоликовые, в могиле № 9—плоская овальная подвеска из янтаря с продольной просверлиной посередине.

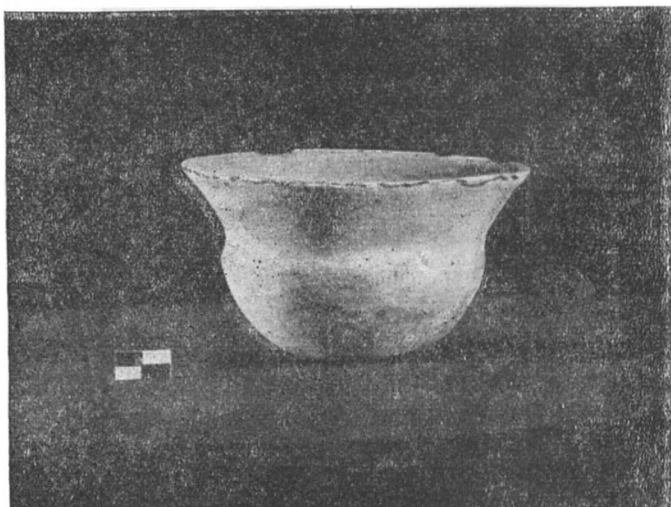


Рис. 13. Чашка из сырцовых могилы XI (раск. Г. О. Розендорфа). $\frac{1}{3}$ н. в.

Бышеописанный комплекс вещей из сырцовых могил раскопок Розендорфа полностью подтверждает датировку, устанавливаемую наличием в могиле № 11 римской монеты.

Аналогичный комплекс вещей сопоставляется с хорошо известными находками в погребениях сарматской эпохи на нижней Кубани, например у ст. Усть-Лабинской—в кургане № 32 (раскопки Веселовского), датируемых также временем последних веков до н. э.²

В сырцовых могилах кургана № 4 близ Кировабада, раскопанных в 1905 г. Вл. Скиндером, известна аналогичная керамика и бронзовые браслеты с заходящими концами³.

В последние годы перед войной Я. И. Гуммель в сборнике статей, посвященных результатам раскопок в окрестностях г. Ханлара и в долине р. Ганджачай, дает новые материалы и подробное описание сырцовых могил со скорченными погребениями около Кировабада, уточняя их устройство и датировку⁴.

¹ ОАК, 1903, стр. 95.

² ОАК 1903.

³ В л. С к и н д е р., Опыт археологической разведки. Пятигорск, 1906; А. Спичин, Некоторые Закавказские могильники, рис. 67—72. «Изя. Арх. Ком», вып. 29, СПб, 1909.

⁴ Я. И. Г у м м е л ь, Археологические очерки. Баку, 1940, Из-во АЗФАН, стр. 149.

Керамика из раскопок Я. И. Гуммеля сырцовых могил представлена сосудами тех же форм—кувшинами с листовидными носиками, округлыми чашами, сосудами с двумя ручками; характерны гладкие бронзовые браслеты с несомкнутыми утолщенными концами, небольшие серьги из тонкой бронзовой пластины в форме полулунья, бронзовые подвески-колокольчики; кроме того, в одной из могил (№ 47) около черепа обнаружен бронзовый стержень-булавка с лопаточкообразным концом и бусы из пасты, стекла и янтаря¹.

Особый интерес привлекают могилы №№ 46 и 47, в которых под нижней челюстью костяка найдены монеты, покрытые толстым слоем зеленой патины. Тщательная очист-



Рис. 14. Расписной сосуд с двумя ручками из сырцовой могилы II (раск. Г. О. Розендорфа).
1/3 н. в.

на и изучение их показали, что монеты сделаны из низкопробного серебра с большим содержанием меди. По определению Е. А. Пахомова, одна монета представляет собой серебряную аршакидскую драхму Фраата III (70—59 гг. до н. э.); вторая—серебряную аршакидскую драхму Орода I (57—38/37 гг. до н. э.). Таким образом, находка этих точно определимых монет дает возможность окончательно датировать комплекс находок сырцовых могил I в. до н. э. и I в. н. э.²

За последние годы район распространения находок Ялойлу-Тапинского типа значительно расширился. Так, в 1937 г. археологические раскопки Г. Ниорадзе на территории Грузии в Алазанской долине обнаружили погребения, принадлежащие к так называемой Ялойлу-Тапинской культуре, до сих пор вовсе не известные в этом районе³.

При изучении Алазанской, Ялойлу-Тапинской или Джафарханской керамики нельзя не обратить внимания на близкое родство ее с керамикой Передней Азии, точнее

¹ Я. И. Гуммель, указ. соч., рис. 5 и 6.

² Я. И. Гуммель, указ. соч., стр. 149.

³ Г. Ниорадзе, Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940. Раскопки велись на правом берегу р. Алазань, у с. Архалос-Коло.

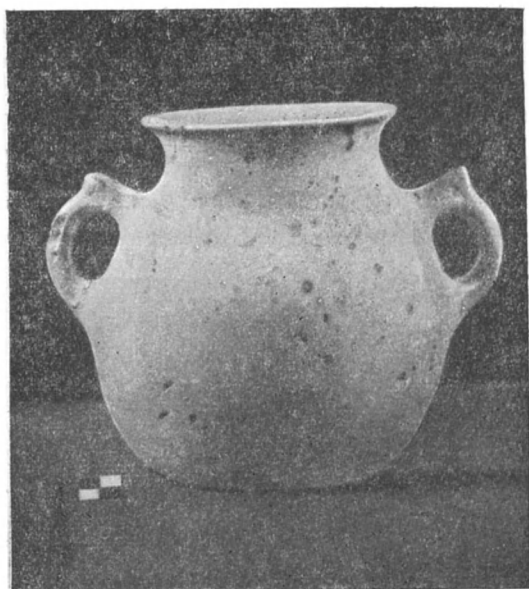


Рис. 15. Сосуд с двумя ручками из сырцовой могилы II (раск Г. О. Розендорфа). $\frac{1}{3}$ н. в.

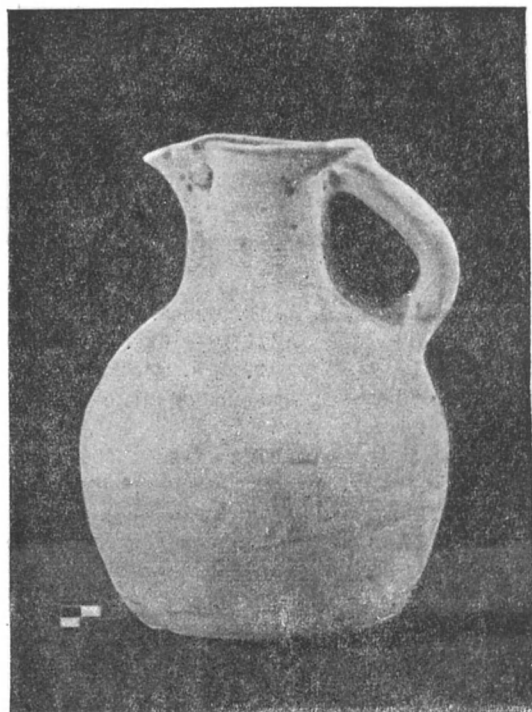


Рис. 16. Кувшин из сырцовой могилы III (расп. Г. О. Розендорфа). $\frac{1}{3}$ н. в.

с Северным Ираном и с местностями, лежащими в восточной части Средиземноморья, на побережье Малой Азии¹. Кроме того, следует указать, что керамика Ялойлу-Тапа—Джафархан крепко связана с закавказскими культурами предшествующих периодов I и II тысячелетий до н. э. и тем самым вовсе не занимает изолированного положения².

Таким образом, для периода времени, падающего на последние столетия I тысячелетия до нашей эры, в Куро-Араксинской низменности и на обширной территории в предгорьях Нагорного Карабаха, а также в долине рр. Алазани, Иоры и Куры характерны три типа погребений—в грунтовых ямах, в сырцовых могилах и в боль-

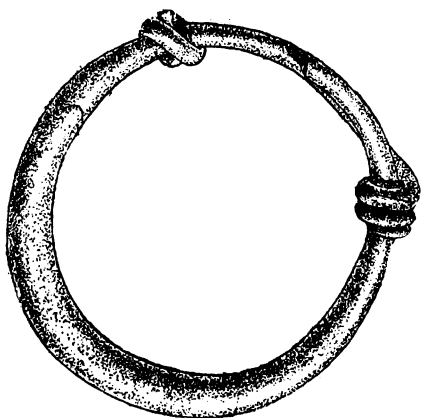


Рис. 17. Бронзовый браслет из сырцовой могилы III (раск. Г. О. Розендорфа).
^{3/4} н. в.



Рис. 18. Бронзовый браслет из сырцовой могилы II. (раск. Г. О. Розендорфа).
^{3/4} н. в.

ших глиняных сосудах («кувшинные погребения»), принадлежащие, несомненно, земледельческому населению Закавказья, имевшему большие и древние связи с культурой передней Азии, с Северным Ираном и Закаспийской областью.

Проникновение переднеазиатских культур в Закавказье известно со II тысячелетия до н. э., причем именно в Кызыл-Ванке на Араксе обнаружены типичные сосуды с длинными носиками, так называемые «Кызыл-Ванские чайники», которые, безусловно, должны быть типологически (хронологически от джафарханских они отделены целым тысячелетием) сближены с джафарханскими и ялойлу-тапинскими сосудами.

Культура крашеной керамики в Азербайджане охватывает собою весьма длительный период, и пока далеко не весь район распространения этой керамики обследован; это—местная культура, долгое время не прекратившая своего существования в Куро-Араксинском Двуречьи. Хронологически она как будто и старше и моложе периода урартской (халдской) культуры в Закавказье (XII—VI вв. до н. э.). «Трудно предполагать,—пишет И. И. Мещанинов,—чтобы крашеная керамика имела перерыв в своем развитии; приходится признать, что она одно время существовала параллельно с культурой халдов». Обнаруженная у Кала-Тапа в Мильской степи крашеная керамика типа Кызыл-Ванк II представляет собою лишь одну из ее разновидностей периода

¹ Frankfort. Studies in Early Pottery of the Near East, t. I, II. «Syria» XVI, 3, Paris, 1935; E. Herzfeldt, Iran in the ancient East, fig. 209, 212, 215—217. London, 1941; R. Pompey—H. Schmidt, Explorations in Turkestan Expedition of 1904. Prehistoric civilization of Anau, I—II. Washington, 1908 tabl. 12, fig. I; F. I. Arne. The Swedish Archaeological Expedition to Iran 1932—1933, «Acta Archaeologica», VI, Kobenhavn, 1935.

² Т. С. Пасек, указ. соч., стр. 4.

железного века. Следует считать, что «культура типа Ялойлу-Тапа (а теперь к ней можно добавить и Алазань, и Мингечаур, и Джафархан, и другие новые памятники.—Т. П.) представлена несколькими периодами, младшая из которых относится ко второй половине I тысячелетия»¹.

Среди разнообразных памятников Цалкинского района Б. А. Куфтин отмечает погребения в каменных ящиках, синхроничные римской и парфянской эпохе, у с.Таш-Баш и у с.Манглисси, датируемые римскими серебряными монетами I в. до н. э. Инвентарь—бусы, бронзовые колокольчики, подвески и керамику—он сравнивает с сосудами из Ялойлу-Тапа, среди которых встречены чаши на кольцевидном поддоне, кувшины с ручкой, с характерной красно-охристой обмазкой на поверхности².



Рис. 19. Бронзовая серьга из сырцово-вой могилы X (раск. Г. О. Розендорфа). 1/1 н. в.

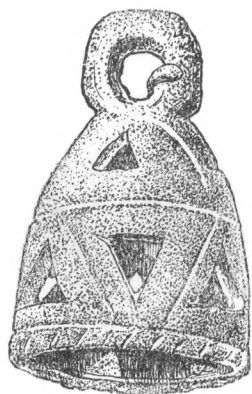


Рис. 20. Бронзовая подвеска из сырцово-вой могилы X (раск. Г. О. Розендорфа). 1/1 н. в.

К вопросу о культуре «крашеной керамики» и «кувшинных погребений» Б. А. Куфтин возвращается в своей книге неоднократно.

О сосудах, найденных в могильнике у с. Бешташени, Б. А. Куфтин пишет: «Все эти сосуды являются уже готовыми формами, которые будут продолжать жить почти в этом виде в более позднюю парфянскую и римскую эпохи в сырцовых могилах Ганджинского района и отчасти еще далее на восток в синхроничных последним кувшинных погребениях»³.

Среди инвентаря погребений у с. Бешташени, кроме керамики, следует указать еще и на находку железных кривых ножей, аналогичных железным ножам из погребений в долине Алазани⁴. Не менее интересны и сравнения плоских чаш из могильника у с. Бешташени с чашами из раскопок Розендорфа, Скиндера и Гуммеля⁵.

Б. А. Куфтин эти глиняные чаши сближает с серебряной чашей, найденной с кладом колхидских монет в Дабла-Гоми, а также с сосудом Кавбекского клада с арамей-

¹ И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 9. В последние годы крашеная керамика была открыта в районе Зурнабада у древней дороги, идущей из долины Куры в долину Аракса (р. Ганджа-чай)—Я. И. Гуммель, Крашеная керамика в долине Ганджа-чая (рис. 1—4), «Изв. Азфана», 1939, № 5, Баку.

² Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 27—28.

³ Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 41—42 и табл. XV.

⁴ Б. А. Куфтин, указ. соч., стр. 43 и табл. XVI; Г. Н. Ордз, указ. соч., табл. XIII.

⁵ Б. А. Куфтин, указ. соч., табл. XV, рис. 3; Я. И. Гуммель, указ. соч. фиг. 6, рис. 4, 6, 9; «Изв. Арх. Ком.», вып. 29, рис. 64—65.

ской надписью и со стеклянной чашей-фиалом из Алгети, точно датируя на основании этих сопоставлений весь комплекс интересующих нас находок из Бешташени ранне-ахеменидским временем, VI—V вв. до н. э., может быть — VII—VI вв. до н. э.¹

В дополнение к совершенно правильной мысли Б. А. Куфтина о том, что Бешташенские формы сосудов продолжают жить и в более поздние эпохи, отметим еще и

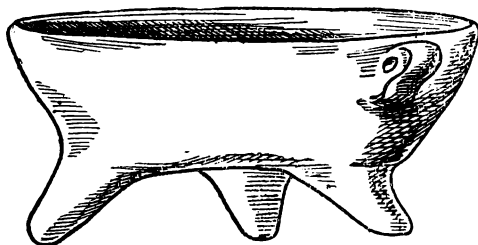


Рис. 21. Чаша на трех ножках из «каменного ящика» № 6 у с. Ходжалы (раск. И. И. Мещанинова). $\frac{1}{3}$ н. в.

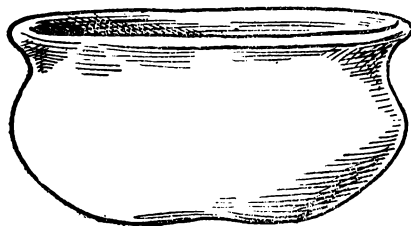


Рис. 22. Чаша из «каменного ящика» № 6 у с. Ходжалы (раск. И. И. Мещанинова). $\frac{1}{3}$ н. в.

то, что формы эти являются местными и тесным образом связаны с закавказскими культурами эпохи бронзы. Укажу здесь как пример на материалы из раскопок 1926 г. И. И. Мещанинова у с. Ходжалы, в которых я принимала участие. В одном из вскрытых экспедицией «каменных ящиков» (№ 6) был обнаружен керамический комплекс, чрез-



Рис. 23. Кувшин из «каменного ящика» № 6 у с. Ходжалы (раск. И. И. Мещанинова). $\frac{1}{3}$ н. в.

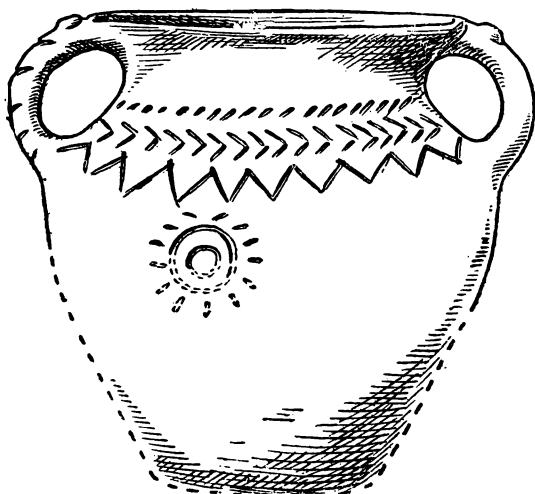


Рис. 24. Сосуд с двумя ручками из «каменного ящика» № 6 у с. Ходжалы (раск. И. И. Мещанинова). $\frac{1}{3}$ н. в.

вычайно близкий к Бешташенскому². Можно привести ряд других примеров. Так, среди погребений, изучавшихся Ивановским в районе Кедабека, Кара-Мурада и Калакента, в каменном ящике № 60 был обнаружен кувшин с высоким горлом и листовидным носиком. По плечикам кувшина, а также у основания носика и в месте прикрепления ручки к краю располагаются обычные плоские наленные бугорки, а темнокрасная

¹ Б. А. Куфтин, указ. соч., табл. VIII и рис. 44.

² К сожалению, материалы из раскопок в 1926 г. у с. Ходжалы остаются до сих пор неизвестными.

красочная облицовка покрывает густым слоем горло кувшина до основания ручки. Затем остается широкий просвет, пересеченный узкими волнообразными, наискось идущими полосками. Ниже—широкое пространство, сплошь покрытое красочной облицовкой, доходящей до половины нижней части кувшина!. В этой находке представлена, вероятно, одна из поздних разновидностей крашеной керамики Закавказья, может быть синхронистичной поздней стадии Кызыл-Ванка (Кызыл-Ванк II).

Но самое любопытное заключается в том, что по стилю и сюжету росписи кувшин из раскопок Ивановского чрезвычайно близок к расписному сосуду из Кала-Тапа в Мильской степи (I в. до н. э.)².

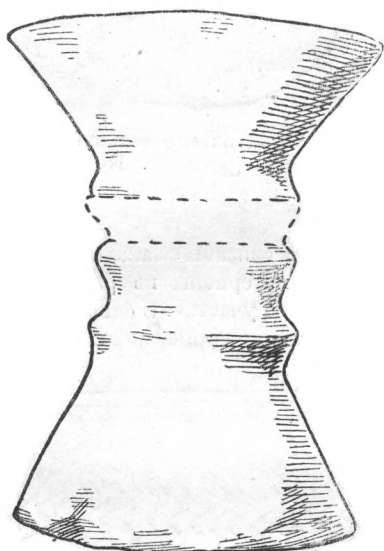


Рис. 25. Полый сосуд из «каменного ящика» № 6 у с. Ходжалы (раск. И. И. Мещанинова). $\frac{1}{3}$ н.в.

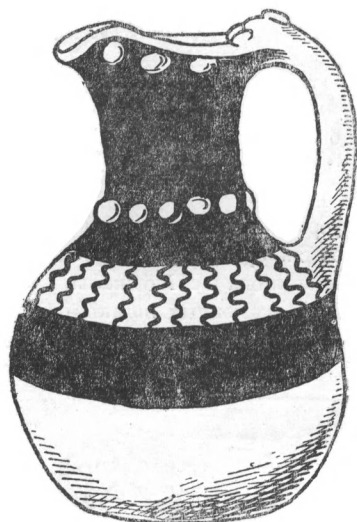


Рис. 26. Расписной кувшин из «каменного ящика» № 60 из района Кедабека (раск. Ивановского). $\frac{1}{3}$ н.в.

Еще более интересным является сосуд из раскопок сырцовых могил Г. О. Розендорфа, датируемых, как и Кала-Тапа, I в. до н. э. Широкогорлый сосуд из могилы № 8 с двумя ручками и бугорками на плечиках изготовлен из розовой массы. Наружная поверхность хорошо сохранила роспись темнокрасной краской, образующую два нешироких пояса, верхний из которых пересечен наискось (как и на сосуде из Кала-Тапа и из раскопок Ивановского) узкими волнообразными полосками, нижний—сходящимися под углом узкими полосками. Интересен и расписной сосуд, обнаруженный в 1938 г. недалеко от Агдажабеды вместе с обычной для кувшинных погребений керамикой³.

Таким образом, в Закавказье устанавливается безусловная преемственность и в формах и в технике выделки сосудов, и в стиле росписи, — так называемой культуры крашеной керамики. Можно с уверенностью утверждать, что культура Куро-Араксинского Двуречья—культура местная, уходящая своими корнями во II тысячелетие.

¹ А. А. Ивановский, По Закавказью. «Матер. по Археологии Кавказа», вып. VI, М., 1911, стр. 129 и табл. X, рис. 19. Кувшин хранится в собрании ГИМа в Москве, инв. № 47773.

² Б. А. Куфтин, указ. соч., рис. 4.

³ Е. А. Пахомов, Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана, рис. 3. «Изв. АЗФАН», 1939, № 3, Баку.

Однако далеко еще не все этапы ее развития известны и могут быть охарактеризованы. Ясно одно—что, начиная со второй половины II тысячелетия (Тазакенд—Кызыл-Ванк I) до VII и VI вв. до н. э. (Кызыл-Ванк II) и позднее (последние века до нашей эры) до памятников типа Ялойлу-Тапа—Алазань—Мингечаур—Джафархан в Куро-Араксинской низменности идет развитие древней земледельческой культуры, одним из вариантов и конечных звеньев которой является могильник типа Джафарханского. Джафарханский могильник (с его тремя типами погребений) должен рассматриваться как памятник существовавшего в то время на нижнем Араксе земледельческого населения и датироваться последними веками до нашей эры.



Рис. 27. Расписной сосуд с двумя ручками из сырцово-глиняной могилы VIII (раск. Г. О. Розендорфа). 1/3 н. в.

О земледельческом характере культуры того времени в этом крае говорят многочисленные городища и древние оросительные каналы, открытые на Мугани и возникшие, как возможно предполагать, так же как и Джафарханский могильник, в половине I тысячелетия до н. э.

Кем и когда были сооружены грандиозные по величине оросительные каналы, бороздящие своими мертвыми руслами Муганскую степь? Каждый такой канал носит местное название «гяур-арх», т. е. «канал неверных», чем подчеркивается доисламское происхождение этих памятников. Строителями столь крупных земляных сооружений не могли быть отдельные селения или даже ряд объединенных селений, так как на постройку каждого из гяур-архов требовалось употребить громадный контингент рабочей силы, подчиненной единой воле и единому плану. Кроме того, надо было иметь очень большое количество орудий производства и достаточный запас продовольствия и воды, чтобы осуществить эти грандиозные работы в безводной степи. Поэтому организация работ по постройке гяур-архов едва ли могла быть осуществлена в условиях феодальной раздробленности эпохи Средневековья.

Да к тому же, а это г л а в н о е, уже на рубеже нашей эры область нижнего Аракса известна античным писателям как цветущая земледельческая страна. Следовательно, гяур-архи были построены до начала нашей эры.

К иным выводам пришел акад. И. И. Мещанинов, совершивший разведывательного характера поездку в 1933 г. в Мильскую степь и произведший раскопки на городище Када-Тапе на берегу Каркар-Чая, близ Ходжавента¹. Ссылаясь на обнаруженные

¹ И. И. Мещанинов, Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. «Труды Азербайджанского Филиала АН СССР», XXV, Баку, 1936; до этого огромные насыпи, разбросанные в степях Милия Карабаха, оставались почти

еще в 1927 г. у поселения Кала-Тапе, на могильном поле на склоне гяур-арха, захоронения в большом кувшине¹, И. И. Мещанинов делает одно очень существенное заключение, что кувшинные погребения у Кала-Тапе существовали до прорытия здесь гяур-арха и оказались поэтому им перерезанными, благодаря чему данного рода погребения выступили в обрезах канала. К сожалению, проверочных раскопок здесь И. И. Мещаниновым произведено не было².

В связи с этим И. И. Мещанинов делает и дальнейшие выводы. Он относит «кувшинные погребения» «к нагорной и приречной полосе, а не к степной с ее искусственной системой орошения». Оговаривая, что «кувшинные погребения вовсе не связаны с кочевническим населением, а принадлежат к населению земледельцев в районах, орошаемых реками предгорных районов» (естественная система орошения), И. И. Мещанинов высказывает мнение, что и «кувшинные погребения» и нижние слои Кала-Тепе—древние сооружения ирригационного канала гяур-арха в Мильской степи и относятся к I в. до н. э. и I в. н. э., тогда как строительство каналов он относит к гораздо более позднему периоду—к эпохе Сасанидов—IV—VI вв. н. э. В подтверждение этих своих положений И. И. Мещанинов выставляет новую гипотезу, а именно, что городища типа Кала-Тепе, расположенные на окраине степи, не были связаны с ирригационной системой. Он рассматривает, таким образом, Кала-Тепе, как поселение, возникшее на почве развития земледелия в местах, орошаемых реками; в степь земледелие проникло из этих приречных и предгорных районов с хорошо известной древней культурой эпохи бронзы. Раскопки на другом городище Уран-Кала (V в. н. э.) заставляют И. И. Мещанинова предполагать, что толчок «к движению в степь из пригорных речных районов лесостепи был сделан в сасанидскую эпоху под иранским воздействием, вызванным экономическими интересами Ирана, так же как многими веками раньше в VIII—VII столетии до н. э. искусственная канализация на территории нынешней Армении была осуществлена Халдами в интересах Вана»³. В эпоху I тысячелетия до н. э., таким образом, по предположению И. И. Мещанинова, наряду с оседло-земледельческим населением в предгорных районах и на окраинах степи, в самой степи население было кочевое. Эта точка зрения совпадает с традиционным взглядом на Мильскую и Муганскую степи как на районы издревле неземледельческие, где система поливного земледелия возникает лишь в середине I тысячелетия н. э., в эпоху Сасанидов.

Вместе с тем не только археологические памятники, как мне это хотелось показать, но и исторические источники позволяют прийти к выводу, что строительство гяур-архой могло возникнуть в эпоху Ахеменидов. Известно, что страна Каспиана, в состав которой возможно включить и Муганскую степь, в VII—VI вв. до н. э. уже входила в состав Мидийского царства⁴. Несмотря на крайнюю ограниченность наших сведений о мидийской культуре, известно все же, что, наряду с ведущей отраслью мидийского хозяйст-

не затронутыми исследователями. Некоторые отрывочные сведения о них дает Э. Ресслер, совершивший в 1897 г. экскурсию в Мильскую степь и обнаруживший здесь погребение в больших сосудах. «Отчет Арх. Ком.», 1897.

¹ А. А л е к с е в, Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. «Изв. Об-ва обслед. и изучения Азерб.». Баку, табл. 1, фото 2. 1927. № 2, стр. 212.

² Кувшинные погребения известны и ниже по Араксу—и у с. Карягино и у с. Горадиза, где проходит тот же гяурх-арх (его начало). В 1938 г. интересные раскопки кувшинных погребений были проведены у с. Карачуджах и у с. Калагя Исмаиллинского р-на, причем в кувшинных погребениях у с. Калагя впервые была найдена пара золотых серег с камнями, «Изв. АЗФАН», 1939, № 3, рис. 1. Баку. Кроме того, расписная керамика II Кызыл-Ванского типа известна в Мильской степи из городища Шюмюрлю-Тепе (И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 52, примечание 33).

³ И. И. Мещанинов, указ. соч., стр. 51.

⁴ Ср. К л и м о в, Д ж а ф а р з а д е, Я м п о л ь с к и й, Об итогах изучения Азербайджана за 20 лет. «Изв. АЗФАН», 1940, Баку, стр. 68; «Изв. АЗФАН», 1940, № 6, Баку, стр. 117.

ва—конеководством, развивалось и земледелие. При Ахеменидах Мидия, в состав которой входила Каспиана, была одной из сатрапий древнеперсидской монархии, в которой ведущей отраслью хозяйства являлось высоко развитое поливное земледелие. Хороший знаток персидских условий Ксенофонт (434—355), который сам прошел внутренние области царства, сообщает интересные сведения о том значении, какое придавали Ахемениды земледелию. «Часть своей страны царь объезжает и осматривает сам, часть через посылаемых надежных людей, и если заметит, что сатрапы представят землю обитаемой, обработанной и обильной свойственными ей деревьями и плодами, то присоединяет к ним области и награждает их подарками и почетными тронами»¹.

Вместе с тем возникшая при Ахеменидах религиозная система Зороастра предписывала каждому человеку орошать новые земли, расширять площади поливного земледелия. Поэтому мы едва ли ошибемся, если предположим, что строительство каналов Каспианы могло быть осуществлено одним из сатрапов Мидии на протяжении IV в. до н. э.²

На рубеже нашей эры «Каспиана входит в состав Албанской земли, названная по имени каспийского народа, от которого получило название и море и который теперь уже не существует»³. У Страбона имеется весьма ценное для нас описание состояния Албании на рубеже нашей эры. Следует отметить, что часть сведений касается горных областей собственно Албании, а в другой описывается равнина Каспианы, входившая в это время в состав Албании⁴. К коренной Албании относится, повидимому, следующая характеристика: «Албанцы более склонны к пастушескому образу жизни и ближе к типу кочевников»⁵. Описание Страбоном земледелия и исключительного плодородия почвы Албании должно относиться к областям Каспианы (частично современная Мугань), где чрезвычайное плодородие почвы обусловлено особо высокими качествами иракского ила. Страбон пишет, что «часто земля, засеянная однажды, приносит плод дважды или даже трижды, в первый раз даже сам-пятьдесят, притом не бывши под паром и будучи вспахана не железным, но грубым деревянным плугом. Вся равнина орошается лучше Вавилонской и Египетской **реками и другими водами** (подчеркнуто мною.—Т. П.), так что всегда сохраняет велеющий вид, а вследствие этого изобилует и пастбищами; кроме того, и воздух здесь лучше, чем там. Виноградники у них остаются совершенно невзрытыми и подрезаются через пятилетие, но тем не менее молодые лозы приносят плод уже через два год, а взрослые дают столько плодов, что большую часть оставляют на ветвях»⁶.

Следует обратить внимание, что в приведенном тексте речь идет о двух видах орошения: 1) «реками» и 2) «другими водами», т. е. водами каналов. Первый вид—залив береговых плесов и прибрежных низин рекою во время половодья—известен и в новое время в приречной полосе на нижнем Араксе, но «вся равнина», т. е. основной массив степи, могла быть орошаема и действительно орошалась в древности в о д а м и к а н а л о в.

Неопровержимое доказательство правильности Страбоновых сведений о земледелии на Нижнем Араксе мы имеем теперь в открытых на Мугане древних ирригационных сооружениях. Благодаря своей оросительной системе Муганская степь славилась в средние века плодородием. Но в 1200 г. Минги-хан, родственник Чингис-хана, перерезал жителей Мугани и разрушил древнюю оросительную систему; Тимур в 1386 г.

¹ Б. А. Тураев, История Древнего Востока. Л., 1935, т. II, стр. 141—142.

² В связи с этим возможно объяснить и другой вопрос—почему река Кура называлась именем царя Кира (в древности Кир или Кур), а имя «Мугань» можно понимать, как страну мугов (магов).

³ Страбон, гл. IV, 5.

⁴ В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924.

⁵ Страбон, гл. IV, 1.

⁶ Страбон, гл. IV, 3.

частично восстановил ее. Восстановленная Тимуром часть канала продолжала действовать вплоть до нашествия Надир-шаха в начале XVIII в.

В общем же со времени монгольского завоевания Мугань прочно приобретает характер края кочевого скотоводства. На карте венецианца Мартино Сануто, изданной в 1320 г., Мугань названа «*Planities Mogan in qua tartari hibernant*» — равнина Мугань, на которой зимуют татары¹.

И невольно это традиционное представление о Мугани как о крае, где со времен Золотой Орды зимовали кочевники-скотоводы, в XX в. переносилось на периоды, значительно более древние, а поиски археологов направлялись прежде всего в предгорные районы, издревле известные высокой культурой.

Во всяком случае, высказанная мною в связи с открытием Джафарханского могильника гипотеза, что муганские каналы были сооружены во время, более древнее, нежели время Страбона, описавшего этот край, будет окончательно решена лишь на основе новых археологических работ, которые позволят установить время возникновения на Мугани городищ и связанных с ними каналов. Однако уже и сейчас материалы Джафарханского могильника в корне меняют традиционное представление об этом крае и заставляют по-новому понимать развитие древних культур Куро-Араксинского Двуречья.

Т. С. Пассек

Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса

В результате археологических открытий конца XIX и начала XX вв. было установлено, что Херсонес Таврический эллинистического времени имел собственное керамическое производство. Раскопки, произведенные после Октябрьской социалистической революции, особенно в 1935, 1936 и 1937 гг., дали новый многочисленный материал о керамическом производстве эллинистического Херсонеса. Вместе с тем за последнее время обнаружены следы новых крупных керамических заведений, которые дополняют прошлые открытия.

Первую гончарную мастерскую по изготовлению художественных терракотовых изделий обнаружили раскопки 1888 г. в восточной части Херсонесского городища². В одной из комнат этой мастерской были найдены терракотовые формы, в другой — гончарная печь.

О высоком уровне и больших размерах терракотового производства свидетельствуют многочисленные терракотовые формочки для отливки глиняных статуэток и архитектурных украшений, находящихся в фондах и в экспозиции Херсонесского музея.

В 1900 г. у башни Зенона Косцюшко-Валюжиничем была обнаружена гончарная мастерская, дающая наиболее полное представление о керамическом производстве эллинистического Херсонеса. Здесь было найдено не только большое количество остатков продукции и полуфабрикатов, но и необходимые сооружения для их производства, а именно: «печи для обжигания глиняной посуды и терракот, ямы для приготовления глины, колодцы, бассейны и каналы для сбора и хранения воды; формы для терракотовых фигур и орнамента, раздавленные амфоры с именами местных астиномов на ручках и, наконец, внутри колодца «Л», обращенного в сорную яму, огромное количество обломков именно той буrolаковой и графитового блеска посуды, которую ошибочно считали привозной. Но этого мало: здесь были найдены 2 штампика из обожженной глины, а) четырехгранный, в 0,07 м длины, для орнамента в виде овалов, за-

¹ Н. А. Маевский, Условия орошения и колонизация на Мугани в Куро-Араксинской равнине вообще. «Известия Кавк. Отд. Русского Географ. Об-ва», т. XV, 1902, Тифлис.

² ОАК 1882—1888, стр. ССXI.

витков и кружочков с точками посередине, четырех разных видов, для терракотовых карнизиков и б) в виде изогнутого круглого, суживающегося кверху стержня в 0,07 м длины для выдавливания розеток с девяти лепестках на глиняных буро-лаковых тарелках и блюбочках местного производства¹.

В. Ф. Гайдукевич правильно отмечает разнообразие деятельности этой мастерской. Здесь производились в большом количестве амфоры, различные чернолаковые, буролаковые со уды и терракотовые изделия².

Чернолаковые сосуды очень разнообразны: здесь есть рыбные блюда, тарелки, блюда, килики, светильники, детские рожки, чашечки, солонки, канфары, двуручные вазочки и т. д. Тарелки и блюда украшены внутри посередине одной или несколькими розетками, исполненными штампом. Очевидно, при гончарных мастерских эллинистического Херсонеса были квалифицированные мастера-художники по выделке сосудов и терракот.

Если возникновение этой мастерской, по мнению Косношю-Валюжинича, может быть отнесено к IV в. до н. э.³, то конец существования ее, по нашему мнению, относится к середине II в. до н. э. В этом же районе с внутренней стороны оборонительной стены в 1905 г. была обнаружена другая гончарная мастерская эллинистического времени. В отчете об этом сказано следующее: «В помещении II, греческой эпохи, обнаружены гончарная печь «З», прямоугольная яма «И», вырубленная в скале для приготовления глины, которая была открыта в 1900 г. с наружной стороны оборонительной стены, и арковидная ниша «Г» в скалистой стене.

В помещении VII той же эпохи сохранились остатки интересной печи «Н», в виде свода старательной работы, с каменной лестницей, коридорчиком и отделением, быть может, для склада⁴.

Концентрация здесь керамических мастерских может быть объяснена тем, что этот участок карантинной бухты играл огромную экономическую роль, являясь экспортным и импортным центром Херсонеса; с его деятельностью был связан, вероятно, и опыт гончарных изделий.

Раскопки Р. Х. Лепера 1911 г. в северо-восточной части Херсонесского городища дали новый дополнительный материал о керамическом производстве эллинистического времени. В помещении 11 к юго-востоку от известково-обжигательной печи под вымосткой дворика римского времени была открыта обжигательная печь, заполненная многочисленными чернолаковыми черепками. Она была обнаружена в полуподвальном помещении, вырубленном в скале в виде неправильного четырехугольника. Недалеко от этого помещения имеется колодец глубиной около 10 м и цистерна грушевидной формы. Таким образом, и здесь мы имеем керамическую мастерскую с необходимыми сооружениями, так же как и в мастерской, открытой в 1900 г., но более специализированную и меньшего масштаба. Внутри обжигательной печи и возле нее найдены обломки сосудов, главным образом покрытых лаком графитового цвета и со штампованным орнаментом в виде розетки.

В. Ф. Гайдукевич правильно предположил, что здесь была мастерская, производившая исключительно чернолаковую посуду⁵. Найденные здесь фрагменты сосудов по форме, лепке и орнаменту вполне совпадают с фрагментами, которые были найдены еще в 1900 г. около башни Зенона. Отсюда можно предположить, что

¹ МАР, т. VII (1892), «Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 — 1889 гг.», стр. 9 — 10.

² В. Ф. Гайдукевич, Античные керамические обжигательные печи, ГАИМК 1934, стр. 112.

³ Архив ГХМ, дело № 14, Отчет за 1905 г., стр. 38.

⁴ Ibid. стр. 12; ИАК, вып. 25, стр. 159.

⁵ В. Ф. Гайдукевич, Античные керамические обжигательные печи. ГАИМК 1934, стр. 12.

гончарные мастерские, открытые в 1900 и 1911 гг., существовали одновременно. Здесь нужно отметить, что, в результате нашей личной проверки вместе с сотрудником Херсонесского музея С. Ф. Стржелецким, мы пришли к заключению, что помещение, где была обнаружена печь в 1911 г., действительно относится к эллинистическому времени.

Гончарные мастерские в эллинистическое время, несомненно, были и в других местах Херсонеса.

Северный берег Херсонеса в этом отношении заслуживает особого внимания. В 1890 и 1891 гг. Косцюшко-Валюжинич раскопками удалил узкую полосу городища вдоль берега моря, к которой примыкают раскопки 1935 и 1936 гг. Г. Д. Белова. Судя по огромному количеству керамических находок, Косцюшко предположил, что в этом месте находилась торговая площадь. На незначительной площади участка без каких бы то ни было строительных остатков в 1890 г. обнаружены были следующие находки: 949 амфорных ручек с клеймами астиномов и монограммами фабрикантов, 546 грузил пирамидальной формы, 82 обломка терракотовых и мраморных статуэток, 3096 фрагментов чернолаковых сосудов¹ и т. д. В 1891 г. найдено 28 терракотовых обломков, 48 целых и 28 фрагментированных светильников, до 350 амфорных ручек с клеймами астиномов и монограммами фабрикантов² и т. д. При раскопках 1935—1936 гг. здесь в большом количестве найдена местная сероглиняная, покрытая тусклым лаком посуда. Характерной является розовоглиняная посуда—кувшины, с орнаментом, исполненным красной краской в виде полос, завитков, листиков и т. п. Большинство видов этой посуды производилось на месте в Херсонесе: амфоры, блюда, сероглиняная посуда с плохим лаком, с орнаментом красно-коричневого цвета и кухонная. Это указывает на то, что в эллинистический период, в IV—II вв. до н. э., местное гончарное производство в Херсонесе достигло большого развития³. Скопление здесь большого количества обломков различных керамических изделий безусловно не является случайным. Очень правдоподобно утверждение Г. Д. Белова о том, что «терракотовые формы, найденные в раскопках участка, позволяют говорить о существовании терракотовой мастерской в этом квартале; они еще раз подтверждают существование в Херсонесе в эллинистический период собственного художественного производства терракот...»⁴.

Отсутствие гончарной печи в этом квартале объясняется, может быть, тем, что она была разрушена до основания.

На северном же берегу Херсонеса, между шестистолпным храмом и базиликой раскопок 1893 г., привлекли внимание следы горения на скале. В результате нашей проверки и частичной зачистки 6 декабря 1939 г. совместно с сотрудником Херсонесского музея С. Ф. Стржелецким были обнаружены следы основания печи, остатки саж, угля и следы горения на скале. Здесь найдены перегоревшие черепки, обломки различных чернолаковых и других сосудов эллинистического времени.

Около предполагаемой печи были обнаружены выруб в скале и пифос эллинистического времени херсонесского производства. Внутри пифоса и вокруг него найдены обломки другого пифоса, кухонных сосудов, амфор и черепиц. Один из обломков черепицы—с клеймом херсонесского астинома и монограммой фабриканта.

Гончарные мастерские эллинистического времени находились не только в Херсонесе, но и в его окрестностях, особенно вблизи источников сырья—глины. Так, например, следы гончарного производства были обнаружены на северной стороне города Севастополя.

По предварительным данным и находкам выявлены следы крупного керамического производства у Песочной бухты, недалеко от берега моря. Здесь найдены обломки черепиц, амфор и массивных блюд.

¹ Архив ГХМ, дело № 335 по картотеке.

² ОАК 1891, «Раскопки в Херсонесе», стр. 7.

³ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., стр. 29.

⁴ Там же.

Беглый обзор гончарных печей позволяет сделать некоторые выводы о керамическом производстве эллинистического Херсонеса.

Из всех отраслей промышленности в эллинистическом Херсонесе, как это уже сказано было Г. Д. Беловым¹, ведущим являлось керамическое производство, которое достигло наивысшего расцвета в III и II вв. до н. э.

В количественном отношении продукция местного керамического производства преобладает над привозной как в Херсонесе, так и в его окрестностях.

Наряду со специальными мастерскими, производящими изделия только одного сорта, как, например, мастерские, открытые в 1888 и 1911 гг., были мастерские комплексного характера, производившие изделия различных видов, аналогично мастерской, открытой в 1900 г. у башни Зенона.

О наличии этих двух типов мастерских свидетельствуют и эпиграфические данные. О существовании второго типа мастерских—неспециализированных—свидетельствует амфорная ручка (№ 1224) и черепица (№ 3185), на которых имена астиномов в обоих случаях одинаковы, как одинаковы и имена фабрикантов.

Многочисленность керамических мастерских в Херсонесе и его окрестностях служит доказательством того, что они находились в руках отдельных частных предпринимателей. Подтверждением этого является большое количество разнообразных монограмм, имеющих на амфорных ручках и черепицах Херсонеса. Наряду с этим мы имеем такой факт, когда одна и та же мастерская принадлежала двум лицам, о чем свидетельствуют двойные монограммы фабрикантов. Весьма вероятно, что в таких случаях сама мастерская имела комплексный характер.

Большое развитие керамического производства объясняется тем, что оно было тесно связано со всеми важнейшими отраслями хозяйственной жизни и деятельности Херсонеса и обслуживало их. Производство пифосов, амфор было связано с виноделием, торговлей и рыболовством; для последнего, кроме того, изготовлялись грузила. Производство черепицы и кирпичей связано со строительным делом. Различная черно-лаковая и простая посуда нужна была для домашнего хозяйства.

Местные керамические изделия, кроме самого города, в массовом количестве встречаются в его окрестностях—на Гераклейском полуострове, который являлся основным рынком сбыта продукции керамических мастерских. Однако вывоз херсонесских керамических изделий не ограничивается Гераклейским полуостровом и простирается на всю область херсонеситов, а также и на горную часть Крыма, примыкающую к Херсонесу. Несомненным доказательством последнего являются многочисленные амфорные ручки с клеймами херсонесских астиномов, встречающиеся в Керкинитиде и Неаполисе. В Неаполисе найден также обломок черепицы с клеймом херсонесского астинома и начальная буква владельца мастерской.

Вместе с тем амфорные ручки с клеймами херсонесских астиномов встречаются в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Феодосии, Танапсе и во многих других местах Причерноморья. Вероятнее всего, продукция херсонесских гончаров попадала туда в виде тары, однако не исключена возможность вывоза ее в эти отдаленные пункты Причерноморья и как товара.

Р. Азмеров

¹ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., стр. 248.

Пятилетний план научно-исследовательской работы сектора древней истории Института истории Академии Наук СССР

В 1946—1950 гг. сектор считает необходимым разработать следующие проблемы:

I. **Международные связи в древности.** Данная проблема охватывает собою круг вопросов, связанных с изучением экономических и политических отношений между различными странами Востока и Запада в древности. Специальное изучение торговых связей между странами классического Востока, междуэллинских отношений и, в частности, взаимоотношений греков и варваров, исследование римского проникновения в страны Средиземноморского бассейна в связи с политической завоеваний позволит опосредствовать историю рабовладельческих обществ со стороны их внешнеполитических связей и установить влияние этого фактора на развитие внутренних закономерностей истории этих обществ древности.

В изучении этих вопросов может быть использован обширный накопившийся материал, особенно материал надписей, исследование которого по вышеназванным вопросам до сих пор отстает. Исследование проблемы международных связей в древности может быть проведено по следующим вопросам:

1. Культурно-экономические взаимоотношения Египта, Крита и Междуречья в период до персидского завоевания.
2. Торговые договоры и политические соглашения в эллинском мире.
3. Международные отношения в эпоху эллинизма.
4. Римские завоевания и международные отношения стран Средиземноморья.

II. **Формы рабства и роль общины в странах классического Востока.** В вопросе о рабстве в странах Востока имеется несоответствие и резкое расхождение между взглядами советских историков и иностранных ученых. Иностранные ученые трактуют восточные государства как феодальные, отодвигая феодализм в глубокую древность и запутывая вопрос о прогрессивности исторического процесса. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки показали, что первое классовое общество, как оно сложилось на Востоке, было рабовладельческим, с сохранением, однако, большой роли в нем земельной общины, весьма тормозившей общественное развитие на Востоке.

Формы и масштабы рабства на Востоке находились в самой тесной зависимости от устойчивости общины, ее сопротивляемости или быстрого распада. Изучение видов рабства и масштабов его должно быть проведено путем исследования следующих тем:

1. Развитие рабства в Египте в эпоху Нового царства.
2. Община и расцвет рабства в халдейском Вавилоне.
3. Рабовладельческие отношения у хеттов.
4. Характер земельной собственности в странах Древнего Востока.

III. **Проблемы социально-экономической истории стран эллинистического Востока.** Изучение новых данных (археологических, папирологических и эпиграфических) является весьма актуальным в деле исследования социально-экономической структуры, а также политической истории стран эллинистического Востока. Раскрытие новых памятников в Средней и Восточной Азии позволяет судить о культурных взаимоотношениях стран эллинистического мира со странами юго-восточной Азии (Индия, Западный Китай и др.). Изучение этих взаимоотношений представляет интересную и важную задачу историка античности. Особой задачей в изучении эллинистического мира должно стать исследование тех эллинистических образований, которые занимали территории современного Советского Союза и оставили там ряд важнейших памятников.

Разработка новых материалов в смысле более четкого выяснения социально-экономической структуры стран эллинистического Востока позволит советским историкам древности изложить с марксистско-ленинских позиций историю как каждой

эллинистической монархии в отдельности, так и общую историю эллинизма как важнейшего этапа в переходе от рабовладельческого строя к феодальной системе социально-экономических отношений.

Изучение вышеназванных проблем должно быть проведено путем исследования следующих тем:

1. Памятники эллинистической эпохи в Средней Азии.
2. Социально-экономическая структура эллинистического Востока.
3. Социальные движения в эллинистическую эпоху.

IV. Проблема древневосточного и античного государства. Вопрос о происхождении, развитии, характере и социальной основе древневосточного и античного государства, поставленный в трудах классиков марксизма-ленинизма, не нашел еще должного освещения в трудах советских историков. Специальные исследования должны показать, при каких условиях возникло государство в странах древнего Востока; чем обусловлено было разнообразие форм правления в древней Греции; ставится, в частности, вопрос о возникновении, развитии и упадке античной демократии (имеется в виду не только история Афинского государства, но и политическая жизнь других городов-государств). По истории Рима ставится вопрос о социальных основах Римской империи. На конкретном материале должно быть показано, каким образом осуществляло государство основные свои функции в различные периоды древней истории, в каком отношении находилось государство к различным прослойкам рабовладельческого общества в разные эпохи древности, как развивались и изменялись идеи государственности и народоправства в античном мире.

Изучение этой проблемы может быть проведено путем исследования тем:

1. Происхождение государств в древнем Шумере.
2. Архаика и Древнее царство в Египте.
3. Античная демократия и ее социальные основы.
4. Ранняя и поздняя тирания.
5. Социальные основы римского государства в эпоху ранней империи.

V. Социальные движения и классовая борьба в период кризиса рабовладельческой системы. Античное и рабовладельческое общество дает примеры острой борьбы классов, приводившей к широким социальным движениям за передел земель. В конце римской республики социальные движения угнетенных классов сопровождаются освободительным движением народов против римской власти (в Малой Азии, Испании, Греции). Несмотря на достижения советской науки в деле изучения восстаний рабов в древнем Риме, многие вопросы социальной борьбы, особенно на периферии Рима, остаются еще не выясненными. К таким вопросам относятся выступления иберийских и галльских племен за независимость, а также борьба греческих городов против римских завоеваний на Востоке. Изучение этих проблем может быть проведено путем исследования следующих тем:

1. Античная Испания и ее борьба за независимость.
2. Восстание Аристоника и римское завоевание Пергама.
3. Социальная борьба в греческих городах Малой Азии в период войн Рима с Митридатом.

4. Социальные движения в эпоху поздней империи и их значение в падении Западно-Римской Империи.

6. Разложение рабовладельческого общества и возникновение форм колонатной зависимости. Вопрос о процессе разложения рабовладельческой формации, о формировании в ее рамках новых колонатных отношений, создававших элементы формации феодальной, а также о характере и конкретных формах социальной революции, расчленившей путь для феодализма. — вопрос огромного научного значения, мало освещенный с марксистско-ленинской точки зрения.

Изучение этого вопроса требует весьма тщательного исследования дошедшей до нас агрономической литературы, юридических и эпиграфических памятников, а также использования данных древних писателей о распаде Римской империи.

К этой проблеме, взятой во всей ее совокупности, относятся такие темы:

1. Аграрные отношения и формы зависимости свободных земледельцев в итальянском хозяйстве I в. до н. э. и I в. н. э.
2. Юридические памятники о колонате и патронате.
3. Римская Африка.
4. Развитие форм колонатной зависимости на Западе и Востоке Римской империи.
5. Восточно-Римская империя и изменения ее социальной структуры.

VII. Идеологический кризис античного мира. Идеологические течения, сопровождавшие процесс разложения античного рабовладельческого общества, нашли свое выражение в различных философских и теософских учениях греков и римлян. Историков античности особенно интересовало раннее христианство и его историческая роль. Несмотря на необъятную литературу по этому вопросу, в советской науке, данная проблема не может быть признана окончательно разрешенной. В частности, следует считать, что вопросы о генезисе раннехристианских идей об исторических условиях их формирования, об исторической роли раннего христианства как идеологии угнетенных классов и поработанных Римом народов в деле социального распада Римской империи—являются весьма актуальными для марксистско-ленинского изучения истории идей. Наряду с этим, важным вопросом является также и вопрос об образовании христианской церкви как религиозного аппарата, слившегося потом с Римской империей и сыгравшего роль, противоположную той, которую сыграли раннехристианские общины в их движениях против римской власти.

В изучении этой проблемы могут быть намечены следующие темы:

1. Происхождение социальных идей раннего христианства.
2. Раннехристианская социальная философия и ее место в идеологии угнетенных
3. Христианство и разложение рабовладельческой культуры.

VIII. Скифская и греческая культура в Причерноморье. В изучении истории античного общества имеет большое значение исследование проблемы культуры скифов в Причерноморье. Как греки, так и позднее римляне сталкивались со скифами как с варварским миром. Древние авторы, материалы надписей, памятники археологии дают в руки историка древности весьма ценные данные для изучения взаимоотношений этих двух миров.

Изучение скифской культуры имеет значение и для древней истории СССР, ибо, как это показывают исследования советских историков, некоторые скифские племена можно рассматривать как предков славян, а скифская культура оказала влияние на формирование ранней культуры славян.

В изучении скифской и греческой культуры в Причерноморье, а также взаимоотношений Римской империи со скифскими племенами необходимо выделить следующие работы:

1. Подготовка издания «Свода литературных и эпиграфических памятников о Скифии».
2. Греческие колонии Причерноморья и взаимодействие греческой и скифской культур.
3. Скифско-римские войны и их значение в судьбе Римской империи.

Работа в области археологии Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР

(По плану 1946—1950 гг.)

Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР, вступая в первое пятилетие после Великой Победы, видит свои задачи: в расширении знания истории народов СССР путем изучения разделов ее, не освещенных в литературе.

паемых письменными источниками, причем точное хронологическое соотношение археологических фактов приобретает решающее значение;

в решении вопросов происхождения древних этнических групп и современных народов Советского Союза и их культуры, с особым вниманием к проблеме восточного славянства;

в исследовании условий сложения и истории древнейших государств на территории СССР;

в выяснении роли древнейших обитателей СССР в культурно-историческом развитии древнего мира и средневековья.

Осуществляя это, ИИМК АН СССР будет проводить камеральную обработку и всестороннее изучение богатейших археологических фондов и архивов, а также организует значительное число археологических экспедиций.

Результаты своих работ Институт будет опубликовывать в серии «Материалы и исследования по археологии СССР», в «Советской Археологии» и в «Кратких сообщениях о докладах и полевых исследованиях ИИМК».

Руководствуясь основными задачами своего плана, Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР предполагает в 1946—1950 гг. выполнить нижеперечисленные исследования. Их характеристика дает представление о всей работе ИИМК в целом.

I

Прежде всего ИИМК будет работать над завершением больших обобщающих трудов, предпринятых совместно с Институтом истории:

над первым томом всемирной истории, освещающей вопросы истории первобытного общества,

и над первым томом истории СССР, охватывающий древнейшую историю нашей родины до образования Киевского государства.

Кроме того, здесь же должны быть упомянуты еще две обобщающие работы:

сборник материалов и исследований по археологии Москвы, выпускаемый в связи с 800-летием нашей столицы, и

общий курс русских древностей (VI—XIII вв.) — труд, до сих пор не имеющийся в нашей литературе.

II

В области изучения каменного века первой стоит проблема выяснения стадий развития палеолита в отдельных районах СССР и их соотношения с геологической историей страны.

Здесь выдвигаются на очередь разыскания древнейших палеолитических (домустерских) памятников на территории Союза, в связи с чем разворачиваются работы в тех областях, где есть уже основания ожидать их открытия, — в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии.

В целях же установления стратиграфии будет вестись изучение классических местонахождений — района Костенок и бассейна Десны, а также стоянок Сибири.

Для разрешения этой проблемы будут разработаны следующие темы:

1. Палеолит Восточноевропейской равнины. Исполнители П. П. Ефименко, М. В. Воеводский, П. И. Борисковский, С. Н. Бибилов. Завершение в 1951 г.

2. Палеолит горных областей Средней Азии. Исполнитель М. В. Воеводский. Окончание в 1950 г.

3. Палеолит Черноморского побережья Кавказа. Исполнители С. Н. Замятин и М. З. Паничкина. Окончание в 1950 г.

Вторую проблему составляет определение племенных групп неолитической эпохи и их соотношений на территории СССР.

Ставя эту проблему, Институт надеется в итоге предпринимаемых исследований в области неолита выявить картину исторической жизни отдельных неолитических племен в различных районах страны, как на севере, так и на юге, и проследить их взаимосвязи и роль в последующем процессе сложения народов, отражаемых древнейшими письменными источниками.

В целях осуществления этой задачи будут выполнены следующие темы:

1. Галичская культура, монография. Исполнитель М. Е. Фосс. Окончание в 1950 г.
2. Торфяниковые поселения на оз. Вожа, Модлоне и Еломе Вологодской области. Исполнитель А. Я. Брюсов. Окончание в 1950 г.
3. Синхронизация северного неолита с культурами эпохи бронзы на юге Европейской части СССР. Исполнитель М. Е. Фосс. Срок 1947—1950 гг.
4. Ранний неолит на юге Восточной Европы и происхождение Трипольской культуры. Исполнитель Т. С. Пассек. Срок 1948—1950 гг.

III

К этой работе примыкают исследования ИИМК, организуемые совместно с Институтом археологии УССР по Триполью.

Они охватывают различные стороны этой проблемы—вопросы происхождения трипольской культуры, в связи с особенностями Днепро-Днестровского неолита, характеристику Триполья эпохи расцвета, выяснение абсолютной его хронологии и определение этнического типа трипольцев.

Для разрешения этих вопросов будут разработаны следующие темы:

1. Триполье. Монография, 25 п. л. Исполнитель Т. С. Пассек. Срок исполнения 1946 г.
2. Стратиграфия Трипольских поселений и их сравнительная хронология с дунайско-балканскими и восточно-средиземноморскими памятниками. Исполнитель Т. С. Пассек. Срок исполнения 1946—1948 гг.
3. Население Днестровского бассейна в III—II тысячелетии до н. э. Исполнитель Т. С. Пассек. Срок 1948—1950 гг.

IV

В области изучения бронзового века СССР ИИМК выдвигает в первую очередь проблему состава населения Восточной Европы и его культурно-исторических различий.

Конечной целью работ в этой области будет установление главных этнокультурных группировок на территории СССР и опыты генетического объединения их с важнейшими этническими группами, выступавшими в древних письменных источниках.

При решении этих задач особое значение приобретает точность хронологических и культурно-исторических определений. Поэтому ИИМК уделяет большое внимание монографическому описанию археологических бронзовых культур степной зоны (ямно-катакомбная, срубная, среднеднепровская), Средней Азии (Хорезм), Севера и Сибири (культуры фатьяновская, абашевская, андроновская и др.). Так как при выявлении культурных связей в бронзовом веке, равно как и для культурно-исторических характеристик, особо важны данные металлического производства, ИИМК вновь разворачивает изучение горного дела и металлургии, тем более, что это имеет известный народно-хозяйственный интерес.

В целях осуществления этих задач будут выполнены следующие темы:

1. Монографическое исследование срубной культуры. Исполнитель О. А. Гракова. Срок 1946 гг.
2. Абашевская культура. Исполнитель О. А. Гракова. Срок исполнения 1946—1948 гг.
3. Древняя и катакомбная культура Причерноморья. Исполнитель О. А. Гракова. Срок исполнения 1948—1950 гг.
4. Этнический состав населения Восточной Европы в эпоху бронзы и раннего железа. Исполнитель М. И. Артамонов. Срок исполнения 1946—1950 гг.
5. Горное дело и металлургия меди и бронзы в бронзовом и раннежелезном веке СССР. Исполнитель А. А. Иессен. Срок 1946—1950 гг.

V

Работа ИИМК в области истории культуры древнего Востока. Еще до войны обнаружился пробел в разработке проблем археологии древнего Востока, в подготовке специалистов в этой области. Между тем поле деятельности здесь весьма расширяется. Поэтому Институт помимо своей прежней работы по изучению культуры Урарту намечает в предстоящем пятилетии начать исследования и в области истории культуры великих цивилизаций древнего Востока. Пока реальными являются работы по Египту, будут приняты меры к обеспечению переднеазиатской и эгейской тематики.

Запроектированы темы:

1. Переднеазиатские связи культур бронзового века СССР. Исполнитель—коллектив сотрудников под руководством Б. А. Куфтина. Срок исполнения 1952 г.
2. Городская культура Урарту. Исполнитель Б. Б. Пиотровский. Срок 1946—1950 гг.
3. Египетское художественное ремесло II и I тысячелетий до н. э. Исполнитель В. В. Павлов. Срок 1947—1950 гг.

VI

В области античной археологии ИИМК будет разрабатывать две проблемы:

Проблема I—история и культура греческих колоний Черного моря. Современные приемы точного исследования сделали возможным подлинно историческое изучение остатков некогда цветущих эллинистических городов Черноморья. Вместе с тем все с большей ясностью выявляется огромное значение их культурного воздействия на население соседних и даже весьма отдаленных (вплоть до Камы и Сибири) областей СССР. Кроме того, роль черноморских памятников ни с чем не сравнима в области исследования самой эллинистико-римской культуры. Все это выводит их изучение далеко за пределы узко локальных интересов.

ИИМК АН СССР в 1946—1950 гг. будет всячески развивать антиковедную работу путем изучения важнейших ее тем. К таким прежде всего относится всестороннее изучение «больших городов» Боспора (Пантикапей, Фанагория), раскопки Ольвии совместно с АН УССР, изучение античного материального производства в специализированных производственных центрах Боспора (Тиритана и Мирмекий), выяснение связей Северного Причерноморья с южно-черноморскими колониями путем изучения древностей Амиса и др., а также начало работы над древневосточным воздействием на культуру античных городов Черноморья.

В связи с этим по Пантикапею и Фанагории под руководством В. Д. Блаватского будут осуществлены следующие темы:

1. Археологическая топография Пантикапея. Исполнители В. Д. Блаватский, В. И. Мошинская. Срок 1946 г.

2. Некрополь Фанагории по исследованиям 1938—1940 гг. (вопросы культурных связей и местного производства). Исполнители В. Д. Блаватский, И. Б. Зеест. Срок 1946 г.

3. Архаический Боспор. Исполнитель В. Д. Блаватский, 1949 г.

4. Культурные связи Боспора. Исполнитель В. Д. Блаватский. Срок 1950—1951 гг.

5. Керамика Боспора Киммерийского.

а) Амфоры Боспора греческого времени как источник по истории торговли Боспора с Малой Азией. Исполнитель И. Б. Зеест. Срок 1946—1950 гг.

б) Сероглиняная лощеная и грубая посуда азиатского Боспора. Исполнители В. И. Мошинская, И. Т. Кругликова. Срок 1946—1950 гг.

в) Светильники Боспора. Исполнитель Т. А. Цветаева. Срок 1946—1950 гг.

г) Терракоты Боспора. Исполнитель М. М. Кобылина. Срок 1946—1950 гг.

д) Расписная керамика Боспора. Исполнители В. Д. Блаватский и М. М. Кобылина. Срок 1946—1947 гг.

Под руководством В. Ф. Гайдукевича будет продолжаться работа по исследованию материальной культуры городов Боспора (главным образом, по раскопкам в Тиритаке и Мирмекии), будут разработаны следующие темы:

1. Боспорские античные города, как хозяйственные производственные центры (монография). Исполнитель В. Ф. Гайдукевич. Срок 1946—1950 гг.

2. Римская керамика боспорских городов. Исполнитель Т. Н. Книпович. Срок 1946—1950 гг.

3. Керамическая торговая тара (амфоры Боспора римского времени). Исполнитель М. А. Наливкина. Срок 1946—1950 гг.

4. Боспорская лепная керамика. Исполнитель Е. Г. Кастаньян. Срок 1946—1950 гг.

В связи со всеми этими работами будут развлекаться раскопки Пантикапеи и других античных городищ и некрополей Боспора, а также Ольвии.

Проблема II — эллинистический Кавказ. Роль эллинизма в сложении культуры народов Кавказа особенно ярко выступила в последнее время, в свете открытий, сделанных Грузинской Академией Наук в Армази-Мцхета. Стала очевидной высота культуры Закавказья в эпоху сложения там эллинистических государств.

Стремясь к всестороннему освещению этого вопроса, ИИМК АН СССР организует в 1946—1950 гг., совместно с АН Армении, исследование культуры и искусства Армении эллинистического и римского времени, привлекая для этой цели вещевые и письменные источники эпохи Арташесидов и Аршакидов.

Исполнителем этой работы является член-корресп. АН СССР К. В. Тревер. Срок 1946—1949 гг.

VII

Работа по скифо-сарматской археологии за последние годы велась недостаточно, что не соответствует значению скифо-сарматского элемента в этно-культурном развитии народов СССР. Сейчас в этой области особенно чувствуется недостаток кадров. ИИМК их готовит.

На 1946—1950 гг. намечена совместно с Институтом археологии АН УССР работа над рядом проблем. Среди них—необходимое изучение племенного состава Скифии, скифов—земледельцев и кочевников, их размещения, локальных особенностей и племенных связей, осуществляемое путем исследования скифских поселений и рядовых курганов.

Будут выполнены темы:

1. Скифские поселения. Исполнитель Б. Н. Граков и его сотрудники. Срок 1946—1948 гг.

2. Рядовые погребения степной Скифии. Исполнители те же. Срок 1947—1948 г.

Второй проблемой является становление скифской государственности—вопрос, особо важный для понимания исторической

роли Скифии. Для его решения будут подвергнуты исследованию материалы так называемых Царских курганов и Больших скифских городищ и произведены раскопки двух крупнейших курганов (Орлова и Нечаевой могилы) и двух гигантских городищ (Бельского и Каменского).

В связи с этим ставятся темы:

1. «Царские курганы» — памятники высшего общественного слоя собственно Скифии. Исполнитель Б. Н. Граков (тема переходит на следующее пятилетие).

2. Большие скифские городища. Руководитель Б. Н. Граков (тема переходит на следующее пятилетие).

Третья проблема состоит в исследовании крымских скифов, основавших полуварварское государство с центром в Неаполисе Скифском (Симферополь).

Руководитель работ П. Н. Шульц. Срок 1946—1950 гг.

Кроме того, будут произведены исследования на Кубани и на Северном Кавказе в связи с необходимостью разрешения вопроса о роли Кавказа в сложении скифской культуры и проблемы происхождения Кубанских сармат и особенностей развития их культуры. Последнее может быть осуществлено при условии привлечения новых работников и подготовки аспирантских кадров.

В этой связи будут выполнены темы:

1. Материалы по археологии Северной Осетии. Исполнитель Е. И. Крупнов. Срок 1946 г.

2. Памятники скифского времени на Северном Кавказе. Исполнитель Е. И. Крупнов. Срок 1947—1950 гг.

3. Сарматские курганы и городища на Кубани по данным новых раскопок и экспедиций. Руководитель Б. Н. Граков, исполнитель должен быть привлечен. Срок 1947—1949 гг.

4. Сарматская культура Кубани. Исполнитель К. Ф. Смирнов. Срок 1947—1950 гг.

5. «Переходная» культура Кубани IV — II в. до н. э. Исполнитель должен быть привлечен.

Работа ИИМК по истории народов Камы и Урала имеет целью разрешение проблемы] происхождения и древнейшей истории финно-угорских племен.

Эта проблема до сих пор решалась главным образом на историко-лингвистическом и этнографическом материале, и археология привлекалась лишь случайно и нередко более чем умозрительно. Однако за последнее время у археологов и антропологов накопилось значительное количество достоверных фактов, могущих внести ясность в этот круг важнейших вопросов. Поэтому ИИМК считает своевременным приступить к их разработке в следующих отношениях:

Выяснение ананьинской культуры, бывшей подосновой современных этнических образований камского Приуралья. Исполнитель А. В. Збруева. Срок 1946—1950 гг.

Так называемые чудские древности, показывающие сходство и различие в этих культурных комплексах чуди Прикамья, Поволжья, Оки и Прибалтики. Исполнитель А. П. Смирнов. Срок 1946—1950 гг.

Археология об-иртышского севера с целью установления путей угорского этногенеза. Исполнитель В. Н. Чернецов. Срок 1946—1950 гг. Также изучение камских болгар — культуры города и государства, возникших на основе сложного сочетания финно-угорских и ирано-тюркских элементов. Исполнитель А. П. Смирнов. Срок 1946—1951 гг.

VIII

Работа по изучению древней истории народов Сибири включает:

а) Исследования происхождения и истории обских угров, уже освещенные в предыдущем разделе.

б) Выяснение древних периодов истории племен Алтая; при этом главное внимание будет уделено археологии Южного Алтая с целью выяснения связей этой страны с древнейшими центрами культуры в Срединной Азии, в связи с проблемой тюркского этногенеза. Исполнитель М. П. Грязнов. Срок 1946—1950 гг.

в) Исследование почти совершенно не освещенной в археологии территории вновь образованной Тувинской Автономной области, связывающей Южную Сибирь с глубинными областями Центральной Азии. Помимо истории тувинского народа, эта работа разъясняет многие стороны в сложении тюркоязычных народов и в их числе енисейских кыргызов-хакасов. Исполнитель С. В. Киселев. Срок 1946—1950 гг.

г) Сбор фактов по археологии северо-востока Азии и Приморья с целью выяснения культур и их хронологии, а также археологического решения вопроса о взаимоотношении древнего населения Америки и Азии и его происхождения. Исполнитель А. П. Окладников. Срок 1946—1950 гг.

В решении этих задач, помимо ИИМК и ряда центральных учреждений, крайне заинтересованы и местные правительственные и научные организации.

IX

Работа ИИМК в средней и центральной Азии будет заключаться в разработке начатых в предыдущие годы проблем хорезмской, согдийской и парфянской культуры на различных ступенях их развития. При этом будут выяснены особенности культурно-исторического и этногенетического процесса.

Для осуществления этого ИИМК АН СССР будет продолжать работы археологических экспедиций, координируя их с рядом республиканских и центральных учреждений. В 1946—1950 гг. будут работать:

1. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Руководитель С. П. Толстов.

2. Согдийская археологическая экспедиция. Руководитель член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский.

3. Южно-Туркменистанская экспедиция. Руководитель М. Е. Массон.

Особое внимание будет уделено вопросам связи с соседними странами Древнего и Средневекового Востока. В этой связи исследование Тяньшань-Алтайской области будет расширено, и специальная экспедиция ИИМК направится в Синьцзянь для изучения его древностей, имеющих решающее значение для ряда вопросов истории Средней Азии и прежде всего этнокультурных взаимоотношений в эпоху гуннов, тюрков, уйгур и монголов. Руководитель А. Н. Бернштам.

Политическая история, равно как и история культуры средневековой Срединной Азии, попрежнему будет разрабатываться. За пять лет завершится труд по тимуридскому периоду. Исполнит эту работу в 1946—1948 гг. член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский.

X

Работы по славяно-русской археологии будут сосредоточены на трех основных проблемах: Проблема I — этногенез и древнейшая история славянства. Ее решение имеет большое научное и общественное значение. Накопленный материал и предварительные исследования позволяют предвидеть ее решение, существенно отличное от прежних выводов об ограниченности древнеславянских территорий в Восточной Европе и сравнительно позднем их заселении славянами.

Удается, наоборот, доказать древность славянства не только в Днепро-Волховском, но и в Волго-Окском бассейне, а также проследить его генетическую связь с древнейшими племенами этих территорий. В 1946—1950 гг. это будет осуществлено и в отношении славянских племен Среднего Поднепровья, северо-западного Причерноморья, будет собран материал по Балканам, выяснены славянские поселения на Дону и в Тамани и монографически описаны кривичи и летто-литовцы (в их отношении с восточными славянами).

Для осуществления этого будут разработаны темы:

1. Славянские племена Среднего Поднепровья. Исполнитель П. Н. Третьяков. Срок 1946—1949 гг.

2. Сложение славянской культуры в северо-западном Причерноморье. Исполнитель М. А. Тихонова. Срок 1946—1950 гг.

3. Балканская археолого-этнографическая экспедиция. Руководитель академик Б. Д. Греков. Срок 1946—1950 гг.

4. Славянские племена на юго-востоке Европы в VIII—XI вв. Исполнитель И. И. Ляпушкин. Срок 1946—1950 гг.

5. Кривичи. Исполнитель С. А. Тараканова. Срок 1946—1949 гг.

6. Летто-литовские племена и восточные славяне. Исполнитель Ф. Д. Гуревич. Срок 1946—1950 гг.

Проблема II — древнерусский город — в 1946—1950 гг. будет разрешаться с еще большей широтой исследования, охватывающего, помимо прежних — Новгорода, Ладоги, Смоленска, Киева и Владимира, также Псков, Суздаль, Муром, Старую Рязань и Чернигов. В результате этих работ экономический, военный, административный, культурно-исторический облик древнерусских городов получит детальное, вполне конкретное освещение, равно как и вопросы самого происхождения города и городских слоев населения.

В целях разрешения этих задач будут осуществлены следующие работы:

1. Археологическое изучение Киева (совместно с Инст. арх. УССР). Исполнители М. К. Каргер и Г. Ф. Корзухина (тема переходит на следующее пятилетие).

2. Черниговские древности. Исполнитель Б. А. Рыбаков. Срок 1946—1950 гг.

3. Древнейший Смоленск и Гнездово. Исполнитель А. В. Арциховский. Срок 1946—1950 гг.

4. Археологическое изучение Новгорода. Исполнители А. В. Арциховский и М. К. Каргер (тема переходит на следующее пятилетие).

5. Древний Псков. Исполнитель С. А. Тараканова (тема переходит на следующее пятилетие).

6. Старая Рязань и древние города рязанской земли. Исполнитель Л. Монгайт. Срок 1946—1950 гг.

7. Возникновение и древняя история Мурома. Исполнитель Е. И. Горюнова. Срок 1946—1950 гг.

8. Древняя история Суздаля. Исполнитель А. Ф. Дубынин. Срок 1947—1950 гг.

Проблема III — культура Древней Руси. В предстоящем пятилетии в этом кругу вопросов будет произведен ряд новых исследований различных сторон древнерусской культуры; получит свое освещение:

1. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Исполнитель Г. Ф. Корзухина. Срок 1946—1948 гг.

2. История древнерусской одежды X—XVIII вв. Исполнитель Л. И. Якунина. Срок 1946—1950 гг.

3. Военно-инженерное дело на Руси. Исполнители Н. М. Коробков и В. А. Афанасьев. Срок 1946—1950 гг.

4. Древнерусская миниатюра в своде 1212 г. Исполнитель Н. Н. Воронин. Срок 1946—1948 гг.

5. Элементы язычества в русском народном творчестве. Исполнитель Л. А. Динцес. Срок 1946—1950 гг.

6. Культурные связи Руси с Закавказьем. Исполнитель А. Л. Яковсон. Срок 1946—1950 гг.

XI

Работы ИИМК в области вспомогательных дисциплин будут вестись по греческой и римской эпиграфике, по переводу свидетельств античных авторов о Скифии и Кавказе и по древнерусской геральдике.

В результате этих работ будут завершены:

1. *Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini, v*—III. Руководители Б. Н. Граков и Е. М. Штаерман. Срок 1946—1950 гг.

2. *Scythica et Caucasica* (новый перевод с дополнениями).

Исполнитель С. П. Кондратьев.

3. Указатель «Русские гербы». Исполнитель В. К. Лукомский.

XII

Для выполнения всех вышеуказанных задач Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР должен максимально развить свою экспедиционную деятельность. В связи с этим предполагаются на 1946—1950 гг. работы следующих археологических экспедиций:

I. По палеолиту

- | | | |
|---------------|------------------|--------------------|
| 1. Деснинская | 2. Костенковская | 3. Днестровская |
| 4. Крымская | 5. Кавказская | 6. Среднеазиатская |
| | 7. Сибирская | |

II. По неолиту Восточной Европы

- | | | | |
|-------------|-----------|-------------------|--------------------|
| 1. Северная | 2. Окская | 3. Верхне-Донская | 4. Причерноморская |
|-------------|-----------|-------------------|--------------------|

III. Трипольская

IV. По бронзовому веку

- | | | |
|----------------------|-------------------------------|--------------------------|
| 1. Абашевская | 2. Н. Днепровская | 3. Западно-Казахстанская |
| 4. Северо-Кавказская | 5. Закавказская (Урартийская) | |

V. По античной археологии

- | | | |
|---------------|---------------|-----------------|
| 1. Боспорская | 2. Ольвийская | 3. Херсонесская |
|---------------|---------------|-----------------|

VI. По Скифо-Сарматии

- | | | | |
|-----------------|-------------|--------------------|--------------|
| 1. Никопольская | 2. Бельская | 3. Симферопольская | 4. Кубанская |
|-----------------|-------------|--------------------|--------------|

VII. По финно-уграм

- | | | | |
|------------|---------------|--------------|------------------|
| 1. Камская | 2. Булгарская | 3. Уральская | 4. Обь-Иртышская |
|------------|---------------|--------------|------------------|

VIII. По народам Сибири

- | | | | |
|-----------------|------------|--------------|----------------|
| Саяно-Алтайская | 2. Ленская | 3. Чукотская | 4. Приморская. |
|-----------------|------------|--------------|----------------|

IX. По Средней Азии

- | | | | |
|---------------|--------------------------|----------------------|-----------------|
| 1. Хорезмская | 2. Согдийская | 3. Тяньшано-Алайская | 4. Синьцзянская |
| | 5. Южно-Туркменистанская | | |

Х. По Древней Руси

- | | | |
|--------------------|--------------------------|-----------------|
| 1. Старо-Ладужская | 2. Новгородская | 3. Псковская |
| 4. Смоленская | 5. Владимиро-Суздальская | 6. Муромская |
| 7. Старо-Рязанская | 8. Московская | 9. Черниговская |
| 10. Киевская | 11. Лётто-литовская | 12. Балканская |

Осуществленные по пятилетнему плану работы будут опубликовываться в виде монографий (в серии «Материалы и исследования по археологии СССР»), крупных исследовательских статей (в сборниках «Советская археология»), статей, рефератов и отчетных материалов (в «Археологическом журнале» и «Кратких сообщениях ИИМК») и других органах АН СССР).

С. В. Киселев

Научно-исследовательская работа сектора древней истории Института истории АН СССР в период Отечественной войны

Во время Великой отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков коллектив сектора древней истории не прекратил и не ослабил своей научно-исследовательской работы. Напротив того, именно в этот период среди советских историков античности значительно возрос интерес к целому ряду новых научных проблем, нашедший свое отражение в тщательном изучении соответствующих материалов и источников и разработке на его основе научных докладов, диссертаций и монографий.

В годы войны, когда создались совершенно новые и особенно трудные условия для ведения научно-исследовательской работы, сектор древней истории института истории Академии Наук не переставал быть подлинным центром научной мысли для историков античности в нашей стране. Мимо внимания сектора не прошла по существу ни одна исследовательская работа по истории античного мира, даже в том случае, если она была разработана не в стенах нашего Института: коллектив сектора в той или иной связи принимал непосредственное участие в обсуждении, рецензировании или подготовке к печати новых исследовательских работ по древней истории. Достаточно сказать, что за годы войны было защищено десять докторских и восемь кандидатских диссертаций по истории древнего мира (в том числе и народов нашей страны) и заслушано на заседании сектора более 30 научных докладов, которые являлись новыми, оригинальными исследованиями.

Работа сектора строилась в нескольких направлениях:

- 1) подготовка докторских и кандидатских диссертаций;
- 2) разработка отдельных проблем истории древнего мира;
- 3) подготовка новых монографий;
- 4) библиографическая и издательская работа.

В течение 1942—1943 г. четыре члена сектора — гг. А. В. Мишулин, Н. А. Машкин, В. И. Авдиев и М. А. Коростовцев — успешно защитили свои докторские диссертации в Ученом совете Института истории АН СССР и МГУ. Оппоненты высоко оценили значение каждой из представленных диссертаций, явившихся серьезным вкладом в науку. (О защите диссертаций см. отчет кафедры древней истории Московского университета). Ученый совет Института вынес решение опубликовать докторскую диссертацию Сталинского стипендиата проф. Мишулина на тему: «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость» (ок. 35 п. л.), имеющую выдающееся научное значение.

Значительную работу по подготовке своих докторских диссертаций провели докторанты сектора гг. А. Г. Бокшанин, П. Н. Тарков, Н. Н. Пикус и И. И. Войцеховский, хотя отдельные положения разработанных ими разделов подверглись серьезной критике при обсуждении на заседаниях сектора.

Разработка отдельных проблем истории древнего мира шла в плане изучения римских провинций, истории их образования и борьбы туземного населения провинций против системы рабовладельческого гнета древнего Рима. Этому была посвящена

докторская диссертация А. В. Мишулина, изучение восточных римских провинций, проводимое А. Б. Рановичем, и работа Н. А. Машкина о Римской Африке.

В этой связи на заседаниях сектора был заслушан ряд научных докладов, привлекавших большую аудиторию и вызвавших оживленную дискуссию. К числу их относятся:

- 1) «Объявление войны и заключение мира у древних римлян» А. В. Мишулин.
- 2) «О новейших археологических открытиях в Испании» (был прочитан на заседании археологов в Институте истории материальной культуры) А. В. Мишулин.
- 3) «Римская Африка» — предмет исследования и обзор источников Н. А. Машкин.
- 4) «Из истории римского гражданства» Н. А. Машкин.
- 5) «Введение в историю эллинизма» А. Б. Ранович.
- 6) «О религии эллинизма» А. Б. Ранович.
- 7) «Эллинистическая философия» А. Б. Ранович.
- 8) «О муниципальном управлении в римских провинциях» А. Б. Ранович.
- 9) «Взаимоотношения греческого и латинского языков с семитскими языками в восточных провинциях Римской империи» А. Б. Ранович.
- 10) «Обзор эпиграфических памятников восточных римских провинций» Б. М. Штаерман.
- 11) «Гномон Идиолога» А. Б. Ранович.
- 12) «План поселений в Нуманции» Г. А. Цветаева
- 13) «Об Эдикте Каракаллы» (было заслушано два доклада А. Б. Рановича и Е. М. Штаермана).

А. Б. Ранович предложил свое толкование текста эдикта, а Е. М. Штаерман на основании новых надписей из дунайских провинций и сопоставления их с соответствующими надписями из Нижней Германии осветила вопрос о *deditici* в эдикте Каракаллы.

В своем докладе «Объявление войны и заключение мира у древних римлян» А. В. Мишулин доказывает, что право войны являлось у римлян особой областью международного права, а вместе с тем «превращалось в легализацию всякого вооруженного нападения на другую страну», договоры Рима отличались единой тенденцией — лишить противника политической независимости, а история римских провинций — это история порабощения Римом различных народов.

Ввиду особого интереса, проявленного при обсуждении этих вопросов, работа А. В. Мишулина была опубликована в «Историческом журнале» № 10—11 за 1944 г.

В своих докладах об эллинизме А. Б. Ранович показал, как непонимание существа социально-экономической формации у буржуазных историков приводит к модернизации древней истории, в частности, к сближению эллинизма с буржуазным обществом. Эллинизм — этап в истории античного рабовладельческого общества, — явился исторически необходимым результатом всего предшествовавшего развития. Эта работа А. Б. Рановича была опубликована в журнале «Вопросы истории» № 2 за 1945 г.

Интересный доклад Н. А. Машкина «Из истории римского гражданства» был затем обработан им и опубликован в «Известиях отделения истории и философии АН СССР», № 5 за 1945 г.: на основе анализа Розосской надписи и сопоставления ее данных с ранее известными Н. А. Машкин намечает основные этапы истории распространения римского гражданства и разбирает вопрос о политической и социальной значимости этого процесса.

Кроме этой тематики, коллектив сектора занимался изучением и разработкой вопросов истории международных отношений древнего мира. Этому посвящены подготавливаемые в настоящее время докторские диссертации: П. Н. Таркова на тему «Международные отношения греко-эллинистического мира и Рима в III—II вв. до н. э.», И. И. Войцеховского — «Международные отношения в западном Средиземноморье в период с 264 по 219 г. до н. э.» и А. Г. Бокщанина — «Рим и Парфия».

В этой связи сектор заслушал доклады:

1) «Проблема международных отношений в изучении истории античного мира» акад. Р. Ю. В и п п е р.

2) «Международные отношения и дипломатия в древней Иудее» А. Б. Р а н о в и ч.

Эти доклады привлекли широкую аудиторию.

На заседаниях сектора был заслушен и ряд докладов докторантов:

1) «О договоре в Фойнике 215 г.» П. Н. Т а р к о в.

2) «Великая Греция в Ганнибаловой войне» П. Н. Т а р к о в.

3) «Иудейский вопрос в римско-парфянских отношениях (II в. до н. э.—I в. н. э.)» А. Г. Б о к щ а н и н.

4) «Падение эллинизма в Азии» А. Г. Б о к щ а н и н.

Доклады всегда вызывали оживленную дискуссию, в процессе которой отмечались их достоинства и недостатки. В частности, было указано, что договор 215 г. между Карфагеном и Македонией ошибочно трактуется докторантом Тарковым, как имеющий своей целью размежевание сфер влияния между Филиппом и Ганнибалом.

Сектор занимался также подготовкой двух кандидатских диссертаций. Одна из них—аспирантки О. Н. Юлкиной на тему «Восстание Аристоника и завоевание Пергама Римом».

Диссертация ею была защищена в заседании Ученого совета Института истории, 4 марта 1946 г. Официальные оппоненты проф. С. И. Протасова и проф. А. Б. Ранович отметили достоинства представленной работы, исчерпывающее использование источников с привлечением широкого эпиграфического материала, детальную критику новой литературы вопроса и оригинальную трактовку социальной стороны движения Аристоника. Ученый совет единогласно присудил О. Н. Юлкиной звание кандидата исторических наук.

Другая диссертация—аспирантки Т. В. Бороздиной на тему «Греческие колонии Добруджи V в. до н. э.—III в. н. э.» —находится еще в стадии подготовки.

Значительная работа в секторе была проведена группой работников ленинградского отделения Института истории, работавшей в Москве в период эвакуации. Защитивший докторскую диссертацию М. А. Коростовцев работал над литературно-историческими текстами Древнего Египта и подготовил объемистую монографию (ок. 30 п. л.), А. И. Болтунова готовила работу по истории эллинистического Понта и городов М. Азии; Д. П. Каллистов работал над историей самого значительного на территории СССР очага античной культуры — Боспора Киммерийского. Сектор отметил, что большое монографическое исследование (ок. 25 п. л.) о социальной и политической истории Боспора Киммерийского, которое Д. П. Каллистов подготовил в качестве докторской диссертации, имеет значение не только в плане истории античности, но и для изучения древнейшего периода истории СССР.

С. Я. Лурье работал по истории античной общественной мысли. Его обширное исследование «О политической агитации с Афинской сцены» (более 20 п. л.) произведено не только на основе изучения разнообразного литературного материала античной драмы и комедии, но также путем привлечения большого эпиграфического материала.

Доклады ленинградских сотрудников Института вызывали плодотворную дискуссию и частично были затем опубликованы в периодической печати, как, например, доклад Д. П. Каллистова на тему «Интерпретация причерноморских варваров в античной традиции» («Исторические записки» Академии Наук СССР 1945, № 16).

Сектор занимался вопросами подготовки учебников по древней истории для вузов, и за время Отечественной войны Н. А. Машкиным был написан учебник по истории Рима, а В. И. Авдиевым — «Древний Восток».

С 1943 г. изучение проблем истории Древнего Востока было передано в Восточную группу Института востоковедения АН СССР под руководством акад. Крачковского, и в связи с этим из сектора перешли туда востоковеды М. Д. Коростовцев и В. И. Авдиев. Еще в период их пребывания в секторе В. И. Авдиев подвел итоги историко-археологического изучения древнего Кавказа и Средней Азии, опубликованные

в сборнике «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», а М. А. Коростовцев в том же сборнике опубликовал статью «Изучение истории древнего мира за 25 лет».

Научные сотрудники сектора систематически следили за всей выходящей иностранной литературой, важнейшие новые работы рецензировались ими и обсуждались на заседаниях. В этой связи заслушивались сообщения тт. Мишулина, Рановича, Машкина и Авдиева о новинках западноевропейской литературы по истории античной Испании, Рима и Востока. Некоторые рецензии после обсуждения их на заседаниях сектора были помещены в периодической печати:

Рецензия А. Б. Рановича на последний 3-томный труд Ростовцева, вышедший в Оксфорде в 1941 г. «The Social and Economic History of the Hellenistic world», опубликована в «Историческом журнале» № 1—2 за 1945 год.

Членами сектора проводилось также рецензирование новой советской литературы по древней истории: А. В. Мишулин опубликовал рецензию на работу Дьякова «Таврика в эпоху римской оккупации» («Исторический журнал» 1943, № 5—6); В. И. Авдиев рецензировал «Альбом древностей мордовского народа» («Исторический журнал» 1943, № 7); Н. А. Машкин дал рецензию на книгу академика Н. Ю. Виппера «Возникновение христианства», О. И. Савостьянова — на книгу акад. Манандяна «Тигран II и Рим» (рецензия опубликована в журнале «Советская книга» 1946, № 1).

В связи с 75-летием со дня рождения академика С. А. Жебелева было проведено заседание, посвященное его памяти, на котором А. В. Мишулин прочел доклад: «С. А. Жебелев в русской науке по древней истории». Этот доклад был затем опубликован в «Историческом журнале», за 1944 г.

Важным разделом работы сектора являлась подготовка материала для журнала «Вестник древней истории».

Сектор древней истории неоднократно заслушивал и обсуждал на своих заседаниях доклады крупных советских историков древности, не являвшихся сотрудниками сектора. Были заслушаны:

- 1) Два доклада по истории античной математики—проф. И. Г. Веселовский.
- 2) «Проблема возникновения ранней христианской литературы»—акад. Р. Ю. Виппер.
- 3) «Этюды по истории финикийских общинноземледельческих культов»—акад. Н. М. Никольский.
- 4) «Финикийская жатвенная мифология и обрядность»—акад. Н. М. Никольский.
- 5) Хронология истории мидян в труде Геродота—акад. В. В. Струве.

Часть этих докладов опубликована уже в советской печати, например работа В. В. Струве «Хронология истории Мидии и Лидии в труде Геродота».

Особое внимание привлекли доклады академика Н. М. Никольского, которые являлись частью его большой (ок. 40 п.л.) монографии, подготовленной в исключительно трудных условиях, когда автор вместе с героическими советскими партизанами скрывался в тылу у немецких захватчиков.

Между работой сектора древней истории Академии Наук СССР и кафедрой древней истории Московского университета существовала тесная связь. На совместных заседаниях заслушивались наиболее интересные доклады. К их числу относится доклад А. В. Мишулина о надписи Эмилия Павла. В отличие от предыдущих исследователей этой надписи, рассматривавших ее с точки зрения политики Рима в Испании, т. Мишулин анализировал эту надпись под углом социальных отношений древней Испании.

В настоящий период работа сектора строится в направлении подготовки монографий, являющихся завершением научно-исследовательской работы сотрудников сектора, проведенной в годы Великой Отечественной войны.

О. Н. Юлкина

Научная работа кафедры древней истории Исторического факультета Московского государственного университета

(1939—1945 гг.)

За истекшие пять лет кафедрой древней истории Московского государственного университета была проделана значительная научная работа. За период эвакуации университета в 1941—1943 гг. научная деятельность не прерывалась. В эти годы ряд членов кафедры закончил свои докторские диссертации и с успехом защитил их в 1942—1943 гг. Пребывание в Средней Азии было использовано членами кафедры для изучения древнейшей истории Средней Азии, в частности для изучения парфянской древностей и стратегического положения древнего парфянского города, открытого на месте поселения Багир, относительно которого высказано предположение, что это древний парфянский город Ниса.

В течение 1939—1943 гг. члены кафедры древней истории защитили шесть докторских и девять кандидатских диссертаций.

Докторские диссертации были представлены проф. Н. А. Машкиным (1942 г.), проф. А. В. Мишулиным (1943 г.), проф. В. И. Авдиевым (1943 г.), проф. В. Н. Дьяковым (1943 г.), проф. М. О. Косвеню (1943 г.) и проф. В. К. Никольским (1943 г.).

Диссертация проф. Н. А. Машкина на тему «Принципат Августа, происхождение и его социальная сущность» защищалась в Ашхабаде летом 1942 г. Это объемистая монография в 40 печ. листов, в которой детально анализируются условия перехода от республиканского строя к императорскому, социальные перемены, происшедшие в Римском государстве в период гражданской войны, после смерти Цезаря, и, наконец, социальная сущность принципата и его характерные черты. Официальные оппоненты проф. А. В. Мишулин и проф. Б. Н. Граков высоко оценили диссертацию, отметив исключительную эрудицию диссертанта в обширной литературе исследуемого вопроса.

Совершенно неисследованной в русской исторической науке теме была посвящена докторская диссертация Сталинского стипендиата Института истории Академии Наук СССР проф. А. В. Мишулина под названием «Античная Испания и ее вступление в борьбу за независимость (до установления римской провинциальной системы в 197 г.)». Защита диссертации происходила в июле 1943 г. в Институте истории Академии Наук СССР и привлекла широкое внимание историков Москвы. Официальными оппонентами были акад. В. В. Струве, проф. А. Б. Ранович, проф. Н. А. Машкин и проф. А. В. Арциховский.

Диссертация проф. А. В. Мишулина делится на три части: 1) античная Испания в источниках и историографии, 2) формирование иберийской культуры и первые чужеземцы на острове, 3) древние иберы против карфагенских и римских завоевателей.

А. В. Мишулин сумел, как это было отмечено всеми оппонентами, путем изучения огромного материала археологических публикаций и письменных источников, разрешить вопрос о возникновении иберийской культуры и народа (этногенез), определить место культуры иберов среди других культурных явлений Средиземноморья, показать, что древние иберы находились на той стадии общественного развития, которая носит название «военная демократия». Диссертант осветил борьбу иберов за независимость против чужеземцев—финикийцев, карфагенян и завоевателей-римлян, в которой они отстаивали свою оригинальную культуру.

Диссертация проф. В. И. Авдиева, защита которой происходила также в Институте истории Академии Наук летом 1943 г., была посвящена изучению Древнего Египта и носит название «Предпосылки завоевательной политики Египта в Передней Азии в эпоху Нового царства» (25 печ. листов). Официальные оппоненты акад. В. В. Струве, доктор исторических наук А. Б. Ранович, М. А. Коростовцев и Б. Н. Граков подчеркнули несомненное достоинство работы проф. В. И. Авдиева, хотя в результате детального разбора всего исследования выдвинули ряд существенных возражений.

Диссертация проф. В. Н. Дьякова на тему «Таврика в эпоху римской оккупа-

ции» защищалась летом 1943 г. в МГПИ им. Ленина. Официальные оппоненты акад. Ю. В. Готье, проф. А. В. Мишулин и проф. Н. А. Машкин отметили высокое качество оригинальной работы проф. В. Н. Дьякова, использовавшего, наравне с литературными и эпиграфическими источниками, большое количество археологических данных.

Наконец, две докторские диссертации проф. М. О. Косвена и В. К. Никольского были посвящены изучению проблем истории доклассового общества.

Диссертация проф. М. О. Косвена, объемистая монография в 30 печ. листов, представляет исчерпывающую сводку историографии по вопросу о матриархате, а диссертация проф. В. К. Никольского «История первобытной общины» — попытку синтеза всей истории доклассового общества в рамках теории Моргана — Маркса на основе большого этнографического и археологического материала. Официальными оппонентами по диссертации проф. М. О. Косвена были проф. С. П. Толстов, отметивший значение исследования проф. М. О. Косвена для этнографии, проф. А. В. Арциховский и В. К. Никольский. Оппоненты единогласно признали, что исследование проф. М. О. Косвена является серьезным вкладом в науку.

По диссертации проф. В. К. Никольского оппоненты — проф. В. А. Городцов, проф. С. А. Токарев и проф. М. О. Косвен — отметили, что диссертант дал оригинальное построение курса на основе большого и свежего археологического и этнографического материала, удачно привлеченного для характеристики основных ступеней развития доклассового общества — дикости и варварства.

Кандидатские диссертации были представлены проф. С. И. Протасовой (1942 г.), доц. А. Г. Бокщаниным (1939 г.), аспирантами Э. К. Путнынь (1939 г., руководитель проф. В. С. Сергеев); Л. М. Рогалиным (1939 г.), Ф. М. Нечаем (1939 г.) и О. И. Савостьяновой (1944 г.), работавшими под руководством проф. А. В. Мишулина; Е. М. Штаерман (1942 г., руководитель проф. Н. А. Машкин); Н. Н. Пикус (1942 г.) и В. И. Мошинской (1943 г.), писавшими свои диссертации под руководством проф. К. К. Зельина.

Проф. С. И. Протасова в качестве кандидатской диссертации защитила в мае 1942 г. несколько глав, написанных ею для «Всемирной истории», под названием «Социальная борьба в Риме во II и I вв. до н. э.», 20 печ. листов.

Диссертация А. Г. Бокщанина, окончившего аспирантуру исторического факультета МГУ в 1937 г., ставит своей задачей показать, что иудейское восстание 66 г. имело много общих черт с социальными движениями в других частях Римской империи, приведших к кризису 68—69 гг.

Официальные оппоненты, ныне покойный проф. В. С. Сергеев и проф. Н. А. Машкин, отметили ряд достоинств диссертации, в частности удачное освещение некоторых малоисследованных моментов, например принципата Калигулы. К числу недостатков они отнесли слабое использование эпиграфических и папирологических источников и недостаточное освещение специфических черт самого иудейского восстания, отличающих его от других социальных движений этого времени.

Диссертация аспиранта Э. К. Путныня «Аграрная политика Юлиев-Клавдиев» была посвящена мало разработанному вопросу, не освещенному не только в русской, но и в специальной иностранной литературе.

Диссертация аспиранта Л. М. Рогалина «Кельтиберийская война в Испании в 197—179 гг.» небольшая, но компактная монография (ок. 8 печ. листов) ставит своей целью показать, как племена Испании боролись против римских завоевателей и как Первая Кельтиберийская война, один из важнейших этапов этой борьбы, повлияла, с одной стороны, на социальное развитие испанских племен, а с другой — на судьбу римского рабовладельческого государства.

Диссертация аспиранта Ф. М. Неча «Союзническая война в источниках» является монографией объемом в 12 печ. листов. Она состоит из введения и трех основных глав: I глава — «Союзнические общины накануне войны», II глава — «Основные источники по Союзнической войне», III глава — «Отдельные вопросы Союзнической войны». Во введении автор подчеркивает, что Союзническая война переплетается с аграрным вопросом, но, к сожалению, недостаточно развивает свое положение.

Диссертация аспирантки О. И. Савостьяновой «Восстание 88 года в Афинах»

по отзывам оппонентов проф. С. И. Протасовой и доцента А. И. Болтуновой, на основе критического изучения литературных и нумизматических источников, вразрез с буржуазной историографией, освещает по-новому революционную борьбу Афин 88 г. Диссертантка использовала большую литературу и удачно поставила ряд вопросов.

Диссертация аспирантки Е. М. Штаерман «Кризис III века в Галлии и Африке», по отзывам выступавших на диспуте оппонентов—кандидата исторических наук С. А. Ляковского и доцента Оранского,—является ценным исследованием на основе большого количества использованных источников, главным образом эпиграфических и нумизматических, и привлечения большой литературы. Несмотря на существенные недостатки, работа в целом свидетельствует о научной зрелости автора. Диссертантка показала, что появление во время кризиса III в. «узурпаторов» в Галлии было выражением процесса развития и укрепления крупного землевладения. Узурпации прекратились после того, как кельтская аристократия под давлением вольного крестьянства и рабов пошла на соглашение с императорской властью и магнатами.

Диссертация аспиранта Н. Н. Пикуса «Тebtюнисский папирус № 703 как исторический источник» дает всесторонний критический разбор этого документа, который содержит богатый материал по экономической и, в особенности, аграрной истории эллинистического Египта. Анализ папируса позволяет диссертанту уточнить дату составления этого документа, который он относит к правлению Птолемея Эвергета, а не Филопатора, как это полагали прежние исследователи.

Официальные оппоненты проф. Н. А. Машкин и проф. С. И. Протасова отметили тщательность исследования Н. Н. Пикуса и, согласившись с его основными доводами, ограничились критическими замечаниями по частным вопросам.

Диссертация аспирантки В. И. Мошинской на трудную тему «Азиатский Боспор в VI—IV вв. до н. э.» получила весьма благоприятный отзыв, как зрелое исследование, автор которого вполне владеет приемами и методами истолкования источников не только литературных, но и археологических и этнографических, требующих хорошей подготовки и эрудиции. Выбрав своей темой историю взаимозависимости и влияния греческих городов Причерноморья и туземного населения, диссертантка убедительно показала, что нет оснований говорить только об одном эллинском влиянии. Не только в эпоху упадка, но даже в классическую эпоху греческие города испытывали обратное влияние варварской стихии, о чем свидетельствуют сложившиеся местные традиции и местные культы.

По каждой из вышеперечисленных диссертаций была присуждена искомая степень.

Основными проблемами, вокруг которых велась и ведется работа кафедры древней истории за последние пять лет являются: 1) проблема античного государства, 2) кризис Римской империи, 3) происхождение государства, 4) история эллинизма, 5) международные отношения в древности, 6) источниковедение и историография и, наконец, 7) составление учебника для высшей школы по истории Древнего Рима.

Великая Отечественная война советского народа поставила перед кафедрой вплотную две проблемы: изучение истории международных отношений и дипломатии древности и роли русской исторической науки в изучении античности. Соответственно с этим центр внимания переносится на изучение этих проблем наряду с продолжением разработки важнейших разделов античной истории с марксистско-ленинской точки зрения.

Проблема античного государства разбита на ряд тем. Так, изучению римских провинций и влияния туземной культуры провинций на римскую культуру была посвящена вышеуказанная диссертация проф. А. В. Мишулина, плод восьмилетнего труда автора. В процессе подготовки диссертации проф. А. В. Мишулин прочел несколько докладов на тему «Исторические проблемы в изучении Испании». «История Римской республики и принципат Августа» исследуется в диссертации проф. Н. А. Машкина по которой в течение 1939—1942 гг. было заслушано несколько докладов.

Вопрос о взаимоотношении Рима и провинций был поставлен в интересном докладе проф. А. В. Мишулина «Интерпретация надписи Эмилия Павла». Надпись Эмилия

Павла 189 г., найденная в Испании в середине прошлого века, касается рабов города Гасты. Она является декретом, освобождающим их от зависимости. Надпись неясна для понимания. Моммзен, посвятивший этой надписи исследование, правильно пытался усмотреть в декрете отражение наличия в Гасте своеобразной илотии, но совершенно неправильно толкует общее направление политики Рима по отношению к провинциям, как уравнилельное. Толкование Моммзена повторяет голландский ученый Ван-Ностранд в недавно опубликованном сборнике документов под ред. Т. Франка; Ван-Ностранд делает при этом еще большую ошибку, рассматривая декрет Эмилия Павла под углом зрения благожелательной политики Рима к покоренным народам. Проф. А. В. Мишулин показал полную несостоятельность всех фактических аргументов Ван-Ностранда, приведенных последним в доказательство своего положения. Исходя из событий того времени и опираясь на работу Гетцфрида, проф. А. В. Мишулин интерпретировал надпись Эмилия Павла, как акт наказания города Гасты за восстание против Рима. Такое толкование устраняет возможность какой-либо идеализации римской провинциальной политики.

Вопросов афинской демократии касается в своей диссертации О. И. Савостьянова. Проблему взаимоотношения эллинской и скифской культуры в Азиатском Боспоре разрешает в своей диссертации В. И. Мошинская.

Проблема происхождения государства освещалась в факультативном курсе проф. М. О. Косвена «Возникновение государства», читанном в течение ряда лет, а также в докладах «Древнее Перу» и др.

Изучение эллинизма ведется проф. С. И. Протасовой, К. К. Зельным и А. Б. Рановичем. С. И. Протасова в течение ряда лет читает специальный курс на эту тему, а проф. К. К. Зельин ведет работу над своей докторской диссертацией «Аграрный строй Птолемеевского Египта». Кроме того, в Ашхабаде он занимался вопросами эллинизма в Средней Азии и прочел на эту тему интересный и содержательный доклад.

Проф. А. Б. Ранович с 1945 г. ведет специальный семинарий, посвященный изучению политических теорий эллинизма.

В докладе доц. Н. Н. Пикуса «Переломный период истории эллинистического Египта в годы правления Филопатора» делается попытка найти объяснение причин перелома внешней политики Египта при Птолемеях IV Филопаторе, в конце III века до н. э., во внутреннем упадке Египта.

Проблема изучения кризиса Римской империи, в связи с тяжелой утратой, которую понесла кафедра в лице покойного руководителя профессора В. С. Сергеева, посвятившего много лет своей жизни изучению этого вопроса, не могла быть осуществлена в намеченных ранее рамках. Частичное изучение этой проблемы нашло отражение в диссертации аспирантки Е. М. Штаерман.

Взаимоотношению церкви и государства в поздней Римской империи был посвящен специальный курс проф. А. Б. Рановича, в результате обработки которого он выпустил книгу под названием «Очерк истории раннехристианской церкви» (М. 1941 г. ОГИЗ, 257 стр.)

В течение прошедших пяти лет велась и продолжается разработка курсов источникововедения (проф. К. К. Зельин и Н. А. Машкин) и историографии (проф. С. И. Протасова, проф. Н. А. Машкин, доцент Д. Г. Редер и проф. В. И. Авдиев).

Проф. Н. А. Машкин подготовил монографию (8 печ. листов) «Введение в изучение римской истории. Источниковедение и историография». Проф. К. К. Зельин сделал доклад под названием «Основные черты исторической концепции Помпея Трога». Однако, как уже указывалось, центр тяжести при изучении историографии сейчас перенесен на изучение истории русской науки.

По истории русской науки в области древней истории членами кафедры подготовлен ряд статей для сборника, выпускаемого Московским университетом. Проф. В. И. Авдиев дал обзор достижений русской и советской науки по древнему Востоку, проф. К. К. Зельин — по истории Греции, проф. Н. А. Машкин — по истории Древнего Рима. Общая редакция раздела поручена проф. А. В. Мишулину.

Эти вопросы были освещены в связи с отмечавшимся в 1944 г. 10-летним юбилеем Исторического факультета. На расширенном заседании кафедры древней истории, на котором присутствовали академики Р. Ю. Виппер и Н. М. Никольский, а также представители разных учебных заведений, были заслушаны доклады, подводившие итог 10-летней работе советских историков античности. С докладами выступали профессора В. И. Авдиев, С. И. Протасова, А. В. Мишулин, Н. А. Машкин.

Из докладов 1945 г. следует отметить доклады акад. Н. М. Никольского: «Проблема происхождения финикийского эпоса»; доц. Д. П. Калистова: «Скифская держава»; доц. В. С. Соколова о Лукреции Каре.

Важное место в работе кафедры занимает история международных отношений и дипломатии древности. Этому вопросу посвящена работа проф. В. С. Сергеева «История дипломатии древних веков», составившая 1-й раздел «Истории дипломатии» (1941 г.), удостоенной Сталинской премии; это оригинальный и притом уже посмертный труд.

За последние годы названная проблема разрабатывается в ряде подготавливаемых докторских и кандидатских диссертаций, специальных курсах, семинариях. На эту же тему был заслушан ряд докладов. Из докторских диссертаций назовем диссертацию проф. С. И. Протасовой «Внешняя политика и социальная политика в древнем Риме», «Рим и Парфия»—доц. А. Г. Бокщанина, «Взаимоотношения Ассирии и Вавилонии»—доц. Д. Г. Редера. Из специальных курсов—курс проф. А. В. Мишулина «История международных отношений в древности», специальный семинарий проф. Н. А. Машкина «Внешняя политика римских императоров I—II вв. н. э.», «Римско-парфянские отношения»—доц. А. Г. Бокщанина. Из докладов—«Проблема римской экспансии в современной исторической литературе»—проф. Н. А. Машкина (1944 г.); «Переговоры Аврелиана со скифами-ютунгами»—проф. А. В. Мишулина (1945 г.).

В течение истекшего 1945 г. интенсивно велась работа по рецензированию, обсуждению и редактированию нового учебника по истории Древнего Рима для вузов, написанного зав. кафедрой проф. Н. А. Машкиным.

Г. Шенузова

На кафедре древней истории Ленинградского университета

За время, прошедшее с момента возвращения университета в Ленинград летом 1944 г., кафедра истории Древней Греции и Рима выполнила значительную научную работу.

Заведующий кафедрой проф. С. И. Ковалев выступил с докладом на юбилейной научной сессии университета на тему: «Проблема происхождения патрициев и плебеев». В настоящее время С. И. Ковалев работает над созданием нового учебного пособия для высшей школы по истории Рима. Первая часть, охватывающая период до падения республики, готова к печати, ряд глав был заслушан и обсужден на заседаниях кафедры.

Доценты кафедры К. М. Колобова, Д. П. Каллистов и Н. Н. Залесский работают над докторскими диссертациями.

Тема диссертации К. М. Колобовой: «История Родоса в античную эпоху». На кафедре были заслушаны ее доклады: «Родос микенской поры», «О культе коня на Родосе», «Роль родовых организаций в греческом полисе на родосском эпиграфическом материале». На научной сессии университета в 1945 г. К. М. Колобова выступила с докладом: «Тибериус Гракх».

Д. П. Каллистов готовит диссертацию по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, занимаясь преимущественно проблемами Боспорского царства. На упомянутой сессии Д. П. Каллистов сделал доклад: «Основные проблемы Боспорского царства в их связи с ранними периодами истории СССР». Кроме того, он пишет курс истории Северного Причерноморья в античную эпоху.

Н. Н. Залесский избрал темой диссертации историю Рима в эпоху царей, продолжая работать также в области этрускологии. Им сделаны доклады на кафедре: «К социальной истории этрусков (рабство, отношение зависимости, дружинничество, пиратство, наемничество и социальная борьба)» и «Восстание рабов в Вольтиниях 265/4 г. г. до н. э.». О результатах этих работ Н. Н. Залесский сделал также доклад на упомянутой сессии. Кроме того, он написал исследование: «Форкты и санаты закона 12 таблиц» (К вопросу о возникновении плебса).

Особо необходимо отметить доклады на кафедре гостей: академика В. В. Струве: «Отражение Геродотом политических теорий Западного Ирана времен Дария I», ассистента кафедры классических языков Надель: «Боспорские манумиссии», аспиранта Маргулис: «Разговор трех персов у Геродота (III, 80 — 82)».

Кафедра ведет и популяризаторскую работу, результатом чего явилось возрождение античного студенческого кружка, где С. И. Ковалев сделал доклад: «Античность и европейская культура», К. М. Колобова: «Разговор Ломоносова с Анакреонтом», Н. Н. Залесский: «Этруски и их культура». Из студенческих докладов выделялся доклад Борухова: «Из истории эпикурейства II в. н. э.», премированный на общеуниверситетском конкурсе студенческих кружков. Хороши доклады: Капитонова: «Спартак» и Малахова: «Старшие и младшие софисты».

Н. Залесский



ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT

C. PLINII CAECILII SECUNDI
EPISTOLAE

LIBER DECIMUS

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ
ПЕРЕПИСКА С ТРАЯНОМ





ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ И ЕГО ПЕРЕПИСКА С ТРАЯНОМ

Литературное наследство Плиния Младшего: девять книг «Писем к друзьям» «Переписка с императором Траяном» и «Панегирик Траяну» — дает нам богатый материал для его биографии. Кроме того, сохранилось несколько надписей, посвященных непосредственно Плинию или косвенно о нем упоминающих, найденных в его родном городе Комум в Северной Италии.

На основании всего этого литературного и эпиграфического материала Моммзен составил исчерпывающий очерк биографии Плиния («Hermes», 3, 1869). Однако впоследствии аргументы Моммзена подверглись критике и в некоторых случаях были даже опровергнуты (работы Stobbe, Otto, Guillemin и др.), и в настоящее время его стройная система в распределении отдельных моментов жизни Плиния уже не внушает того безусловного доверия, которое она всем внушала в момент выхода в свет его исследования. Основной ошибкой Моммзена является то, что он считает 9 книг «Писем Плиния к друзьям» материалом, расположенным строго хронологически. Между тем позднейшие исследования литературного характера установили, что «Письма Плиния к друзьям» являются скорее художественным произведением, чем действительными письмами. Адресаты выбраны иногда совершенно условно; писем, адресованных к ним, они на самом деле от Плиния не получали. Наконец, у нас нет никаких оснований отнести с недоверием к словам самого Плиния, который в первом же письме I книги, играющем роль введения ко всему сборнику, совершенно ясно говорит: «Я подобрал свои письма для издания, не соблюдая их хронологической последовательности (ведь не историю собираюсь я писать), но в таком порядке, как они мне попались под руку». Таким образом, под сомнение попадает и вся хронологическая канва автобиографических данных.

Надписи, относящиеся непосредственно к Плинию, очень лаконичны; они дают в сущности только перечень исполнявшихся им должностей и порядок их и указывают, какие Плиний сделал пожертвования своему родному городу. Наиболее содержательной является надпись, найденная в родном городе Плиния Комум и хранящаяся в Миланском музее (CIL V, 5262).

В русском переводе эта надпись гласит следующее: «Гай Плиний, сын Луция, уфентинец, Цецилий Секунд, консул, авгур, легат, пропретор в провинции Монте и Вифинии с властью консула, посланный в эту провинцию по постановлению сената императором цезарем Нервой Траяном Августом Германским и Дакийским, оберегатель русла реки Тибра и его берегов и водостоков города, префект эрария Сатурна, префект казнохранилища воинов, народный трибун, квестор императора, член коллегии семи римских всадников, военный трибун III Галльского легиона, децемвир для разбирательства судебных тяжб, построив термы, предоставил для украшения их 300 000 сестерциев и, сверх того, для поддержания их 200 тыс. сестерциев. На содержание вольноотпущенников своих в числе 100 человек завещал 1 866 666 сестерциев, с тем чтобы проценты на эти деньги шли затем на угощение городского плебса; кроме того, при жизни предоставил на содержание мальчиков и девушек из городского плебса 500 тыс.

сестерциев, также пожертвовал библиотеку и на ее содержание 100 тыс. сестерциев».

Если же, следуя за Моммзенем, отнести к материалам и надписи, лишь косвенно относящиеся к Плинию, то на основании их можно делать, правда, многочисленные предположения, однако больше нигде не находящие себе подтверждения.

Таким образом, приходится сказать, что, несмотря на обилие материала, мы, повидимому, все же не знаем ни личности, ни даже имени родного отца Плиния, не знаем и точной даты его рождения.

Год рождения Плиния мы можем определить только на основании косвенного указания в одном из его писем (VI,20), где он говорит, что в момент извержения Везувия в 79 г. н. э. ему шел восемнадцатый год. Мы относим его таким образом к 62 или 61 г. н. э. Родным городом его отца и матери был Комум, современный Комо, в Северной Италии. Отец Плиния был из рода Цецилиев, мать его была родная сестра Гая Плиния Секунда, известного ученого натуралиста. Отца своего Плиний потерял еще в младенчестве, опекуном его был назначен Вергиний Руф, очень популярный среди воинов полководец, дважды провозглашавшийся императором в смутные 68—69 гг. и дважды отказавшийся от этого сана.

Род отца Плиния (Цецилии), так же как и род его матери (Плинии), принадлежал к всадническому сословию и был приписан к Уфентинской трибе. Они были очень состоятельны, обладали многочисленными поместьями в окрестностях Комо и в Этрурии, которые впоследствии в результате ряда наследований перешли во владение самого Плиния. Семья его была на виду и в родстве и в дружеских отношениях со многими известными и знаменитыми людьми.

Еще в родительском доме Плиний получил основы своего литературного образования и в возрасте 14 лет уже написал греческую трагедию. Позднее он слушал лекции знаменитого ритора Квинтилиана и философа Музония.

В последние годы жизни своего знаменитого дяди Плиний вместе со своей матерью находился при нем, пользуясь его полезными наставлениями, проводя время в занятиях литературой. Он сопровождал своего дядю летом 79 г. в Мизенум, куда тот был назначен командовать флотом, и только потому не погиб вместе с ним 24 августа того же 79 г., что отказался поехать с ним ближе к месту извержения Везувия, не желая прерывать чтения сочинений Тита Ливия. По завещанию своего дяди он был им усыновлен и с тех пор, переименовав свое личное имя на имя усыновителя и прибавив его родовое имя к своему, стал именоваться Гай Плиний Цецилий Секунд.

Свою собственную служебную карьеру Плиний начал очень рано. Его первое выступление перед судом ста в качестве судебного защитника состоялось в девятнадцатилетнем возрасте. Вскоре после этого мы видим его членом коллегии *litibus iudicandis*. 13 сентября 81 г. он стал военным трибуном III Галльского легиона—в то время это была должность при штабе—и уехал в Сирию, где стоял его легион. Отбыв военную службу, которая в то время продолжалась не более шести месяцев, Плиний не торопился вернуться в Рим и воспользовался своим пребыванием на Востоке, чтобы прослушать курсы философов Евфрата и Артемидора; с последним он впоследствии поддерживал дружескую связь в Риме и оказал ему поддержку в тяжелые для него дни.

По возвращении в столицу, в неизвестное нам в точности время, Плиний продолжал свои судебные выступления перед судом центумвиров, который разбирал преимущественно дела гражданские. Заседания этого суда происходили в базилике Юлия и были доступны широкой публике. Плиний скоро снискал себе популярность и стал тщательно отделять свои речи и издавать их. Так его ораторская деятельность оказалась тесно связанной с литературной. Суд центумвиров сделался главной ареной его деятельности, тем более, что в начале 90-х годов он и сам был назначен членом этой судебной коллегии.

Успешное прохождение последовательных ступеней государственных должностей началось для Плиния в конце 80-х годов. Он был квестором, потом народным трибуном,

наконец, около 93 г.¹ претором. В этот период своей служебной карьеры Плиний, несомненно, пользовался милостью и покровительством Домициана; после отбытия должности квестора он был зачислен в сенат, после же своего преторства был назначен префектом военной казны (*praefectus aerarii militaris*). В это же время начались выступления Плиния с судебными речами перед сенатом.

Крупный ораторский талант Плиния, его успешные выступления перед судом, его популярность не только как оратора, но и как литератора, наконец, его видное общественное положение привели к тому, что сенат стал поручать ему ведение наиболее ответственных и громких процессов.

Во время казней в последние годы правления Домициана среди пострадавших было много друзей Плиния; между прочим и философ Артемидор, с которым Плиний познакомился на Востоке и которому он не побоялся оказать поддержку в изгнании. Сам Плиний уцелел лишь благодаря случайному стечению обстоятельств: в архиве Домициана был найден донос и на него, но до него просто не дошла очередь, когда в 96 г. с убийством Домициана окончился этот мрачный период.

При императоре Нерве (96—98) политический режим резко изменился, прекратились преследования бывших оппозиционеров, — наоборот, под ударом оказались бывшие клеветы Домициана, ненавистные обществу доноски. Плиний проявил при этом большую сдержанность и только примерно через год выступил с обвинением Публиция Церта, бывшего в свое время обвинителем казненного друга Плиния — Гельвидия. Надо думать, что в этот период Плиний, продолжавший выступать в судебных процессах преимущественно по делам о вымогательствах (*de repetundis*), привлекает к себе внимание Нервы и сближается с Траяном. Он был назначен на освободившуюся со смертью Церта должность префекта государственного казначейства (*praefectus aerarii Saturni*).

К моменту прихода Траяна к власти в 98 г. общественное положение Плиния было блестяще. Он был богат, обладал несколькими поместьями, из которых особенно его вилла в Лаурентинуме, близ Рима, пользовалась широкой известностью по красоте и роскоши убранства. Он имел большие связи, был к этому времени уже дважды женат и вторично вдов (имя его первой жены нам не известно, вторая его жена была дочерью богачки Помпеи Целерины), готовился вступить в третий брак с сиротой, внучкой влиятельного в его родном городе Комум Кальпурния Фабата. Он был известен как литератор и оратор. Молодые люди из провинции приезжали в Рим специально, чтобы слушать выступления Плиния, имя его называлось рядом с именем Тацита. Сам Траян слушал его речи. Так, по словам Плиния (II, 11, 12), во время его речи на процессе Мария Приска в 100 г. н. э.), продолжавшейся 5 часов, император принимал в нем такое участие, что посылал к нему своего вольноотпущенника сказать, чтобы он себя берег и не слишком утомлялся. Плиний скоро попал в число близких Траяну друзей, и его в числе немногих приближенных императора приглашали на виллу Траяна, куда тот любил уезжать, чтобы в тишине сельской обстановки разбирать постоянно накапливавшиеся важные дела (VI, 31).

В 100 г. Плиний был, наконец, консулом. Этот год известен как год третьего консульства Траяна. Однако консульская должность в это время была лишь почетным званием, не связанным с какой-либо реальной властью; проведение того или другого должностного лица в консулы являлось знаком особого внимания к нему со стороны императора. В течение года сменялось шесть пар консулов, и каждая из этих пар носила это почетное звание всего в течение двух месяцев. Плиний вместе с Корнутом Тертуллом был консулом, повидимому, от сентября до ноября². При вступлении в эту должность Плиний произнес свой знаменитый панегирик императору.

¹ По вопросу о сроке претуры Плиния существует целая литература. Моммзен указывает именно 93-й год. Otto отодвигает этот срок на два года позже. Мнения других исследователей разделяются между этими двумя сроками.

² Есть некоторые основания предполагать, что к 1 сентября срок его консульства окончился (см. письмо 8).

Вершина служебной и общественной карьеры Плиния падает на первое десятилетие II в. н. э. За это время Плиний по собственному желанию получил одну из высших жреческих должностей: он становится в 103 г. со смертью Фронтина авгуром, а в 105 г. куратором Тибра и всей водосточной системы Рима (*curator alvei Tiberis et riparum et cloacarum Urbis*). На него сыплются милости императора не имея совершенно детей, он получает права и привилегии отцов трех детей. Траян ему ни в чем не отказывает, исполняет малейшее его желание, по его просьбам раздает щедрой рукой права римского и всякого другого гражданства и должности не только друзьям Плиния, но и друзьям его друзей. Наконец, в 111 или 112 г. Траян назначает его своим наместником с консульской властью в трудную для управления Вифинию.

Плиний писал много: трагедии, стихи (правда, по большей части неудачные), судебные речи, трактаты по философии, наконец, сотни писем. Все это он тщательно отделявал, имея перед глазами неизменно образ Цицерона, которому во всем хотел подражать. Все свои произведения он сам и издавал. Он не расставался с табличками даже во всех своих разъездах и путешествиях. Но Плинию не удалось создать какое либо крупное и значительное произведение, которое сохранило бы ему место наряду с великими его современниками—Тацитом, Марциалом, Ювеналом. От его литературного творчества сохранилась лишь небольшая часть, и, надо думать, лучшее из всего, что им было написано. Это девять книг писем к друзьям, одна книга переписки его с Траяном и панегирик Траяну. Но все это имеет гораздо большее значение в качестве исторических материалов, относящихся к определенной эпохе, нежели литературных памятников. На всем этом видны черты подражания великому образцу Цицерона, но то, что у Цицерона было естественно, вытекало из реальной окружающей его действительности, то у Плиния—искусственно, надумано. В письмах Цицерона мы находим живое, волнующее отражение богатой политическими событиями эпохи; письма же Плиния к друзьям нарочито придуманы, многие адресаты их, может быть, никогда их не получали или даже были лицами вымышленными.

Плиний не поднимался выше среднего уровня тогдашнего римского образованного общества, не обладал широким кругозором, часто останавливался на незначительном и получал восторженное поклонение от посредственности.

Просвещение его носило книжный характер, и он не умел давать правильную оценку окружающей его политической обстановке. Он был искренне уверен в возможности возрождения древней римской доблести путем усердного подражания древним образцам. Он не отдавал себе также отчета в том, насколько сам подвергался новым влияниям. Интересно его отношение к рабам. Обладая большим количеством рабов в своих поместьях, он был гуманным господином, предоставлял своим рабам некоторые удобства жизни и относительную свободу поведения, заботился об их здоровье.

Так, в письме к Патерну (VIII, 16) Плиний пишет: «Меня сразили болезни моих рабов, даже смерти, в том числе и молодых. Есть у меня только два утешения, хоть и несравнимые ни в какой мере с тяжестью горя, но все же два утешения. Первое—это возможность отпускать на волю, ибо, отпуская их на свободу, я теряю их все же не совсем в незрелом возрасте; второе—это то, что я разрешаю и рабам составлять как бы завещания и соблюдаю их, как законные. Они поручают мне или просят, что найдут нужным, а я выполняю это, как приказ. Они распределяют свое имущество, дарят, завещают в пределах дома, ведь для рабов дом—нечто вроде республики, как бы государство».

Но вместе с тем он несколько не протестовал против самого рабовладения, обвинял рабов в лени и распущенности, сваливал на них вину за упадок своего хозяйства. Он был просвещенным рабовладельцем, но его гуманность по отношению к рабам объясняется главным образом соображениями выгоды.

Последние 2—2½ года своей жизни Плиний был легатом императора—наместником в Вифинии и Понте (*legatus imperatoris consulari potestate*). Девять книг писем к друзьям были, повидимому, выпущены в свет до его отъезда из Рима, и он, пребывая наместником Вифинии, больше литературой не занимался, не имея для этого времени. Наместничества в Вифинии и Понте требовало особых качеств и особой бдительности. Жизнь этой восточной провинции в политическом отношении была неспокойна. Часть общества пло-

хо мирилась с владычеством Рима, на проконсулов не раз подавались жалобы, имелись сношения с царями и царьками дакийскими и парфянскими, часто организовывались заговоры и тайные политические общества. Эти обстоятельства заставили Траяна обратить на эту провинцию особое внимание, тем более, что, готовясь к войне с парфянами, он хотел приготовить себе в Вифинии и Понте прочный и надежный тыл. В связи с этим решено было послать туда правителем не проконсула обычного типа, а легата, наместника императора. Плиний был избран Траяном как человек, лично ему знакомый, просвещенный, гуманный, тактичный. Однако Плиний чувствовал себя растерянным на своей новой должности, политически неподготовленным, не знающим самой техники управления. Это заставляло его постоянно по вопросам как важным и крупным, так и мелким и незначительным запрашивать мнение императора. Именно эти-то личные качества Плиния и являются причиной того, что сохранившаяся до нас его переписка с Траяном представляет собой исторический материал громадной ценности, в некоторых случаях единственный по обилию фактов, знакомящий нас с разными сторонами жизни и управления восточных провинций. В переписке отразилась не только официальная сторона управления, но и будни, и повседневные условия жизни и быт. Наконец, в переписке проходит перед нами целая галерея интересных, выхваченных из жизни лиц: вольноотпущенников-чиновников, коммерсантов, предпринимателей, ремесленников; доносчиков, стряпчих по разным делам, авантюристов.

Вторым соавтором переписки является император Траян. Имя его связано со многими важными моментами в истории Римской империи: он был первый император из провинциалов, с него начался ряд императоров, наследовавших своим предшественникам по усыновлению; его приход к власти знаменовал закрепление нового политического режима после деспотического управления Домициана (правление Нервы было очень кратко и было только как бы преддверием нового времени); с другой стороны, он был последним императором, победоносными войнами расширявшим пределы империи.

Мы видим из переписки, что Траян был не только воителем, но и в отношении внутреннего управления представлял собой выдающегося государственного деятеля. На все многочисленные и весьма разнообразные вопросы Плиния у него всегда есть ответ, твердо принятое мнение. Лишь один-два раза уклоняется он от прямого разрешения заданного ему вопроса. Он, как и Плиний, плохо знает детали административной процедуры. Но везде, где дело касается принципа, основного положения, он дает ясные указания. Широкий либерализм и гуманность, уважение к законности и отсутствие узкого педантизма, умение разобраться в вопросе по существу, не ограничиваясь формальной стороной дела, уважение к традициям и местным обычаям—вот в основном главные черты его политики, как она выявляется в переписке с Плинием.

Нельзя не отметить безукоризненный стиль его ответных писем. Он краток, ясен, убедителен, деловит. Нет сомнения, что подавляющее большинство этих писем, если не целиком, составлял не сам Траян, мы не можем предполагать такого безукоризненного стиля у человека, рука которого более привыкла держать меч, чем стилос. К услугам Траяна была целая канцелярия с большим штатом писцов и секретарей, пользовавшихся чьим-нибудь опытным руководством; есть предположение, что большую роль в ней играл известный в то время литератор Сервилий Кальв. Интересно сравнить со стилем его писем стиль декрета Нервы, к которому вполне можно применить эпитет канцелярского. Особенно приятное впечатление производит отношение Траяна к Плинию, общий тон его писем к нему. Он не мог не видеть слабости и растерянности Плиния. Поэтому в письмах поражает сдержанность Траяна, его снисходительность к слабости Плиния вместе с уважением к личности своего корреспондента.

Дата смерти Плиния нам неизвестна. Очевидно, он умер на служебном посту наместником Вифинии до 114 г., или во всяком случае до конца 114 г.¹ Столь ценная для

¹ Приведенная выше надпись, воздвигнутая в Комуме в ознаменование смерти Плиния, перечисляющая все занимавшиеся им должности и дающая полный титул императора Траяна, не включает, однако, титула *Optimus*, который неизменно упоминался во всех надписях, начиная с 114 г.

изучения этого времени переписка его с Траяном продолжалась, повидимому до самой его смерти.

Переписка Плиния с Траяном составляет десятую книгу в полном собрании сохранившихся произведений Плиния, но судьба этой десятой книги была иная, нежели судьба остальных книг. Свои письма к друзьям Плиний издавал сам. Письма его в скором времени стали популярны, многократно переписывались, широко распространялись не только в столице, но и по провинции. Надо думать, что они пользовались слабой образцового произведения эпистолярного стиля и для многих поколений служили предметом подражания. В таком именно значении находим упоминание о них у писателя V в. Аполлинария Сидония (epist. 9), причем из этого упоминания видно, что позднейшие эпистолографы старались подражать, главным образом, внешним сторонам его произведения—количеству книг, общему числу писем, заголовкам и т. п.²

Переписка же с Траяном была впервые издана уже после смерти Плиния и, надо думать, также после смерти Траяна. Кто был ее издателем—неизвестно. Есть основания предполагать, что из ее издания был исключен целый ряд писем, заключавших в себе некоторые государственные тайны. Только таким предположением и можно объяснить полное отсутствие в переписке писем, касающихся Парфянского царства и всей продолжительной подготовки к военному походу против парфян, осуществившемуся в 114 г. н. э.

Когда в конце XV в. стали воскресать памятники античной литературы, письма Плиния к друзьям стали известны намного раньше, чем переписка его с Траяном. Впервые полностью переписка была издана лишь в 1508 г. венецианцем Aldus Manutius где она составила десятую книгу писем Плиния. Это новое издание опиралось на сделанное незадолго до того открытие. В конце XV в. доминиканский монах Юкундус нашел в Париже полную рукопись всех известных нам произведений Плиния Младшего. Рукопись была написана на пергаменте чрезвычайно древним шрифтом, как думали видевшие его Юкундус и Мануциус, и, по мнению Мануциуса,—современным самому Плинию. Юкундус сделал полную копию с этого списка, известного под именем Парижского. Подлинный же список попал в руки венецианского посла при дворе французского короля Франциска I, Алоизо Мочениго, который через некоторое время сам лично перевез его через Альпы в Венецию и там преподнес тому же Мануциусу.

Впоследствии Парижский список пропал. Есть предположение, что одним его фрагментом, именно частью II и III книги, является купленная в 1910 г. в Италии американцем Морганом древняя рукопись VI в. От находки же Юкундуса осталась сделанная лично им копия, которая тогда же, в начале XV в., попала в руки ученого грециста Будая. Он уже работал над текстами Плиния, имея издания Бераальда (1503 г.) и Авантия (1502). Последнее он дополнил письмами Плиния к Траяну, соединил это все в одну книжку, на которой сделал множество примечаний, вписав также много разночтений из копий Парижского списка. Так возникло первое критическое издание переписки. С него делалось много переизданий, до тех пор пока в начале XVIII в. оно вдруг не исчезло. Список был обнаружен лишь примерно через 150 лет в хранилище Бодлейской библиотеки в Оксфорде (в 1888 г.). Только после этого началась исследовательская работа по сопоставлению текстов в изданиях, опиравшихся на столь различные источники. В результате приходится признать историчными многие места в переписке Плиния с Траяном, некоторые из которых по содержанию весьма ответственные (см. об этом в примечаниях к письмам).

При таких превратностях истории текста «Переписки», естественно, могло бы возникнуть сомнение в ее подлинности как в отдельных ее частях, так и в целом. Однако, если вполне правдоподобно предположить частичные позднейшие интерполяции, как это, например, доказывается относительно письма 96 о христианах (см. примечание к письму 96), то предположение неподлинности всей «Переписки» целиком приходится решительно отвергнуть.

Во всяком случае в «Переписке» историк имеет важнейший материал из истории Римской империи конца I и начала II в., достойно оцененный в свое время Моммзеном освятившим Плинию Младшему специальное исследование (Zur Lebensgeschichte

des jüngeren Plinius. «Hermes», 1869, 3, стр. 13—169) и Index Plinii. Переписка отражает многие частные вопросы римской и итальянской жизни, главным же образом условия жизни и управления провинций, в частности Понта и Вифинии.

По отзыву Гиршфельда (Otto Hirschfeld, Die Sicherheitspolizei im Römischen Reiche. «Kleine Schriften», № 39), по некоторым вопросам управления провинций переписка Плиния с Траяном представляет собой единственное и притом исключительно важное документальное свидетельство.

Интересны и содержательны письма Плиния, и не относящиеся ко времени управления Вифинией. Эти письма имеют преимущественно автобиографическое значение. Из них мы узнаем о должностях, которые занимал Плиний в тот или другой момент, о его выступлениях по поручению сената, о его личных и семейных делах, о некоторых друзьях Плиния и о их желаниях и нуждах; наконец, в этих немногочисленных письмах (всего 14) прекрасно раскрывается характер взаимных отношений Плиния и Траяна, их дружба.

Наиболее важным из затронутых в «Переписке» вопросов является вопрос о сельском хозяйстве. Здесь мы встречаем одно из ранних упоминаний о колонах. Состояние собственного хозяйства Плиния неважно. Поместья дают слишком мало дохода. Плиний являлся обладателем весьма обширных земель и охотно прикупал к ним новые; одни только его этрусские владения около Тифернума Тиберинского давали ему за аренду виноградников 400 тыс. сестерциев дохода в год. Отказавшись, наряду с целым рядом других землевладельцев, от применения труда рабов, Плиний сдавал свои виноградники в аренду колонам. Но и они платили ему плохо, так что Плиний намеревается снизить арендную плату¹. Правда, мы не узнаем от Плиния ни о точных размерах его поместий, ни о количестве колонов, но все же в его письмах встречаются важные штрихи для характеристики сельского хозяйства его времени.

Основная масса писем Плиния и ответов на них Траяна раскрывает положение провинции Вифинии (вернее, Понта и Вифинии) и практику римской администрации в ней. Во времена Траяна восточные дела и восточные провинции приобретали в глазах римского правительства особенно большое значение. Уже зарождалась проблема восточной опасности, которая впоследствии (в I и IV вв.) почти целиком поглощала внимание и силы правителей империи в ущерб даже их вниманию к опасности германской. Парфянское царство загораживало торговые выходы римлян на восток. Цари парфянские занимали по отношению к Риму явно недружелюбную позицию, втягивали в свою политику царей армянских, угрожали благополучию малоазиатских римских владений. Война с парфянами становилась неизбежной. Это был только вопрос времени.

Вифиния, бывшая на положении римской провинции уже с 75 г. до н. э., первоначально самим Помпеем, ее первым устройтелем, была объединена с Понтом, откуда и закрепилось официальное ее обозначение: Понт и Вифиния. Однако впоследствии, в связи с возобновившимися военными действиями на территории Малой Азии, Вифиния была объединена с провинцией Азией. В дальнейшем она находилась некоторое время под властью Антония и лишь при Августе сделана была самостоятельной провинцией. При Нероне Вифиния была объединена снова в одну административную единицу с Понтом, бывшим до того времени частично во владении полусамостоятельных князьков. Переход на новое положение римской провинции не мог не отразиться на этой территории болезненно. Все нивелирующий железный кулак покорителей-римлян, по образному выражению Энгельса («Из истории первоначального христианства»), разрушал все старые общественные условия жизни. Гнет огромного римского государства ложился особенно тяжелым бременем именно на провинции, что неизбежно вызывало недовольство массы населения.

В частности, в Вифинии положение было беспокойным, подозрительным. «Переписка» дает нам богатый материал в этом отношении. Мы узнаем из писем Плиния, что несколько его предшественников по управлению Вифинией вызвали недовольство и протесты мест-

¹ Из другого места (IX, письмо 37) мы узнаем, что он собирался перевести их на издольщину.

ного населения. Когда Юлий Басс был обвинен вифинцами в вымогательствах, встревоженное римское правительство, чтобы дать полное удовлетворение вифинцам, отдало его под суд, а все его распоряжения по провинции аннулировало. Однако Плиний, бывший тогда еще в Риме и часто выступавший на судебных процессах, взялся защищать его и, доказав невиновность Басса, выиграл этот процесс. При ближайшем рассмотрении положения в Вифинии пришлось бы констатировать, что хозяйство страны в упадке, авторитет римских администраторов невысок, порядка в делопроизводстве мало. Римские правители нуждаются в вооруженной охране, ее приходится увеличивать, когда административное лицо отправляется по стране для сбора зерна. Небезопасно организовать команду пожарных по борьбе с разрушительными пожарами: формой подобной команды или артели смогут прикрыться тайные политические союзы или партии. Подозрение у римского администратора вызывают даже празднества и пиры отдельных богатых граждан, потому что большие скопления народа вокруг щедрых и популярных лиц кажутся угрозой римскому владычеству. Тюрьмы полны заключенных, неизвестно даже, кому их охранять: на общественных рабов надежда плоха, римским воинам этого поручать нельзя, потому что в нужный момент их может не оказаться в должном количестве под знаменами. Подозрительными кажутся сборы средств горожанами для своих собственных нужд, — ведь неизвестно, на что именно они будут истрачены. Подозрительны и непонятны христиане, с которыми Плиний столкнулся в своей провинции впервые.

Но правительству Траяна это положение было известно раньше, чем оно оказалось зафиксированным в письмах Плиния. Известно было многое и стерх того, что сообщено Плинием. Во многих городах этой провинции сильно еще чувствовался непокорный дух прежних свободных греческих городов, который мог оказаться благодарной почвой для мятежа. Какие-то элементы в стране имели связи с явными и замаскированными врагами римского государства — с царьками дакийскими, с армянским и парфянским царями. Римское правительство уже с самого превращения Вифинии и Понта в провинцию стремилось сблизиться с населением этой страны: оно превращало села в города, насаждало культуру — правда, в основном, греческую, — одаряло города, оказывавшие римлянам какие-либо услуги, особыми привилегиями или правами римских колоний. Так, еще от Юлия Цезаря такие права получили Синопа и Апамея; впоследствии «свободными» городами стали также Гераклея, Никомедия, Прусиада у моря, Халкедон, Византий и др. Однако Гераклея и Никомедия были лишены своих привилегий за выступление против римлян, и еще во времена Плиния крупнейший город Вифинии, ее центр, Никомедия, был на подозрении у римского правительства и свои прежние привилегии получил лишь в III в.

Положение в Вифинии было признано угрожающим. Этим объясняется, что Траян решил заменить ежегодно сменявшихся проконсулов в этой истарии сенатской¹ провинции правителем с особыми полномочиями на более продолжительный срок.

Миссия Плиния состояла в том, чтобы упорядочить финансы провинции, позаботиться о путях сообщения как для торговых, так и для военных целей, улучшить благоустройство городов, а главное — превратить эту провинцию из мятежной и подозрительной в безусловно благонамеренную и надежную. Траян несколько раз в своих ответных письмах Плинию возвращается к тому, что своим неизменно гуманным и либеральным управлением Плиний должен создать у жителей провинции впечатление об особой заботливости императора, о готовности пойти навстречу всем желаниям и нуждам провинциалов. Это должно было настолько ослепить их, чтобы они и не заметили, как при этом лишились последних следов своей былой независимости и городской свободы. Удобно было использовать с этой целью начавшееся в провинции в грандиозном масштабе общественное строительство, но главным образом надо было взять под свое наблюдение городские сенаты и провинциальные собрания.

Следуя указаниям Траяна, Плиний занялся в первую очередь приведением в поря-

¹ С 27 г. до н. э., когда впервые при Августе провинции были поделены на сенатские и императорские.

док финансов. Финансовое управление в провинциях состояло не только в том, что римский администратор (проконсул или особый легат) производил сбор налогов, в чем ему непосредственно должны были помогать члены местных сенатов (декурионы или булевты), и отправлял собранные средства в Рим,—он должен был еще контролировать распоряжение местными городскими средствами, получавшимися от аренд городского имущества, от подрядов, продажи, от финансовых операций. Городские советы протестовали против контроля над ними со стороны римской администрации (письма 47, 48).

Много материалов дает «Переписка» для освещения положения провинциальных сенатов. Здесь, повидимому, тоже не все было благополучно. Существовали законы, регулирующие состав городских советов в провинции, их права и функции. Это, к сожалению, не дошедшее до нас и неизвестные нам в точности законы Помпея и поясняющие их, быть может, несколько видоизменяющие их эдикты Августа. Как известно, на провинциальные сенаты переносились в основном положения, действовавшие во времена республики в самом Риме: в сенат зачислялись лица, отбывшие государственную службу по одной из курульных должностей, достигшие 30-летнего возраста. Списки сенаторов проверялись и утверждались цензорами или дуовирами. Впоследствии (при Августе) возрастная норма была снижена до 25 лет.

Но практика провинциальной жизни в Вифинии мало считалась с этими узаконениями: местная аристократия и денежная знать стремились захватить свой местный сенат целиком в свои руки и проводили в его члены своих сыновей и моложе указанного возраста и без предварительного стажа государственной службы. Римское правительство, учитывая такую тенденцию аристократии и подозрительно относясь к ее чрезмерному влиянию, стремилось втянуть эти провинциальные сенаты в систему своего правительственного аппарата. Члены сената фактически проводили сборы налогов в доход римской казны (Marquardt, *Römische Staatsverwaltung*, т. I, стр. 503). Вступление в члены сената подтверждалось соответствующим актом центрального римского правительства. Некоторые лица назначались из Рима сверх нормы; зачисленные таким правительственным постановлением в сенат, они в виде благодарности вносили добровольно в казну некоторую сумму денег—*summa honoraria*, а как раз незадолго до приезда Плиния в Вифинию проконсул Аниций Максим стал требовать такие взносы уже и в обязательном порядке (письмо 112), назначая для разных лиц различные суммы по их состоятельности. Таким образом, Плиний знакомит нас с первым отправным моментом того процесса, который в автократических интересах Римской империи в конце концов совершенно видоизменил самые основы провинциальных сенатов.

Те же письма Плиния показывают нам в зародышевом состоянии еще другой важнейший исторический процесс, именно—закабаление декурионов.

В самом деле, хотя Траян и ответил с негодованием предложение Плиния распределять ссуды из общественных средств среди декурионов насильственно, ввиду того, что эти средства не находили себе свободного спроса, однако не нужно было обладать особенно крупным государственным умом, чтобы прийти к такой мысли в поисках выхода из начавшегося уже тогда финансового кризиса, и нам становится совершенно понятным, что в дальнейшем, т. е. в III и IV вв. (декреты Валериана, Диоклетиана, Константина и др.), римское правительство избрало именно такой путь насильственного навязывания декурионам некоторых общественных и административных функций.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы все в вопросе о провинциальных сенатах стало для нас до конца ясным из «Переписки». Так, например, совершенно еще неясным остается вопрос о тех узаконениях и инструкциях, которыми должны были руководствоваться цензоры при проверке списков сенаторов. К сожалению, много очень ответственных мест в первоначальных списках «Переписки» сильно испорчено, и чтение их не может пока еще быть установлено в бесспорной редакции. Так, например, спорным является и возраст в 25 лет (может быть и 22 года), указанный в упоминаемом в «Переписке» эдикте Августа. Значение «Переписки» в этом случае заключается в том, что она выдвигает этот вопрос для специального исследования.

Далее из «Переписки Плиния с Траяном» мы узнаем, как римским правительством

использовалось в целях политического воздействия на провинциалов городское общественное строительство. В городах затеваются строительства новых бань, театров, гимнасиев, грандиозных водопроводов и каналов, города приводятся в состояние благоустройства. Но сами провинциалы плохо справляются с этим делом. Тратятся громадные средства, но не хватает архитекторов, землемеров, нивелировщиков. Некоторые постройки консервируются, средства оказываются все израсходованными, надо собирать новые. Но вот римский администратор—в данном случае Плиний—берет это дело под свое наблюдение. Нужные люди могут быть вызваны из других провинций; сметы проверяются им самим и получают санкцию от самого императора; многие постройки должны получить имя божественного Траяна, должны быть связаны в сознании провинциалов с его благим управлением. Так римское правительство берет под свой контроль даже чисто местные дела, упраздняя все, что еще оставалось от самостоятельности городов.

Наконец, «Переписка» дает нам важнейший материал для освещения вопроса о провинциальных собраниях (*concilium*). Когда-то они имели большое политическое значение, ко времени же Плиния их роль была ограничена исключительно религиозными функциями, и какой-нибудь вифиниарх или понтарх, несмотря на всю звучность их громких титулов, были всего только организаторами священных молебствий в честь императора. Культ императора успел уже и раньше пустить в Вифинии глубокие корни. Много содействовал этому личный патронат императоров над тем или другим городом. Так, например, в Синопе был даже особый жрец культа Юлия Цезаря (*Sacerdos imp. Caesaris nostri*), в Амастриде был свой культ Августа, в Прусе культ Клавдия практиковался даже в частном доме какого-то местного богача. Из писем Плиния узнаем некоторые подробности этого дела. Молебствия приурочиваются ко дню рождения императора или вступления его в управление империей. Если присутствует сам наместник императора, то ему принадлежит первая роль. Он произносит слова обетов, другие за ним лишь повторяют, строго соблюдается ранг участников торжества и т. д. Сам Плиний был авгуром, но это имело исключительно политическое значение. В вопросах сакрального права он часто был очень неуверен, но он соблюдал интересы государственной римской религии, перед которой все местные религии и культы не имели никакого значения.

Так обрисовывается в «Переписке Плиния с Траяном» политика Римской империи по отношению к восточным провинциям.

Интересными представляются нам и ответные письма императора.

Траян не оставил неразрешенным ни одного сомнения Плиния. Его ответы всегда точны, ясны, безупречны в отношении стиля, всегда направлены на самое существующее в затронутом вопросе. Часто в ответах Траяна, в противоположность некоторой многоречивости Плиния, кратко излагается главная суть дела, расчлененная иногда по пунктам, с предвидением всех возможных в данном случае вариантов. Примером служит письмо Плиния об ответственности за проникновение рабов в римское войско (письма 29 и др.). Надо узнать,—пишет Траян,—как попали в число новобранцев эти два раба: если по набору—ответственен за это производивший набор; если они поставлены кем-нибудь в качестве заместителей, виновны поставившие их за себя; если же, наконец, они попали в армию добровольцами,—подлежат строжайшей ответственности они сами.

В то же самое время все ответные письма Траяна представляют собой прекрасные образцы деловой правительственной переписки и свидетельствуют о хорошей постановке дела в императорской правительственной канцелярии.

В. Соколов



ПЕРЕПИСКА ГАЯ ПЛИНИЯ ЦЕЦИЛИЯ СЕКУНДА С ИМПЕРАТОРОМ ТРАЯНОМ

1 (I). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Поздравление к вступлению на престол)

Твоя сыновняя почтительность, о благочестивейший император, заставляла тебя желать как можно позднее стать преемником твоего отца, но бессмертные боги ускорили переход в твои доблестные руки кормила правления государства, бремя которого ты принял на себя уже и раньше. Молю богов, чтобы они послали тебе, а через тебя всему человеческому роду полную во всем удачу, достойную твоего века, и высказываю тебе, доблестный император, как частное и как должностное лицо, пожелания быть радостным и здоровым.

2 (II). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за предоставление ему права отцов троих детей)

У меня нехватает слов, повелитель, чтобы выразить, какую ты мне доставил радость, признав меня достойным привилегий отцов, имеющих троих детей. Хотя ты оказал мне эту милость по ходатайству Юлия Сервиана, человека весьма почтенного и тебе весьма преданного, однако из твоего рескрипта я усматриваю, что ты тем охотнее удовлетворил его просьбу, что он просил за меня. Теперь я вижу, что достиг предела в удовлетворении своих желаний, поскольку ты в самом начале своего счастливейшего принципата счел меня достойным твоей особой милости. Это тем более возбуждает во мне желание иметь детей, что я хотел этого всегда и ранее, даже и в минувшие тяжелые времена, как ты можешь это видеть из того, что я дважды вступал в брак. Но боги судили лучше и приберегли для меня эту радость до настоящей твоей ко мне милости. Я предпочитаю стать отцом теперь, когда я уверен в своем благополучии и счастье.

3 (XX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(По поводу поручения сената Плинию выступить защитником жителей провинции Африки)

Как только в силу вашего благоволения ко мне я получил, о повелитель, должность префекта государственного казначейства при храме Сатурна, я отказался от всяких выступлений на суде, которыми, впрочем, никогда между делом не занимался, с тем чтобы всецело отдаться новой порученной мне должности. Поэтому, когда провинциалы пожелали иметь меня своим защитником против Мариа Приска, я просил освободить меня от этой обязанности и добился этого. Однако когда впоследствии избранный в консулы постановил поступить со всеми нами, чей отказ был в свое

время принят, как с находившимися в распоряжении сената и давшими согласие бросить также и наши имена в урну для баллотировки, я счел: всего более соответствующим благостным временам твоего правления не возражать и подчиниться распоряжению высшего сословия в государстве, к тому же столь для меня не обременительному. Я бы хотел, чтобы ты одобрил этот акт послушания с моей стороны, потому что больше всего я стремлюсь к тому, чтобы все мои слова и поступки были одобрены твоим священнейшим для меня мнением.

За (XXI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Оказав повиновение вполне законному требованию высшего сословия, ты поступил как хороший гражданин и сенатор. Я уверен, что ты так же исполнишь свой долг и в отношении новой принятой на себя обязанности.

4 (III). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба о возведении в сенаторское звание Вокония Романа)

Благоволение твое ко мне, доблестный император, которое я испытываю на себе в полной мере, дает мне смелость просить тебя также и за моих друзей. Из них, бесспорно, все права на первое место имеет Воконий Роман, с юных лет мой товарищ по учению и военной службе. Эти основания побуждали меня просить еще твоего божественного отца возвести его в высшее сословие. Но удовлетворить эту мою просьбу предоставлено твоей милости, так как мать Романа в то время еще не выполнила всех формальностей по передаче ему имущества в 4 млн. сестерциев, как она обещала это сделать в письме, написанном ею еще твоему отцу. Впоследствии она сделала это по моим указаниям, а именно: передала ему поместья и исполнила все, что полагается при подобной передаче имущества. Итак, раз в настоящее время окончено то дело, из-за которого задерживалось осуществление моих надежд, я с полной уверенностью даю перед тобой ручательство за высокие нравственные качества моего Романа, которого украшает и преданность его изящным искусствам и исключительная почтительность по отношению к родителям, благодаря которой он заслужил и упомянутую выше щедрость своей матери, и немедленное признание за ним наследства после отца, и, наконец, усыновление вотчимом. К этому прибавляются еще и природные его дарования и блестящая слава его рода. Я надеюсь, что мое ходатайство придаст его качествам еще больше значения в твоих глазах. Итак, прошу тебя, повелитель, дать мне возможность принести ему мои столь желанные для меня поздравления, а также удовлетворить мое, надеюсь, вполне почтенное, желание хвалиться твоим милостивым расположением не только ко мне самому, но и к моему другу.

5 (IV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба предоставить права римского гражданства лекарю Гарпократу, а также двум вольноотпущенницам Антонии Максимиллы)

В прошлом году, повелитель, мучимый тяжелой болезнью чуть было не сведшей меня в могилу, я обратился к лекарю¹. Отблагодарить его достойным образом за услуги и заботы обо мне я смогу только при твоём милостивом ко мне расположении. Поэтому прошу тебя предоставить

¹ Iatralipta—лекарь, лечащий натираниями.

ему права римского гражданства¹. Дело в том, что он—вольноотпущенник иностранки и сам иностранец. Имя его—Гарпократ; госпожой его была Термутис, жена Теона, давно умершая: Прошу тебя также дать полные права гражданства² вольноотпущенникам весьма почтенной женщины, Антонии Максимиллы, именно: Гедии и Антонии Гармеридской. Обращаюсь к тебе с этим ходатайством по личной просьбе самой их госпожи.

6 (XXII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за исполнение Траяном его просьбы и дальнейшее ходатайство за Гарпократа)

Благодарю тебя, повелитель, что ты без промедления по моему ходатайству даровал полные права гражданства отпущенникам близкой моей знакомой³, а также право римского гражданства моему Гарпократу. Но когда я хотел, как ты предписал, указать его возраст и имущественный ценз, то более опытные в этих делах люди сказали мне, что так как он египтянин, то я должен бы сперва просить для него права александрийского гражданства, а уж потом римского. Я же, полагая, что нет никакого различия в правовом положении египтян и других иностранцев, удовольствовался тем, что написал тебе только, что он—отпущенник иностранки и что госпожа его уже давно умерла. Я не раскаиваюсь в таком своем невежестве, благодаря которому могу лишний раз быть тебе обязанным, ходатайствуя за одного и того же человека. Итак, чтобы мне воспользоваться твоею милостью с соблюдением всех формальностей, я прошу тебя предоставить ему права и александрийского и римского гражданства. А чтобы не произошло опять какой-нибудь задержки в осуществлении твоей милости, я посылаю сведения о его возрасте и имущественном цензе тем твоим отпущенникам, которых ты указал.

7 (XXIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Согласно с установлениями предшествовавших мне принцевов я решил предоставлять права александрийского гражданства лишь с большой осмотрительностью. Но, так как ты добился для своего лекаря Гарпократа уже и римского гражданства, я не могу отказать тебе и в этой просьбе. Тебе нужно будет сообщить мне, из какого он нома в Египте, и я пришлю тебе письмо на имя наместника Египта, друга моего—Помпея Планта.

8 (XXIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба Плиния предоставить ему отпуск для устройства личных дел)

Когда, о повелитель, твой божественный отец своей прекрасной речью и своим почтеннейшим примером призвал всех граждан к актам щедрости и благочестия, я просил у него разрешения перенести в муниципальный город статуи принцевов, переданные мне благодаря целому ряду наследований и охраняемые мной в неприкосновенности в различных отдаленных поместьях. При этом я просил также разрешения прибавить к этим

¹ Civitas Romana.

² Ius Quiritium.

³ Антонии Максимиллы (см. письмо 5).

статуям и его собственную статую. Он дал мне на это полное свое согласие и я тотчас же написал декурионам, чтобы они отвели в своем городе место, где бы я мог воздвигнуть храм на свои личные средства, они же из уважения к задуманному делу предоставили право выбора места мне самому. Но я был задержан в приведении в исполнение этого благого дела сначала своей собственной болезнью, потом болезнью твоего божественного родителя, наконец, обязанностями новой, порученной мне вами должности. Только теперь я могу, повидимому, всецело и с полным спокойствием отдаться этому делу, так как месячный срок моей службы кончается 1 сентября и в следующем месяце имеется много праздничных дней. Поэтому прошу у тебя прежде всего разрешения украсить задуманный мною храм также и твоей статуей, а затем чтобы мне как можно скорее привести это в исполнение, прошу дать мне отпуск. По своей простоте я не могу скрыть от тебя, что этим ты попутно окажешь весьма большую поддержку моим имущественным интересам. Я не могу больше откладывать сдачу принадлежащих мне в той области земель в аренду, которая между прочим превышает сумму в 400 тыс. сестерциев, тем более, что ближайший сбор винограда должен был бы произвести уже новый колон. Кроме того, постоянные недороды в виноградниках заставляют меня подумать о снижении арендных цен. Всем этим распорядиться я могу только лично. Таким образом, я буду обязан твоей милости и быстрым исполнением моего благочестивого замысла и приведением в порядок моих личных дел, если ты мне дашь для того и для другого отпуск на 30 дней. Я не могу просить о более коротком сроке, так как и мой муниципий и поместья, о которых я тебе пишу, находятся более чем за 150 миль отсюда.

9 (XXV). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты привел много частных оснований и всевозможные доводы общественного характера для твоего отпуска, а для меня было бы достаточно просто одного твоего желания. Не сомневаюсь, что ты вернешься к исполнению своей многообразной деятельности, как только сможешь. Что касается до постановки моей статуи в избранном тобою месте, то, хотя я вообще старательно воздерживаюсь от почестей подобного рода, все же на этот раз даю тебе свое согласие, чтобы не казалось, что я препятствую тебе в выражении твоей ко мне привязанности.

10 (V). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за предоставление Гарпократу прав александрийского гражданства)

У меня нехватает, повелитель, слов, чтобы выразить, какую радость доставил ты мне своим письмом, из которого я узнал, что ты предоставил лекарю моему Гарпократу также и права александрийского гражданства, хотя, согласно установлениям предшествовавших тебе принцепсов, ты решил предоставлять эти права лишь с большим разбором. Сообщаю тебе, что Гарпократ — из нома города Мемфиса. Прошу тебя также, о милостивейший император, прислать мне, согласно твоему обещанию, рекомендательное письмо к префекту Египта, другу твоему — Помпею Планте. Собираюсь выехать тебе навстречу, чтобы как можно скорей испытать радость от столь желанного, повелитель, твоего возвращения. Прошу твоего разрешения выехать для встречи тебя как можно дальше.

11 (VI). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба о награждении правами гражданства родственников медика Постуми я Марина и некоторых вольноотпущенников)

Излечением моим от постигшей меня недавно болезни, повелитель, обязан я врачу Постумию Марину. Соответственным образом отблагодарить его я могу лишь с помощью твоей милости, если ты и на этот раз по неизменному ко мне благоволению исполнишь мою просьбу.

Итак, прошу тебя даровать права гражданства¹ родственникам его: Хризиппу Митридату, жене Хризиппа Стратонике, дочери Эпигона, а также детям этого Хризиппа: Эпигону и Митридату, с тем, однако, чтобы над ними сохранилась власть отца и чтобы, вместе с тем, они сохранили права патроната над своими отпущенниками. Прошу тебя также даровать полные права римского гражданства² Люцию Сатрию Абасканту, Публию Цезию Фосфору и Панхарии Сотериде. Прошу за них с согласия их патронов.

12 (VII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба предоставить должность претора Акцию Суру)

Знаю, повелитель, что ты хорошо помнишь о всех моих просьбах, так как ты особенно внимателен ко всем делам, связанные с оказанием милости. И так как ты часто был снисходителен к моим просьбам, я решаюсь напомнить тебе об одной из них и вместе с тем усиленно просить тебя удостоить Акцию Суру должности претора, в настоящее время вакантной. Он смеет надеяться, что, хотя он и живет вдали от всех государственных дел, путь к этому почету откроют ему знатность его рода, безупречная его честность и бескорыстие при его бедности. Прежде всего ему внушают эту уверенность счастливые времена твоего правления, когда твоих граждан возвышает и делает достойными твоего благоволения их незапятнанная репутация.

13 (VIII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба Плиния предоставить ему должность авгура или септемвира)

Я прекрасно сознаю, повелитель, что наилучшим свидетельством и наилучшей наградой за мои строгие правила жизни служит милость, которою награждает меня столь доблестный принцепс, а потому прошу тебя, сообрази прибавить к той почести, которой удостоила меня твоя милость, еще одну из вакантных ныне должностей авгура или септемвира. Тогда я смогу по праву жречества публично возносить к богам молебь о твоём благополучии, что теперь я делаю лишь частным образом, из преданности к тебе.

14 (IX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Приветствие Траяну по случаю одной его победы)

Выражаю тебе, о доблестный император, свое чувство радости за тебя и за все государство по случаю столь великой, прекрасной и навеки знаме-

¹ Civitas Romana.

² Ius Quiritium.

нательной твоей победы и молю бессмертных богов, чтобы они неизменно даровали такое же счастье и успех во всех делах твоих и начинаниях и чтобы доблестными подвигами твоими была восстановлена и еще более прежнего возвеличена слава нашей империи.

15 (XXVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(С пути в Вифинию)

Извещаю тебя, о повелитель, что я со всеми своими спутниками хотя и был задержан неблагоприятными ветрами, все же, миновав Малейский мыс, прибыл в Эфес. Я уверен, что это тоже входит в круг твоих забот. Отсюда я предполагаю направиться дальше в провинцию: часть пути совершить на судах прибрежного плаванья, часть—на повозках.

Дело в том, что, с одной стороны, сухопутное сообщение крайне тягостно из-за жары, с другой стороны, морское путешествие крайне затрудняют пассатные ветры.

16 (XXVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на сообщение о путешествии)

Правильно ты поступил, любезный мой Секунд, сообщив мне о своем путешествии. Меня действительно очень интересует, каким путем ты прибудешь в свою провинцию. Ты совершенно разумно решил пользоваться когда кораблями, а когда повозками, смотря по условиям местности—

17 (XXVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О прибытии в Вифинию и о первых распоряжениях Плиния)

Если свой путь до Эфеса я могу считать вполне благополучным, то, наоборот, дальнейший путь по суше на повозках меня окончательно измучил: невыносимая жара и несколько приступов лихорадки заставили меня остановиться в Пергаме. Когда же я опять сел на корабль прибрежного плаванья, меня снова задержали противные ветры, и я вступил в пределы Вифинии несколько позже, чем рассчитывал, именно только за пятнадцать дней до октябрьских календ. Не могу, однако, сетовать на это промедление, потому что мне все же удалось отпраздновать день твоего рождения в самой провинции, что я считаю самым лучшим для меня предзнаменованием. Теперь я знакомлюсь с расходами, приходами и должниками городского хозяйства прусцев¹. Чем более я в это углубляюсь, тем больше считаю это дело необходимым: много платежей задерживается частными лицами по самым разным причинам; с другой стороны, во многих случаях деньги расходуются без всяких законных оснований. Все это я пишу тебе, повелитель, по первом же прибытии.

Прибыв в провинцию за пятнадцать дней до октябрьских календ, я нашел ее в состоянии полного повиновения и той преданности тебе, какую ты заслуживаешь перед всем человечеством. Подумай, повелитель, не найдешь ли ты нужным прислать сюда землемера. Повидимому, здесь можно будет извлечь немало доходов от подрядчиков-застройщиков, если в точности будет произведен обмер земли. Я в этом совершенно уверен на основании ознакомления с хозяйственным положением прусцев, делами которых я усердно занимаюсь.

¹ Жители города Прусы, ныне Бруссы.

18 (XXIX). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я бы очень хотел, любезнейший мой Секунд, чтобы ты достиг Вифинии без ущерба для здоровья как твоего, так и всех твоих и чтобы путь твой от Эфеса был таким же удачным, как и твое плавание по Эгейскому морю. О дне твоего прибытия я узнал из твоего письма. Я уверен, что жители этой провинции убедятся в моих о них заботах. К тому же и ты не упустишь случая дать им понять, что избран мною как человек, который мог бы быть к ним послан в качестве заместителя меня самого. Прежде всего тебе следует заняться состоянием их общественных средств. Совершенно очевидно, что они приведены в крайнее расстройство. Землемеров у меня едва хватает для работ, производимых в самом Риме и поблизости от него. Но в каждой провинции можно найти людей, которым можно доверить это дело. Не будет недостатка в них также и у тебя, если только ты их как следует поищешь.

19 (XXX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Об охране тюрем)

Прошу тебя, повелитель, своим советом разрешить мои сомнения, пользоваться ли мне для охраны тюрем общественными рабами городских общин, как это практиковалось до сего времени, или воинами. Я боюсь, что, с одной стороны, общественные рабы будут недостаточно надежно стеречь тюрьмы, с другой стороны, что это дело займет слишком большое количество воинов. Пока что я к общественным рабам прибавил некоторое число воинов. Но уже вижу, что грозит опасность, как бы это не стало причиной небрежного отношения к службе тех и других, так как общую вину они смогут сваливать друг на друга.

20 (XXXI). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Нет никакой надобности, дорогой мой Секунд, занимать большое количество воинов охраной тюрем. Будем лучше придерживаться установившегося в данной провинции обычая охранять их при помощи общественных рабов. А заставить их лучше исполнять эту обязанность зависит вполне от твоей строгости и взыскательности. Как ты пишешь, прежде всего приходится опасаться, как бы в случае смещения на этой работе воинов с общественными рабами они не стали небрежно относиться к службе, полагаясь друг на друга, но, кроме того, мы должны особенно заботиться о том, чтобы отвлекать как можно меньше воинов от службы под знаменами.

21 (XXXII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О составе охраны при правителе Понтийской прибрежной области, Габии Бассе)

Габий Басс, наместник Понтийского побережья, посетил меня, повелитель, с выражением полного почтения и готовности к услугам и пробыл у меня в течение нескольких дней. Насколько я смог подметить, это отлич-

ный и вполне достойный твоего благоволения муж. Я поставил его в известность, что, согласно твоему предписанию, из числа порученных мне тобою когорт он должен довольствоваться десятью бенефициариями, двумя всадниками и одним центурионом. На это он мне ответил, что этого количества (воинов) ему недостаточно и что он сам будет тебе писать об этом. В силу этого обстоятельства я не счел нужным немедленно отозвать от него тех воинов, которые находятся при нем сверх (указанного тобою) числа.

22 (XXXIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

И мне написал Габий Басс, что ему недостаточно того числа воинов, которое я в своей инструкции предписал дать в его распоряжение. Чтобы тебе было известно, что я ему ответил, я приказал приложить мой ответ к этому письму. Здесь очень важно решить вопрос, необходимость ли требует усиления его охраны, или просто люди хотят шире использовать свое право. Нам же прежде всего надо следить за пользой дела и, насколько возможно, заботиться о том, чтобы воины не отвлекались от службы под знаменами.

23 (XXXIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О постройке новых бань в Прусе [Бруссе])

У прусцев, повелитель, общественные бани пришли в ветхость и содержатся грязно. Сами они хотели бы, с твоего соизволения, их ремонтировать. Я же полагаю, что им следует построить новые... считаю, что ты мог бы удовлетворить их желание.

Средства на это дело найдутся: во-первых, это те, которые я уже начал собирать и взыскивать с частных лиц; во-вторых, они согласны обратиться на постройку бань те деньги, которые они сами обычно тратят на благовонные масла. Во всяком случае этого требуют и важное значение города и блеск твоего правления.

24 (XXXV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Если постройка новых бань не будет обременительна для средств прусцев, то мы можем согласиться на удовлетворение их желания; лишь бы только они для этой цели не прибегали к новому обложению или не оказалось бы у них на будущее время недостатка средств для неотложных расходов.

25 (X). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О прибытии Сервилия Пудента)

Твой легат—Сервилий Пудент—прибыл, о повелитель, в Никомедию за восемь дней до декабрьских календ и избавил меня таким образом от тревог продолжительного ожидания.

26. (XI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Рекомендация Розиана Гемина и просьба не забывать его своей милостью)

Твои ко мне милости, повелитель, связали меня теснейшими узами с Розианом Геминем. Он был квестором во время моего консульства, и я имел случай наблюдать с его стороны по отношению ко мне крайнюю

предупредительность. Он и по окончании моего консульства оказывает мне такое же почтение и официально выражаемое уважение довершает личными мне услугами. Поэтому прошу и тебя по моему ходатайству отнестись к нему благосклонно; поскольку ты веришь моим словам, ты и сам сочтешь его достойным своего благоволения. Он будет прилагать все усилия, чтобы точным исполнением того, что ты ему поручишь, заслужить еще больше доверия. Я воздерживаюсь от чрезмерных похвал ему, так как надеюсь, что тебе хорошо известны и его честность и добросовестность, а также и усердие к службе не только по его служебной деятельности в столице, на твоих глазах, но еще и по совместной его с тобой службе в одной военной части. Так как я считаю, что со своей стороны недостаточно сделал для него по его качествам и заслугам, я не упускаю случая, чтобы чем-нибудь его лишний раз отблагодарить. А потому прошу тебя, главным образом, чтобы ты как можно скорее согласился доставить мне радость, наградив моего квестора новой почетной должностью; его почести будут также и моими в его лице.

27 (XXXVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О предоставлении военной охраны прокуратору Максиму при сборе им зерна)

Отпущенник и доверенный твой—прокуратор Максим,—о повелитель, утверждает, что, помимо десяти бенефициариев, которых ты приказал мне дать почтеннейшему Гемеллину, требуются еще шесть воинов охраны и для него самого. Пока что я нашел возможным оставить ему тех трех, которых я уже раньше застал на его службе, тем более, что он направлялся на сбор зерна в Пафлагонию. Мало того, по его просьбе, для его охраны я прибавил еще двух всадников. Прошу тебя, повелитель, напиши мне, чего мне придерживаться на будущее время.

28 (XXVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты поступил правильно, снабдив моего отпущенника Максима военной охраной при отправлении его за зерном: ведь он выполняет экстраординарное поручение. Когда же он вернется к обычной своей деятельности, достаточно будет для него двух данных тобою воинов и стольких же, полученных им от Вирдия Гемеллина, моего главного управляющего, у которого он состоит помощником.

29 (XXXVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О рабах, оказавшихся среди новобранцев)

Выдающийся юноша Семпроний Целиан направил ко мне двух рабов, оказавшихся среди новобранцев; я отложил их казнь, чтобы иметь возможность обратиться за советом о характере взыскания с них к тебе, учредителю и хранителю военной дисциплины. У меня же у самого по этому вопросу имеются основательные сомнения, потому что хотя они и принесли уже воинскую присягу, однако зачислены еще ни в какую определенную воинскую часть не были. Прошу тебя, повелитель, напиши мне, чего мне придерживаться, тем более, что это дело должно послужить примером для будущего времени.

30 (XXXIX). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Семпроний Целиан поступил согласно моим предписаниям, направив к тебе людей, относительно которых нужно будет расследовать, не достойно ли их преступление смертной казни. При этом важно установить, пошли ли они добровольцами, или были взяты на службу по набору, или, наконец, пришли как чьи-нибудь заместители. Если они были взяты по набору, то в этом вина того, кто их записал; если они явились чьими-нибудь заместителями — вина на тех, кто их за себя поставил; если же они явились сами, зная о своем положении, то взыскание должно быть наложено на них самих. При этом не имеет большого значения, что они еще не были зачислены ни в какую определенную воинскую часть: правдивое показание о своем происхождении с них требовалось с самого первого дня, как они были зачислены на службу.

31 (XL). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О лицах, осужденных судом, но продолжающих состоять на общественной службе)

Так как ты, повелитель, разрешил мне обращаться к тебе со всеми моими недоумениями, прошу тебя и на этот раз, снизойди, не в ущерб своему величию, к моим малым заботам. Здесь во многих городах, особенно же в Никомедии и Никее, люди, осужденные на каторжные работы или на служение гладиаторами, или на другие подобные этим наказания, продолжают исполнять обязанности общественных рабов и находятся на общественной службе и даже, как вообще все общественные рабы, получают за это содержание. Когда я об этом услышал, я долго колебался, как мне поступить. С одной стороны, я считаю чрезмерно строгим подвергнуть этих людей назначенному им наказанию, так как прошло уже много времени и многие из них уже состарились и к тому же, как про них утверждают, живут честно и скромно. С другой стороны, удерживать на общественной службе людей осужденных я считаю не совсем удобным. Кроме того, считаю, что продолжать содержать этих осужденных людей на общественный счет бесполезно, а лишить их содержания даже опасно. Поэтому по необходимости я оставил все это дело нерешенным, пока не получу указаний от тебя. Может быть, ты спросишь, как это могло произойти, что люди освободились от наказания, к которому были присуждены. Я и сам задавал такой вопрос, но ничего точного не мог узнать, о чем бы мог тебе сообщить. Если мне, с одной стороны, представлены были постановления, на основании которых они были осуждены, то, наоборот, не предъявлено никаких документов, которые бы подтверждали их освобождение от наказаний. Однако нашлись среди них и такие, которые заявили, что по настоятельным своим просьбам были освобождены по распоряжению проконсулов или легатов. Это внушает доверие, потому что совершенно естественно, что никто не взял бы на себя смелость сделать что-либо подобное без согласия какого-либо авторитетного лица.

32 (XLI). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Будем помнить, дорогой Секунд, что ты потому и послан в эту провинцию, что в ней обнаружилось много такого, что необходимо привести

в порядок. Вот, надо будет прежде всего устранить то, что люди, присужденные к наказанию, не только освободились от него, как ты пишешь, помимо властей, но даже оказываются на одном положении с честными людьми, состоящими на общественной службе. Итак, тех, которые были осуждены в течение последних десяти лет и освободились от несения наказания без достаточно законного основания, следует подвергнуть установленному для них взысканию; тех же, более пожилых и стариков, которые окажутся осужденными более десяти лет назад, будем ставить на такую работу, которая близка к роду их наказания. Обычно таких людей применяют на работу в банях, на очистке клоак, а также на починке дорог и поселков.

33 (XLII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О пожарных командах)

Пока я, повелитель, объезжал отдаленную часть моей провинции, в Никомедии произошел громадный пожар, разрушивший много частных домов, а также, несмотря на то, что между ними находилась дорога, два общественных здания: Герусион и Изеон¹. Пожар охватил громадную площадь, во-первых, вследствие чрезвычайно сильного ветра, во-вторых, из-за бездействия людей, которые, как это удостоверено, стояли праздно и неподвижно, созерцая это ужасное бедствие. А кроме всего, в городе совершенно не оказалось ни насоса, ни пожарного ведра, вообще никаких приспособлений для тушения пожара. Теперь, как я уже распорядился, таковые будут заготовлены. Рассуди, повелитель, не сочтешь ли ты полезным организовать особую артель ремесленников-пожарных, примерно человек в 150. Я буду следить за тем, чтобы в нее принимались действительно исключительно ремесленники и чтобы они не пользовались предоставленными им правами для каких-либо других целей. За таким небольшим числом людей уследить будет нетрудно.

34 (XLIII). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Тебе пришла мысль, что в Никомедии, по примеру многих других городов, можно организовать артель пожарных. Но не будем с тобой забывать, что порученная тебе провинция и особенно этот город много претерпели именно от подобного рода организаций. Какое бы ни давали название или назначение людям, объединенным в такие артели, последние в скором времени превращаются в нелегальные союзы или гетерии. Итак, лучше запастись всем, что может быть полезно при тушении пожаров, воздействовать на владельцев домов, чтобы они и сами заботились о том же, и, наконец, прибегать в случаях нужды к помощи сбежавшегося на пожар народа.

35 (XLIV). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О торжественных молениях в честь Траяна)

Сообщаю тебе, повелитель, что мы приняли на себя торжественные обеты за твое благополучие, на котором зиждется все наше общественное благо, а также и выполнили их, моля богов, чтобы они всегда и в будущем так же содействовали их выполнению и счастливому знаменованию.

¹ Храм Изиды.

33 (XLV). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Благодарность за произнесение обетов)

Приятно было мне узнать из твоего письма, дорогой мой Секунд, что ты и жители твоей провинции выполнили торжественные обеты за мое благополучие и здоровье и приняли на себя новые.

37 (XLVI). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О водопроводе для Никомедии)

Повелитель, никомедыне уже вложили в строительство своего водопровода 3 329 тыс. сестерциев, однако он до сего времени еще не закончен, брошен и даже разрушен; на новое строительство израсходовано еще 200 тыс. сестерциев, но оно тоже заброшено, и теперь, чтобы снабдить город водой, требуется новая затрата, несмотря на то, что уже зря израсходованы такие громадные суммы. Я сам нашел чистейший источник, из которого вода могла бы быть проведена в город, как это было предположено в самом начале, при помощи арочного сооружения, с таким расчетом, чтобы вода попадала не только в низкие части города. От прежнего сооружения сохранилось лишь очень немного арок, некоторые могут быть сооружены из обтесанных камней, взятых с места первого строительства, остальные, как мне кажется, можно будет сделать из обожженных кирпичей: это будет сделать легче и обойдется дешевле. Но, главным образом, нужно, чтобы ты прислал нам сюда мастера по водопроводным делам или архитектора, чтобы не повторилось того, что уже не раз случалось. Я же со своей стороны утверждаю, что это сооружение по своей полезности и красоте вполне достойно твоего века.

38 (XLVII). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Необходимо позаботиться о проведении воды в Никомедию. Я вполне уверен, что ты примешься за выполнение этого дела с подобающей энергией. Но, клянусь Юпитером, с такой же энергией должен ты будешь расследовать, по чьей вине никомедыне загубили напрасно на это дело столько денег и не проводили ли они свое время, и когда начинали строительство и когда его бросали, во взаимных поздравлениях и награждениях. Поставь меня в известность о том, что ты узнаешь по этому делу.

39 (XLVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О строительстве театра в Никее и др.)

В Никее, повелитель, строительство театра, в значительной своей части выполненное, но все еще не доведенное до конца, потребовало, как я слышал, уже более 10 млн. сестерциев, причем до конца я всей сметы еще и не рассмотрел. Боюсь, как бы эти затраты не оказались напрасными. Здание оседает, и в нем зияют громадные трещины, то ли по причине сырой и мягкой почвы, то ли из-за хрупкости и рыхлости самого строительного материала. Стоит серьезно подумать, нужно ли доводить строительство до конца, не лучше ли его оставить или, может быть, даже разобрать постройку. Фундамент и контрфорсы, которыми поддерживается постройка, кажутся мне не столько солидными, сколько дорого стоящими. В связи со строительством этого театра много было сделано частными лицами

разных обещаний: построить вокруг роскошные базилики, а над местами для зрителей—портики. Но все это теперь отложено, потому что задержалось строительство самого театра, который должен был быть закончен прежде всего другого... Те же никейцы еще до моего приезда начали восстанавливать гимнасион, разрушенный пожаром, делая его более обширным и поместительным, чем раньше. На эту постройку они тоже израсходовали уже много денег; есть опасение, что и на этот раз без пользы. Гимнасион—какой-то некрасивый, и план его плохо сложен. Кроме того, архитектор, несомненно противник инициатора постройки, утверждает, что стены здания—хотя в них и 22 фута толщины—не смогут выдержать тяжесть опирающегося на них сооружения, потому что они заполнены внутри щебнем и не обложены обожженным кирпичом. Клавдиополиты тоже больше роят, чем строят, огромные бани на очень низком месте под нависшей скалой. А тратятся на это те деньги, которые булевты, дополнительно зачисленные по твоему милостивому разрешению, частью уже внесли из чувства благодарности при вступлении в почетное звание булевтов, частью внесут, как только я этого с них потребую. Итак, опасаясь, что в одном случае плохо используются общественные деньги, в другом,—что ценнее всяких денег,—твое пожалование, я вынужден просить тебя прислать архитектора не только для театра, но и для этих бань, чтобы он разобрал, лучше ли будет, после того как уже сделано столько затрат, довести как-нибудь до конца начатые постройки, или, может быть, лучше исправить то, что сделано плохо, или отложить выполнение того, что может быть сделано впоследствии, чтобы мы, желая сохранить то, на что уже столько затрачено, не стали расходовать неразумно еще и те средства, которые придется добавлять.

40 (XLIX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты сам на месте лучше всего сможешь разобрать и решить, что следует сделать с театром, начатым в Никее. Меня же достаточно будет просто известить о принятом тобою решении. От частных же лиц тебе придется потребовать исполнения того, что они обещали, лишь после окончания постройки театра. Греки твои имеют пристрастие к гимнасиям; потому, вероятно, никейцы приступили к постройке своего с чрезмерным увлечением. Им следует, однако, удовольствоваться таким, какой мог бы быть для них достаточно вместительным. Сам же ты реши, что посоветовать клавдиополитам относительно их бань, для которых они, как ты пишешь, выбрали не особенно удобное место. У тебя не может быть недостатка в архитекторах. Нет такой провинции, где бы не нашлось опытных и талантливых в этой области людей; не думай только, что легче их прислать тебе из столицы,—ведь и к нам сюда они обычно приезжают из Греции.

41 (L). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О проекте канала, соединяющего Никомедийское озеро с морем)

Размышляя о твоём счастье, а также о величии твоего духа, я считаю уместным предложить тебе, повелитель, один проект, вполне достойный увековечить твою славу как по своей красоте, так и по своей полезности. Есть в пределах Никомедийского округа большое озеро, по нему доставляются до самой дороги на судах с малой затратой денежных средств и труда сельские плоды, мрамор, лес и другие строительные материалы, дальнейшая же их переправа на повозках к морю сопряжена с большим

трудом и с еще большими издержками. Итак, дело идет о соединении озера с морем. Это дело, правда, требует очень много рабочей силы, но силы эти не трудно найти, потому что много народу живет здесь в сельских округах, еще больше подходящих людей имеется в городе, и всегда можно быть уверенным, что все охотно будут браться за столь полезное для всех дело. Остается только, чтобы ты, если найдешь возможным, прислал нивелировщика или архитектора, чтобы тщательно расследовать, действительно ли уровень озера выше уровня моря; местные мастера утверждают, что озеро выше моря на сорок локтей. Я обнаружил в этой местности остатки канала, начатого еще при царе; непонятно только мне—для осушения ли окружающих полей, или для соединения озера с рекой. Канал этот так и остался недоконченным, и тоже неизвестно—по случаю ли смерти царя, или из-за того, что строители отчаялись достигнуть цели этого сооружения. Но именно это-то обстоятельство больше всего и побуждает меня желать,—ты, пожалуй, сочтешь, что я слишком беспокоюсь о твоей славе,—чтобы тобою было завершено то, что царями было только начато.

42 (LI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Соединение озера, о котором ты пишешь, с морем может быть соблазнительным для нас предприятием, но, конечно, надо тщательно расследовать, не вытекло бы озеро, будучи соединено с морем, а затем точно установить, сколько воды оно само в себя принимает и откуда. Ты сможешь затребовать нивелировщика у Кальпурния Макра, кроме того, и я вышлю тебе отсюда какого-нибудь знающего это дело мастера.

43 (LII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О сокращении расходов города Византия на представительство)

При рассмотрении расходных статей города Византия, достигших чрезвычайно больших размеров, я обнаружил, повелитель, что византийцы каждый год отправляли к тебе посла с приветственной грамотой, причем ему давалось каждый раз по 12 тыс. сестерциев. Помня твои указания, я счел нужным посла больше не отправлять, а посылать тебе только грамоту с поздравлением, чтобы таким образом сократить расходы и все же соблюсти долг почтения. Этой же городской общиной ставятся в счет по 3 тыс. сестерциев, которые, под видом дорожных денег, выдавались ежегодно посланцу с поздравлениями от имени общины правителю Мезии. Я считаю нужным на будущее время эти траты урезать. Прошу тебя, повелитель, написать мне, что ты об этом думаешь, и либо поддержать меня в моих решениях, либо указать мне мои сшибки.

44 (LIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Правильно ты поступил, дорогой Секунд, отменив расход тех 12 тыс. сестерциев, которые византийцы давали послу, отправляя его ко мне с приветствиями. В этом отношении вполне достаточно, если тобою будет посылаться ко мне одна поздравительная грамота. И наместник Мезии охотно им простит, если они будут чествовать его с меньшей затратой средств.

45 (LIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О просроченных охранных грамотах)

Прошу тебя, повелитель, напиши мне, согласно ли с твоей волей, чтобы просроченные охранные грамоты вообще сохраняли свою силу и на сколько именно времени: разреши мои сомнения. Я опасаясь, как бы по своему незнанию мне не впасть в двоякую ошибку: с одной стороны, не утвердить чего-нибудь незаконного, с другой же стороны—не запретить чего-либо необходимого.

46 (LV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Никакие просроченные охранные грамоты или привилегии не должны иметь силы. Я поэтому считаю одной из первых своих забот рассылать по всем провинциям новые грамоты, прежде чем в них встретится нужда.

47 (LVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О проверке и утверждении бюджета города Апамеи)

Когда, повелитель, я хотел ознакомиться с приходами и расходами города Апамеи и задолженностью этому городу частных лиц, я получил в ответ заявление, что все горожане даже очень хотят, чтобы я ознакомился полностью с бюджетом города: ведь он никогда не проверялся ни одним проконсулом, так как жители Апамеи пользовались всегда весьма старинным обычаем и привилегией управлять своим городом самостоятельно. Я потребовал, чтобы они записали в протокол все, что они мне говорят и что зачитывали по документам. Этот протокол я посылаю тебе в том виде, как он был мне дан, хотя и понимаю, что многое в нем не имеет отношения к тому, о чем идет речь. Прошу тебя, сообрази дать мне указания, чего мне придерживаться. Я боюсь или превысить свою власть, или, наоборот, невыполнить того, что должен сделать.

48 (LVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Протокол города Апамеи, приложенный к твоему письму, освободил меня от необходимости расследовать, на основании чего горожане этого города хотят представить дело так, будто бы лица, управлявшие этой провинцией в качестве проконсулов, уклонялись от просмотра их бюджета, в то время как они не возражают против того, чтобы ты подробно с ним ознакомился. Их честность и правдивость поистине достойны награды, так как они уже и теперь вполне уверены, что производимая тобой инспекция будет делаться с моего ведома и без нарушения их привилегий.

49 (LVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О перенесении храма Великой Матери)

Еще до моего приезда, повелитель, никомедяне начали к старому своему форуму пристраивать новый, так что стоящий на углу древнейший храм Великой Матери приходится или перестраивать, или переносить на другое место. Главным основанием для этого является то, что храм этот гораздо ниже возводимого, чрезвычайно высокого здания. Когда я запросил, существует ли какой-нибудь закон, ограждающий права этого

храма, я узнал, что здесь посвящение делается по-другому, чем у нас в Риме. Рассуди, повелитель, может ли быть перенесен храм, не охраняемый особым законом, без оскорбления религии. Вообще же это сделать очень удобно, если только не будет этому препятствовать религия.

50 (IХ). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты можешь, дорогой мой Секунд, перенести храм Матери богов, если этого требует расположение местности, на другое, более удобное место, не беспокоясь о религии. Пусть тебя не смущает, что нет никакого акта посвящения этого храма: почва чужеземного города не может быть освящена на таких же основаниях, как это делается по законам нашей религии.

51 (XII) ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Благодарность Плиния за исполнение его просьбы в отношении Целия Клемента)

Трудно выразить словами, повелитель, как я был обрадован, когда узнал, что ты исполнил мою просьбу и просьбу моей тещи направить близкого ее родственника Целия Клемента в эту мою провинцию. Когда я вижу с твоей стороны столько милостей по отношению ко мне самому и ко всей моей семье, это позволяет мне постигнуть всю меру твоего ко мне благоволения. Я не смею даже думать, чтобы когда-нибудь смог воздать тебе равную благодарность с моей стороны, хотя вполне сознаю, сколько тебе обязан. Итак, прибегаю к мольбам и обетам и молю богов, чтобы мне никогда не оказаться недостойным тех милостей, которыми ты меня непременно осыпашь.

52 (LX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О торжественном праздновании годовщины вступления Траяна в управление империей)

Годовщину того дня, в который ты спас, о повелитель, нашу империю, взяв на себя управление ею, мы отпраздновали, соответственно твоим заслугам, с торжественной радостью и молили богов сохранить тебя невредимым и благополучным на благо рода человеческого, счастье и безопасность которого от тебя зависят. Все твои войны под моим предводительством возобновили по установленному чину свою присягу, а за ними, соревнуясь в преданности тебе, принесло присягу и подтвердило ее клятвой все гражданское население провинции.

53 (LXV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Весьма доволен был я узнать, любезнейший мой Секунд, из твоего письма, с каким благоволением и с какой радостью мои воины и провинциалы во главе с тобой отпраздновали годовщину дня вступления моего в управление империей.

54 (LXII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О снижении процента на ссуды из государственного имущества)

Общественные деньги, повелитель, в силу твоего предусмотрительного распоряжения и благодаря моим стараниям частью уже взысканы и продолжают взыскиваться. Боюсь только, как бы они не остались мертвым капи-

талом. Случаев для приобретения недвижимого имущества или совсем не бывает, или бывает очень мало; с другой стороны, не находится и таких людей, которые бы согласились брать взаймы из общественных средств за 12% годовых, особенно когда они под такие же проценты могут взять деньги у частных лиц. Рассуди, повелитель, не найдешь ли ты возможным несколько снизить процент, чтобы таким образом привлечь к займам надежных людей, а если нельзя будет найти охотников брать эти деньги и на новых условиях, не распределить ли их среди декурiones под солидное обеспечение в пользу государства. Хотя они от этого и отказываются и берут неохотно, бремя для них будет менее тяжелым, если процент будет ниже.

55 (LXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я и сам, любезнейший мой Секунд, не вижу другого средства, чтобы легче размещать государственные средства, как понизить процент на кредит. Размер понижения ты определишь сам, смотря по числу лиц, которые будут брать взаймы. Побуждать же людей брать против воли деньги, которые, может быть, у них самих останутся без применения, не соответствует справедливости нашего времени.

56 (LXIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба разрешить спорный вопрос о лицах осужденных, но впоследствии освобожденных от наказания)

Всемерно благодарю тебя, повелитель, за то, что ты, будучи занят важнейшими делами управления, не отказываешься давать мне указания по вопросам, о которых я тебя спрашиваю. Прошу тебя и на этот раз поступить так же. Обратился ко мне один гражданин и заявил, что противники его, присужденные славнейшим Сервилием Кальвом к высылке на три года, все еще пребывают в провинции. Сами же эти люди, напротив, заявили, что они были восстановлены в правах тем же Сервилием Кальвом и читали мне его распоряжение. По этой причине я счел необходимым доложить тебе об этом деле, не принимая никакого решения. В твоих инструкциях указано, чтобы я не освобождал от наказания никого из осужденных мною самим или кем-либо другим, но ничего в них не сказано о таких, которые были осуждены на изгнание и потом освобождены от этого наказания тем же самым лицом. Тем более вынужден я обратиться к тебе за разъяснением, чего мне придерживаться, что дело касается, клянусь Геркулесом, не только вышеуказанных лиц, но и некоторых других, осужденных на вечное изгнание, не восстановленных в правах и все еще продолжающих пребывать в провинции. Приходится мне разбирать и такие случаи. Так, был приведен ко мне однажды некто, осужденный на вечное изгнание проконсулом Юлием Бассом. Зная, что все решения Басса аннулированы и что сенат осужденным им лицам дал право требовать нового пересмотра дела в течение по крайней мере двухгодичного срока, я спросил этого осужденного им на изгнание человека, обращался ли он вторично к суду и заявил ли об этом проконсулу. Он сказал, что ничего этого не делал. Вот это обстоятельство и вынуждает меня обратиться к тебе за советом, следует ли его подвергнуть наложенному на него взысканию или какому-либо другому, еще более тяжелому, и как вообще ты считаешь наиболее правильным поступить с этим человеком и с другими, если еще обнаружится кто-либо в таком положении. Приговор Кальва и распоряжение о его отмене, а также приговор Басса прилагаю при сем письме.

57 (LXV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Какое принять решение по отношению к тем, которые были осуждены проконсулом Публием Сервилием Кальвом на трехлетнее изгнание, а вскоре после того его же распоряжением были освобождены от наказания и остались в провинции,—я напишу тебе особо, после того как запрошу об этом деле самого Кальва. Что же касается того человека, который был осужден Юлием Бассом на вечное изгнание и, имея в течение двух лет право обжаловать это решение, если считал, что он осужден несправедливо, этого не сделал, а продолжал пребывать в провинции, то его следует заключить в оковы и отправить к моим префектам претория. Недостаточно подвергнуть его наложенному на него наказанию, если он своим упорным неповиновением пренебрег решением суда.

58 (LXVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Флавия Архиппа с приложением документов)

Когда я, повелитель, однажды, собираясь начать судебное заседание, оглашал имена приглашенных судей, Флавий Архипп стал просить об освобождении его от этой обязанности под тем предлогом, что он—философ. При этом нашлись такие, которые заявили, что не только следует его освободить от участия в судебном заседании, но вообще вычеркнуть из списка судей и подвергнуть наказанию, от которого он в свое время освободился, бежав из тюрьмы. Был оглашен приговор проконсула Велия Павла, осуждающий Архиппа за подлог к каторжным работам в рудниках. Он же не предъявил никакого свидетельствующего о его оправдании документа; но предъявил с целью восстановления себя в правах прошение, поданное им в свое время Домициану, письмо этого принцепса с хорошим о нем отзывом и постановлением о нем жителей Прусы. Он добавил к этому и письмо, написанное к нему тобой, а также и эдикт и письмо твоего отца, каковыми документами он будто бы закрепил данные Архиппу Домицианом привилегии. Таким образом, хотя ему предъявляются еще и другие обвинения, я не считал возможным принять относительно его какое-либо решение, не запросив твоего мнения об этом деле, которое я считаю достойным того, чтобы ты его разрешил сам. Я прилагаю при сем письме документы, на которые ссылаются обе стороны.

Письмо Домициана к Теренцию Максиму

Философ Флавий Архипп получил от меня разрешение на покупку для него поместья близ его родного города Прусиады за 600 тыс. сестерциев, чтобы ему с семьей кормиться на доход с него. Я хочу это для него сделать; ты отнесешь затраченную сумму за счет моих раздач.

Письмо Домициана к Аппию Максиму

Рекомендую тебе философа Архиппа, человека добропорядочного, нравами своими вполне соответствующего своей профессии. Будь к нему благосклонен, любезный мой Максим, и оказывай ему полную поддержку во всем, о чем бы он ни стал тебя, на законном основании, просить.

Эдикт божественного Нервы

Уже само благополучие нашего времени, квириды, несомненно, о многом свидетельствует, и нет надобности ныне ожидать появления хоро-

шего правителя, когда достаточно его просто познать; ведь мои граждане могут и без напоминания убедиться, что общее благо я ставлю выше моего личного покоя, так что я с благоволением раздаю новые милости и охраняю предоставленные до меня. Однако, чтобы не было никакого умаления общего благоденствия в силу ли некоторого недоверия тех, кто раньше уже был наделен привилегиями, в силу ли постоянных воспоминаний о тех лицах, от которых они ими были получены, я счел бы за благо и необходимость предупредить всевозможные сомнения объявлением своего благоволения. Я не хочу, чтобы кто-нибудь имел основания думать, что все полученные до меня привилегии я уничтожу, по крайней мере хотя бы для того, чтобы потом люди были за них обязаны именно только мне. Пусть все останется в прежней силе и определенности. Привилегии, полученные раньше теми, на кого фортуна империи взглянула более милостивым взором, не требуют повторных ходатайств. Да будет всем известно, что я готов расточать и новые привилегии.

Пусть только знают, что просить следует исключительно о том, чего еще не имеют.

Письмо императора Нервы к Туллию Юсту

Так как я принял решение соблюдать установленный порядок во всех делах, начатых и решенных до меня, то, следовательно, надо считать в силе и все грамоты, выданные Домицианом.

59 (LXVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О том же)

Флавий Архипп умоляет меня, повелитель, во имя твоего блага и вечности твоей славы, чтобы я послал тебе прошение, которое он мне вручил. Я счел возможным удовлетворить его просьбу, произнесенную им таким образом, однако с тем условием, что я поставлю в известность об отправке тебе этого прошения его обвинительницу. К этому я присоединяю также заявление, переданное мне ею самою, чтобы тебе легче было принять решение по этому делу, как если бы ты выслушал ту и другую сторону.

60 (LXVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна по вопросу о Флавию Архиппе)

Домициан мог и не знать, каково положение Архиппа, когда давал о нем столь лестные отзывы. Но мне кажется более естественным предположить, что вмешательство принцепса в дело Архиппа преследовало цель укрепить его положение. Тем более, что неоднократно за Архиппом признавалось право иметь статуи предков людьми, которые не могли не знать приговора по его делу проконсула Павла. Все это, мой любезнейший Секунд, никак не должно отразиться на том, чтобы ты не считал нужным снова его потребовать на суд, если бы ему было предъявлено какое-либо новое обвинение. Заявление обвинительницы Фурии Примы, а также и самого Архиппа, приложенные тобою к письму, я прочел.

61 (LXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О строительстве канала; см. письма 41 и 42)

С необычайной прозорливостью ты, повелитель, выражаешь опасения, как бы озеро, будучи соединено с рекой, а следовательно, и с морем, все

не вытекло. Но мне кажется, что я в настоящий момент нашел уже способ избежать этой опасности. Именно, озеро может быть подведено каналом к реке, но целиком с нею не слито, если оставить как бы барьер который будет и удерживать воду из озера и отделять его от реки. Таким образом мы достигнем того эффекта, что озеро не лишится воды от соединения с рекой, и все же на деле выйдет так, как если бы эти воды действительно были соединены. Действительно, через узкую полосу земли легко можно будет переправлять в реку грузы, доставленные по каналу. Так это можно будет устроить, если это окажется необходимым; но я надеюсь, что такой необходимости и не будет. В самом деле, и само озеро достаточно глубоко, и в настоящее время из него вытекает река в противоположном направлении. Если ее запрудить и направить ее воды в нужном для нас направлении, то она без всякого ущерба для озера будет давать ему столько же воды, сколько теперь из него уносит. Кроме того, на том пути, по которому должен быть вырыт канал, попадают ручьи. Наконец, если считать более желательным прорыть канал еще дальше и, сделав его более узким, сравнять его уровень с морем, т. е. вывести его не в реку, а непосредственно в море, то морской прилив будет сохранять и отталкивать назад ту воду, которая будет поступать из озера. Если же условия места не дадут нам осуществить ни одного из этих предположений, то ведь уже давно испытан способ управлять течением воды при помощи плотин. Но все это и множество других условий лучше всего исследует нивелировщик, которого ты мне, конечно, должен прислать, повелитель, как и обещал. Дело это, действительно, достойно и твоего величия и твоего внимания. А я между тем по твоему указанию написал почтеннейшему Кальпурнию Макру, чтобы он направил ко мне самого искусного нивелировщика, какой только у него имеется.

62 (LXX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Любезнейший мой Секунд, ты проявил величайшую осмотрительность и много усердия в деле строительства канала, предусматривая все обстоятельства, чтобы не подвергать озеро опасности утечки воды и чтобы было от него нам больше пользы. Избери тот путь строительства, какой больше всего подскажут местные условия. Я вполне уверен, что Кальпурний Макр придет тебе нивелировщика, потому что в тех¹ провинциях не бывает недостатка в знатоках этого дела.

63 (XI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О проезде посла Босфорского царя Савромата)

Ликорм, отпущенник твой, писал ко мне, повелитель, и просил в случае, если бы прибыло из Босфора какое-либо посольство, направляющееся в столицу, задержать его до его приезда. Но до сих пор никакого посольства, по крайней мере в тот город, где я сам пребываю, не приезжало. Прибыл, однако, курьер с письмом царя Савромата. Я счел нужным, воспользовавшись для этого представившимся мне удобным случаем, отправить его к тебе вместе с курьером, посланным ко мне вперед себя Ликормом. Я это сделал, чтобы ты мог, одновременно познакомившись с письмами Ликорма и царя, узнать то, что, может быть, тебе необходимо узнать как можно скорее и одновременно.

¹ Т. е. восточных: Макр был проконсулом Мезии.

64 (XIV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О том же)

Царь Савромат написал мне, что в его письме к тебе заключается нечто такое, что тебе следует узнать как можно скорее. Поэтому я, чтобы ускорить поездку курьера, направленного мною к тебе с письмом царя, предоставил ему казенную подорожную грамоту.

65 (LXXI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О правах детей, брошенных при рождении и воспитанных в рабстве)

Важным и относящимся ко всей провинции вопросом является вопрос об общественном положении и средствах существования так наз. *φρεπτοί*¹. Рассмотрев постановления об этом прежних принцев и не найдя в них ничего, что могло бы быть принято за общее установление или за относящееся, в частности, к Вифинии, я решил обратиться к тебе за советом, как бы ты хотел, чтобы было решено это дело. Не считал я также возможным опираться в этом деле, требующем вмешательства твоего авторитета, на прецеденты. А именно, представлен был мне эдикт, приписываемый божественному Августу и относящийся к Азии, представлены были и письма божественного Веспасиана и божественного Тита к лакедемонянам, а также и к ахейцам и письма Домициана к проконсулам этих провинций—Авидию Нигрину и Армению Бокху, а также и к самим лакедемонянам. Я не посылаю тебе их потому, что некоторые из них кажутся мне неисправными, а другие—недостойными доверия, и потому еще, что, как я полагаю, все эти документы, подлинные и исправленные, имеются в твоём архиве.

66 (LXXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Разрешение вопроса о подкинутых при рождении детях)

Вопрос о свободнорожденных детях, брошенных при рождении, а затем кем-нибудь подобранных и воспитанных в рабстве, обсуждался неоднократно. Но во всех разъяснениях по этому вопросу предшествовавших мне принцев нет таких положений, которые распространялись бы на все провинции. Правда, существуют письма Домициана к Авидию Нигрину и Армению Брокху, которых, может быть, и следовало бы придерживаться, но среди тех провинций, для которых он их писал, нет Вифинии. Итак, полагаю, не следует отказывать в отпуске на свободу тем, которые будут требовать судом освобождения из такого своего положения; полагаю также, что нет надобности выкупать самую свободу возмещением содержания.

67 (XV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О после царя Савромата)

Повелитель, после того как посол царя Савромата пробыл в Никее, где он застал меня, по своей воле два дня, я не считал возможным задерживать его здесь долее. Во-первых, потому что было неизвестно, когда придет сюда отпущенник твой Ликорм; кроме того еще и потому, что сам я по неотложным делам службы должен был направиться в противоположную часть провинции. Я считаю нужным довести об этом до твоего сведения

¹ *φρεπτοί*—подкидыши, обращенные в рабство.

так как недавно писал тебе, что Ликорм просил меня, в случае если прибудет какое-либо посольство из Босфора, задержать его до его приезда. Но я не нахожу никаких оснований делать это дольше, в особенности еще потому, что письмо Ликорма, которое я, как уже писал тебе, у себя оставлять не хотел, повидимому, прибудет к тебе на несколько дней ранее этого посла.

68 (LXXIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О перенесении праха умерших из разрушенных могил)

Ко мне обращаются некоторые с просьбой, чтобы я разрешил им, по примеру других проконсулов, перенести останки своих близких вследствие разрушения их могил от времени или от разливов рек, или от каких-либо других подобных причин. Тка как мне было известно, что в столице нашей по таким вопросам обычно обращаются к коллегии понтификов, то обращаюсь к тебе, повелитель, как к верховному понтифику, за разъяснением, чего мне согласно твоей воле придерживаться.

69 (LXXIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Было бы слишком жестоко требовать от провинциалов, чтобы они обращались к понтификам, если хотят по каким-нибудь основательным причинам перенести останки своих близких с одного места на другое. В таких случаях тебе больше надо опираться на примеры управлявших до тебя этой провинцией и либо разрешать, либо отказывать—в зависимости от каждого отдельного случая.

70 (LXXV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О постройке бань в Прусе)

Когда я стал выбирать, повелитель, на каком бы месте можно было построить бани в Прусе, которые ты соизволил разрешить, мне понравилось место, на котором стоит дом, некогда, как я слышал, прекрасный, а теперь разрушенный и безобразный. Ставя бани на этом месте, мы достигнем того, что весьма некрасивый вид города скрасится и вместе с тем город обогатится новой постройкой, причем ни одного строения не будет снесено, а, наоборот, разрушенные ветхостью будут приведены в лучшее состояние. История же этого дома такова. Клавдий Полиэн завещал его императору Клавдию и приказал в перистиле воздвигнуть в честь его храм, все же остальное помещение в доме сдать в аренду. В течение некоторого времени город получал от этого доход. В дальнейшем же это имущество частью было разграблено, частью пришло в запущение, весь дом с перистилем развалился, и от всего этого сооружения ничего почти не осталось, кроме голый почвы. Сблаговолит ли ты, повелитель, подарить эту землю горожанам, или прикажешь продать ее—они одинаково сочтут это, вследствие удобного расположения места, за величайшую твою к ним милость. Итак, если будет на то твое благоволение, я предполагаю на пустом ровном месте поставить бани, а то пространство, которое было занято зданием, застроить скамьями для зрителей и галереями, посвятив все это тебе, благодаря милости и щедрости которого воздвигнется роскошное сооружение, достойное твоего имени. Посылаю тебе копию с завещания Полиэна; хотя она и полна ошибок и неточностей, все же ты увидишь, что Полиэн оставил большие средства на украшение и поддержание этого дома. Однако они пропали, как погиб и сам дом. Я же все-таки буду их искать, поскольку это будет возможно.

71 (LXXVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Мы можем использовать для постройки бань в Прусе свободную, как ты пишешь, площадь с развалившимся домом. Недостаточно только точно ты написал, был ли воздвигнут храм в честь Клавдия в перистиле этого дома. Так как, если только там был воздвигнут храм, то, пусть он даже развалился, это место продолжает быть священным.

72 (LXXVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О признании отцами детей и присвоении им прав согласно их рождению)

Так как многие настойчиво просят меня, чтобы я сам разрешал вопросы признания отцами детей и о присвоении им прав по их рождению, согласно письму Домициана к Миницию Руфу или согласно решениям прежних проконсулов, я обратился к постановлению сената, относящемуся к подобного рода делам, но в нем говорится только о тех провинциях, во главе которых стоят проконсулы. Поэтому, о повелитель, я оставил этот вопрос открытым, пока ты мне не укажешь, какого ты ждешь от меня решения.

73 (LXXVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я смогу сказать тебе, следует ли тебе лично производить расследование по вопросу о признании отцами детей и о присвоении им законных прав по их рождению, только если ты пришьешь мне то постановление сената, которое привело тебя в смущение.

74 (XVI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Каллидрома)

Повелитель, один воин никомедийского гарнизона, Апулей, сообщил мне письменно, что некто по имени Каллидром в тот момент, когда пекари Максим и Дионисий, у которых он служил по найму, пытались насильно его задержать, искал убежища у твоей статуи, а затем, будучи приведен в магистратуру, показал, что он некогда был рабом Лаберия Максима, что затем был захвачен Сусагом в Мезии и Децебалом подарен Парфянскому царю Пакору, у которого и находился в услужении в течение нескольких лет, что затем он от него бежал и таким образом прибыл в Никомедию. Когда его привели ко мне и он рассказал все то же самое, я решил отправить его к тебе. Некоторая задержка произошла при этом оттого, что я приказал сыскать гемму с изображением Пакора со всеми знаками царского достоинства, которую, по словам Каллидрома, у него украли. В случае, если бы она нашлась, я хотел ее также послать тебе, как послал тебе слиток металла из парфянского рудника, который, как он говорит, он сам унес оттуда. Он запечатан моей печатью с изображением квадриги¹.

75 (LXXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О способах использования для прославления императора Траяна средств умершего Юлия Ларга, назначившего Плиния своим душеприказчиком)

Некто Юлий Ларга, повелитель, житель Понтийского побережья, которого я никогда ранее не видел и о котором даже ничего не слышал, пола-

¹ Колесница, запряженная чегверкой.

гаясь, повидимому, на твое обо мне суждение, возложил на меня распределение и управление средствами, завещанными им в изъявлении своей к тебе преданности. Именно, в своем завещании он распорядился, чтобы я был его душеприказчиком и распределил все его наследство таким образом: взяв себе 50 тыс. сестерциев, все остальное обратил бы в пользу жителей Гераклеи и Тианы и решил бы по своему усмотрению либо воздвигнуть на эти средства постройки, посвященные твоему прославлению, либо учредить повторяющиеся через каждые пять лет общественные игры, которые стали бы именоваться играми Траяна. Я счел необходимым поставить тебя об этом в известность, главным образом для того, чтобы ты мог дать мне указание, что из этого мне выбрать.

76 (LXXX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Юлий Ларга избрал своим доверием тебя, как если бы хорошо тебя знал. Поэтому ты сам рассуди, что могло бы лучше всего увековечить его память, соответственно местным условиям каждого города, и сделай то, что сочтешь за наилучшее.

77 (LXXXI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О должности центуриона для городов Византия и Юлиополиса)

Величайшую ты явил, повелитель, заботливость, дав почтеннейшему Кальпурнию Макру предписание учредить в Византии должность пехотного центуриона во главе местного отряда воинов. Рассуди, не найдешь ли ты возможным подобным же образом прийти на помощь жителям Юлиополя. Их город, будучи очень мал, находится в тяжелом положении и тем более несправедливо страдает от обид, чем более он сам слаб. Все, что ты нашел бы возможным сделать для юлиополитов, было бы весьма полезно для всей провинции: город их расположен при входе в Вифинию, и через него провозится множество товаров.

78 (LXXXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Город Византий благодаря массе стекающегося в него отовсюду народа находится на совершенно особом положении, поэтому, согласно установившемуся за предшествующее время обыкновению, решили мы из уважения к этому городу поставить там отряд воинов во главе с центурионом. Если бы мы пришли таким же образом на помощь юлиополитам, мы бы создали стеснительный для нас прецедент. Много других городов, чем они слабее, тем настойчивее стали бы просить для себя того же самого. Я же настолько полагаюсь на твою бдительность, что вполне уверен, что ты примешь все меры к тому, чтобы юлиополиты не терпели никаких обид. Если же кто-нибудь станет поступать против моих предписаний, принимай тотчас же решительные меры; если же будет допущен такой значительный проступок, что виновные не смогут на месте понести достаточное наказание, то, если это будут воины, донеси обо всем, что о них узнаешь, их главным начальникам; если же они будут направляться в столицу, то пиши об этом мне.

79. (LXXXIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Об условиях зачисления жителей Вифинии в сенат)

Закон Помпея, изданный для Вифинии, повелитель, предусматривает, чтобы никто не вступал в должность и не становился сенатором моложе

30 лет. Из этого же закона вытекает, что все, принявшие на себя какую-нибудь должность, становятся тем самым членами сената. После этого закона был издан эдикт божественного Августа, который разрешил занимать низшие должности лицам уже 25 лет от роду. Итак, спрашивается, может ли быть зачислен в сенат цензором тот, кто исполнял должность, будучи моложе 30 лет, и если может, то могут ли в силу того же толкования этого закона быть зачислены в сенаторы, начиная с того возраста, в котором им разрешается занимать должности, люди, еще и не исполнявшие никаких должностей. Говорят, что это вообще частенько до сих пор практиковалось и даже считается необходимым, потому что лучше посылать ряды сенаторов детьми почтенных граждан, нежели допускать в курию выходцев из народа. Когда цензоры, назначенные на этот год, обратились ко мне с вопросом об этом, то я сказал, что по моему согласно эдикту Августа и закону Помпея, те, которые исполняли должности, будучи даже моложе 30 лет, могут быть зачислены в сенат, так как Август разрешил исполнять должности и моложе 30 лет; с другой стороны, закон утверждает, что, кто исполнял общественную должность, тот может быть и сенатором. Что же касается тех, которые должности не исполняли, но достигли возраста, при котором разрешается занимать должности, то я колеблюсь дать какой-либо определенный ответ, поэтому и обращаюсь, повелитель, к тебе за советом, какого ты желал бы решения по этому вопросу.

Выдержки из закона (Помпея) и также копию эдикта Августа я при сем прилагаю.

80 (LXXXIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Соглашаясь, любезнейший мой Секунд, с твоим толкованием приложенных тобою законов, я и сам полагаю, что эдикт Августа дополняет закон Помпея только в том отношении, что разрешает вступать в должность людям не менее 25 лет от роду. Те же, которые раз взяли на себя исполнение какой-нибудь должности, могут вступить в сенат в каждом провинциальном городе. С другой стороны, я не думаю, чтобы можно было зачислить в каком бы то ни было месте в сенат лиц моложе 30 лет, не исполнивших еще никакой должности, только на том основании, что они могли бы ее исполнять.

81 (LXXXV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Диона Кокцейана)

Когда я находился, повелитель, в Прусе близ Олимпа и, собираясь в тот же день уехать, занимался в доме, в котором останавливался, некоторыми общественными делами, один магистрат, по имени Асклепиад, заявил мне, что Клавдий Эвмолп подал мне апелляцию. Этот Эвмолп, выступая от имени Флавия Архиппа, заявил в буле, когда Дион Кокцейан хотел сдать городу произведенную им работу, что, прежде чем принимать у Диона работу, надо потребовать у него отчет, потому что он будто бы выполнил работу не так, как должен был ее выполнить. К этому он прибавил, что твоя статуя, повелитель, была воздвигнута на том же месте, где были похоронены жена Диона и его сын, и потребовал, чтобы я произвел разбирательство этого дела в судебном порядке. Когда же я сказал, что займусь этим делом тотчас же и отложу свой отъезд, он просил, чтобы

я дал некоторый срок подготовиться к этому делу и чтобы я слушал его в каком-либо другом городе. Тогда я сказал, что буду слушать его в Никее. Когда я, по приезде туда, устроил заседание для рассмотрения этого дела, тот же Эвмолп, все еще недостаточно подготовившись к слушанию дела, стал просить о новой отсрочке. Дион же, напротив, требовал, чтобы дело слушалось. С той и другой стороны было сказано многое, между прочим и относящееся к делу. Я сам, решив, что в деле столь важном и показательном следует согласиться на отсрочку и запросить твое мнение, сказал обоим тяжущимся сторонам, чтобы они представили мне свои требования в письменном виде. Я хотел, чтобы ты ознакомился со всем что было ими сказано, с их же собственных слов. Дион сейчас же обещал подать свое заявление, а Эвмолп сказал, что изложит все, чего он требует в интересах государства. Что же касается погребения родственников Диона, то он выступает в данном деле не в качестве обвинителя, а в качестве адвоката Флавия Архиппа, поручение которого он выполняет: Архипп же, в интересах которого выступал Эвмолп, так же, как он это делал в Прусиаде¹, заявил, что тоже даст свое письменное заявление. Однако ни Архипп ни Эвмолп до сих пор не дали мне своих заявлений, хотя я дожидаясь их уже очень продолжительное время. Дион мне свое заявление подал, я прилагаю его к настоящему письму. Я лично отправился осмотреть все на месте: я видел твою статую, помещенную в библиотеке; гробница же, в которой, как говорят, погребены жена и сын Диона, помещается посреди двора, обнесенного портиками. Прошу тебя, повелитель, чтобы ты соблаговолил дать мне указания, как мне разрешить такого рода вопрос. Решения моего здесь ожидают все с напряжением, что вполне естественно в таком деле, которое получило широкую огласку и имеет много прецедентов.

82 (LXXXVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты мог бы и не задумываться долго над решением вопроса, о котором ты счел необходимым обратиться ко мне за советом, любезнейший мой Секунд, прекрасно зная мое основное правило добиваться уважения к моему имени не страхом, не запугиванием людей и не угрозами обвинения в оскорблении величества. Итак, следует отбросить подобное обвинение, которого я бы не допустил, даже если бы оно опиралось на другие примеры. Следует лучше потребовать отчет в строительстве, произведенном под наблюдением Диона Кокцейана, так как этого требуют интересы города и сам Дион от этого не отказывается или не должен был бы отказываться.

83 (LXXXVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Прзпроводительное письмо Плиния к заявлению жителей Никей, просящих себе права наследования лицам, умершим без завещания)

Повелитель, жители Никей официально просили меня, заклиная меня всем, что для меня должно быть и есть самого святого, именно твоим благом и вечностью твоей славы, чтобы я переслал тебе их прошение. Я не счел возможным им в этом отказать и прилагаю полученное от них прошение при сем письме.

¹ См. письмо 58 (LXVI).

84 (LXXXVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Никейцы утверждают, что божественный Август предоставил им право наследовать имущество тех из граждан, которые не оставят завещания. Отнесись к их делу с полным вниманием, привлекиши всех лиц, имеющих отношение к этому вопросу, а также и моих уполномоченных, Вирдия Гемеллина и отпущенника моего Эпимаха, чтобы, выслушав также все противоположные мнения, принять решение, какое найдешь наилучшим.

85 (XVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Похвальный отзыв о вольноотпущеннике Максиме)

За все время совместного пребывания моего с Максимом, твоим отпущенником, повелитель, и управляющим твоими делами, он проявлял себя честным и вполне порядочным, ревностным и расчетливым и весьма преданным как твоим интересам, так и своему делу. Я с большим удовольствием свидетельствую об этом перед тобою со всей должной по отношению к тебе правдивостью.

86a (XVIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Отзыв о Габии Бассе)

Габия Басса, префекта Понтийского побережья, я знаю, повелитель, за человека весьма бескорыстного, добросовестного, ревностного и при этом весьма почтительного по отношению ко мне. Поэтому я свидетельствую об этом перед тобой с должной по отношению к тебе правдивостью и напутствую его своими пожеланиями.

86b (XVIIIa). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Отзыв о Фабии Валерии)

Фабия Валерия, обучавшегося военной службе вместе с тобой, я могу только хвалить; благоволение твое он, конечно, заслужил своей исполнительностью и строгой дисциплиной. Здесь у меня военные люди и гражданские чины, высоко ценя его справедливость и просвещенность, восхваляют его наперебой и публично и частным образом. Довожу об этом до твоего сведения со всей должной по отношению к тебе правдивостью.

87 (XIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Проьба за сына сотника Нимфидия Лупа)

Когда-то я был, о повелитель, вместе на военной службе с центурионом первого манипула триариев, Нимфидием Лупом: сам я был военным трибуном, а он—префектом. С тех пор началась наша тесная дружба. Со временем взаимная приязнь благодаря старой нашей дружбе сделалась еще крепче. В силу этого я, став наместником Вифинии, посягнул на его покой и добился того, чтобы он помогал мне здесь своими советами. Уступая дружбе, он пренебрег своей старостью и потребностью покоя и уже исполняет свои новые обязанности при мне и в дальнейшем будет их исполнять. Естественно, что в силу этих обстоятельств его обязательства родственных связей стали моими обязательствами, в особенности по отношению к сыну его, тоже Нимфидию Лупу. Это—честный и ревностный к службе

юноша, вполне достойный своего выдающегося отца. Он вполне заслужит твою благосклонность, как ты можешь об этом судить по тому, что за первую свою службу в качестве префекта когорты он заслужил полную похвалу двух почтеннейших мужей: Юлия Ферокса и Фуска Салинатора. Хотел бы я очень, повелитель, чтобы успех и почести этого юноши и в дальнейшем доставляли мне столько же радости и вызвали во мне новые приливы благодарности за твои милости.

88 (XXXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Поздравление ко дню рождения Траяна)

Желаю тебе, о повелитель, счастливо провести настоящий день твоего рождения и проводить его благополучно еще много следующих лет, а также чтобы ты, пребывая в здравии и полной силе, умножал неувядаемую славу твоего имени бесчисленными делами твоей доблести.

89 (XC). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

С признательностью принимаю, дорогой мой Секунд, твоё пожелание, чтобы мне суждено было провести еще много дней моего рождения при цветущем состоянии нашего государства.

90. (XCI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О водопроводе для города Синопы)

Жители Синопы, повелитель, страдают от недостатка воды. Однако, как кажется, можно подвести к ним воду хорошего качества и в изобилии с расстояния, примерно, в 16 миль. Только у самого истока есть на протяжении немного более одной мили место с почвой рыхлой и возбуждающей сомнение, выдержит ли она тяжесть сооружения. В данное время я приказал произвести там расследование, которое не будет дорого стоить. В деньгах, которые будут на это сооружение собраны при нашем участии, недостатка не будет, если только ты, повелитель, согласишься разрешить постройку такого рода, чтобы украсить этот город и удовлетворить его острую нужду в воде.

91 (XCII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Как ты начал, любезнейший Секунд, так и продолжай со всем усердием производить исследования местности, сможет ли она выдержать тяжесть водопроводного сооружения. Не может быть никакого сомнения в том, что вода должна быть проведена в Синопу, если только этот город может осуществить это на свои собственные средства и, тем более, если это сооружение будет содействовать оздоровлению города и удовлетворению жизненных потребностей его граждан.

92 (XCIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О привилегии города Амиса производить сборы средств на свои нужды)

Город Амис, свободный и союзный с нами, пользуется в силу милостивого твоего, о повелитель, соизволения своими особыми законами. В этом городе мне подано было прошение, касающееся организации кассы взаи-

мопомощи (eganus). Я прилагаю его к этому письму и прошу тебя, повелитель, рассудить, что и в какой мере здесь следует разрешить или, наоборот, пресечь.

93 (XCIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Если по условиям союзного договора, каким пользуются амисцы, прошение которых ты приложил к своему письму, им разрешается иметь кассу взаимопомощи (eganus), то мы можем им этого не запрещать, поскольку они фактически их производят, если собираемыми таким образом средствами они пользуются не для организации мятежей или каких-либо неразрешенных собраний, а для поддержания наиболее бедных своих сограждан. Однако ничего подобного не следует разрешать ни в каком другом городе, живущем по нашим законам.

94 (XCV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба предоставить права отцов троих детей Светонию Транквиллу)

Уже давно, о повелитель, я из уважения к добрым нравам и к занятиям весьма уважаемого, почтенного и весьма ученого мужа, Светония Транквилла, пригласил его в свой дом на жительство. Чем ближе я стал с ним знакомиться, тем больше внушает он мне любви и уважения. Ему совершенно необходимо получить права отцов троих детей по следующим двум причинам: во-первых, он заслуживает подобного внимания со стороны друзей, а во-вторых, брак его не был для него счастливым. То, в чем ему отказала по своей превратности судьба, он может получить, ходатайствуя через нас о твоей милости. Я отдаю себе полный отчет, повелитель, о какой милости я тебя прошу. Но я прибегаю с этой просьбой именно к тебе, который неизменно был так отзывчив на все мои просьбы и пожелания. Ты можешь судить, насколько для меня важно, о чем я в данный момент прошу, уже хотя бы по тому, что я не стал бы просить тебя об этом заочно, если бы желал этого менее сильно.

95 (XCVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Тебе хорошо известно, любезнейший мой Секунд, как осторожно я при всех обстоятельствах раздаю права, о которых ты просишь, и что к тому же я обычно докладываю о таких случаях сенату, чтобы доказать, что я не превысил той нормы, ограничиться которой обещал этому уважаемому сословию. И все же на этот раз я подписал то, о чем ты просишь, и, предоставив Светонию Транквиллу права отцов троих детей на обычных условиях, приказал вписать это в мои записи.

96 (XCVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О христианах)

Для меня, повелитель, стало уже священным обычаем докладывать тебе обо всем, что вызывает мои сомнения. Да и кто мог бы лучше помочь мне разрешить колебания или наставить меня в моем неведении? Мне никогда не приходилось принимать участие в дознании по делам о христианах, поэтому я не знаю, что именно в этих делах и в какой мере необходимо расследовать и карать. Немалое сомнение вызывает у меня также, следует ли делать между обвиненными какое-либо различие по возрасту и отличать людей физически слабых от сильных, нужно ли придавать какое-нибудь

значение раскаянию, или, наоборот, не должно служить в пользу тому, кто раз был христианином, то, что он перестал быть таковым; наконец, что подлежит каре: самое ли название, хотя бы за данными обвиняемыми и не было никаких преступных деяний, или преступления, связанные с этим названием? Пока по отношению к тем, которых приводили ко мне на суд как христиан, я придерживался следующих мероприятий. Прежде всего я допрашивал их самих, христиане ли они; признавших себя христианами я допрашивал по второму и по третьему разу, угрожая им казнью. Упорствующих я приказывал отводить на казнь. Для меня было при этом совершенно ясно, что, каково бы ни было то, в чем они признавались, несомненно, наказанию подлежали их упорство и непреклонная их непокорность. Были среди них некоторые, подверженные подобному же безумству, которых, я, ввиду того, что они были римскими гражданами, назначал к отправке в столицу. Вскоре, в связи с гласностью этих пропесов, как это обычно бывает, преступления такого рода стали распространяться, и среди обвиняемых стали появляться различные виды. Затем мне была представлена анонимная записка, содержащая много имен лиц, обвиняемых в принадлежности к христианству. Когда те из них, которые сами, однако, утверждали, что не христиане и никогда ими не были, по моему указанию выполнили молитвенные обращения к богам и совершили возлияние вина и воскурение фимиама перед твоей статуей, которую я нарочно для этой цели велел присоединить к изображениям наших богов, и, кроме того, произнесли злословия против Христа,—а говорят, что действительно являющихся христианами никогда нельзя к этому принудить,—я счел возможным совсем отпустить их на свободу. Другие, названные доносчиком, признали было себя христианами, но вскоре потом отреклись от этого, они, мол, были когда-то, но потом перестали быть христианами: один—три года назад, другие—уже за много лет до того, некоторые даже более двадцати лет назад. Все они воздали божеские почести твоей статуе и изображениям других богов, и все произнесли злословия против Христа. Они утверждали все же, что вся их вина или все их заблуждение состояли лишь в том, что они в установленные дни собирались вместе перед восходом солнца, пели по очереди хвалебные гимны Христу, считая его за божество, брали на себя клятвенные обязательства, но не для того, чтобы совершать какие-либо преступления, а, наоборот, не воровать, не разбойничать, не прелюбодействовать, не нарушать слова верности, не утаивать доверенного им имущества. После этого они, по их словам, обычно расходились, с тем чтобы потом опять собраться для совместной и совершенно непредосудительной трапезы, что они прекратили все это делать после моего декрета, которым я, согласно с твоим наказом, запретил какие бы то ни было тайные общества (гетерии). В связи со всем этим я счел тем более необходимым допросить под пытками об истинном положении вещей двух рабынь, бывших, как говорят, прислужницами при их культе. Однако я не узнал ничего другого, кроме того, что это какое-то странное и доведенное до крайности суеверие. Поэтому, отложив разбирательство, обращаюсь к тебе за советом. Это дело кажется мне заслуживающим обсуждением, главным образом из-за громадного числа людей, подвергающихся этой опасности. В эту опасность вовлечено уже и еще будет вовлекаться множество людей различного возраста и разных сословий того и другого пола. Зараза этого суеверия распространяется не только в городах, но и в селениях и деревнях. Однако, повидимому, возможно это остановить и исправить. По крайней мере достоверно известно, что храмы, некоторое время бывшие почти совершенно заброшенными, начали снова посещаться и торжественные богослужения после долгого промежутка времени снова восстанавливаться; повсюду стали

покупаться жертвенные животные, на которые до сих пор можно было найти покупателя лишь очень редко. Из этого легко можно заключить, какое множество людей сможет излечиться от своего заблуждения, если только будет предоставлена возможность раскаяния.

97 (ХСVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

В расследовании дел обвиненных перед тобой за причастность к христианству ты вступил, милый мой Секунд, на совершенно правильный путь: в делах подобного рода невозможно вообще установить какую-нибудь одну, вполне определенную и всеобщую форму. Разыскивать подобных людей не следует, если же они обвинены и уличены, их следует наказывать, при этом, однако, если кто из них будет отрицать свою принадлежность к христианству и докажет это на деле, т. е. совершит моление богам, то, какие бы ни были на нем раньше подозрения, за свое раскаяние он должен получить прощение. Анонимные же доносы не должны иметь никакого значения ни при каком судебном обвинении. Это могло бы создать самый пагубный пример и вообще не соответствует нашему времени.

98 (ХСIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О благоустройстве города Амастриды)

В городе Амастриде, повелитель, красивом и благоустроенном, имеется перед важнейшими городскими зданиям очень красивая и далеко протянувшаяся в длину улица. Вдоль нее сбоку на всем ее протяжении идет так называемая речка, на самом же деле отвратительная клоака; мало того, что она крайне безобразна на вид, она, кроме того, распространяет вредное для здоровья зловоние. Поэтому для оздоровления города и ради красоты совершенно необходимо сделать над ней перекрытие. Если ты только разрешишь, это и будет сделано, а я уже позабочусь, чтобы было достаточно средств для этого значительного и в такой же мере необходимого сооружения.

99 (С). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Вполне целесообразно будет, любезнейший мой Секунд, сделать перекрытие над стоком вод в городе Амастриде, особенно если, оставаясь незакрытым, он вреден для здоровья. Я совершенно уверен, что ты со свойственной тебе энергией позаботишься, чтобы не было недостатка в нужных для этого средствах.

100 (CI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О произнесении обетов за благополучие императора Траяна и римского государства)

Мы с большой радостью и воодушевлением выполнили, повелитель, обеты, данные нами в предыдущем году, и произнесли опять новые при участии воинов и провинциалов, соревновавшихся между собой в преданности и уважении к тебе. Мы молим богов, чтобы они по своей благодати сохранили в полной неприкосновенности тебя, а также цветущее состояние нашего государства, за которое мы обязаны, помимо твоих многочисленных и выдающихся добродетелей, еще и особенному твоему благочестию, покорности богам и их почитанию.

101 (CII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

С большим удовлетворением узнал я из твоего письма, дорогой мой Секунд, о том, что все воины и провинциалы, во главе с тобой, в радостном содружестве выполнили обеты, данные за мое благополучие, и вновь произнесли их на будущее время.

102 (CIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О праздновании годовщины дня вступления Траяна в управление империей)

О повелитель, мы отпраздновали с подобающим торжеством и благоговением день, в который счастливое наследование передало в твои руки попечение о роде человеческом. Мы возносим от лица всех богов, передавшим тебе власть, наши обеты и благодарственные молитвы.

103 (CIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Приятно мне было узнать из твоего письма, дорогой мой Секунд, что воины и провинциалы, во главе с тобою, отпраздновали день вступления моего в управление империей с подобающей радостью и благочестием.

104 (CV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Просьба о предоставлении гражданства трем вольноотпущенникам Валерия Паулина)

Валерий Паулин передал мне, повелитель, патронат над всеми своими отпущенниками, пользующимися латинским правом, кроме одного, по имени тоже Паулина. Я же ходатайствую перед тобой о праве римских граждан¹ для трех из них. Боюсь, что было бы слишком нескромно с моей стороны просить у тебя о той же милости для всех их: чем полнее ты оказываешь мне свое благоволение, тем меньше должен я им злоупотреблять. Прошу тебя в данный момент за трех лиц: Гая Валерия Астрэя, Гая Валерия Дионисия и Гая Валерия Апра.

105 (CVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Так как просьба твоя ко мне о людях, переданных Валерием Паулином твоей заботе, столь своевременна и достойна уважения, то да будет тебе известно, что я приказал занести в мои записи, что я предоставил права римского гражданства пока что тем, за которых ты просишь; так же я готов сделать это и для остальных, за которых ты стал бы еще меня просить.

106 (CVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Ходатайство о дочери центуриона Публия Акция Аквиллы)

Центурион шестой конной когорты обратился ко мне, повелитель, с просьбой переслать тебе его прошение, в котором он просит об улучшении гражданского положения его дочери. Я считал бы слишком жестоким отказывать ему в этой просьбе, так как знаю, с каким сочувствием и с какой снисходительностью ты всегда относишься к нуждам воинов.

¹ Ius Quiritium.

107 (CVII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Прощение центуриона шестой когорты, Публия Акция Аквиллы, присланное тобой, я прочел. Просьба его меня тронула, и я решил предоставить его дочери право римского гражданства¹. Посылаю тебе копию с рескрипта для передачи ему.

108 (CIX). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О предпочтительном праве вифинских и понтийских городов на имущество должников)

Прошу тебя, повелитель, отпиши, какие права ты считаешь правильным предоставить городам Вифинии и Понта при взыскании денег, причитающихся им от сдачи помещения в аренду, от продаж или по другим подобным статьям. Я нашел указания на то, что многие проконсулы предоставляли им преимущественное право на имущество должников перед всеми другими кредиторами, и это имело силу закона. Однако я полагаю, что ты по своему усмотрению должен установить и санкционировать какое-нибудь положение, на основании которого будут охраняться их интересы на все будущее время. Ведь все установления других лиц, хотя бы даже и разумные, будут иметь непрочное и кратковременное значение, если ты не подтвердишь их своим авторитетом.

109 (CX). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Какими правами должны пользоваться вифинские и понтийские города при взыскании денег, не выплаченных им по той или другой статье, следует решать на основании местных законов каждого из этих городов. А именно, если они пользуются привилегией преимущественного права перед всеми другими кредиторами—это их право надо оберегать, если же такой привилегии у них нет, то с моей стороны было бы неправильно предоставлять им ее в ущерб интересам частных лиц.

110 (CXI). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(Дело Юлия Пизона)

Поверенный города Амиса предъявил передо мной иск к Юлию Пизону на сумму около 40 тыс. денариев, пожалованных ему официально более двадцати лет назад с разрешения народного собрания и буле. При этом он опирался на твое постановление, запрещающее подобного рода раздачи. Пизон, со своей стороны, заявил, что он вложил чрезвычайно много средств в общественные дела города и израсходовал на это почти все свое состояние. Кроме того, он ссылаясь на давность времени и просил, чтобы с него не взыскивали, лишая его последнего его состояния, тех сумм, которые он получил когда-то за многие свои заслуги. В силу этих обстоятельств я решил отложить рассмотрение этого дела и обратиться, повелитель, к тебе за указаниями, чем мне руководствоваться.

¹ Civitatem Romanam.

111. (CXII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Как, с одной стороны, мои предписания запрещают раздачи частным лицам из общественных средств, так, с другой стороны, чтобы не подрывать благосостояния многих, не следует взыскивать или требовать погашения ссуд, выданных уже несколько лет назад. Таким образом, оставим в покое все то, что из подобных дел было совершено более двадцати лет назад. Я хочу проявлять не меньшую заботливость об отдельных лицах в любом месте, чем об интересах общественной казны.

112. (CXIII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О денежных взносах лиц, зачисляемых в провинциальные сенаты)

Закон Помпея, повелитель, которым пользуются жители Вифинии и Понта, не требует взноса денег от тех, которых цензоры заносят в число булевтов. Те же лица, которые с твоего милостивого разрешения зачислены были в некоторых городах сверх установленного числа, вносили по одной и по две тысячи денариев. Впоследствии проконсул Аниций Максим приказывал—правда, лишь в немногих городах,—чтобы даже те, кто был занесен в списки цензорами, платили ту или другую сумму денег. Таким образом, тебе останется самому решить, должны ли будут в дальнейшем во всех городах и все люди за внесение в списки булевтов платить какую-нибудь одну определенную сумму, так как то, чему надлежит быть закрепленным на будущее время, должно быть утверждено тобою, чьим делам и распоряжениям подobaет вечность.

113. (CXIV). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Мною не может быть установлено в качестве общего правила, должны или не должны вносить деньги¹ за почетное звание декурионов все те, кто его получает, и в каких именно городах. Я считаю наиболее правильным,—что во всех случаях является и самым безопасным,—руководиться законами каждого города в отдельности; что же касается тех, которые делаются декурионами против своей воли, то полагаю, что им следует предоставлять сравнительно с другими льготы при этом взыскании.

114. (CXV). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О законе Помпея, касающемся права граждан провинции Вифинии быть членами сената не в своем родном городе)

По закону Помпея, повелитель, всем городам Вифинии разрешено приписывать к себе каких угодно граждан, лишь бы они не были гражданами городов, находящихся в Вифинии. Тем же законом установлено, по каким причинам люди могут быть исключены цензорами из числа сенаторов. Поэтому некоторые цензоры сочли нужным обратиться ко мне за советом, следует ли им исключить из числа сенаторов граждан других городов. Закон, с одной стороны запрещает приписывать посторонних граждан, а с другой стороны, не предписывает вычеркивать людей на

¹ Honorarium.

этом основании из числа сенаторов; кроме того, как многие мне говорили, во всех городах среди булевтов имеется множество лиц, являющихся гражданами других городов. Далее, если в данный момент применить эту часть закона, которая уже давно как бы по общему согласию считается устаревшей, то придется потревожить очень много людей и очень много городов. Поэтому я счел необходимым запросить твое мнение, чего мне в данном случае придерживаться. Выписки из закона при сем прилагаю.

115(СХVI). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Твои сомнения, любезный мой Секунд, вполне основательны и справедливы, так как тебе надо дать ответ на запрос цензоров, должны ли оставаться в числе сенаторов лица, являющиеся гражданами других городов той же провинции. Авторитет закона, с одной стороны, и получившая права обычая продолжительная практика, противоречащая его основному положению, естественно, могли затруднить твое решение. Я считаю правильным следующее компромиссное решение этого вопроса: не будем изменять ничего из того, что было сделано раньше, и пусть, хотя и вопреки закону, останутся в списках люди, к каким бы городам данной провинции они ни были приписаны; на будущее же время пусть закон Помпея применяется со всей строгостью. Если бы мы захотели соблюдать этот закон, придавая ему обратное действие, нам пришлось бы произвести слишком большую ломку.

116 (СХVII). ГАЙ ПЛИНИЙ—ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О пирах и раздачах подарков частными лицами в ознаменование торжественных моментов их жизни)

Часто бывает, что по случаю принятия тоги взрослого мужа или по случаю свадьбы или вступления в исполнение общественной должности, или, наконец, освящения какой-либо общественной постройки люди приглашают к себе на празднество всю буле, а также нередко и множество простого народа и раздают всем приглашенным по одному и по два денария. Прошу тебя повелитель, опиши, считаешь ли ты возможным разрешать подобные сборища и в каких пределах. Сам я, хотя и полагаю, что можно было бы разрешать собрания, особенно по случаю семейных торжеств, все же опасюсь, как бы те лица, которые созывают по тысяче человек и даже более, не превысили меру и не получилось бы из этого подобия общественных раздач¹.

117 (СХVIII). ТРАЯН—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Я нахожу совершенно основательными твои опасения, как бы не приобрели характера общественных раздач эти приглашения на празднества, превышающие всякую меру по своей многолюдности и собирающие людей для торжественных раздач не поименно, из круга знакомых, а словно бы какими-то корпорациями. Но я вполне полагаюсь на твою мудрость, ради которой и передал тебе это управление, чтобы ты, исправляя нравы этой провинции, избрал при этом правильные мероприятия для обеспечения на будущее время мирной в ней жизни.

¹ Dianome.

118 (CXIX). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О наградах и праве на свободу для победителей в соревнованиях атлетов)

Атлеты настаивают на том, чтобы права, установленные тобой для победителей на «освободительных» состязаниях, присваивались им с того дня, как они удостоены были венка победителя. По их мнению, важен не момент их торжественного въезда в родной город, а момент их победы на состязании, на основании которого только и может осуществиться их въезд. Я, со своей стороны, склонен подчеркивать самое значение названия «освободительных» боев, как дающих право на въезд в город, и поэтому сильно сомневаюсь, не правильной ли считаться с тем сроком, когда они совершили свой въезд в родной город¹. Те же атлеты просят, чтобы им дали паяк за победы в тех состязаниях, которые тобою потом были объявлены «освободительными», хотя они победили, когда состязания таковыми еще не были. Они говорят, что если им ничего не дадут за победы в состязаниях, переставших быть «освободительными», после того как они в них победили, то вполне справедливо, чтобы им выдали это вознаграждение за победу в тех боях, которые стали «освободительными» после того, как они победили. Но в этом отношении у меня опять большие сомнения, следует ли придавать обратную силу этому постановлению и выдавать вознаграждение, которое не полагалось в момент одержания победы.

Прошу тебя, повелитель, разреши мои сомнения, а именно, дай разъяснение установленной тобой привилегии.

119 (CXX). ТРАЯН — ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Иселастиком, т. е. «въехавшим», следует, по моему мнению, считать победителя в состязании атлетов только с того момента, как он действительно совершит свой въезд в родной город². Пайка в качестве награды за победы в тех состязаниях, которые я впоследствии объявил освободительными и которые раньше таковыми не были, за прежнее время выдавать не следует. Не может быть также истолковано в пользу атлетов и по их желанию ни то обстоятельство, что некоторые состязания объявлены мною освободительными после их победы, ни то, что другие после их победы перестали быть таковыми. Ведь, несмотря на изменения условия состязания, с них не взыскивается обратно то, что они успели уже получить.

120 (CXXI). ГАЙ ПЛИНИЙ — ИМПЕРАТОРУ ТРАЯНУ

(О предоставлении Плинием жене своей казенной подорожной на проезд в Италию)

Вплоть до сего времени, о мой повелитель, я не предоставлял казенных подорожных никому и ни для какого дела, кроме личных твоих. Но одно исключительное обстоятельство заставило меня нарушить это установленное мной самим правило. Я не смог отказать в этом, считая это излишне жестоким, моей жене, которой в связи с получением известия о смерти ее деда захотелось поскорее навестить свою тетку. Все значение этой моей

¹ В латинском тексте письма здесь вставлено греческое слово *εἰσόδου*.

² Здесь в ответе Траяна тоже вставлено греческое слово *εἰσόδου*.

услуги—в срочности и быстроте совершения пути, а я был уверен, что ты одобрил бы мотивы этой поездки, в основе которых лежит благочестие. Я пишу тебе об этом потому, что я счел бы себя неблагодарным по отношению к тебе, если бы умолчал, что среди множества других твоих ко мне милостей я за эту тоже обязан твоему ко мне благоволению. Полагаясь на него, я не поколебался это сделать, как если бы имел на то твое разрешение; если же бы я действительно стал тебя запрашивать, я опоздал бы с его выполнением.

121 (СХХII). ТРАЯН.—ПЛИНИЮ ПРИВЕТ

(Ответ Траяна на предыдущее письмо)

Ты поступил совершенно справедливо, дорогой мой Секунд, что положился на мое к тебе расположение. Совершенно несомненно, что если бы ты стал дожидаться, пока не посоветуешься со мной, можно ли помочь твоей жене в пути подорожными грамотами, которые я предоставил тебе для служебных надобностей, то самое использование их могло бы оказаться уже не достигающим цели, так как радость свидания жены твоей с теткой должна была увеличиться, главным образом, от скорейшего ее прибытия.

Перевел В. Соколов

ПРИМЕЧАНИЯ

К письму 1 (I). Слова о бремени правления, которое Траян принял на себя уже раньше, намекают на то, что Траян по усыновлении его Нервой в сентябре 97 г. н. э. был одновременно объявлен соправителем императора.

К письму 2 (II). Права отцов троих детей (*ius trium liberorum*) основывались на законах Августа, изданных им с целью поощрения брачной жизни и деторождения и известных под общим обозначением *leges de maritandis ordinibus*, в частности на законе 9 г. н. э.—*lex Julia et Papia Poppaea*. Обладание хотя бы одним ребенком делало доступным *ius liberorum*, освобождавшее от налога на холостяков. Обладание тремя детьми представляло максимальные привилегии. *Ius trium liberorum* и доставляло облегчение в налогах, преимущества для должностных лиц в мысле предотвращения более почетных мест в торжественных процессиях, в театре и т. п., сокращало обязательные промежутки между должностями (по одному году на каждого ребенка) и таким образом облегчало повышение в служебной карьере, наконец, давало преимущество в правах наследства. Во времена императоров это право превратилось в формальность, в привилегию, которую можно было получить по милости правителя или по ходатайству влиятельных лиц. Сам Плиний получил это право после двух своих браков, оставивших его бездетным, перед вступлением в третий брак. Сам же он, спустя некоторое время, испросил у Траяна, ни в чем ему не отказывавшего, такое же право для приятеля своего, историка Светония Транквилла, бывшего тоже бездетным (письмо 95). Ср. также Ер. 11, 13.

К письму 3 (XX). Процесс Мария Приска, бывшего проконсула Африки, по обвинению его в вымогательстве (*de repetundis*), слушался в 100 г. н. э. Это был год третьего консульства самого императора Траяна, и в этом же году был в течение двух месяцев консулом сам Плиний. Упоминаемый в письме *consul designatus*—Корнут Тертулл, сотоварищ Плиния по консульству. Поручение сената выступить с защитой провинциалов было дано не только Плинию, но вместе с ним знаменитому историку Тациту. Процесс этот они выиграли. Весь этот процесс описан Плинием в письме его к Арриану (Ер. II, 11—12).

Выражение «ваше благоволение» (в первой фразе) следует, повидимому, объяснить тем, что назначение на должность префекта (*praefectus aeararii*) Плиний получил еще от императора Нервы. Траян же впоследствии это назначение подтвердил и повторил (Моммзен).

К письму 4 (III). Воконий Роман—ровесник и ближайший друг Плиния, о котором он отзывался с теплотой и даже нежностью в ряде писем (Ер. I, 5; II, 13; III, 13). Мать его была из знатного римского рода Ближней Испании, возможно, близкого к роду Ульпиев, к которому принадлежал и Траян.

Права наследника могли оспариваться другими родственниками, если наследник вел порочную жизнь. Усыновление со стороны вотчина предоставляло, несомненно, только имущественные права; связь с родом отца при этом не порывалась, как это бывало при обычном усыновлении, например, самого Плиния, Траяна и др. (Моммсен «Hermes» 3).

К письму 5 (IV). *Civitas Romana*—права римского гражданства как политические, так и имущественные (*ius suffragii*, *ius honorum*, *ius commercii* и т. п.). Во время императоров этих прав добивались иностранцы или жители провинций. *Ius Quiritium* вклю-

чает в себе понятие о полноте гражданских прав, сравнительно с неполноправием, например, *iuris Latini*; *ius Quiritium* добивались обычно вольноотпущенники и некоторые другие разряды неполноправных граждан в Италии.

К письму 6 (XXII). Право александрийского гражданства для жителей египетских округов имело такое же значение, как *ius Quiritium* для неполноправных италиков.

К письму 7 (XXIII). Помпей Планта был при Веспасиане прокуратором Ликии и Памфилии; в 98 г. н. э. был префектом Египта; написал историю войны Вителлия с Отоном; умер в начале II в. н. э. Плиний в своем письме к другу своему Максиму (IX, 1) убеждает его скорее опубликовать написанное им о себе и о Плантае.

К письмам 8 и 9 (XXIV и XXV). Письмо 8 имеет автобиографическое значение. Слова об окончании месячного срока службы Плиния, повидимому, относятся к его консульской должности 100 г., поскольку все другие известные нам должности, занимавшиеся Плинием, не ограничивались месячными сроками; следовательно, возможно, что и панегирик Траяну Плиний произнес не 1 сентября, а 1 июля.

Муниципальный город, упоминаемый в письме,—это Тифернум Тиберийский в Этрурии, патроном которого Плиний был избран еще в годы своей юности. В окрестностях этого города Плинию принадлежало много поместий.

К письму 10 (V). Точная дата письма нам неизвестна. Встреча императора, предполагаемая Плинием, могла относиться к моменту его первого появления в Риме после смерти Нервы (Моммзен) или к моменту его возвращения с войны против даков (в 103 г. н. э.).

К письму 13 (VIII). Должность авгура освободилась в 103 г. со смертью Секста Юлия Фронтина, известного общественного деятеля и писателя, пользовавшегося большим почетом у современников. Известны его сочинения: 1) *De agrorum qualitate*, 2) *De aquaeductibus*—по вопросам размежевания земель и постройки водопроводов, и 3) *Strategemata*.

Под должностью септемвира подразумевается участие в жреческой коллегии *septemviri epulones*, заведывавшей священными пиршествами.

К письму 14 (IX). Имеется в виду, повидимому, окончательная победа Траяна над Децебалом в 106 г. н. э.

К письмам 15 (XXVI) и 16 (XXVII). Все исследователи сходятся на том, что первые 14 писем «Переписки» написаны были до отъезда Плиния в Вифинию, с 15-го и до конца—относятся ко времени управления Плинием этой восточной провинцией, куда Плиний был направлен Траяном с особыми полномочиями в должности легата (*legatus imperatoris consulari potestate*). Вифиния продолжала при этом оставаться сенатской провинцией. Случаи, когда для управления ею посылались особые легаты от имени императора, известны и до Плиния, именно: в 48, 57, 78 гг., а после Плиния туда с такими же полномочиями был послан сотоварищ Плиния по консульству 100 г.—Корнут Тертулл.

К письму 17 (XXVIII). За 15 дней до октябрьских календ—17 сентября. День рождения Траяна приходился на 18 сентября (53 г. н. э.).

Упомянутые в пятой фразе подрядчики-застройщики, это—*curatores operum*. Они брали в аренду—часто с аукциона незастроенные участки земли, застраивали их и через несколько лет, вернув свой капитал, возвращали городу с постройками. Такой *curator operum* выведен в письме 81 в лице Диона Кокцейана.

К письму 21 (XXIX). Бенефициarii—воины, находившиеся в привилегированном положении, назначались на легкую работу, преимущественно состояли в свите или охране должностных лиц.

К письму 25 (X). За восемь дней до декабрьских календ 24 ноября. По предположению Моммзена, Сервилий Пудент был в Никомедии только проездом в какую-нибудь

более отдаленную провинцию и был легатом какого-нибудь проконсула или командиром какого-нибудь легиона (Mommson, «Hermes», 3).

К письму 26 (XI). Личность Розиана Гемина нам ближе не известна.

К письмам 27 (XXXVI) и 28 (XXXVII). Число воинов шесть и три принимается здесь лишь предположительно. Место это в первоисточнике испорчено, но именно такую его редакцию предполагают весьма авторитетные исследователи, как Mommson, Hardy, Kukula, Merrill.

К письмам 29 (XXXVIII) и 30 (XXXIX). Вопрос о военной силе в Вифинии и Понте имел во времена Траяна большое значение. Провинция Понт и Вифиния наряду с другими малоазиатскими областями была причислена к сенатским провинциям, и в них имелось налицо всего каких-нибудь 5—6 тысяч войска, квартировавшего преимущественно в Галатии, да около 40 морских судов для борьбы, главным образом, с пиратами. Для поддержания порядка внутри городов стали впоследствии создаваться особые городские ополчения, род жандармерии, под начальством местных иринархов (Mommson, Ист. Рима, т. V).

К письмам 33 (XIII) и 34 (XLIII). Слова Траяна в его ответе «по примеру многих других городов» намекают на крупные города Малой Азии, как Эфес, Смирна, Милет и др.

К письмам 35 (XLIV) и 36 (XLV). Молебствия, совершавшиеся в Вифинии при участии Плиния, служат веками для уточнения хронологии пребывания Плиния в Вифинии. Всего в «Переписке» имеется 5 извещений Плиния о совершении молений и произнесении обетов; письма 35, 52, 88, 100 и 102. Из них в двух, именно в письмах 52 и 102, молебен приурочивается к годовщине вступления Траяна в управление империей (повидимому, 27 января 112 и 113 гг.). Остальные приходятся на дни рождения императора (18 сентября 112, 113 г.).

К письмам 37 (XLVI)—42 (LI). Город Никомедия был столицей вифинских царей и имя свое получил от царя Никомеда I, сделавшего его центром государства. С превращением Вифинии в римскую провинцию Никомедия осталась административным ее центром. Однако права римской колонии этот город получил поздно—лишь в III в. н. э. При Траяне город этот, несмотря на то, что продолжал оставаться центром как административным, так и религиозным, был все же на подозрении в отношении политическом (ср. письма 41—42).

Никея—город греческий, носивший ранее имя Антигонии. Переименован был в ознаменование какой-то победы, одержанной, повидимому, Лизимахом. При Траяне окружной центр, второй по величине город после Никомедии. Клавдиополь—прежний Вифинион, один из стариннейших городов страны, с развитием приморских городов пришел в упадок, права римской колонии получил при императоре Клавдии, в честь которого и был переименован. Озеро близ Никомедии—озеро Боане, ныне Сабанджа-Чель.

Упомянутые в письме 41 цари—Вифинские цари. Последним из них был Никомед III; с 75 г. до н. э. Вифиния стала римской провинцией.

К письму 42 (LI). Кальпурний Макр—проконсул Мезии. Плиний адресовал ему письмо (V,18), где упоминает о жене и детях Макра.

К письмам 43 (LII) и 44 (LIII). Вопрос об упорядочении финансов в провинции был выдвинут самим Траяном, как вопрос важнейший, за разрешение которого Плиний должен был приняться в первую очередь (письмо 18). Финансы провинции составлялись в основном из налоговых сборов с населения. Они поступали в ведение наместника и в значительной своей части отсылались им в столицу. Кроме того, у каждого более или менее значительного города было свое городское хозяйство, опиравшееся на доходы с городского имущества, но в большей степени также на добровольные взносы и сборы с граждан. Это хозяйство тоже находилось под контролем римского правителя, иногда специально назначаемого императорским правительством из посторонних городу лиц,

это так называемые *curatores rei publicae*, или *logistai*. Городские должностные лица должны были испрашивать их разрешения на всякую более или менее солидную затрату общественных средств. По крайней мере так должно было бы быть на основании существовавших узаконений (Моммзен, Ист. Рима, V; VIII). Из писем Плиния, однако, мы узнаем о беспорядке, царившем в финансах провинции и отдельных городов, и о трудности упорядочить это хозяйство (ср. ниже письмо 47 и др.). Положение города Византия было двойственным. Территориально находясь на европейском берегу пролива, он имел теснейшую связь с Мезией, однако в административном отношении входил в состав Вифинии. Император Клавдий дал Византию большие привилегии и на 5 лет освободил от уплаты податей. Веспасиан отнял у Византия эту привилегию, но все же город продолжал называться *urbs libera* (например, у Плиния Старшего) и пользовался, как мы видим, особым вниманием Траяна. При Северах была восстановлена свобода от уплаты податей.

К письмам 45 (LIV) и 46 (IV). *Diplomata*—грамоты или письма императоров или других правительственных лиц—выдавались отдельным лицам, обществам или целым городам для закрепления каких-нибудь привилегий. Например, *diplomata civitatis Romanae* предоставляли права римского гражданства; другие закрепляли право пользования каким-нибудь хозяйственным угодьем на определенный срок или облегчали налоги, объявляли помилование, или предоставляли право пользоваться лошадьми и повозками на императорских постоянных дворах. Образцом могут служить документы, приложенные к делу Флавия Архиппа в письме 58.

К письму 47. Город Анамея был римской колонией *iuris italicici*. Свои привилегии он получил от Юлия Цезаря после его победы над Фарнаком и полностью стал называться: *Colonia Iulia Concordia Arapea*.

К письмам 49 (LVIII) и 50 (LIX). В Риме первое знакомство с культом Реи-Кибелы произошло в период окончания второй Пунической войны. Вскоре после этого ей был построен храм на Палатинском холме. К участию в служении ей были привлечены женщины из знатных патрицианских родов. Но культ этот в Риме всегда считался чуждым, иностранным; даже жрецы для него выписывались с Востока. В других местах культ Великой Матери сливался с культом Деметры, Геи, Изиды и др.

К письму 51 (XII). Упомянутая в этом письме теща Плиния—несомненно, мать второй жены Плиния, богачка, имевшая большие связи в Риме, Помпея Целерина. Имя первой жены Плиния нам неизвестно, третья же его жена, внучка Кальпурния Фабата, была сиротой, воспитывала ее тетка, Кальпурния Гиспулла.

К письмам 52 (LX) и 53 (LXI). См. примечания к письмам 35 и 36.

К письмам 56 (LXIV) и 57 (LXV). Публий Сервилий Кальв был проконсулом Вифинии непосредственно перед наместничеством Плиния. Он был близок Траяну, повидимому заведывал его личной канцелярией и был автором или, во всяком случае, редактором большинства, если не всех, ответов Траяна на письма Плиния. С этими данными вполне сходится в ответе Траяна указание на желательность его личного разговора с Кальвом по вопросу, затронутому в письме Плиния. Имя Кальва упоминается вообще среди литераторов времени Траяна.

Юлий Басс, бывший проконсулом Вифинии несколько раньше, был обвинен жителями этой провинции в вымогательстве. Он был отдан под суд, все его распоряжения по провинции были аннулированы. Плиний защищал его и добился его оправдания. Процесс этот он описал в своих «Письмах к друзьям», где вообще несколько раз упоминает имя Юлия Басса (IV, 9; V, 20; VI, 29).

К письмам 58—60 (LXVI—LXVIII). Упомянутый в этих письмах Флавий Архипп, именующий себя философом, был при Домициане профессионалом-доносчиком (ср. письмо 81), искусно маскировавшим свою постыдную деятельность. По его имени можно догадаться, что он вышел из рядов вольноотпущенников Флавия Домициана, получив право носить родовое имя своего патрона. Эти обстоятельства вполне

объясняют отношение к нему самого Домициана и его щедрые ему подарки. С переменной правителя после насильственной смерти Домициана и одновременной переменной режима управления империей Архипп должен был искать других источников для существования. Дальнейшая его судьба известна из письма 58. Тот же Архипп упоминается еще и в письме 81.

Проконсул Павел Великий управлял Вифинией при Домициане. Известно, что он сопровождал Домициана в его войне с сарматами.

Философом Плиний назвал Архиппа, вероятно, имея в виду софистов, которые, на положении оплачиваемых из городских средств учителей юношества, пользовались большим почетом и разными льготами в отношении общественных повинностей. Моммзен указывает (в V т. своей «Истории Рима»), что в городах Малой Азии такие преподаватели получали от 500 до 700 драхм в год.

Город Пруса (теперешняя Брусса) был крупным торговым городом Западной Вифинии; Прусиада—маленький городок, стоявший на караванном пути в Понт, в восточной части Вифинии (см. карту Вифинии). Название города Прусиада повторяло имя вифинских царей. В Вифинии имя это носили два города; приморский город, древняя греческая колония Киос (Prusias ad mare), за поддержку римлян в войне с Митридатом получивший права свободного города (civitas libera), и другой город того же названия Prusias ad Huprium), расположенный при входе в Понт. Он еще самим Помпеем был сделан окружным центром провинции Понт и Вифиния. Среди приложенных документов обращает на себя внимание эдикт императора Нервы, резко отличающийся по своему стилю от всех прочих, особенно от ответов Траяна (см. прим. к письму 45).

К письмам 63 (XIII), 64 (XIV) и 67 (XV). Боспорский царь Савромат, царствовавший от 93 по 123 г. н. э., был как бы вассальным князем по отношению к Римской империи и носил титул друга императора и римского народа. С какой целью было отправлено им посольство, нам ближе неизвестно. Можно только предполагать, что предмет переговоров мог иметь отношение к подготовке войны на Востоке против парфян.

К письмам 65 (LXXI) и 66 (LXXII). Из указаний на ряд узаконений по тому же вопросу можно заключить, что подкидывание и оставление на произвол судьбы детей в восточных провинциях и в самой Греции было явлением широко распространенным. К сожалению, ни один из названных в письме законов до нашего времени не сохранился. Армянский Брокх и Авидий Нигрин были, повидимому, проконсулами Ахайи.

К письму 74 (XVI). Письмо это знакомит нас с интересной фигурой афериста Каллидрома. Поведение его очень типично: на допросе он ссылается на самых известных лиц с громкими именами. Лаберий Максим—большой сановник в Риме, близкий императору человек. Сусаг—дакийский князь, полководец царя Децебала, с которым Траян вел упорную борьбу, окончившуюся полным поражением дакийцев в 106 г. н. э. Пакор—парфянский царь.

К письмам 77 (LXXXI) и 78 (LXXXII). Должность центуриона centurio legionarius, т. е. пехотного центуриона, повидимому, была связана с организацией в данном городе самостоятельного гарнизона, о чем было упомянуто в примечании к письмам 29 и 30. В связи с тревожным положением в Вифинии к моменту приезда туда Плиния появление новых городских ополчений могло казаться опасным. Юлиополь—старинный город, называвшийся ранее Гордиукоме. От Юлия Цезаря он получил права и городское самоуправление, в связи с чем и переименовал свое название.

К письмам 79 (LXXXIII) и 80 (LXXXIV). Подлинный текст этих писем очень испорчен, так что даже не во всех изданиях сходятся указания на предельный возраст для занятия должности: во многих изданиях указан возраст в 22 года. Возраст в 25 лет принимается новейшими исследователями Kukula и Merrill и находит себе подтверждение в «Дигестах» (Dig., 50, 4, 11).

Упоминаемый закон Помпея нам ближе не известен. Под именем lex Pompeia приходится предполагать один из законов, изданных Помпеем Великим для Вифинии

и вообще для Азии, когда он после окончания войны с Митридатом занялся устройением этой провинции. Впоследствии законы его были подтверждены Юлием Цезарем. Не сохранился также и упомянутый эдикт Августа.

К письмам 81 (LXXV) и 82 (LXXVI). О Флавии Архиппе см. примечания к письмам 58—60.

К письму 85 (XVII). Вольноотпущенник Траяна Максим упоминается еще и в письмах 27 и 28. Несомненно, он принадлежал к «штату» провинциального управления Вифинии и Понта наряду с другими вольноотпущенниками: Эпимахом (письмо 84) и Ликормом (письма 63 и 67) и, повидимому, свободнорожденным Вирдием Гемеллином (письма 27, 28 и 84)—главным прокуратором императора. Эти служащие (чиновники) и вершили, по существу, все дела управления, они и были знатоками делопроизводства во всех его тонкостях (ср. письмо 6). Траян прямо рекомендует Плинию советоваться с ними по важнейшим вопросам управления. С другой стороны, отзыв о них, равно как и о правителе (praefectus) Понта, должен был давать императору Плиний.

К письмам 86a (XVIII) и 86b (XVIIIa) Подлинный текст этих писем очень испорчен: в средней части большая лакуна. Во многих изданиях оба эти письма слиты в одно, и все письмо целиком отнесено к характеристике Габия Басса. Другие издатели, опираясь на одно из первоизданий (изд. Катанея 1506 г.), делят письмо на две половины и вторую превращают в характеристику некоего Фибия Валерия, нам ближе неизвестного.

К письму 87 (XIX). Это письмо Плиния относится к ряду писем с ходатайствами за его друзей. В данном случае это его товарищ по службе и его сын, носящие одинаковое имя Нимфидия Лупа. Должности военного трибуна (tribunus militum) и префекта (praefectus) во времена Плиния обе стали штабными. Плиний как член высшего общества, хотя и не сенаторского рода, благодаря своим связям и средствам исполнял эту должность в молодых годах (в 83 г. н. э.), как неизбежную ступень к более высоким должностям гражданской службы. Нимфидий Луп, повидимому, остался на действительной военной службе и дослужился до сравнительно высокой должности центуриона первого манипула (высшая офицерская должность в легионе).

Упомянутые в письме Юлий Ферокс и Фуск Салинатор были членами высшего общества в Риме, любителями и ценителями литературы. Из них первый, тонкий стилист (ср. «Письма» VII, 13), был избран в консулы во время процесса Мария Приска (см. письмо 3). Он принадлежал к видной семье; его сын и внук были казнены императором Адрианом в 136 г., как участники политического заговора. Другой, Фуск, сам занимался переводами с греческого; ему адресовано несколько писем Плиния (VII, 9; IX, 36).

К письмам 88 (XXXIX) и 89 (XC) см. выше примечание к письмам 35 и 36.

К письмам 90 (XCI) и 91 (XCII). Город Синопа был одной из древних столиц Понтийского царства. От Юлия Цезаря после его победы над Фарнаком Синопа получил права римской колонии iuris italicum; полное его название: Colonia Iulia Felix Sinope.

К письмам 92 (XCIII) и 93 (XCIV). Город Амис на Понтийском побережье был древней греческой колонией, выведенной из Милета. Он получил свои особые права от римлян, повидимому за услуги, оказанные им во время войн с Митридатом и Фарнаком. Город продолжал жить по традициям греческих приморских городов с их многочисленными обществами, союзами, объединениями (стариков, молодежи, обществами взаимопомощи и т. д.). Существовавшая в городе Амисе касса взаимопомощи носила греческое название epanos. Собранные деньги употреблялись или для выкупа пленника или раба, или для того, чтобы помочь начать коммерческое дело и т. п. Бывали случаи и обратной выплаты денег получившим их; такой долг считался долгом чести. Иногда деньги собирались для нужд целого общества. Правительство Траяна относилось к таким сборам средств подозрительно (ср. письма 33 и 34).

К письмам 94 (XCV) и 95 (XCVI). Наши биографические сведения об историке Светонии Транквилле чрезвычайно скудны и в основном—особенно относительно его мо-

лодых лет—опираются на письма Плиния. Светоний был лет на 12—13 моложе Плиния (даты его жизни 75—160 гг. н. э.), и последний, будучи с ним дружен и к нему близок, выступал рядом с ним в качестве его друга-покровителя. Он с интересом следил за его научными и литературными занятиями, поощрял его к изданию уже приготовленных трудов, помог ему своим вмешательством приобрести недвижимую собственность, выхлопотал для него должность трибуна, от которой Светоний, кстати сказать, отказался в пользу одного своего родственника; наконец, выхлопотал у Траяна для него права отцов троих детей (ср. примечание к письму 2). Светонию адресовано несколько писем Плиния (I, 18; III, 18; V, 10).

К письмам 96 (XCVII) и 97 (XCVIII). Письма Плиния и Траяна о христианах вызывают большие сомнения в отношении их подлинности. По этому вопросу существует уже обширная литература, обосновывающая как отрицательное, так и положительное к ним отношение. Сомнение возбуждается главным образом потому, что по письму Плиния христианские общины представляются обладающими очень прочной организацией, проводящими регулярные собрания своих участников с песнопениями чередующихся хоров во славу Христа, уже признанного богом, с произнесением каких-то клятв, что весьма мало вероятно для такого раннего времени; тем менее вероятным кажется указание на более чем двадцатилетний срок существования таких христианских организаций. Особенно веская критика была дана французскими исследователями: (B. Aubé, *Histoire des persécutions de l'église*. 1875 и E. Desjardins, *Les Antonins d'après l'épigraphie* («Revue des deux mondes», 1874), но тогда же с возражениями против них выступил G. Boissier в том же журнале (IV, 1876) и в «Revue archéologique» (I, 1876, стр. 114). Вопрос этот многократно освещался в науке и в дальнейшие годы. Косвенно затрагивают этот вопрос и работы, посвященные истории христианства. Он ставится, например, в работе А. Дрекса («Миф о Христе», Т. II, стр. 21, изд. «Атеист», 1924 и др.), А. Рановича («Античные критики христианства», стр. 243 и 244. ОГИЗ. 1935). Веский довод, подтверждающий мнение о позднейшей интерполяции в письме Плиния о христианах, дает H. Lietzmann («Die liturgischen Angaben des Plinius», «Geschichtliche Studien». Leipzig 1916). Он исходит, главным образом, из анализа литургической стороны христианского культа и доказывает, что описанная Плинием практика христианских собраний общины могла бы быть замечена лишь не раньше IV в. н. э., когда только впервые стало проводиться антифонное пение, как нововведение Флавиана и Диодора; см. также книгу акад. Р. Ю. Виппера «Возникновение христианской литературы».

С другой стороны, историки литературы, опирающиеся на исследования литературно-филологического характера, склонны считать оба письма совершенно подлинными (Teuffel, 1891; Schanz, 1935). Наконец, другие исследователи становятся на компромиссную позицию и, не принимая писем целиком, считают их подлинными в некоторых их частях (например, Wilh. Weber, *Nec nostri saeculi est*. Tübingen 1927).

На письма Плиния о христианах ссылается уже апологет Кв. Тертуллиан в конце II в. н. э. Кроме того, ответное письмо Траяна очень типично и по лаконичности своего делового тона, и по литературному стилю, и по содержанию. Либерализм Траяна в этом вопросе вполне соответствует общему направлению всей его внутренней политики. Наоборот, впечатление литературной фальсификации производит то место в письме Плиния, где он дает характеристику христианских общин, описывает их собрания и представляет христианское учение распространившимся по всей стране и во всех слоях общества.

К письмам 111 (CXII)—115 (CXVI). Упоминаемый закон Помпея нам не известен (ср. примечание к письмам 79 и 80). Письма эти дают нам интереснейший исторический материал, позволяющий подметить момент, когда впервые стали братья деньги за вступление в ряды сенаторов провинциального муниципия, что впоследствии, как известно, превратило сенаторский сан и сенаторские должности в продажные. К сожалению, подлинный текст письма 113 очень испорчен. Аниций Максим—проконсул Вифинии при Траяне, один из предшественников Плиния, год его проконсульства в точности неиз-

вестен. Возможно, что он—сын Публия Аниция Максима, уроженца Антиохии, в честь которого в его родном городе была сделана надпись, прославляющая его военные заслуги при императорах Калигуле и Клавдии.

Особенно неясно начертание последней фразы. Различные редакции резко расходятся между собой, но ни одна не дает совершенно ясного и понятного текста. Лишь неизменно встречающиеся в каждой из них термины: *praeferre* или *praestatio*, *praestantior*, бесспорно указывают на какие-либо преимущества, льготы, предпочтительные права.

Еще больше трудностей представляет собой весьма ответственное место в письме 114, именно фраза первая. Здесь разные редакции дают чтения, по значению совершенно противоречащие друг другу. Так, стереотипное издание начала XX в., долгое время считавшееся авторитетным, предлагает чтение, согласно которому членами сената могли быть только горожане, приписанные к каким-либо городам той же самой провинции Вифинии. Другие, более новые редакции предлагают чтение, принятое и для данного перевода (Keil, Kukula, Merrill). Недоумение разрешается на основании логической аргументации. Ответ Траяна (именно слова его: «должны ли оставаться в числе сенаторов лица, являющиеся гражданами других городов той же провинции») подтверждает правильность принятой нами редакции.

К письмам 118 (CXIX) и 119 (CXX). Игры и зрелища, дающие победителям право сделаться свободными, обозначены трудно переводимым термином *iselasticus*, образованным от греческой глагольной формы *ἰσῆλασεν* (въехали). Буквально следовало бы переводить этот термин как «въездной». Момент торжественного «въезда» победившего на игрищах атлета в свой родной город по существу совпадал с моментом его принятия в число свободных граждан данного города. Отсюда обозначение самих игрищ—освободительными. Из дальнейшего содержания письма Плиния узнаем, сколько произвола было в применениях этого права или в отказе в нем. Правительство Траяна стоит на такой точке зрения: рабы-гладиаторы представляют собой устрашающую силу; необходимо идти на какие-то уступки, но слишком много воли давать им опасно.

К письмам 120 (CXXI) и 121 (CXXII). Упоминаемый здесь дед жены Плиния—Кальпурний Фабат, коренной и старинный житель родного Плинию города Комум в северной Италии. Он там и умер. Тетка жены—воспитавшая ее, сироту, Кальпурния Гиспулла (см. примечание к письму 51). То обстоятельство, что жена сопровождала Плиния в его служебной командировке в Вифинию, приходится считать явлением почти исключительным, свидетельствующим о большом доверии Траяна к Плинию. Как правило, этого не полагалось. Исключения делались лишь для таких выдающихся лиц как Германик, которого всюду сопровождала его жена Агриппина, да еще для префектов Египта и прокураторов Иудеи. При Александре Севере это было окончательно запрещено.

**УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ К «ПЕРЕПИСКЕ
ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО С ИМПЕРАТОРОМ ТРАЯНОМ»**

- Абаскант Люций Сатрий 11
Авгур 13
Август (император) 65, 79, 80, 84
Авидий Нигрин 65, 66
Азия 65
Аквилла П. Акций 106, 107
Акций Сура 112
Александрийское гражданство 6, 7, 10
Амастрида 98, 99
Амис 92, 93, 110
Аниций Максим 112
Антония Гармеридская 5
Антония Максимилла 5
Апамея 47, 48
Аппий Максим 58
Апр Г. Валерий 104
Апулей 74
Армений Брокх 65, 66
Архив императора (scrinia) 65
Архипп Флавий 58, 59, 60 81
Архитектор 37, 39, 40 ,41
Асклепиад 81
Астрэй Г. Валерий 104
Атлеты 118, 119
Африка 3
Ахейцы 65
- Базилика 39
Бани 23, 39, 40, 70, 71
Басс Юлий 56, 57
Бенефициарии 21, 27
Босфор 67
Брокх Армений 65, 66
Буле 81, 110, 116
Булевты 39, 112, 114
- (Г.) Валерий Апр 104
(Г.) Валерий Астрэй 104
(Г.) Валерий Дионисий 104
(Г.) Валерий Паулин 104, 105
Валерий Фабий 86
Велий Павел 58
- Веспасиан (император) 65
Византий 43, 77, 78
Византийцы 43, 44
Вирдий Гемеллин 27, 28, 84
Вифиния 15, 17, 18, 65, 66, 77, 79, 87,
108, 109, 112, 113, 114.
Водопровод 36, 38, 90, 91
Воконий Роман 4
Всадник 21, 27
- Габий Басс 21, 22, 86
Гармеридская Антония 5
Гарпократ 5, 6, 7, 10
Гедия 5
Гемеллин Вирдий 27, 28, 84
Гемин Розиан 26
Гемма 74
Гераклея 75
Геркулес 56
Герусион 33
Гетерии 34, 96
Гимнасион 39, 40
Государственное казначейство (aerarium) 3
Грамоты (diplomata) 45, 46, 60, 120
Греки 40
Греция 40
- Декурионы 8, 54, 113
Децебал 74
Дионисий 74
Дион Кокцейан 81, 82
Домициан 58, 60, 65, 66, 72
- Египет 6, 7, 10
- Завещание 70, 75
Землемер 17, 18
- Игры общественные (agones quinquennales) 75
Изеон (храм Изиды) 33
Италия 120

- Каллидром 74
 Кальв Сервилий 56, 57
 Кальпурний Макр 42, 61, 62, 77
 Канал 41, 61
 Касса взаимопомощи (eranus) 92, 93
 Клавдиополиты 39, 40
 Клавдий (император) 70, 71
 Клавдий Полиэн 70
 Клавдий Эвмолп 81
 Кокцейан Дион 81, 82
 Колоны 8
 Курьер (tabellarius) 63, 64

 Лаберий Максим 74
 Лакедемоняне 65
 Ларга Юлий 75, 76
 Латинское право 104
 Лекарь (iatraliptes) 5, 6, 7, 10
 Ликорм 63, 67
 Луп Нимфидий 87

 Макр Кальпурний 42, 61, 62, 77
 Максим (прокуратор) 27, 28, 85; (пекарь) 74
 Максим Аниций 112
 Максим Аппий 58
 Максим Лаберий 74
 Максим Теренций 58
 Максимилла Антония 112
 Малейский мыс 15
 Марин Постумий 11
 Марий Приск 3
 Мастер по водопроводным делам (aquilex) 37
 Мезия 43, 44, 74
 Мемфис 10
 Места для зрителей (cavea theatri) 39
 Металл из Парфянского рудника 74
 Миниций Руф 72
 Митридат Хризипп 11

 Народное собрание 110
 Наследство 4, 75
 Нерва 58
 Нивелировщик (librator) 41, 42, 61, 62
 Никейцы 39, 84
 Никея 31, 39, 40, 67, 81, 83
 Никомедийское озеро 41, 42, 62
 Никомедия 25, 31, 33, 34, 37, 38, 41, 49, 74
 Никомедяне 37, 38, 49
 Нимфидий Луп 87
 Ном 7, 10

 Общественные рабы 19, 20, 31
 Общественные раздачи (dianome) 116, 117
 Олимп 81
 Отпуск 8

 Павел 60
 Павел Велий 58
 Пакор 74
 Панхария Сотерида 11
 Пассатные ветры 15
 Паулин Г. Валерий 104, 105
 Пафлагония 27
 Пергам 17
 Перистиль 70, 71
 Пизоп Юлий 110
 Плоти́на (cataracta) 61
 Поверенный 110
 Пожарные 33, 34
 Полиэн Клавдий 70
 Помпея закон 79, 80, 112, 114, 115
 Помпей Планта 7, 10
 Понт 75, 108, 112
 Понтийские города 108, 109
 Понтийское побережье 21, 75, 86
 Понтифики 68, 69
 Портики 39, 81
 Посвящение храма 49, 50
 Постумий Марин 11
 Права гражданства 5, 6, 11, 104, 105
 Права отцов трех детей (ius trium liberorum) 2, 94, 95
 Преимущественное право (protopraxia) 108
 Префект 3
 Приветственная грамота 43
 Приговор проконсула провинции 56, 58
 Прима Фурия 60
 Приск Марий 3
 Провинции 3, 18, 36, 52, 53, 69, 100, 101, 103
 Прокуратор 27
 Пруса 23, 58, 70, 71, 81
 Пруссы 17, 23, 24
 Пудент Сервилий 25

 Раздачи подарков (sportulae) 117
 Рим 18, 49
 Римское гражданство 5, 6, 7, 11, 105, 107
 Розиян Гемин 26
 Роман Воконий 4
 Руф Миниций 72

 Савромат (боспорский царь) 63, 64, 67
 Салинатор Фуск 87
 Л. Сатрий Абаскант 11

- Светоний Транквилл 94, 95
Семпроний Целиан 29, 30
Сенат 79, 80, 112, 114
Сенатор 114, 115
Сенаторское звание 4
Септемвир 13
Сервиан Юлий 2
Сервилий Кальв 56, 57
Сервилий Пудент 25
Синоп 90, 91
Сотерида Панхария 11
Состязания 118, 119
Стратоника 11
Суд 81
Суда (корабли) прибрежного плавания 15, 17
Судебное заседание (conventus) 58
Сура Акций 112
Сусаг 74

Теон 5
Теренций Максим 58
Термутис 5
Тиана 75
Тит (император) 65
Тога взрослого мужа 161
Транквилл Светоний 94, 95
Траян—passim
Туллий Юст 58

Фабий Валерий 86
Ферокс Юлий 87
Флавий Архипп 58, 59, 60, 81
Форум 49

Фосфор Цезий 11
Фурия Прима 60
Фуск Салинатор 87

Храм Великой Матери 49
Храм в честь Клавдия 70, 71
Храм Матери богов 50
Храм Сатурна 3
Хризипп Митридат 11
Христиане 96, 97
Христос 96

Цезий Фосфор 11
Целиан Семпроний 29, 30
Целий Клемент 51
Центурион 21

Эвмолп Клавдий 81
Эгейское море 18
Эдикт принцепса 58, 65, 79, 80
Эдикт проконсула 56, 57, 96
Эпигон 11
Эпимах 84
Эфес 15, 17, 18

Юлиополь 77
Юлиополиты 77, 78
Юлий Басс 56, 57
Юлий Ларга 75, 76
Юлий Пизон 110
Юлий Сервиан 2
Юлий Ферокс 87
Юст Туллий 58
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 2 (16).

ABSA — Annual of the British School at Athens
АЕр — Année Épigraphique
АО — Der alte Orient
AOf — Archiv für Orientforschung
AJA — American Journal of Archaeology
AZ — Archäologische Zeitschrift
AJPh — American Journal of Philology
BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
BH — Bulletin Hispanique
ВДИ — Вестник Древней Истории
САН — Cambridge Ancient History
CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
CT — Cuneiform texts
ГХМ — Государственный Херсонесский музей
ДАН — Доклады Академии Наук
Dessau — H. Dessau, Inscriptiones latinae selectae
ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей
ILS — Dessau, Inscriptiones latinae selectae
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JdS — Journal des Savants
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии Наук
ИГАИМК — Известия Госуд. Академии истории материальной культуры
Изв. АзФАН — Известия Азербайджанского филиала Академии Наук
ИЖ — Исторический журнал
ИООИА — Известия Общества обследования и изучения Азербайджана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
ÖJ — Oesterreichische Jahreshfte (Jahreshfte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts)
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
RA — Revue archéologique
RAs — Revue d'Assyriologie
RE — Pauly — Wissowa — Kroll, Realencyclopädie der klassischen Altertums wissenschaft
RO — Rocznik Orientalny
RPh — Revue de Philologie
SHA — Scriptores historiae augustae
SIG — Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum
ZA — Zeitschrift für Assyriologie
zAW — Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft
ZSt — Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи Советской исторической науки в новой пятилетке	3
Акад. А. И. Тюменев. О значении термина «kal» в древнешумерском языке . .	10
Акад. Н. М. Никольский. Финикийская жатвенная мифология и обрядность	21
П. Ушаков . К походам урартийцев в Закавказье в IX и VIII вв. до н. э.	31
Гомер Г. Дебс. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время	45
А. Мишулин. Идеи права в междуэллинских отношениях	51
А. Ранович. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению им- перии	66
Е. М. Штаерман. К вопросу о <i>dediticii</i> в эдикте Каракаллы	81
Я. А. Ленцман. О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э.	89
Проф. А. Борисов . Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Пичета Акад. Б. Д. Греков. Борьба Руси за создание своего госу- дарства	105
О. Севастьянова. Новый труд по древней истории Армении	112
М. Шангин . «Эллинские изречения» в греческой литературе IV—VII вв. . .	119
Н. Шолпо . И. Лурье, М. Матье и др. Очерки по истории техники древнего Востока	121
Г. Цветаева. Обзор материалов о раскопках Нуманции	126
М. Максимова. И. Б. Зеест. Пракситель	138
В. Блаватский. П а в с а н и й. Описание Эллады.	140
Обзор иностранных историко-археологических журналов	143

ХРОНИКА

С. Киселев. Археологические экспедиции ИИМК АН СССР в 1945 году . . .	156
К. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского	160
В. Блаватский. Чернофигурная ойнохон Государственного исторического музея	165
Т. Пассек. Джафарханский могильник	169
Р. Ахмеров. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса . .	188
Пятилетний план научно-исследовательской работы сектора древней исто- рии [Института истории АН СССР	192
С. В. Киселев. Работа в области археологии Института истории матери- альной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР	194
Научно-исследовательская работа сектора древней истории Института истории АН СССР в период Отечественной войны	203
Научная работа кафедры древней истории Исторического факультета МГУ (1939—1945 гг.)	207
На кафедре древней истории Ленинградского университета	211

ПРИЛОЖЕНИЕ

Плиний Младший. Переписка с Траяном (перевод с латинского В. С. Соколова)	215
---	-----

SOMMAIRE

Problèmes de la science historique soviétique dans le nouveau plan quinquennal	3
A. I. Tunénév, de l'Académie des Sciences. Sur la signification du mot «Kal» dans le soumérien	10
N. M. Nicolsky, de l'Académie des Sciences. Les mythes et le rituel phénicien relatifs à la moisson	21
P. Ouchacov , Les campagnes des Ourartiens en Transcaucasie	31
H. Dubs, H. Her, Contact militaire entre les Romains et les Chinois dans l'antiquité	45
A. V. Michouline, Les idées du droit dans les relations helléniques	51
A. Ranovitch, L'édit de Caracalla sur la concession du droit de cité à tous les habitants de l'Empire	66
H. Stayermann, La question des «deditici» dans l'édit de Caracalla	81
J. Lenzmann, Le trafic des grains à Délos aux III-II siècles avant notre ère	89
A. B. Rissov , prof. Inscriptions d'Artaxias (Artachès), roi d'Arménie	97

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

V. I. Pitschéta, B. D. Grékov, de l'Académie des Sciences. La lutte de la Russie pour la création de son état	105
O. J. Sevastianova, Un livre nouveau sur l'histoire d'Arménie	112
M. Changuine , «Les sentences helléniques» dans la littérature grecque du IV—VII siècle	119
N. Cholpo , I. Lurié, M. Mathiez. Précis de l'histoire de la technique de l'Orient ancien	121
G. Zvétayeva, Aperçu des fouilles de Numance	126
M. I. Maximova, B. Séest Praxitèle	138
V. Blavatsky, Pausanias, Description de la Grèce	140
Revue des périodiques étrangers	143

CHRONIQUE

S. Kissé'ev, Expéditions archéologiques de l'Institut de l'Histoire de la Culture Matérielle en 1945	156
C. Grinévitich, La défense du Bospore Cimmérien	160
V. Flavatsky, Une oenochoé du Musée Historique de Moscou	165
T. Passek, Nécropole de Jafarhan	169
R. Ahmerov, Aperçu des ateliers céramiques du Chersonèse Taurique	188
Plan quinquennal des études scientifiques de la section de l'histoire ancienne de l'Académie des Sciences de l'URSS	192
S. V. Kissélev, Le travail archéologique de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle de l'Académie des Sciences de l'URSS	194
Travaux scientifiques de la section de l'histoire ancienne de l'Institut d'histoire de l'Académie des Sciences de l'URSS pendant la guerre	203
Travaux scientifiques à la chaire de l'histoire ancienne de la Faculté historique de l'Université de Moscou (1941—1945).	207
À la chaire d'histoire ancienne de l'Université de Léninegrad	211

SUPPLEMENT

Plin. jun. La correspondance avec Trajan (traduite par V. S. Sokolov).	215
--	-----

Подписано в печать 26.VIII.46 г.
А 10322 Заказ № 1045. Печатных
лист. 17¹/₄. Уч. изд. л. листов 27,5
Тираж 10 000. Цена 30 руб.

Набрано в 16-й тип. треста «По-
лиграфкнига» при Совете Минист-
ров РСФСР
Москва. Трехпрудный, 9

★

Отпечатано во 2-й тип. Изд. Акад.
Наук СССР. Москва, Шубинский
пер., 10.

Редакционная коллегия

{ Проф. *Н. А. Машкин*
Проф. *А. В. Мишулин* (отв. редактор)
Член-корр. АН СССР *В. И. Пичета*
Проф. *А. Б. Рандович* (зам. отв. редактора)
Акад. *В. В. Струве*
Член-корр. АН СССР *И. И. Толстой*

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, Институт истории АН СССР. Тел. К 3-75-69

Цена 30 руб.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1946